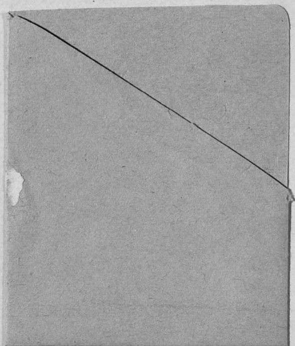

СТАРАЯ ВИЛЬНА

до конца XVII столѣтія.

Ю. Крачковскій.

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. д., № 88.
1893.

Печатано по распоряженію предсѣдательствующаго въ Виленскомъ Отдѣленіи Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго Съѣзда, д. с. с. *Ю. Ѳ. Крачковскаго.*

СТАРАЯ ВИЛЬНА.

(Опытъ изслѣдованія топографіи города Вильны до конца XVII столѣтія).

Вильна по своему историческому прошлому всегда возбуждала вниманіе людей любознательныхъ. Многія сочиненія довольно обстоятельно разъясняютъ ея политическую судьбу, ея развитіе, внутреннія и внѣшнія бѣдствія. При частыхъ перемѣнахъ внутренней жизни города, измѣнялся, конечно, и его внѣшній видъ. Изъ ничтожнаго, разбросаннаго поселка сдѣлавшись около 1322 года столицею великаго литовскаго княжества, достигши въ XVI столѣтіи высшей степени процвѣтанія, Вильна не однократно потомъ опять представляла собою груды пепла и развалинъ. Эти топографическія, такъ сказать, измѣненія города очень важны для исторіи его прошлаго, тѣмъ болѣе, что на нихъ обращалось пока немного вниманія. На дняхъ Виленскою Археологическою Коммиссіею изданъ двадцатый томъ актовъ, касающихся г. Вильны, преимущественно его топографіи. Пользуясь этимъ изданіемъ, постараемся, на сколько возможно, при помощи упомянутыхъ документовъ, уяснить какъ топографію старой Вильны до конца XVII столѣтія, такъ отчасти и внутреннюю бытовую сторону ея жителей.

При этомъ мы будемъ имѣть въ виду и прежніе печатные труды извѣстныхъ достовѣрныхъ писателей о Вильнѣ [1]).

Мѣстность, занимаемая нынѣ Вильной съ ея пригородами, въ старину покрыта была на огромное пространство дремучимъ лѣсомъ. Почти весь Литовскій край, по замѣчанію Шайнохи, представлялся въ X—XII в. однимъ сплошнымъ, дремучимъ боромъ, подъ прикрытіемъ котораго нерѣдко красовались глубокія, громадныхъ размѣровъ озера и протекали многоводныя рѣки. Нынѣшняя Бѣловѣжская пуща была ничтожною сравнительно съ пущами Мстиславскою, Борисовскою, Рудницкою. Послѣдняя отъ самой Вильны тянулась вплоть до Нѣмана; остатокъ ея сохранился до настоящаго времени въ лѣсахъ Рудзишскихъ [2]). Съ другой стороны еще въ XVI ст. между Вильною и Полоцкомъ слишкомъ на сто верстъ простирались непроходимые, нескончаемые лѣса [3]).

Изъ инструкціи, данной въ 1658 г. посламъ отъ города Вильны къ царю Алексѣю Михайловичу, видно, что и въ это время г. Вильна былъ окруженъ „пущами" Роканцишскою, Лаваришскою и Вершубскою. Изъ этихъ пущъ, составлявшихъ принадлежность казны (Вильна въ это время была завоевана русскими войсками), посламъ рекомендовалось просить разрѣшенія Государя на вырубку лѣса для постройки въ городѣ домовъ и моста на р. Виліи [4]). По Стрыйковскому берега Виліи и Вилейки въ XIV в. покрыты были громадными, непроходимыми лѣсами, которые, будучи почти недоступны для людей, служили въ тоже время прекраснымъ мѣстомъ для логовищъ и пріюта дикаго звѣря, какъ большаго, такъ и малаго [5]). Извѣстное сказаніе объ охотѣ Гедимина на Виленскихъ горахъ около

---

[1]) Сочиненія о Вильнѣ Крашевскаго, Нарбута, Балинскаго, іезуита Кояловича, изданія Виленской Коммиссіи для разбора актовъ, Виленскаго учебнаго округа, труды Батюшкова, Семенова, отдѣльныя статьи въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ первой половины текущаго столѣтія, особенно въ прекрасномъ изданіи „Wizerunki i roztrząsania naukowe"... всегда будутъ необходимы при ученой разработкѣ прошлаго г. Вильны. Авторы ихъ пользовались при своихъ изслѣдованіяхъ завиднымъ богатствомъ такихъ источниковъ первостепенной важности, которые теперь для насъ или недоступны, или даже совершенно затерялись.

[2]) Iadwiga i Iagiełło—Szajnocha—Lwow—1861 r. T. III, str. 182.

[3]) Litwa—Kraszewskiego—Warszawa 1847 r. T. I, str. 37.

[4]) Wizerunki i roztrząsania naukowe—poczet nowy drugi—Wilno—1840 r. T. 17, str. 130, 131.

[5]) Stryjkowski—Kronika—Warszawa—1846 r. T. I. str. 360.

1320 г. и о множествѣ здѣсь лѣснаго звѣря (туръ, лось, олень, зубръ, дикій кабанъ, дикая коза, лошадь, медвѣдь, куница, бобръ. . .) свидѣтельствуетъ только о богатствѣ лѣсовъ того времени кругомъ Вильны. Дубъ, сосна, ель, грабъ, ясень, ольха, липа, тополь, береза и многія другія древесныя породы росли привольно и роскошно на нынѣшнихъ Виленскихъ горахъ и окружаемой ими съ трехъ сторонъ долинѣ.

Эту долину омывали двѣ многоводныя рѣки: Вильна (нынѣшняя Вилейка) и Велія или Вилія [1]). Количество рѣчной воды увеличивали собою бившіе здѣсь съ необыкновенною силою мѣстные ключи и источники. До сихъ поръ богатый прекрасною водою Виленскій родникъ Вингры на Погулянкѣ въ концѣ XIV стол. представлялъ собою въ самомъ началѣ своего зарожденія небольшое озеро, изъ котораго каналами здоровая чистая вода проводилась въ различныя части тогдашняго города [2]). Другой, не менѣе богатый родникъ находился въ мѣстности, извѣстной нынѣ подъ именемъ Поплавы, составлялъ потомъ собственность великокняжеской казны и назывался Жупранскій Вингеръ [3]). Въ другихъ частяхъ описываемой мѣстности, возлѣ нынѣшняго желѣзнодорожнаго моста, въ домѣ, бывшемъ Кособуцкаго, возлѣ нынѣшняго латинскаго каѳедральнаго костела, въ мѣстности, занимаемой нынѣ женскимъ монастыремъ, Миссіонерскимъ костеломъ, пріютомъ Іисусъ Младенецъ, еврейскою школою были источники не менѣе прекрасной и обильной воды [4]). Рѣки Вильна и Вилія изобиловали множествомъ всякаго рода рыбы. Лосось, осетръ въ рѣкѣ Виліи изъ Балтійскаго моря черезъ Нѣманъ, замѣчательная по своему вкусу щука, язь, селява, форель и много другихъ наполняли собою воды литовскихъ рѣкъ и озеръ. Въ хроникѣ Быховца замѣчается, что „въ рѣкахъ (литовскихъ) великая оживность рыбъ непосполитыхъ; ижъ не только тые рыбы, которые ся въ тыхъ рѣкахъ родятъ, але множество рыбъ розмаитыхъ и дивныхъ“ [5]).

Обиліе лѣса и воды давало возможность размножаться царству пернатыхъ и вызывало къ жизни въ буквальномъ смыслѣ цѣлые рои пчелъ. Первые насель-

---

[1]) Акты Виленской коммиссіи—т. XX. 77, 97 245, 282 461 и др.

[2]) Dzieje narodu Litewskiego Theodora Narbutta—Wilno—1838 г. Т. V, 525. ср. ibid. 450. У Вьюка Кояловича эта мѣстность называется болотомъ Вингрою.—Kojałowicz. Historia Lithvaniae p. I. p. 299.

[3]) Акты Вилен. Ком. т. XX стр. 293.

[4]) Wizerunki i roztrząsania naukowe T. 24, str. 80, прим. I.

[5]) Dzieje nar. Lit. Narb. T III, 531, прим. 3. Ср. Stryjkowski—Kronika—T. I. 56, 57.

ники исторической Литвы находили въ лѣсахъ множество громадныхъ дуплистыхъ деревъ, сверху до низу заполненныхъ медомъ[1]).

Такія естественныя богатства, среди которыхъ находилась мѣстность, вызвавшая потомъ къ жизни городъ Вильну, не могли не обратить на себя вниманія путешественниковъ и отдѣльныхъ кочующихъ народцевъ, и есть указанія, что здѣсь рано начали образовываться поселенія. Въ упоминаемыхъ Исландскимъ путешественникомъ XII в. Снорро—Стурлезономъ поселеніяхъ Вельни и Трикъ, которыя онъ нашелъ между прочимъ въ мѣстности нынѣшней Виленской губерніи, ученые изслѣдователи хотятъ видѣть города Вильну и Троки[2]). По свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, Вильна существовала уже въ XII вѣкѣ[3]). Подтвержденіе этого мнѣнія находимъ въ сочиненіяхъ такихъ писателей, какъ Длугошъ, Стрыйковскій и др.[4]).

Нѣтъ сомнѣнія, что историческая Вильна возникла и создалась со времени только Гедимина, съ 1322 г.; но нельзя отвергать и того, что мелкія, разрозненныя поселенія въ мѣстности, занимаемой нынѣ Вильной, были здѣсь гораздо ранѣе XIV столѣтія. Быстрое возвышеніе города при Гедиминѣ, его ростъ, процвѣтаніе, множество какъ будто сразу появившихся построекъ, его преимущественное значеніе и превосходство передъ Троками, прежнею столицею Литовскаго князя,— все это говоритъ въ пользу того мнѣнія, что и мѣстность при соединеніи Вильны съ Виліей была хорошо извѣстна современникамъ и что здѣсь давно были посе-

---

[1]) Dz. nar. Lit. Narbutt, T. III. 529.

[2]) Dzieła Tadeusza Czackiego. Poznań. 1844 r. T. I. str. 17. Cp. Historyja miasta Wilna Balinskiego—Wilno—1836 r. T I. str. 50.

[3]) А о семъ Миндовгѣ писаніе предлежитъ, откуду пріиде въ Литовскую землю: въ лѣто 6637-е княжащемъ Рогволодовичемъ въ Полотцку, пріиде на нихъ князь великій Мстиславъ Владиміровичъ Манамашъ, и Полтескъ взялъ, а Рогволодовичи забѣжали въ Царь городъ; а Литва въ ту пору дань даяше княземъ Полотцкимъ, а владоми своими гетманы, а города Литовскіе тогда, иже суть нынѣ за кролемъ, обладаны князьями Кіевскими, а иные Черниговскими, иные Смоленскими, иные Полотцкими, и оттолѣ Вильня приложишася дань даяти королю Угорскому, за страхованіе великаго князя Мстислава Володиміровича. А Вильняне взяша себѣ изъ Царьграда князя Полотцкаго Ростислава Рогволодовича дѣтей, Давило князя да брата его Мовколда князя, и той на Вильнѣ первый князь: Давила братъ Мовколдовъ большей а дѣти его Вѣдь, его же люди волкомъ звали, да Ерденъ князь; а Ерденевъ сынъ крестился, былъ владыка во Твери, который на Петра, на чюдотворца, волненіе учинилъ, а звали его Андреемъ, писалъ на чюдотворца лживыя словеса. А у Мовколда князя сынъ Миндовгъ а у Миндовга князя дѣти Вышлегъ, да Домонтъ. Полное собраніе рус. лѣтописей—Спб. 1856 г. Т 7. стр. 164—5. Ср. Карамзинъ. Исторія Госуд. Россійск. Спб. 1819, т. 4 пр. 103 и 277.

[4]) Historia Polonica-Johannis Długosii. Lipsiae. 1711. T. I, Liber X. p. 116. Kronika Macieja Stryjkowskiego. Warszawa. 1846. T. I. str. 48—55.

ленія, гораздо раньше оффиціальнаго объявленія этой мѣстности великокняжескою столицею.

Съ концемъ XII столѣтія въ Литовской исторіи совершился сильный переворотъ. На южныхъ и юго-западныхъ побережьяхъ Балтійскаго моря, гдѣ жили между прочимъ Литовцы, гдѣ было и главное ихъ святилище — Ромнове, появляются меченосцы и крестоносцы. Новые пришельцы силою завладѣваютъ землею Литовцевъ и во имя религіи начинаютъ отнимать у нихъ все имущество, а самихъ обращать въ рабство и лишать жизни, если тѣ упорствовали въ нежеланіи принять латинство. Поддерживаемые силою Рима и всего латинствующаго Запада, меченосцы и крестоносцы порѣшили совершенно уничтожить Литовцевъ—язычниковъ и создать на ихъ земляхъ собственную державу. „Вмѣсто отдаленнаго, дорогаго и труднаго похода въ Палестину, для рыцарей открывалось новое поле дѣйствія, столько же освященнное религіозными мотивами, но болѣе близкое и безопасное; вмѣсто тяжелыхъ переходовъ по знойнымъ пустынямъ Сиріи, вмѣсто серьезной и опасной борьбы съ воинственными и многочисленными полчищами турокъ и монголовъ, рыцари получили возможность съ равною силою побывать въ странѣ болѣе близкой, порубежной съ отечествомъ многихъ изъ нихъ; имъ предстояли переходы по тѣнистымъ лѣсамъ береговъ Нѣмана; вмѣсто опасныхъ битвъ, имъ приходилось истреблять огнемъ литовскія села и мечомъ—почти безоружныя, разрозненныя и не представлявшія для закованныхъ въ желѣзо рыцарей опаснаго сопротивленія скопища литовской деревенщины; и тѣмъ не менѣе они пользовались въ западномъ обществѣ славою военныхъ подвиговъ, посвященныхъ на служеніе церкви. Съ цѣлію пріобрѣсти эту громкую и дешевую славу, показать рыцарскую удаль, не подвергаясь очевидной опасности, толпы рыцарей являлись въ началѣ каждой весны на подмогу нѣмецкимъ крестоносцамъ и раздвигали шагъ за шагомъ границы ихъ владѣній. Крестовые рыцари и ихъ гости съ каждымъ годомъ подвигались дальше въ глубь литовскихъ земель, опустошали новыя волости, насильно крестили жителей, наказывали ихъ сопротивленіе или отпаденіе отъ христіанства рабствомъ, покорныхъ же облагали тяжелыми налогами, лишали большей части земель въ пользу нѣмецкихъ колонистовъ и подвергали желѣзнымъ тискамъ орденской администраціи. Литовцы пытаются отстоять свою независимость со всею силою твердой, стойкой энергіи, свойственной ихъ племени; но разрозненные, безъ взаимной связи между собою, они не могутъ представить серьезнаго препятствія нѣмецкому завоеванію; одна волость за другою, одно колѣно за другимъ борется съ отчаяніемъ за свою свободу и падаетъ въ неравной борьбѣ“ [1]). А нѣмецкіе ры-

[1]) Очерки исторіи вел. княж. Лит. до половины XV стол. Антоновича. Кіевъ 1878 г. стр. 16.

цари, одушевляемые въ своей завоевательной дѣятельности не столько религіею, сколько неодолимою жаждою захвата мнимыхъ несмѣтныхъ богатствъ туземцевъ, припрятанныхъ якобы въ глубокихъ тайникахъ ихъ фантастическихъ святынь, „этого новаго золотаго руна“, не останавливаются болѣе ни передъ какими препятствіями[1]). Подъ ихъ ударами падаетъ, наконецъ, древнѣйшая литовская святыня Ромнове въ Пруссіи; переносимая послѣдовательно къ устьямъ Дубиссы, Невяжи, она и здѣсь дѣлается добычею рыцарей. Главный литовскій жрецъ стараго язычества (до половины XIII в.) отказывается отъ своей миссіи и признаетъ преимущество христіанства[2]). Этотъ ударъ для Литовцевъ былъ несравненно сильнѣе, чѣмъ самыя рѣшительныя побѣды надъ ними нѣмецкихъ рыцарей. Они дрогнули и изъ древнихъ своихъ обиталищъ въ Пруссіи и Курляндіи толпами устремились въ сосѣднюю Ковенскую губернію и болѣе отдаленныя Виленскую и Гродненскую[3]).

Около этого времени, половины XIII в., массы двинувшихся Литовцевъ сильно увеличили колонизацію и занимающей насъ мѣстности при сліяніи Вильны съ Виліей. Можно было даже думать, что здѣсь образуется новый священный центръ литовскаго язычества, что разрушенное рыцарями Ромнове въ Пруссіи и Жмуди будетъ возстановлено на берегахъ Вильны и Виліи. Вся нынѣшняя такъ называемая каѳедральная площадь, съ Ботаническимъ садомъ включительно, около 1263 г. предназначена была къ устройству на ней литовскаго языческаго святилища. Мѣстная природа вполнѣ отвѣчала тому понятію, какое привыкли соединять Литовцы—язычники съ представленіемъ о своемъ Ромнове. Дикій, непроходимый, вѣковой боръ, кругомъ защитныя отъ враговъ горы, масса воды, богатство естественныхъ произведеній—все, повидимому, говорило за прекрасный выборъ мѣста. Когда здѣсь случайно охотился Литовскій князь Свинторогъ съ сыномъ своимъ Герымундомъ, мѣстность показалась ему замѣчательною во всѣхъ отношеніяхъ. Желая, по возможности, подальше запрятаться въ глубинѣ лѣсовъ отъ нападеній рыцарей и спасти гибнувшее подъ ихъ ударами язычество, Свинторогъ клятвенно обязалъ своего сына похоронить его останки—сжечь ихъ съ соблюденіемъ языческихъ церемоній—именно въ этой мѣстности, при впаденіи Вильны въ Вилію и потомъ уже, на все будущее время, эта долина должна была служить усыпальницей-зглищемъ—какъ всѣхъ Литовскихъ князей, такъ и всѣхъ высшихъ

---

[1]) Dz. nar. Lit. Narbutta—T 4. str. 365.

[2]) Dz. nar. Lit. Narbutt T. I. 248, 249, Cp. ibid. 189 219, 221, 224, 225, 239, 419, 421. T. IV. 364—367. T. VI. 304, 305. T. VII. 88, 89. Obraz Litwy—Iaroszewicza—Wilno, 1844 r. T. I. str. 192. Wijuk Kojałowicz—Historia Litwaniae. 1649 p. 1. 32.

[3]) Dzieje nar. Lit.—Narbut. T. IV. 267, 271, 272, 275, 282, 285, 292.

представителей литовскаго дворянства и боярства[1]). Свято выполнилъ Герымундъ завѣщаніе своего отца. Послѣ его смерти, около 1264 года, онъ немедленно велѣлъ рубить вѣковой лѣсъ на долинѣ — нынѣшней каѳедральной площади въ Вильнѣ — и, расчистивши все это мѣсто, освятилъ его съ своими жрецами для предстоящаго назначенія; для принесенія жертвы богамъ убито было множество мѣстнаго звѣря, а срубленные вѣковые дубы, сосны, липы послужили богатымъ матеріаломъ для жертвенныхъ костровъ. Доставленные останки Свинторога, покрытые, согласно обычаю, богатѣйшими военными доспѣхами, оружіемъ и одеждою, были сожжены теперь; участь покойнаго князя раздѣлили его любимыя охотничьи собаки — по парѣ гончихъ и борзыхъ —, ястребъ, соколъ, верховая лошадь и слуга. На устроенный, такимъ образомъ, громадныхъ размѣровъ костеръ, огонь на которомъ поддерживался жрецами и присутствующими вельможами и боярами, послѣдніе бросали ногти рысьи и медвѣжьи: при обладаніи сильными ногтями дикихъ звѣрей, покойники, по вѣрованію Литовцевъ, удобнѣе могли въ загробной жизни взобраться на фантастическую крутую гору — мѣсто вѣчнаго блаженства и покоя[2]). Съ этихъ поръ мѣстность, на которой сожжены были останки литовскаго князя Свинторога, стала называться долиною Свинторога.

Сынъ его Герымундъ, избранный въ 1265 году литовскимъ княземъ, устрояетъ здѣсь въ память отца каменное капище языческому богу Перкуну. Это былъ большой дворъ на мѣстѣ нынѣшняго каѳедральнаго костела, окруженный со всѣхъ сторонъ каменными стѣнами. Длина ихъ была сто пятьдесятъ локтей, ширина — сто, а, высота пятнадцать локтей. Крыши надъ капищемъ не было и входъ въ него былъ только одинъ — со стороны рѣки, т. е. лѣваго притока Вильны. Въ тѣ времена, да еще и въ XVIII в., онъ протекалъ, какъ увидимъ дальше, съ западной стороны костела, захватывая въ свою ограду, такъ сказать, и каѳедральную колокольню[3]). Къ стѣнѣ напротивъ входа примыкала часовня, въ которой находились различныя принадлежности языческаго богослуженія и священныя богатства. Подъ часовнею былъ устроенъ склепъ, гдѣ содержались священные ужи, жабы и другія подобныя творенія. Надъ часовнею возвышалась крытая бесѣдка, поднимавшаяся еще надъ стѣнами на шестнадцать локтей. Въ бесѣдкѣ находилась деревянная статуя Перкуна, которая была доставлена сюда изъ священныхъ лѣсовъ Полонги. Часовня и бесѣдка были камен-

---

[1]) Stryjkowski—Kronika. . T. I. str. 308.

[2]) Stryjkowski—Kronika.—T. I. str. 309.

[3]) Historyja m. Wilna—Balinskiego— T. I. См. планъ г. Вильны, также планы гор. Вильны въ „Памятникахъ р. старины“—Батюшкова, вып. 5 и 6 и въ „Wilnie“ Kraszewskiego—T. I.

ныя. Передъ часовнею возвышался жертвенникъ, къ которому вели двѣнадцать ступеней; каждая изъ ступеней была локоть высоты и три локтя ширины; жертвенникъ, окруженный перилами, имѣлъ три локтя высоты и девять квадратныхъ локтей въ основаніи; въ общемъ жертвенникъ вмѣстѣ съ ступенями имѣлъ высоты девять локтей отъ поверхности земли и вверху его украшало множество роговъ зубра. Каждая ступень, ведущая къ жертвеннику, посвящена была извѣстному знаку зодіака, и когда солнце вступало въ тотъ или другой знакъ, ему на соотвѣтственной ступени зажигался жрецами жертвенный огонь, безъ сожиганія какой нибудь жертвы. Высшая ступень посвящена была Раку, низшая Козерогу, и на этихъ ступеняхъ лежали восковыя фигуры того или другого соотвѣтственнаго знака зодіака. На самомъ жертвенникѣ, въ нѣкоторые священные дни, сожигались жертвы, для которыхъ убивались священныя животныя. Огонь на жертвенникѣ горѣлъ днемъ и ночью, и его поддерживали и охраняли посвященные для этой цѣли жрецы. Углубленіе для огня такъ искусно было устроено въ жертвенникѣ, что его не могли погасить ни проливной дождь, ни снѣгъ, ни вѣтеръ; напротивъ пламя отъ огня поднималось въ это время якобы сильнѣе и выше, и это приписывалось искусно приготовляемому матеріалу для топлива. Въ жертвенникѣ были внутреннія приспособленія, въ которыхъ хранились сосуды и тому подобныя вещи, употребляемыя при жертвоприношеніи. При входѣ во святилище находилось помѣщеніе Криве-Кривейто, т. е. верховнаго языческаго жреца. Въ его помѣщеніи была круглая башня, съ которой наблюдалось теченіе солнца; по такому наблюденію, на извѣстной ступени жертвенника зажигался жертвенный огонь, и это указывало жителямъ первый день того или другаго мѣсяца. Въ свою очередь, кирпичъ съ извѣстнымъ знакомъ, задѣланный въ началѣ года въ стѣну башни, указывалъ годы. Есть преданіе, что предварительно устройства настоящаго капища, литовскій князь Свинторогъ послалъ въ 1263 г. блестящее посольство на Жмудь къ прорицалищу на рѣкѣ Нѣманѣ, спрашивая о будущей судьбѣ и участи, какая ожидаетъ предположенную къ устройству святыню. Жмудская Пиѳія якобы пророчила ей существованіе до той поры, пока будетъ существовать само язычество и приказала якобы выжечь сто двадцать два кирпича, круглой формы, съ указанными ею іероглифами, которые должны были послужить указаніемъ для будущаго счастливыхъ и несчастныхъ лѣтъ. Оказалось, что послѣдній кирпичъ имѣлъ будто бы знакъ двойнаго креста, и его считали за подарокъ, присланный отъ прорицалища литовскому князю, почему и самый знакъ включенъ былъ въ составъ литовско-языческаго герба. Но другіе, по преданію, говорили, что съ наступленіемъ временной очереди этого знака, послѣдуетъ отъ христіанъ

разореніе языческой святыни и самаго язычества. Хроникеръ, сообщающій эти свѣдѣнія, говоритъ, что названные кирпичи можно было видѣть еще въ его время (XV в.) на южной сторонѣ колокольни каѳедральнаго латинскаго костела, которая до половины надстроена и передѣлана вновь, послѣ пожара 1399 года. Хотя эти кирпичи, продолжаетъ тотъ же хроникеръ, не заслуживаютъ въ настоящее время того значенія, какимъ пользовались во время оно, однако достаточно доказано, что въ 1387 году, въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ великаго поста, ихъ было вдѣлано въ стѣну счетомъ сто двадцать одинъ; а въ этотъ день впервые приступлено къ разоренію языческаго капища. Все это застроенное мѣсто, заключаетъ хроникеръ, названо было долиною Свинторога, т. е. святой алтарь, такъ какъ оно предназначалось для принесенія языческихъ жертвъ и для сожиганія останковъ литовскихъ князей послѣ смерти [1]).

Кромѣ долины Свинторога, литовскія языческія капища появились и въ другихъ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ. Нынѣшнее предмѣстіе Вильны Антоколь, въ той части, гдѣ находится теперь военный госпиталь, сдѣлалось главнымъ святилищемъ литовскихъ языческихъ божествъ. Тамъ былъ цѣлый ихъ Пантеонъ [2]). По сосѣдству съ литовскимъ пантеономъ находилось капище богини любви—Мильды, на мѣстѣ нынѣшняго костела св. Петра и Павла [3]). Гдѣ теперь Пятницкая церковь, устроено было въ концѣ XIII в. капище Рагутиса—покровителя пчеловодовъ, медоваровъ, пивоваровъ; онъ пользовался особымъ почетомъ при веселыхъ застольныхъ бесѣдахъ, угощеніяхъ, пирушкахъ [4]). Есть и другія глухія указанія на существованіе въ концѣ XIII в. капищъ въ нынѣшней Вильнѣ въ мѣстности, называемой Лукишки, на мѣстѣ нынѣшняго костела св. Іоанна, въ Побернардинскомъ саду, сзади самаго костела, на Бакштѣ, гдѣ дѣтскій пріютъ „Іисусъ Младенецъ“ [5]).

Изъ этого мы можемъ только видѣть, что со второй половины XIII вѣка то мѣсто, гдѣ потомъ стала устрояться Вильна, быстро заселяется литовцами—язычниками, которыхъ на древнихъ мѣстахъ ихъ обитанія начали угнетать и преслѣдовать на смерть нѣмецкіе рыцари. Богатыя, прекрасныя, дикія мѣста при сліяніи Вильны съ Виліей показались для нихъ вполнѣ пригодными замѣнить самую ро-

---

[1]) Dz. nar. Lit.—Narbutt. —T. I 226—229. Tygodnik Wilenski Wilno—1817 r. T III. 104—107.
[2]) Dz. nar. Lit. Narbutt. T. I, 230.
[3]) Ibid. T. I, str. 62.
[4]) Ibid. T. I, str. 15.
[5]) Ibid. T. I, str. 232—235.

дину, и здѣсь, около долины Свинторога, они болѣе и болѣе начали утверждаться.

Въ то же время, новая волна чисто русскихъ пришельцевъ продолжаетъ приливать къ будущей Вильнѣ съ другой стороны, по Полоцкой дорогѣ и по такъ называемому Лидско-Ошмянскому тракту. Мѣстность по берегамъ Виліи была извѣстна русскимъ выходцамъ съ XII и даже съ XI вѣка. Сюда заходили въ своихъ походахъ русскіе князья и здѣсь устрояли укрѣпленія для собиранія дани съ побѣжденныхъ народцевъ [1]). Постоянныя войны между русскими, литовцами и нѣмецкими рыцарями были причиною того, что Литовцы и Русскіе часто объединялись между собою, шли противъ общаго врага, соглашались жить подъ управленіемъ одного и того-же князя—литовскаго или русскаго и устрояли одно княжество [2]). При такомъ порядкѣ вещей русскимъ вольнымъ людямъ былъ совершенно свободенъ доступъ въ предѣлы Литвы и если литовцы убѣгали отъ нѣмецкихъ рыцарей въ дикія мѣстности собственно Литвы, то сосѣдніе съ Литвою русскіе, хорошо ознакомленные съ нею съ XII столѣтія, теперь въ XIII в. рѣшительно стали уходить сюда отъ страшно опустошительныхъ походовъ Батыя на западную Русь [3]) Вмѣстѣ съ пришельцами проникало въ Литву и восточное христіанство и въ хроникѣ епископа Петра Камераненскаго есть прямыя указанія, что еще въ XI ст. русскіе впервые принесли въ Литву христіанскую вѣру [4]).

Колонизируя мѣстность при сліяніи Вильны съ Виліей, Русскіе селились по обоимъ берегамъ р. Вильны, занимая такъ называемое Зарѣчье, Поповщину, Сафьяники и Острый конецъ. Послѣдній обнималъ собою все пространство отъ нынѣшнихъ Острыхъ воротъ до Бакшты съ одной стороны и съ другой до Конной площади, Ратуши, Большой улицы, Михайловскаго переулка и Бернардинскаго костела до р. Вильны. Здѣсь созидалась и крѣпла русская жизнь, тогда какъ въ долинѣ Свинторога нашло себѣ пріютъ доживающее литовское язычество и постоянно горѣлъ священный огонь. Съ первой встрѣчи Литвы съ Русью между ними устанавливается постоянная, твердая, дружественная связь. Русская образованность, которая была гораздо выше литовской, невольно съ давнихъ поръ проникала въ сосѣднія области, населенныя литовскимъ племенемъ и соотвѣтственнымъ обра-

---

[1]) Dzieje nar. Litewskiego. Narbutt. T. I, str. 232, 233.

[2]) Очеркъ исторіи вел. кн. Литовскаго— Антоновича—23—37. Ср. Dz. nar. Litew. Narb. T. III, 291, 293, 301. T. IV. 7, 46, 74, 76, 79, 101 и далѣе.

[3]) Dz. nar. Lit. Narb. T. IV, str. 382.

[4]) Ср. ibid. T. 1, str. 388, 389.

зомъ ассимилировала ихъ. Русскіе были учителями литовцевъ въ военномъ искусствѣ; они же строили въ ихъ землѣ города и потомъ ихъ заселяли. Въ остаткахъ стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ нижній Гедиминовъ замокъ въ Вильнѣ и сохранившихся до начала нынѣшняго столѣтія, въ способѣ постройки древнѣйшихъ литовскихъ укрѣпленій, мѣстные изслѣдователи старины находили, по словамъ профессора Васильевскаго, большое сходство съ постройками древнѣйшихъ городовъ южной Россіи — Кіева и Овруча [1]). Давность русскихъ поселеній въ Вильнѣ и ихъ значительность сказались и въ самомъ названіи города Вильны. Онъ названъ не именемъ долины Свинторога, мѣста первоначальнаго поселенія язычниковъ Литовцевъ, не именемъ большой рѣки Виліи, по берегамъ которой сидѣли Литовцы и которая по литовски называется Нерисъ или Нергисъ (селеніе По-Нары), а Вильною, именемъ меньшей рѣки, по берегамъ которой сидѣли русскіе выходцы [2]). Этимъ преимущественнымъ положеніемъ относительно культуры и объединенности русскихъ поселеній при сліяніи Вильны съ Виліей объясняется во всей послѣдующей исторіи Литвы громадное вліяніе здѣсь русскихъ началъ. Всѣмъ теперь извѣстно, какъ глубоко насаждены были здѣсь и роскошно цвѣли русскій языкъ, русскіе обычаи, православная вѣра и не при дворѣ только великихъ литовскихъ князей, а среди самыхъ коренныхъ Литовцевъ, даже въ глубинѣ Жмуди (Сурдегскій монастырь).

Въ такомъ положеніи находилась мѣстность при впаденіи Вильны въ Вилію, въ которую якобы случайно попалъ великій князь Гедиминъ въ началѣ XIV в., которую нашелъ очень выгодною для будущей своей столицы и сразу оцѣнилъ ея политическое значеніе [3]). Въ 1322 году онъ уже создаетъ здѣсь верхній и нижній замокъ, объявляетъ новое поселеніе своей столицей и даетъ ей названіе Вильны [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что такое рѣшеніе Гедимина было вызвано развившимся религіознымъ значеніемъ долины Свинторога и образовавшимися здѣсь поселеніями Литовцевъ, Русскихъ и другихъ пришельцевъ. Въ томъ же 1322 г. изъ Вильны Гедиминъ вступаетъ въ сношенія съ Ригою, съ папою, съ орденами Доминиканцевъ, Миноритовъ, съ городами Любекомъ, Штетиномъ, Ростокомъ, Штральзундомъ, Грейсфельдомъ и жителями острова Готланда. Дружелюбныя сно-

---

1) Памятники русской старины въ западн. губерн.—Батюшкова—Спб. 1872 г. вып. 5, стр. 10.

2) Historyja miasta Wilna—Balinski—T. I. 51, 52. Пам. рус. стар. въ зап. губ. вып. 5, 10.

3) Pisma historyczne—Narbutta—str. 145. Historyja miasta Wilna—Balinski —T. I. 49, 50. Stryjkowski. T. I, str. 369—370. Kojałowicz—Hist. Lit. p. I., p. 262—263.

4) Balinski—Hist. m. Wilna. T. I. 47, 48. Petri de Dusburg — Chronicon Prussiae. — Jenae. 1679 an. p. 401. Anim. a.

шенія Гедимина съ Ригою расчитаны были на пріобрѣтеніе тамъ союзниковъ противъ нѣмецкихъ рыцарей и на содѣйствіе по вызову въ Литву колонистовъ съ запада и насажденію здѣсь зачатковъ западной культуры. „Въ посланіи къ папѣ Гедиминъ изъявлялъ якобы полную готовность принять святое крещеніе, утверждая, что онъ воздерживался отъ этого заявленія понынѣ исключительно потому, что орденъ крестоносцевъ препятствовалъ ему войти въ сношенія съ папою, перехватывая на дорогѣ его пословъ и раздражая подданныхъ противъ христіанъ несправедливыми и жестокими поступками. Въ грамотахъ къ орденамъ Доминиканскому и Францисканскому Гедиминъ просилъ прислать въ Литву проповѣдниковъ и священниковъ, знающихъ литовскій языкъ, для распространенія христіанскаго ученія въ его земляхъ; онъ изъявлялъ готовность строить для проповѣдниковъ христіанскіе храмы, по образцу уже существующихъ въ Вильнѣ и Новогородкѣ трехъ церквей, при которыхъ были общины Доминиканцевъ и Францисканцевъ. Въ посланіи къ прибалтійскимъ городамъ и землямъ великій князь предлагалъ ихъ жителямъ право свободной торговли въ областяхъ великаго княжества Литовскаго, вызывалъ въ Литву колонистовъ всѣхъ сословій: рыцарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, обѣщая обезпечить вполнѣ ихъ права и надѣлить ихъ обширными льготами и поземельною собственностію“[1]).

Такія посланія Гедимина, съ внесеннымъ безъ его вѣдома заявленіемъ о желаніи его якобы принять христіанство, вызвали присылку въ Вильну въ 1324 году посольства отъ имени папы. Но тутъ выяснилось, „что въ грамотахъ, писанныхъ отъ имени Гедимина, никогда не было сдѣлано имъ заявленія о желаніи принять крещеніе, что такого рода заявленій онъ не посылалъ ни къ папѣ, ни къ поморскимъ городамъ, что, напротивъ того, великій князь, всегда желалъ и желаетъ въ настоящее время остаться вѣрнымъ той религіи, которую исповѣдывали и въ которой скончались его предки“[2]). „Я этого (о принятіи христіанства) не приказывалъ писать, заявилъ Гедиминъ посольству; если же братъ Бертольдъ написалъ, то пусть отвѣтственность падетъ на его голову. Если когда либо я имѣлъ намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ. Я дѣйствительно говорилъ, что буду почитать папу, какъ отца, но я сказалъ это потому, что папа старше меня. Всѣхъ стариковъ: и папу, и Рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю, какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ я люблю какъ братьевъ, тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что

---

[1]) Антоновичъ—Очеркъ ист. вел. кн. Литовск. 72, 73. Наперскій—Русско-Ливон. акты 30 – 45.
[2]) Антоновичъ. Очеркъ ист. 78.

дозволю христіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, русинамъ по ихъ обычаю, и полякамъ—по своему; сами же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. Всѣ мы вѣдь почитаемъ одного Бога". [1]) Посольство увидѣло, что оно сдѣлалось невольною жертвою обнаружившейся мистификаціи и потому, чувствуя свое неловкое положеніе, поспѣшило оставить сначала Вильну, 25-го Ноября, а потомъ и Ригу—7 Декабря 1324 г.

Изъ отчета этого посольства мы узнаемъ, что уже въ 1324 году въ Вильнѣ было два костела: францисканскій и доминиканскій. Трудно указать, въ какой мѣстности города первоначально находились эти костелы. Можно предполагать, на основаніи дальнѣйшихъ указаній, что доминиканскій находился на мѣстѣ нынѣшняго доминиканскаго же костела, а Францисканы построили себѣ древнѣйшій въ Вильнѣ костелъ св. Николая, существующій и до настоящаго времени вблизи бывшаго потомъ францисканскаго монастыря. Еще въ позднѣйшихъ документахъ находимъ указаніе, что костелъ св. Николая стоялъ неподалеку Бискупской ул., нынѣшней Дворцовой; въ немъ Францисканы и могли совершать богослуженіе. Сами же они жили первоначально въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время домъ умалишенныхъ, по сосѣдству съ великокняжескимъ замкомъ; такая близость давала имъ возможность сильнѣе расширять при дворѣ свое вліяніе, изъ за котораго они вели борьбу съ Доминиканами[2]). Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что уже въ началѣ княженія Гедимина Вильна быстро начала разростаться и находилась въ обширныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и западомъ Европы.

Нѣтъ сомнѣнія, что грамоты Гедимина къ приморскимъ городамъ съ призывомъ въ Вильну разнаго рода ремесленниковъ, мастеровыхъ и художниковъ имѣли благопріятное дѣйствіе; новые пришельцы, привлекаемые въ Вильну обѣщаніемъ имъ разныхъ льготъ и преимуществъ, сильно увеличивая собою приростъ населенія города, содѣйствовали его застроенію, а также развитію въ немъ промышленности, торговли и художествъ. Гедиминъ нашелъ необходимымъ раздѣлить городъ на извѣстныя части и по своему усмотрѣнію назначать ихъ для заселенія той или другой національности. Литовцы и Русскіе оставались въ предѣлахъ прежней своей осѣдлости; Поляки и Нѣмцы заняли мѣстность около костела св. Николая, вдоль нынѣшней Нѣмецкой улицы и все пространство, заключенное

---

[1]) Ibidem 77. Наперскій—Русско-Ливон. акты—45, 47.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX стр. 260. Антоновичъ—Очеркъ...—76, 82. Наперскій—47. Pisma historyczne Theod. Narb.—Wilno—1856 г. 155. Памятн. русск. стар. въ зап. губ.—Батюшкова—вып. V, 11, 18.

нынѣ между Игнатьевскимъ переулкомъ и Игнатьевскими казармами, Семеновскою улицею, Благовѣщенскою и Дворцовою до ограды нижняго замка, включая нынѣшнія постройки Бонифратровъ и домъ кн. Жагеля—до каѳедральной площади [1]).

Вообще во второй половинѣ XIV ст. до введенія латинства, Вильна представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Городъ раскинулся на всемъ пространствѣ отъ Мѣдникскихъ воротъ (приблизительно между нынѣшнею Сиротскою улицею и Милліонною) по ту и по другую сторону Большой и Замковой улицъ включительно до Конной площади, Завальной и Трокской улицы, Доминиканской, Игнатьевскаго переулка, Татарской улицы, Мостовой до Виліи, лѣвымъ берегомъ Виліи до впаденія въ нее Вильны до нынѣшнихъ Поплавъ, Бакшты, Сиротской и опять до Мѣдникскихъ воротъ съ другой стороны. На всемъ этомъ пространствѣ было очень много между домами огородовъ, садовъ и цѣлыхъ рощъ; послѣднія красовались въ долинѣ Свинторога и въ мѣстности по—Бернардинскаго сада. Къ городской чертѣ примыкали дѣвственные, вѣковые лѣса предмѣстій Антоколя, Лукишекъ съ Закретомъ и Росы.

Главную часть города въ административномъ отношеніи составляли замки—верхній и нижній, съ помѣщеніемъ языческихъ жрецовъ и главнаго святилища бога Перкуна. Всѣ путешественники тогдашняго времени находили положеніе Вильны крайне выгоднымъ въ военномъ отношеніи; непріятелю стоило большихъ трудовъ забраться въ городъ при его естественномъ оборонительномъ положеніи. Такое положеніе и заставило Гедимина избрать настоящую мѣстность столицею своего княжества [2]). Пользуясь выгодными естественными условіями, Гедиминъ хотѣлъ еще болѣе оградить свою столицу отъ враговъ созданіемъ здѣсь искусственныхъ укрѣпленій, замковъ. Укрѣпившій одну изъ ближайшихъ горъ, при впаденіи Вильны въ Вилію, Гедиминъ создалъ на ней каменный замокъ, увѣнчанный тремя башнями и окруженный высокими валами. [3]). На южной сторонѣ этой горы, извѣстной съ той поры подъ именемъ Замковой, между ней и рѣкою Вильною, лежалъ обширный дворъ, принадлежавшій потомъ вельможѣ Монивиду и извѣстный подъ его именемъ. Съ западной и юго-западной стороны Замковой горы, у ея подошвы, находился нижній замокъ, называвшійся Кривымъ городомъ, т. е. городомъ Криве—Кривейто, такъ какъ здѣсь, на долинѣ Свинторога, жилъ этотъ верховный литовскій жрецъ, охранявшій послѣдніе остатки литовскаго языче-

---

[1]) Cp. Pisma historyczne—Narbutta, 147.

[2]) Kojałowicz—Historia Litvaniae p. I. p. 262. Pisma histor.—Narbutt—154.

[3]) Historyja miasta Wilna—Balinskiego, T. I, str. III.

ства[1]). Подъ главнымъ досмотромъ его и подчиненныхъ ему низшихъ жрецовъ здѣсь, среди вѣковыхъ дубовъ, постоянно горѣлъ со времени Герымунда священный для литовцевъ огонь Зничъ и, какъ мы уже знаемъ, устроено было на мѣстѣ нынѣшняго костела капище богу Перкуну съ неособенно изящною его статуей. Для Криве-Кривейто и другихъ жрецовъ былъ поставленъ большой каменный двухэтажный домъ съ четырьмя небольшими башенками. Къ нему примыкала круглая башня, сдѣланная изъ камня и кирпича, съ окномъ, съ которой литовскіе жрецы провозглашали народу волю боговъ и дѣлали соотвѣтственныя распоряженія. Остатки этой башни, какъ было уже замѣчено, представляетъ собою, по преданію, въ настоящее время нижняя часть колокольни, при каѳедральномъ латинскомъ костелѣ. Кромѣ этихъ помѣщеній съ священнымъ назначеніемъ, высились къ югу отъ нихъ обширные дома и службы съ высокими башнями, большею частію деревянные. Въ нихъ главнымъ образомъ помѣщался великокняжескій дворъ, его казна и конюшни. Послѣднія занимали значительное пространство къ югу отъ Замковой горы до нынѣшней Ботанической улицы. Кривой городъ былъ обнесенъ на первыхъ порахъ высокимъ и крѣпкимъ частоколомъ и со всѣхъ сторонъ его омывала рѣка Вильна[2]). Первоначально отъ такъ называемой Лысой горы, за по-Бернардинскимъ садомъ, она раздѣлялась и лѣвый притокъ ея прямо поворачивалъ на западъ, протекалъ по направленію нынѣшней Ботанической улицы, мимо присутственныхъ мѣстъ, захватывалъ въ свою ограду латинскую каѳедральную колокольню и, обходя западную сторону латинской каѳедры, принималъ направленіе къ сѣверо-востоку и тутъ же впадалъ въ Вилію. Нѣкоторые считаютъ названный притокъ самою рѣкою, а нынѣшнее русло рѣки проложилъ якобы Гедиминъ, прокопавши гору[3]). Но другіе, болѣе основательно—въ указанномъ лѣвомъ притокѣ Вильны видятъ даже каналъ только, существовавшій правда еще и въ XVIII в. и потомъ исчезнувшій, засыпанный, заплывшій[4]). Не въ далекомъ разстояніи отъ лѣваго притока Вильны впадалъ въ Вилію и богатый водный Виленскій источникъ Вингеръ, нынѣшняя Кочерга, почти до сихъ поръ сохраняющій свое первоначальное русло[5]).

---

[1]) Другіе названіе нижней части замка Кривымъ объясняютъ его неправильностію, кривизной.

[2]) Dzieje nar. Litewskiego—Narbutt.—T. V 448.

[3]) Balinski—Hist. m. Wilna. T. I. str. 10, прим. 9 и str. 113, пр. 4.

[4]) Wizerunki—T. 23, str. 98—102. Skarb nieoszacowany=Grzybowskiego — Wilno, 1740 r. str. 10.

[5]) Balinski—Historyja miasta Wilna T. I, str. 113 и планы города Вильны у Батюшкова—Памятники—вып. 5 и 6, у Крашевскаго- Вильна, Т. I.

Изъ нижняго замка, омываемаго со всѣхъ сторонъ водою, вели въ городъ и за-городъ слѣдующія дороги. Вышедши изъ замка по мосту черезъ р. Вильну, возлѣ нынѣшней каѳедральной колокольни, вы вступали на дорогу (нынѣшняя Мостовая улица), ведущую къ р. Виліи, къ перевозу; но предварительно вы должны были перейти мостъ еще черезъ Вингеръ, при началѣ нынѣшняго Георгіевскаго проспекта. Достигши Виліи (приблизительно какъ ведетъ нынѣшняя Мостовая улица) и переправившись черезъ нее правѣе нынѣшняго Зеленаго моста, вы по одной дорогѣ могли отправиться въ Керновъ, б. столицу великаго князя, а по другой—Вилькомірской—въ замокъ Вилькоміръ. Съ южной стороны замка, опять черезъ мостъ на рѣкѣ Вильнѣ, начиналась новая дорога—[1]) Замковая, передавшая потомъ свое названіе Замковой улицѣ, существующей и въ настоящее время. Замковая дорога вела на Трокскую и по мосту черезъ Вингеръ въ Троки; таже Замковая—черезъ Зарѣчье—въ Полоцкъ и на Антоколь, а около нынѣшнихъ Острыхъ воротъ давала начало новымъ дорогамъ: одна вела въ замокъ Мѣдники, Ошмяны, Крево. другая въ Лиду, а третья въ Гродну. Изъ замка можно было пройти на Антоколь, кромѣ указаннаго Зарѣчнаго кружнаго пути, и прямо, нынѣшнею Антокольскою дорогою, опять черезъ мостъ на р. Вильнѣ, въ томъ, приблизительно, мѣстѣ, гдѣ и теперь онъ находится [2]). Для указанныхъ выходовъ изъ замка въ окружающей его стѣнѣ были устроены ворота.

До нашего времени сохранилось немного документовъ, на основаніи которыхъ можно было бы подробно указать расположеніе города Вильны до XV столѣтія. На основаніи нѣкоторыхъ плановъ и другихъ данныхъ [3]), мы можемъ сказать, что городъ и въ это время былъ обнесенъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отчасти каменною, отчасти деревянною стѣною и землянымъ валомъ. Такого рода ограда шла отъ нынѣшняго пѣшеходнаго мостика на Зарѣчьѣ до Бакшты—мѣста, гдѣ теперь находится Воспитательный Домъ „Іисусъ Младенецъ“: отсюда по части нынѣшней Сиротской улицы, черезъ нынѣшній Полицейскій переулокъ до Конной площади; отсюда до Трокской улицы городъ съ костеломъ св. Николая кое-гдѣ защищенъ былъ валомъ. Далѣе по теченіи Вингра городская стѣна съ нѣкоторыми промежутками продолжалась до такъ называемой Мокрой брамы, гдѣ соединялась съ

---

[1]) Употребляемъ слово дорога, такъ какъ улицъ еще не было; вездѣ виднѣлись огороды, сады, рощи; зданій, правильно построенныхъ, было очень мало.

[2]) Hist. miasta Wilna—Balinskiego—T. I. 113, 114. Ср. Wizerunki T. 24, str. 27 и пр. 1.

[3]) См. въ Historyi m. Wilna—Balinskiego t. 1, въ Памятн. рус. стар. въ зап. губ. — Батюшкова—вып. 5 и 6; w Wilnie Kraszewskiego t. I. Акты Вилен. Коммиссіи т. XX и др.

оградою нижняго замка или Криваго города, при началѣ каѳедральнаго плаца у нынѣшей Семеновской улицы. Отъ зарѣчнаго моста внизъ по теченію Вильны, мѣстность до Нижняго замка считалась довольно защищенною природными условіями—рѣкою и горами [1]).

Громадныя пространства въ городѣ принадлежали литовскимъ вельможамъ. Мы видѣли уже, что Монивидъ владѣлъ большими огородами и садами въ нижнемъ замкѣ и по сосѣдству за рѣкою Вильною. Гаштольду принадлежало въ городѣ около замка все пространство земли между нынѣшнимъ дворцовымъ скверомъ, каѳедральною площадью, Семеновскою и Дворцовою улицами, домъ на углу Трокской и Нѣмецкой улицъ и потомъ Пески—т. е. все то мѣсто по Трокской улицѣ, которое занималъ б. Францисканскій монастырь съ его громадными постройками. вкадбищемъ, садомъ, съ одной стороны до источника Вингера, съ другой до Николаевскаго переулка и по Нѣмецкой улицѣ до пресѣченія ея съ Трокской [2]). Рядомъ съ владѣніями на Пескахъ Гаштольда простирались сады и огородъ съ домомъ нѣкоего Виленскаго мѣщанина Чешона и велико-княжескіе сады и огороды. Все это упиралось въ городской валъ (около нынѣшней Завальной улицы) и обширное кладбище костела св. Николая [3]). Все пространство, гдѣ нынѣшній дворецъ генералъ-губернатора съ садомъ, вплоть до Доминиканскаго костела, принадлежало великому Литовскому князю и граничило съ обширными постройками костела и его кладбищемъ [4]). Правая сторона отъ Доминиканской улицы, если идти по направленію къ Трокской. и вся Нѣмецкая улица до Ратуша, а также все пространство отъ костела св. Николая до Рудникскихъ и Мѣд-

---

[1]) Narbutt—Pisma historyczne—197, 203. Ср. Его же Dzieje narodu Litew. t. 5, str. 450 и примѣч. на стр. 459. Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ — Круповича. Вильна. 1858 г. ч. 1. 2. Balinski—Historyja m. Wilna—t. I. 116, 131.

[2]) Gdy Gaszteld po umęczeniu naypierwszym 14 Franciszkanow, innych przyprowadziwszy osadził w swym dworze na tym mieyscu, gdzie i teraz zostają, lubo dość było obszerności mieysca, przydał iednak z obu stron nie mało placów do większego rozszerzenia się zakonnikom, przyzwoitą xiążętom szczodrobliwością, bo jak teraz idąc od Sw. Mikołaja uliczką na ulicę Niemiecką, a z niej krążąc w lewo na Trocką i przed samą bramą Trocką, iak iest uliczka mimo JWW. Alexandrowiczow pałac w koło, tak przychodząc do tegoż kościoła Sw. Mikołaja, wszystka ta insuła na ów czas należała do Franciszkanow. A lubo i teraz (1740 r.) cmentarz Franciszkański w Wilnie iest naywiększy, przed tym iednak daleko był obszerniejszy, iakoż i teraz po blizkich cmentarzowi mieyscach, gdy kopią na fundament, kości tam pochowanych znaydują... Skarb nieoszacowany OO. Franciszkanow... Grzybowskiego—132, 133.

[3]) Собр. го уд. и част. актовъ—Круповича—ч. I., стр. 2. Ср. Dzieje dobroczynności— Wilno—1822 г. 773—4. Skarbiec dyplomatów—Daniłowicza.—Wilno—1860 г. t. I. 265.

[4]) Ср. Dzieje dobroczynności—rok I. 244. Zbiór praw miastu Wilnu nadanych. Dubinski.— Wilno—1788. str. 18.

никскихъ воротъ застроено было домами, складами, подвалами, лавками, гостиницами, по преимуществу для всѣхъ пріѣзжихъ чужестранцевъ: нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, грековъ, русскихъ купцовъ изъ Москвы, Твери, Пскова, Новгорода, татаръ, итальянцевъ, евреевъ и другихъ. Это была самая бойкая, оживленная часть города [1]). Здѣсь, на площади, между нынѣшнимъ православнымъ каѳедральнымъ соборомъ, Нѣмецкою, Стеклянною и Андреевскою улицами — былъ главный базаръ, большой рынокъ; съ сѣверной стороны къ нему примыкали постройки, около которыхъ продавалась исключительно рыба, почему и самое мѣсто называлось „рыбнымъ концомъ“ [2]). У Мѣдникскихъ воротъ, за оградой уже города, находился гостинный дворъ. По сказанію нѣмецкой хроники Рувіуша, въ Вильнѣ съ древнѣйшихъ временъ былъ очень богатый гостинный дворъ. Но въ 1366 году, вслѣдствіе внутреннихъ замѣшательствъ между русскими, этотъ дворъ былъ разграбленъ туземцами и сожженъ. Въ 1375 году великій князь вновь позволилъ имъ возстановить прежнія постройки. Тогда русскіе купцы выстроили для себя особый домъ, а компанія Новгородцевъ—особый. Въ Вильнѣ такимъ образомъ въ XIV ст. было два русскихъ гостинныхъ двора. У евреевъ былъ свой особый домъ. Русскій гостинный дворъ лежалъ въ это время за оградою города у Мѣдникскихъ, какъ мы сказали, воротъ. Это было обширное, хорошо огороженное мѣсто, на которомъ устроены были склады для привозныхъ товаровъ и помѣщенія для пріѣзжихъ купцовъ [3]). Тутъ же проходилъ и переулокъ, теперь застроенный, соединявшій Конную площадь съ Большою улицею [4]). Гостинный дворъ примыкалъ къ такъ называемой впослѣдствіи Троицкой горѣ—мѣстность, гдѣ теперь находится Свято-Троицій монастырь. Около половины XIV-го столѣтія это мѣсто, покрытое дубовою рощею, считалось за городомъ и здѣсь совершалась по временамъ казнь надъ преступниками. Около 1346—7 года здѣсь были казнены язычниками чрезъ повѣшеніе на одномъ изъ растущихъ дубовъ три исповѣдника христіанства изъ литовцевъ — извѣстные нынѣ святые Виленскіе мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій. Православные жители города съ согласія великаго князя взяли святые ихъ останки и погребли въ церкви св.

---

[1]) Narbutt—Pisma historyczne—50. Balinski—Hist. m. Wilna—t. I. 116, 134.

[2]) См. Акты Вим. Ком.—т. XX 307, 424 425, 427. Ср. Dzieje dobroczynności — rok 1, стр. 346, прим. 8.

[3]) Narbutt—Dz. nar. Lit. t. 3, str. 595, t. 5, str. 446, пр. 1. Ср. Balinski—Hist. m. Wilna—t. 2, str. 85 Пам. рус. стар. въ зап. губ. Батюшкова—вып. 6. 126. Jaroszewicz—Obraz Litwy.—Cz. 1, str. 109.

[5]) Ibidem: Батюшковъ и Нарбуттъ.

Николая (Успенской) [1]). Когда черезъ нѣкоторое время христіане при дворѣ усилились, они выпросили у великаго князя Ольгерда священную для нихъ гору и стали собираться туда для молитвы. Въ скоромъ времени роща была вырублена и христіане, при содѣйствіи православной супруги Ольгерда, построили церковь (около половины XIV стол.) во имя святой Троицы, за исповѣданіе которой пострадали „Троицѣ равночисленніи“ Виленскіе мученики. Молитвами святыхъ угодниковъ Божіихъ, православная вѣра стала быстро распространяться; самая мѣстность, доселѣ пустынная, своею святостію начала привлекать къ себѣ русскихъ православныхъ и вся почти исключительно ими заселилась [2]).

Это обстоятельство имѣло большое значеніе на окончательное утвержденіе въ Вильнѣ русскихъ православныхъ началъ. Въ лицѣ Іуліаніи Тверской, съ 1349 года второй супруги великаго литовскаго князя Ольгерда, русскіе люди въ Литвѣ нашли для себя полную поддержку и сильную опору. Къ этому времени у нихъ были уже, кромѣ свято-Троицкой, еще Пятницкая и Успенская Николаевская церковь. Пятницкая находилась на мѣстѣ нынѣшняго ея существованія. До постройки церкви, здѣсь была молельня языческаго бога Рагутиса. По сказанію хроники ксендза Лодзяты (около 1649—1669 г.) эта молельня уничтожена по повелѣнію первой супруги великаго князя Ольгерда — Маріи Витебской и на ея мѣстѣ воздвигнута Пятницкая церковь около 1346 года. Къ ней былъ назначенъ особый священникъ. Въ простонародіи эта церковь именовалась Пятёнка, по древнему якобы урочищу, получившему свое имя отъ жрецовъ Рагутиса, называемыхъ Петинники или Потиникай. „Церковь эта служитъ, по замѣчанію кс. Лодзяты, великимъ памятникомъ славы въ Вильнѣ, первымъ *каменнымъ* храмомъ истиннаго Бога, воздвигнутымъ въ литовской столицѣ и землѣ. Для любителей отечественной исторіи, она вѣрный свидѣтель памяти благовѣрной княгини. Гробъ ея въ этой церкви былъ всегда чтимъ народомъ съ великимъ благоговѣніемъ“ [3]), По мнѣнію другихъ, названіе Пятницкой церковь получила отъ имени св. Параскевіи, что въ переводѣ съ греческаго языка означаетъ пятницу, одинъ изъ дней недѣльныхъ. Крестоносцы въ своихъ запискахъ называютъ ее храмомъ св. Пракседы или Параскевіи, что одно и тоже. Нужно замѣтить, что

---

[*]) Latopisiec Litwy i Kronika—Daniłowicza—Wilno 1827 г., str. 170. Акты относ. къ ист. Западной Россіи.—Спб.—1846 г., т. I прим. стр. 16. пр. 58. Акты Вилен. Ком. Т. XX 106, 258. Археографическій Сборникъ—т. X. 19—20

[1]) Памятники рус. стар. въ зап. губ.—Батюшкова—вып. 5, 14, 15, 95.

[2]) Хроника Лодзяты—въ Dz. nar. Lit.—Narbutta—T. I, str. 231. T. V, str. 235. T. VII.—Dodatek XVII. 168, 169.

уваженіе къ св. Пятницѣ между православными было до того велико, что въ XVI стол. они приносили присягу не только именемъ всегомогущаго Бога, но и святой Пятницы [1]). Церкви подъ именемъ св. Параскевы или Пятницы были въ различныхъ городахъ: Полоцкѣ, напр., Владимірѣ, Львовѣ. Извѣстно, что народъ считаетъ пятницу - день недѣльный, какъ бы особенно посвященнымъ св. мученицѣ Параскевіи, и женщины въ этотъ день воздерживаются отъ нѣкоторыхъ работъ—пряденія, мытія бѣлья, тканья..., опасаясь прогнѣвить св. Пятницу. Здѣсь основаніе сильно распространенному въ народѣ сказанію о такъ называемыхъ двѣнадцати пятницахъ [2]). Такимъ образомъ народное названіе одной изъ Виленскихъ церквей Пятницкою, Пятенкой, перешло въ оффиціальные документы и сохранилось до послѣдняго времени [3]). Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что король Сигизмундъ-Августъ, привилегіей 1560 года разрѣшая своему богомольцу священнику Протасію возстановить Пятницкую церковь, которая сгорѣла въ пожарѣ 1557 года, ясно указываетъ, согласно его желанію, чтобы послѣ возстановленія Пятницкая церковь не называлась этимъ именемъ, а именовалась бы церковію св. Богоявленія Христова [4]). Но это распоряженіе не имѣло успѣха. Привиллегіей короля Сигизмунда III Виленскому Троицкому монастырю передавалась въ 1611 году „церковь мурованая Богоявленія, прозываемая Пятницкая, на улицы Великой, которая идетъ отъ ратуши до замку, лежачая, з будованьемъ, также и цминтарь тое церкви, абы коштомъ своимъ архимандритъ и братія монастыря тую церковь оправили“ [5]). Названіе церкви Пятницкою и здѣсь удерживалось, а въ дальнѣйшемъ она опять извѣстна только подъ однимъ этимъ именемъ. Коммиссія 1619 года, осматривавшая Виленскія церкви и ихъ кладбища, говоритъ только о Пятницкой церкви, не прибавляя даже другого названія — Богоявленской. Изъ акта осмотра церквей этого времени мы видимъ, что Пятницкая церковь, сильно поврежденная пожаромъ 1557 года и особенно 1610 г., продолжала стоять въ запустѣніи и Троицкіе базиліане не особенно заботились о ея возстановленіи [6]); только въ началѣ XVIII ст. (между 1700 и 1702 г.) послѣдо-

---

[1]) См. Акты Вил. Ком. т. XIX. Предисловіе—LIX. Прим.

[2]) Церковн. словарь Алексѣева—Москва 1816 г. ч. 3, стр. 296—7 Ср. Wizerunki — poczet drugi—T. 24, str. 241.

[3]) Акты Вилен. Коммиссіи. Т. XX 411, 422, 424, 428... Т. XII. 307. Собр. грамотъ гор Вильны, Трокъ—LXV. пр. 15.

[4]) Археогр. Сб. т. VI, стр. 65. Wizerunki—T. 23, str. 12 и пр. 1.

[5]) Акты Вилен. Ком. т. XX, стр. 224.

[6]) Акты Вил. Ком. т. XX 258, 411, 422, 424, 428.

вало ея возобновленіе. Окончательно богослуженіе въ ней прекратилось около 1794—1796 года [1]).

Въ старину, по народному преданію, богослуженіе въ Пятницкой церкви совершалось по пятницамъ. Нѣкоторые догадываются, что языческіе жрецы исправляли обрядъ своей вѣры въ тотъ же день недѣли, какъ посвященный Перкуну; христіане могли удержать этотъ обычай, такъ какъ при распространеніи христіанской вѣры принято было за правило, чтобы съ обращеніемъ въ христіанство края, города или селенія, воздвигать церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились языческія молельни, вводя богослуженіе, торжественные обряды и праздники, по возможности, въ тѣ самые дни, въ которые это исполнялось у язычниковъ. Послы отъ крестоносцевъ, описывая эту церковь около 1357 г., называютъ ее придворною; они были въ ней во время торжественнаго богослуженія и заявляютъ, что женщины во время богослуженія въ церкви помѣщались на большой галлереѣ (хоры), закрытой зеленымъ прозрачнымъ занавѣсомъ, такъ что можно было видѣть только ихъ тѣни; внутри сама церковь была устроена по образцу Кіевскихъ, Новгородскихъ и другихъ русскихъ церквей [2]).

Успенско-Николаевская церковь находилась на углу переулка Лоточекъ съ лѣвой стороны, если идти съ Болшой улицы внизъ къ Пречистенскому собору [3]), противъ нынѣшней гостинницы Нишковскаго. Къ этому переулку примыкала улица нынѣшняя Бакшта, называвшаяся въ различное время то улицею Савичъ [4]), то улицею Смилинскою [5]), почему и о самой церкви говорится, что она лежитъ то на улицѣ Савичъ [6]), то на улицѣ Смилинской [7]). Церковь Успенія св. Николая одна изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей. Св. Николай пользовался въ Литвѣ всегда глубокимъ благоговѣніемъ и почитаніемъ со стороны всѣхъ христіанъ—и православныхъ, и латинянъ. До 1484 года онъ считался покровителемъ города Вильны; съ означеннаго времени латиняне перенесли это почитаніе на Казиміра, сына Казиміра Ягайловича. Понятно, послѣ этого, почему Никола-

---

[1]) Собр. древ. грам. и актовъ городовъ Вильны, Трокъ. LXV—VI. Эта же статья помѣщена въ Ж. М. Н. Пр—я., ч. XXXVI отд. 2 о Пятницкой церкви—77—84 съ двумя видами Пятницкой церкви.

[2]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Трокъ — LXII. Памятн. р. стар. въ зап. губ. Батюшкова, вып. V, 87, 88.

[3]) См. въ Актахъ Вил. Комм. т. XX планъ города Вильны митрополитальной юрисдики. 1672 г.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 101, 127, 166, 173, 258.

[5]) Ibidem 107 173, 187, 421, 427.

[6]) Ibid. 258.

[7]) Ibid. 427. Археограф. Сб. VI. 196, 197.

евскія церкви и костелы являются въ Вильнѣ въ числѣ первыхъ по времени. До сихъ поръ существуетъ въ Вильнѣ на Жмудской улицѣ костелъ св. Николая, и нѣтъ сомнѣнія, что это одна изъ древнѣйшихъ святынь города, современная появленію въ Вильнѣ латинства, при Гедиминѣ. Подъ покровомъ Святителя и Чудотворца Николая хотѣли утверждаться въ Вильнѣ первые христіане. До послѣдняго времени сохранялось здѣсь древнее обыкновеніе ежегодно совершать въ 6-й день Декабря, т. е. въ день успенія св. Николая торжественную литургію подъ названіемъ *магистратской* [1]). Нѣкоторые писатели хотятъ думать, что первоначально на мѣстѣ костела св. Николая была церковь того же святаго и что здѣсь даже были погребены св. Виленскіе мученики [2]). Но это предположеніе явилось вслѣдствіе того, что писавшіе о древнихъ церквахъ въ Вильнѣ замѣчали, что въ древнія времена въ Вильнѣ было двѣ Николаевскихъ церкви: одна—существующая до сихъ поръ на Большой улицѣ, а мѣстонахожденіе другой представлялось очень труднымъ къ опредѣленію. Эти писатели и думали видѣть въ костелѣ св. Николая на Жмудской улицѣ вторую церковь св. Николая [3]). Въ настоящее время, послѣ изданія массы архивныхъ рукописныхъ документовъ, съ точностію опредѣляется мѣстонахожденіе и другой церкви св, Николая. Это, какъ мы сказали, былъ уголъ Лоточка (нынѣшняго Пятницкаго переулка). Митрополитъ Гавріилъ Коленда считалъ эту церковь одною изъ древнѣйшихъ [4]). Къ этой

---

[1]) Ж. М. Н. ч. XXXVI. Отд. 2. 79. пр. I. Dzieje nar. Lit.—Narbutt. - T. V dodatek 10. 45 Его же—Pisma historyczne—179—181. Въ подтвержденіе мнѣнія Нарбутта о давности Николаевскаго костела въ противность мнѣнія Грибовскаго—„Skarb nieoszacowany oo. Franciszkanow Litewskich"—Wilno—1740 г. str. 140—приводимъ слѣдующее мѣсто изъ грамоты Сигизмунда I, подтверждающей фундушевую запись Гануля Францишканамъ: in primis exhibuit (venerabilis et religiosus frater Georgius) litteras, quibus nobilis Hanul, haeres in Nakieny, Namiestnik Vilnensis dedit haereditatem suam, Nakieny nuncupatam, cum omni jure, et omnes areas suas ante et retro et ex larete oratorij S. Nicolai, eidem ecclesiae et oratorio S. Nicolai, quod eundem Fratribus ordinis S. Francisci monasterii Vilnensis adscripsit, censu serenissimi Principis Skirgallo, supremi ducis Lithvaniae, antecessoris nostri, et reverendissimi patris domini Andreae Eppi Vilnensis, ad donationem haereditatis et arearum praedictarum, tum etiam in asscriptionem oratorii praedicti monasterio faciendam accedente... (Рукоп. Отд. Вилен. Пуб. Библіотеки—залъ Б, шк. 7, № 111 стр. ном. 7 и 8). Упоминаемый въ приведенномъ отрывкѣ епископъ Андрей назначенъ въ Вильну въ 1387 г. и скончался въ 1398 г. (Pisma histor. Narbutta—160. Przyjałgowski — Żywoty biskupów Wilenskich—Petersburg—1860 г. T. I. str. 15, 27). Но при немъ уже былъ костелъ св. Николая и онъ соглашается на его приписку къ Францисканскому монастырю. Приведеннымъ отрывкомъ возстановляется названіе жертвователя и его вотчины. Нарбуттъ называетъ его „dziedzic *na Kieniach*" (Pisma histor.—182).

[2]) Latopisiec Litwy i kron. Russka—Daniłowicz—170—прим. 157.

[3]) Ibidem. Ср. Narbutt—Dzieje nar. Litewskiego—T. 5, Dodatek X, стр. 45.

[4]) Wizerunki i roztrząsania naukowe—poczet nowy drugi. T. 2. str. 51.

церкви мы относимъ слова лѣтописца, изданнаго Даниловичемъ: „тогожъ лѣта (1347) убіенъ бысть отъ великаго князя Ольгерда Литовскаго Круглецъ, нарѣченный во святомъ крещеніи Евстафій, за правовѣрную вѣру христіанскую и положенъ бысть *у святаго Николы въ Вильнѣ съ сродники своими въ гробѣ*, съ великима мученикома Антоніемъ и Іоанномъ [1]). Значитъ, по справедливому замѣчанію Даниловича, Успенско-Николаевская церковь должна быть очень древняя, если уже въ 1347 году хоронили умершихъ въ ея оградѣ [2]). Если вспомнить то уваженіе, которымъ пользовался св. Николай среди русскихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что съ поселеніемъ ихъ въ Вильнѣ должна была явиться здѣсь и церковь его имени, какъ Покровителя ихъ, а равно и самаго поселенія—города [3]). Успенско-Николаевскую церковь мы считаемъ мѣстомъ погребенія св. Виленскихъ мучениковъ потому, что въ актахъ она просто называется церковію св. Николая [4]), тогда какъ Николо-перенесенская церковь на Большой улицѣ всегда называется или церковію перенесенія св. Николая, или же церковію, стоящею въ рыбномъ ковцѣ [5]), и при ней, на сколько могутъ запомнить старожилы и на сколько сохранились преданія о самой церкви, никогда, какъ заявили свидѣтельскія показанія 17 ст, не погребали умершихъ [6]). Самый праздникъ памяти успенія св. Николая гораздо древнее празднованія перенесенія мощей его. Последне установлено въ Россіи около 1092 [7]).

Успенско-Николаевская церковь была деревянная съ каменною при ней колокольнею. При церкви находилось большое кладбище, занимавшее всю лѣвую сторону переулка Лоточка [8]).

Въ 1566 году священникъ изъ Клецка Прокопій Леоновичъ просилъ ходатайства Виленскихъ бурмистровъ и мѣщанъ о предоставленіи ему мѣста священника при Никольской-успенской церкви въ Вильнѣ, при чемъ о самой церкви говоритъ, что она деревянная [9]). Въ 1609 году, при передачѣ православныхъ церквей

---

[1]) Latopisiec Litwy—Daniłowicz—169—170.

[2]) Latopisiec Litwy—Daniłowicz—прим. 157.

[3]) Pisma historyczne—Narbuta—181.

[4]) Акты Вилен. Ком. т. XX. 106, 258. Археогр. сборн. т. 6. 124.

[5]) Акты Виленск. Ком. т. XX. 259, 307, 410, 411, 420, 421, 424, 425, 427. Ср. Археогр. сборн. т. 6. str. 22, 30, 34, 50 и др.

[6]) Акты Вилен. Ком. т. XX. 428.

[7]) Полн. Собр. Рус. лѣтоп. Спб. 1841 г. 3. стр. 213.

[8]) Акты Вилен. Комм. т. XX. 424 и планъ города. Wizerunki--poczet drugi—T. 23. str. 51. Памятн. русской старины въ западн. губерн.—Батюшкова—вып. 5, стр. 83 и планы Вильны—вып. 5 и 6.

[9]) Археогр. Сборн. т. 6. стр. 33.

уніатамъ, упоминается и о другой церкви „светого Николы, кромѣ Перенесеня светого Николы“ [1]). Послѣ пожара 1610 года, уничтожившаго и Николаевскую церковь, мы не находимъ извѣстій о ея возобновлении, а въ 1612 году встрѣчаемся только съ дозволеніемъ митрополита Виленскому мѣщанину Петру Васильевичу возобновить и держать въ арендѣ „мѣшканья при церкви деревянной светого Николы, подъ звонницею будучые, при улицы Сумлинской“ (Смилинской). При этомъ разрѣшалось открыть тамъ „шинкъ медовый, пивный, горѣлочный и всякаго напою“ [2]). Такое запустѣніе привело къ совершенному забвенію о мѣстѣ святѣ и уже въ 1671 году представители Виленскаго магистрата въ спорѣ съ митрополитомъ о церковныхъ плацахъ и погостахъ заявляютъ полное сомнѣніе въ существованіи даже когда нибудь церкви „светого Николы“ [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ XIV столѣтіи существовала уже и Николо-перенесенская церковь. Грамотою 1514 года великій литовскій князь Сигизмундъ I позволяетъ князю Константину Острожскому построить изъ камня двѣ церкви—Свято-Троицкую и Николаевскую [4]). По замѣчанію нѣкоторыхъ изслѣдователей, еще Іуліанія Тверская, вторая супруга князя Ольгерда, построила Николо-Перенесенскую церковь, и хотя она была каменная, но къ началу XVI стол. сильно обветшала, почему князь Константинъ Острожскій и выпросилъ себѣ разрѣшеніе возобновить ее [5]). Неизвѣстно только, на тѣхъ ли самыхъ фундаментахъ создана новая церковь, или князь Острожскій избралъ для нея по сосѣдству другое мѣсто [6]).

Въ пятнадцатомъ и въ началѣ XVI-го столѣтія по всему западно-русскому краю съ особенною торжественностію и великимъ цочитаніемъ (cum magna veneratione) праздновали память перенесенія мощей святителя Николая въ городъ Баръ изъ Миръ Ликійскихъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ записи въ книгахъ Войтовскаго Виленскаго суда [7]). Это было время паденія Византійской Имперіи, и латиняне готовы были видѣть въ этомъ новое доказательство гнѣва Божія на греческую церковь за ея неправовѣріе. Перенесеніе мощей святителя Николая, совершившееся въ концѣ XI стол., латинствующіе писатели объясняли теперь какъ

---

[1]) Ibid. 153.
[2]) Археогр. Сборн. т. VI. Стр. 196—7.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 427.
[4]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Вильны, Ковна . . . Вильна. 1843. г. 2. Стр. 14.
[5]) Пам. рус. стар.—Батюшкова вып.—5. 85.
[6]) Ср. Wizerunki—poczet nowy drugi. T. 22, str. 13, 17.
[7]) Ibid. str. 18, пр. 1.

начавшееся удаленіе отъ грековъ Божіей милости [1]). По ихъ сказаніямъ, святитель Николай неоднократно являлся многимъ во снѣ съ просьбою перенести его изъ страны невѣрующихъ на христіанскій западъ. Послѣ паденія Византійской имперіи въ 1453 году празднованіе памяти перенесенія мощей святителя Николая, какъ событія, упредившаго это паденіе и громко заблаговременно о немъ свидѣтельствовавшаго, должно было явиться для современниковъ, руководимыхъ латинствующимъ направленіемъ, особенно сочувственнымъ и благовременнымъ. На нѣкоторое время оно затемняетъ собою память кончины святителя Николая, и князь Острожскій возстановляетъ не древнѣйшій храмъ святителя Николая на углу Пятницкаго переулка (Лоточка), но другой, въ рыбномъ концѣ, на Большой улицѣ и при томъ во имя перенесенія мощей святителя Николая. Извѣстно, что греческая церковь не приняла этого праздника; это значительно облегчало королю Сигизмунду дать князю Острожскому грамоту на возстановленіе церкви, посвященной памяти такого событія, которое какъ будто приближало ее болѣе къ латинству [2]).

Древнѣйшее упоминаніе о Николо-Перенесенской церкви находимъ въ грамотѣ митрополита Кіевскаго Іосифа Солтана Виленскимъ мѣщанамъ о предѣлахъ участія ихъ въ дѣлахъ приходскихъ Виленскихъ церквей отъ 1511 года. Здѣсь эта церковь называется то просто „Перенесенская церковь, то „церковь светого Николы перенесенье“ [3]). Въ 1609 году митрополиту Потѣю въ числѣ другихъ церквей передана была и церковь „перенесенье светого Николы“ [4]). Коммиссія, осматривавшая Виленскія церкви въ 1619 году, замѣчаетъ, что члены ея въ полномъ составѣ были на погостѣ церкви перенесенія мощей св. Николая, которая, т. е. церковь,—находится вь рынкѣ и погостъ которой имѣетъ опредѣленныя границы, именно: онъ выходитъ главною стороною въ рынокъ, въ рыбномъ концѣ [5]). Въ 1671 году упоминается о церкви перенесеніи св. Николая, что она каменная, сохраняетъ свои древнія границы и находится въ цвѣтущемъ состояніи. Напрасно представители Виленскаго магистрата хотѣли доказать митрополиту Гавріилу Колендѣ въ 1671 году, что никакой другой Николаевской церкви не было, кромѣ наличной въ Рыбномъ концѣ, что это просто, по меньшей мѣрѣ, не-

---

[1]) Исторія Русск. Церкви митр. Макарія—Спб. 1857. т. 2. 192—94. Wiara prawosławna—Kulesza—Wilno. 1704 г. str. 85—88.

[2]) Ibid. Ср. Ист. Русск. Церкви—Филарета Черниговскаго. Харьковъ—1849 г. т. I. стр. 150 и пр. 265.

[3]) Археогр. Сбор. т. VI, 7, 8, 13.

[4]) Ibidem 153.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 250. Археогр. Сборн. т. VI. 299, 300.

доразумѣніе со стороны митрополита и его повѣреннаго и незаконное расширеніе митрополичьей юриздикціи. Нѣтъ, возражалъ митрополитъ, ошибается Виленскій магистратъ, указывая положеніе церкви св. Николая (успенія) въ Рыбномъ концѣ, а не возлѣ церкви св. Иліи; эту я и самъ хорошо знаю и вижу ее in flore, но это церковь Перенесенія св. Николая, которой и огонь — вотъ уже слишкомъ сто лѣтъ—нисколько не повредилъ, а та церковь св. Николая, не перенесенія, а успенія (non translationis, sed sancti obitus), не каменная, а деревянная; ея слѣдъ и священное мѣсто очевидны изъ подлинныхъ документовъ, приводимыхъ самимъ магистратомъ [1]).

Около половины XIV в. явилась въ Вильнѣ и Успенко-Пречистенская церковь или Пречистенскій соборъ. Съ 1415 г, когда послѣдовало раздѣленіе митрополіи русской на восточную и западную, храмъ этотъ сдѣлался каѳедральнымъ и сталъ называться нерѣдко митрополитальнымъ. Основаніе Пречистенскаго собора лѣтописи приписываютъ великому князю Ольгерду: „И по малѣхъ днехъ преставися, говоритъ Никоновская лѣтопись объ Ольгердѣ (1377 г.), и положиша тѣло его въ церкви Пресвятыя Богородицы въ Вильнѣ, *юже самъ созда...*“ [2]).

Трудно съ точностію опредѣлить время, когда положено основаніе храму. Его строили зодчіе изъ Кіева, на подобіе Софійскаго храма Ярослава Мудраго. Мѣсто для постройки избрано было на лѣвомъ берегу р. Вильны, въ центрѣ русскаго поселенія города и недалеко отъ великокняжескаго дворца. Построенный храмъ освященъ былъ извѣстнымъ впослѣдствіи святителемъ Московскимъ Алексіемъ [3]).

Пречистенскій соборъ служитъ свидѣтелемъ всей прошлой жизни города Вильны. Онъ видѣлъ его славу, страдалъ его бѣдствіями. Онъ служилъ средоточіемъ церковной жизни сначала для православныхъ, потомъ для уніатовъ. Протопопы Пречистенскаго собора нерѣдко бывали намѣстниками митрополитовъ и ихъ именемъ вершили всѣ церковныя дѣла, творили судъ и расправу. Съ настоятелями другихъ Виленскихъ церквей они составляли церковный соборъ, клиросъ, или, со временъ уніи—капитулу. Это была высшая мѣстная церковно-судебная инстанція въ каждой епархіи.

---

[1]) Акты Вилен. Ком. т. XX. 423, 424.

[2]) Исторія Государства Россійскаго—Карамзина—Спб. 1819. т. V, прим. 50. Latopisiec—Daniłowicza—189 стр., прим. 210. Narbut—Dz. nar. Lit. T. V. 235, прим. 1.

[3]) Пам. рус. стар. въ зап. губ.—Батюшкова—вып. 5, стр. 89.

Въ Пречистенскомъ соборѣ погребена была и вторая супруга основателя собора великая княгиня Іуліанія Тверская. Очевидцы разсказываютъ, что когда зданія Пречистенскаго собора приспособляли для анатомическаго театра, то въ его подвалахъ найдена металлическая доска, бывшая при одномъ изъ гробовъ, съ славянскою надписью, которая свидѣтельствовала, что здѣсь были погребены останки Іуліаніи Ольгердовой, великой княгини Литовской. Эту доску взялъ было С. М., деканъ факультета политическихъ и нравственныхъ наукъ въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ [1]). Пречистенскій соборъ встрѣчалъ великую княжну Елену Іоанновну, когда она вступала въ Вильну невѣстою великаго Литовскаго князя Александра. Онъ же принялъ ее въ свои нѣдра, когда она, осиротѣвшая въ 1506 годя послѣ смерти своего мужа, изстрадавшаяся и измученная нравственно [2]), отдала въ 1513 году душу свою Богу [3]). По временамъ, послѣ страшныхъ пожаровъ, положеніе Пречистенскаго собора становилось безвыходнымъ. Но тогда принимались особыя мѣры, и онъ опять являлся достойнымъ своей славы [4]). Послѣ страшнаго запустѣнія въ концѣ прошедшаго и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, онъ теперь снова возстановленъ и служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній города. Отъ имени Пречистенскаго собора прилегающая къ нему улица получила названіе Пречистенской [5]).

Рядомъ съ Пречистенскимъ соборомъ, ближе къ рѣкѣ Вильнѣ, находилась Спасская церковь. Нѣкоторые изслѣдователи полагали, что это была не отдѣльная церковь, а таже самая – Пречистенская, такъ какъ и при упоминаніи о Пречистенской церкви ей безразлично придавали наименованіе то Спаскоей, то Пречистенской [6]). Но въ актахъ Спасская церковь ясно отдѣляется отъ Пречистенской. Въ 1580 году въ реестрѣ восковой дани на Виленскія церкви отдѣльно указывается „свѣча до светого Спаса зо двухъ каменей и четырехъ восковъ“ и отдѣльно „свѣча до светое Пречистое зъ пяти каменей и чотырехъ восковъ“. Тутъ же перечисляются свѣчи до другихъ церквей: до светого Николы, до Рождества Христова, ку Воскресенью, ку светой Троицѣ и ку светому Петру [7]). Послѣ пожара 1610 года Спасская церковь сильно пострадала и „кгрунты, до церкви

---

[1]) Wizerunki... T. 22, str. 41.

[2]) Акты Археограф. Экспедиціи. Спб. 1836 г. т. I. 104—110.

[3]) Акты Зап. Россіи. Спб. 1848. т. 2, 110 и пр. 50.

[4]) См. Акты Вил. Ком. т. XX. 92, 94, 95, 98, 114, 164, 227, 258 и дальше. Археогр. Сборн. т. VI. 25, 48, 50, 55...

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 70, 200, 258 и др.

[6]) Wizerunki. T. 22. str. 40—42.

[7]) Археогр. Сборн. т. VI. 50. Акты Вил. Ком. т. XX. 98, 258.

светого Спаса належачые впустѣ зостали“; потому архимандритъ Іосифъ Рутскій, намѣстникъ митрополита, разрѣшаетъ въ 1612 году строиться на церковной землѣ мѣщанину и купцу Виленскому славетному Валентому Урбановичу; доходъ отъ земли долженъ былъ поступать въ пользу Виленскаго Спасскаго священника [1]). Въ 1619 году при осмотрѣ Виленскихъ церквей Коммиссія нашла уже Спасскую церковь въ совершенномъ запустѣніи [2]). Съ этихъ поръ она болѣе не возстановлялась, хотя названіе ея сохранилось въ наименованіи сосѣдихъ воротъ въ городской стѣнѣ и сосѣдней богадѣльни—госпиталя Спасскими; существуетъ и Спасская улица, ведущая къ бывшимъ Спасскимъ воротамъ [3]). Утвержденіе Wizerunków [4]) противъ Крашевскаго, что Спасская церковь существовала до конца XVIII столѣтія и что въ ней совершалось богослуженіе, не имѣетъ основанія въ виду указанныхъ документальныхъ данныхъ; очевидно, авторъ объединяетъ Спасскую церковь съ Пречистенскою, что отчасти видно и изъ употребляемаго имъ названія: „Metropolitalna Spaska“ [5]).

Въ это же время, въ княженіе Ольгерда—явились въ Вильнѣ и многія другія церкви, которыя, какъ видно изъ документовъ, безъ сомнѣнія существовали [6]), но относительно основанія которыхъ уже въ началѣ XVII и даже въ половинѣ XVI стол. оставалось очень немного указаній [7]).

Вотъ основанія для такого утвержденія. Въ 1506 г. Апрѣля 29 дня Литовскій князь Александръ особою грамотою дозволяетъ князю Михаилу Глинскому, по званію душеприкащика Кіевскаго воеводы князя Димитрія Путятича, данниковъ его и движимое имущества роздать на православные монастыри и церкви. Въ этой грамотѣ читаемъ: „а половину тыхъ же данниковъ Зеремцовъ и уставъ меду, который съ нихъ идетъ, далъ и записалъ (князь Глинскій „зъ нашимъ дозволеньемъ)“ къ церкви Божой Пречистой Богоматери у Вильни, а къ тому тежъ далъ десять копъ грошей на вѣчный уписъ въ митрополичій синодикъ... а на монастырь св. Троицы у Вильни десять копъ грошей, и *на дванадцать церквей Виленскихъ* по копѣ грошей [8]). Въ одномъ документѣ 1774 г. клерикальнаго проис-

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 226.
[2]) Ibidem 258.
[3]) Акты—Т. XX. 403, 404. Ср. Wizerunki T. 22, str. 42, 43. T. 23, str. 48. T. 24, str. 239.
[4]) T. 22, str. 127.
[5]) Ibid. Ср.—Wiilno—Kraszewskiego—Wilno. 1840 г. T. 2, str. 94.
[6]) Акты Виленской коммиссіи—т. XX. 258, 259, 389—432 и др.
[7]) Екатерининская, Ильинская... ibid. 427.
[8]) Акты Зап. Рос. Т. I, стр. 370.

хожденія замѣчено, что когда въ 1504 году рѣшено было приступить къ устройству въ Вильнѣ защитной отъ враговъ кругомъ города каменной стѣны и по этому поводу торжественно совершался по намѣченнымъ мѣстамъ церковный крестный ходъ, то, для усиленія торжества, звонили въ колокола „siedmiu kościołów i kilkunastu cerkwi“ [1]). Въ грамотѣ митрополита Кіевскаго Іосифа Солтана 1511 г. Виленскимъ мѣщанамъ о предѣлахъ участія ихъ въ дѣлахъ приходскихъ Виленскихъ церквей упоминаются церкви: „монастырь светое Тройцы, церковь светого Николы Перенесенье или попъ Перенесенскій, попъ Воскресенскій, попъ Никольскій (успенія св. Николая), Екатеринскій, Михаиловскій, Рожественскій, Ивановскій, Пятницкій, Козьмодамьянскій, Спасскій, Юрьевскій“—всѣ по мѣсту настоятельства въ церквахъ соотвѣтственнаго имени [2]). Изъ указанныхъ документовъ совершенно ясно, что къ началу XIV столѣтія въ Вильнѣ существовало немало православныхъ церквей. Когда же они могли быть основаны? Извѣстно, что Ягайло, по введеніи въ Литву латинства, преслѣдовалъ православіе. По его постановленію, запрещалось вступать въ бракъ лицамъ латинскаго и греческаго обряда, пока эти послѣдніе не примутъ латинства [3]). Около 1480 года Казиміромъ Ягайловичемъ положительно запрещено было построеніе новыхъ и починка старыхъ православныхъ церквей [4]). И до какой степени свято соблюдалось это постановленіе, можно видѣть опять таки изъ рѣчей литовскаго князя Александра, у котораго великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ настаивалъ на постройкѣ церкви въ Виленскомъ замкѣ для его дочери Елены Іоанновны, бывшей замужемъ за литовскимъ княземъ Александромъ. „Што есте говорили намъ отъ великаго князя Ивана Васильевича, абыхмо дочери его, а нашой великой кнегини поставили церковь греческаго закону на переходѣхъ, подлѣ ее хоромъ; ино князи наши и панове, вся земля, маютъ на то право и записы отъ предковъ нашихъ и отъ отца нашого, и отъ насъ, и то въ правѣхъ написано, што церквей греческого закону больше не прибавлять; ино намъ тыхъ правъ предковъ нашихъ, и отца нашого и нашихъ негодится рухати; а кнегинѣ нашей ее милости церковь греческого закону въ городѣ есть близко: коли ее милость всхочеть до церкви, и мы ей въ томъ не боронимъ“ [5]).

---

[1]) Pisma historyczne Narbutta—193.

[2]) Археогр. Сборн. Т. VI, стр. 7—11.

[3]) Собр. древн. акт. и грамотъ городовъ: Вильны, Трокъ, Ковна—Семенова— ч. I. XXXVIII. Wilno.—Kraszewskiego—T. I, str. 77.

[4]) Stebelski—t. II, стр. 67 примѣч.—Wiara Prawosławna—Kuleszy—Wilno. 1704 г. 182.

[5]) Акты Зап. Россіи т. I. стр. 141 ср. ibid. 154.

Понятно, такимъ образомъ, что всѣ почти Виленскія церкви, за исключеніемъ позднѣйшихъ, должны были явиться только въ княженіе Ольгерда, при заботахъ объ этомъ его супруги Іуліаніи Тверской. Къ числу такихъ церквей относятся слѣдующія.

Покровская. Когда и кѣмъ основана, неизвѣстно. Очевидно то, что въ первой половинѣ XVI вѣка она считалась уже старинною. Въ это время (1546 г.) архимандритъ Кіевопечерской лавры, Іоаннъ Матѳеевичъ, бывшій настоятель Виленской свято-Покровской церкви, записывая на церковь собственный каменный домъ въ Вильнѣ для помѣщенія священнослужителей этой церкви, говоритъ, что онъ поставилъ его на мѣстѣ стараго деревяннаго дома, съ давнихъ поръ принадлежавшаго священнослужителямъ Покровской церкви. Усильными стараніями онъ отыскалъ эту собственность Покровской церкви, которою незаконно завладѣлъ было Виленскій мѣщанинъ Андрей Мацкевичъ[1]). Въ 1529 году король Сигизмундъ подтверждаетъ купчую, совершенную Иваномъ Горностаемъ и Настасьей Зеновичовой на плацъ „въ мѣстѣ Виленскомъ, подлѣ церкви Покрова Пречистое Богоматери", отъ покупки котораго еще раньше отказался Ивашко Сопѣга[2]). До 1610 года Покровская церковь, какъ свидѣтельствуютъ акты, находилась въ болѣе или менѣе цвѣтущемъ состояніи[3]). Съ этого времени она быстро начала идти къ упадку. Въ 1610 году архимандритъ Іосифъ Веляминъ Рутскій въ своемъ дозволеніи, съ согласія митрополита Ипатія Потѣя, построить Виленскому мѣщанину Липницкому домъ на землѣ Покровской церкви, заявляетъ, что до этого времени на этомъ же мѣстѣ имѣли домъ члены портняжнаго цеха и „что все ихъ будованье на кгрунтѣ церковномъ Покрова Пречистое Богородицы черезъ тую пожогу (страшный пожаръ въ Вильнѣ 1610 г.) погорѣло, а по погорѣнью знову они на томъ пляцу будоватися не хотѣли, за чимъ на церковь Божую поземъ звыклый не доходилъ"[4]). Въ актѣ осмотра въ 1619 году особою коммиссіею Виленскихъ церквей замѣчено, что церковь Пр. Богородицы, называемая Покровскою, стоитъ запустѣлою и выходитъ своею каменною оградою на (нынѣшнюю Покровскую) улицу, именно находится по лѣвой сторонѣ этой улицы, если идти отъ рынка мимо Кальвинскаго сбора (употребляемъ выраженіе документовъ,—теперь конвиктъ гимназіи) къ Бернардинскому костелу, а съ другой стороны эта церковь съ своею

---

[1]) Археогр. Сборн. т. VI, 37. Ср Wizerunki. . . Т. 23, стр. 41, 42.
[2]) Акты Вилен. Ком. т. XX стр. I. Археогр. Сборн. т. III, Стр. 7, 49.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 26, 27, 30, 31, 95, 123, 159, 164, 216, 223 и др.
[4]) Археогр. Сборн. т. VI стр. 278. Ср. Акты. . .т. XX стр. 227.

каменною стѣною находится въ оградѣ Кальвинскаго сбора; отъ этой церкви къ сбору идутъ большія ворота; каменная стѣна той церкви доходитъ до воротъ сбора, а погостъ церкви простирается до дома Раецкихъ и задней стороны каменнаго дома Сенкевичей, принадлежащаго теперь (1619 г.) доктору Шкоту[1]). Когда въ 1640 г. дозволено было отыскивать плацы и земли, захваченные кальвинистами, то сейчасъ же оказалось, что церковь св. Покровы много отъ нихъ пострадала. Митрополитъ Рафаилъ Корсакъ, въ лицѣ повѣреннаго своего архимандрита свято-Троицкаго монастыря Алексѣя Дубовича, заявилъ суду, что кальвинисты, пользуясь слабостію и безсиліемъ греческаго духовенства и опираясь на могущественное вліяніе Радивилловъ, прежде всего построили свой громадный каменный Сборъ на церковной (Покровской) землѣ; послѣ нѣкотораго времени, на алтарной стѣнѣ Покровской церкви, къ востоку, они вывели башню своего Сбора или колокольню, съ великимъ поруганіемъ, по замѣчанію митрополита, православной религіи; на сѣверной сторонѣ церкви погостъ и кладбище они обратили въ сборовый плацъ и совершенно снесли помѣщеніе священнослужителей; два каменныхъ дома, которые были построены на церковной землѣ и поземельное съ которыхъ уплачивалось всегда въ пользу Покровскихъ священнослужителей, обратили на свои нужды и устроили здѣсь школу и госпиталь; они присвоили себѣ и другой еще домикъ, деревянный, принадлежавшій Покровской церкви и находящійся по сосѣдству со Сборомъ[2]). При такомъ расхищеніи собственности Покровской церкви, она неминуемо шла къ полному обнищанію и забвенію. Въ 1671 году, когда рѣшался споръ между митрополитомъ Гавріиломъ Колендою съ одной стороны и Виленскимъ магистратомъ съ другой—о правѣ владѣнія нѣсколькими плацами въ г. Вильнѣ, Покровская церковь и ея колокольня находились уже въ окончательномъ запустѣніи; разваливающіяся стѣны самой церкви очутились въ срединѣ зданій евангелическаго Сбора. И тутъ мы узнаемъ послѣднюю печальную повѣсть этой церкви, что dissidentes in religione calvinistica эту церковь и кладбище обратили въ Сборъ, присвоили все себѣ, а домъ священниковъ сравняли съ землею [3]). Этого мало. Чтобы окончательно затереть всякіе слѣды о захватѣ чужаго имущества, старшины Сбора велѣли совершенно разбивать оставшіяся старыя стѣны Покровской церкви, разобранный кирпичъ складывать въ кучу и возить въ указанныя мѣста для собственнаго употребленія.

---

[1]) Акты Вилен. Ком. т. XX стр. 258.

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 328, 450 521. . Wizerunki—poczet drugi—T. 23. str. 36.

[3]) Археогр. Сборн. т. II. 200—203.

Изъ этого кирпича построены были, по заявленію митрополита Гавріила Коленды, госпиталь для кальвинистовъ, училище и нѣкоторые частные дома, въ томъ числѣ Дунина-Раецкаго на Замковой улицѣ. Они уничтожили всякіе пограничные знаки владѣнія Покровской церкви, а равно и старинныхъ стѣнъ, позатирали старинную церковную греческую живопись, поуничтожали и фрески и все обратили ни во что. Дунинъ-Раецкій, Лидскій маршалокъ, какъ глава кальвинистовъ, велѣлъ очистить всѣ сборовые подвалы и склады и оказавшуюся грязь и мусоръ вывозить на земли церкви Покровской. Онъ хотѣлъ позасыпать жилыя помѣщенія, которыя стояли на церковной землѣ, угрожая при этомъ жизни самихъ обывателей и постоянно выказывая презрѣніе къ митрополиту [1]). Древняя Покровская церковь не возродилась болѣе изъ своихъ забытыхъ и заброшенныхъ развалинъ.

А было славное время въ прошлой исторіи и этой церкви. По своему положенію, она ближе другихъ церквей находилась къ нижнему замку, особенно если съ Замковой улицы идти къ ней черезъ ея погостъ, какъ дѣлалось это въ свое время. Ученые соглашаются въ томъ, что именно эту церковь понималъ литовскій князь Александръ, когда писалъ къ своему тестю, великому Московскому князю, что по близости замка имѣется приходская церковь, куда можетъ ходить на Богослуженіе великая княгиня Елена [2]). Въ этой церкви она раскрывала предъ Богомъ свою наболѣвшую душу; здѣсь она, одинокая, искала у Бога утѣшенія, когда „великое бѣды своее и жалости сердечное и ума къ тому (чтобы ширей писати о своихъ бѣдахъ своему отцу и государю) не могла придумать, только з горькими и великими своими слезами и со плачемъ низко челомъ ему била. А тутъ ее заѣдала мысль, что, по словамъ великой княгини, вси (въ Литвѣ) надѣялись, что съ нею зъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помочь на поганство; ино нынѣчи, государю отче, продолжаетъ княгиня, видятъ вси, что же со мною все лихо къ нимъ вышло, война, рать, засѣданіе и сженіе городомъ и волостемъ, крови христіанское розлитье, жены вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крыкъ, плачъ, вопль"... [3]).

Церковь св. Іоанна Богослова иначе Ивановская. Она находилась въ томъ же Покровскомъ переулкѣ, по правой сторонѣ, если итти къ ней съ Большой

---

1) Акты Вил. Ком. т. XX. 433—435.

2) См. Акты Вилен. Коммиссіи т. XX планъ части города Вильны 1672 года Wizerunki T. 23 str. 43. Narbutt—Dzieje star. nar. Litewsk. T. VIII, str. 329 przyp. 1. Kraszewski—Wilno T. I. str. 174 T. III str. 47.

3) Акты Археогр. экспедиціи, собранные въ библіотекахъ и Архивахъ Рос. Имперіи. Спб. 1836 г., т. 5, стр. 104—105.

улицы. Въ представлении Литовской Консисторіи отъ 1827 года во второй департаментъ римско-католической Коллегіи, въ перечнѣ церквей, которыя въ свое время отняты были базиліанами у бѣлаго духовенства, значится и церковь св. Іоанна Богослова, а не Крестителя, какъ нѣкоторые ее называютъ [1]).

Въ 1559 г. Иванъ Яхимовичъ продаетъ Кресѣ домъ на церковной землѣ „межи пляцами церковными, светымъ Михаломъ и межи светымъ Ивановъ". При этомъ продавецъ особенно настаиваетъ на одномъ, чтобы поземельное отъ того мѣста, на которомъ построенъ домъ, вносилось, какъ бывало въ старину (яко ся стародавне захoваетъ), въ пользу священника, который служилъ при церкви святого Ивана [2]). О церкви св. Іоанна Богослова встрѣчаемъ очень частыя упоминанія и въ другихъ документахъ двадцатаго тома актовъ Виленской Коммиссіи [3]). Осмотръ церквей Виленскихъ въ 1619 году говоритъ, что каменныя стѣны Ивановской церкви находятся въ цѣлости, что одною стороною она выходитъ на Покровскій переулокъ, а другою на свой погостъ; часть этого погоста застроена, а часть представляетъ собою пустопорожніе плацы [4]). Около половины XVII ст., Виленскій деканъ Пржецлавскій, безъ согласія митрополита, пріобрѣлъ въ собственность каменный домъ на землѣ Іоанновской церкви. Исправляя этотъ домъ, онъ распространилъ свои постройки до самыхъ стѣнъ церкви и ея погоста. Воспользовавшись далѣе на свои надобности церковною стѣною, онъ устроилъ тутъ жилое помѣщеніе, а въ старомъ церковномъ помѣщеніи велѣлъ заложить кирпичемъ окна, которыя болѣе ста лѣтъ были тутъ и въ которыхъ находились желѣзныя рѣшетки. Черезъ это въ старыя церковныя помѣщенія былъ прекращенъ доступъ свѣта. Въ 1671 г. еще видѣли въ развалинахъ какъ самую церковь св. Іоанна, такъ и старинную каменную при ней колокольню, а погостъ ея все болѣе и болѣ началъ застраиваться частными домами, владѣльцы которыхъ присвоивали себѣ мало по малу съ теченіемъ времени и самую церковную землю. Возбуждаемые со стороны духовенства протесты и жалобы не имѣли благопріятныхъ послѣдствій [5]).

Неподалеку отъ церкви св. Іоанна, въ томъ же переулкѣ и на той же сторонѣ была построена *церковь св. Михаила.* Она находилась при соединеніи По-

---

[1]) См. Акты Вил. Ком. т. XX, 263 и планъ юрисдики митрополита 1672 года. Ср. Wizerunki T. 24, str. 236., пр. 1.

[2]) Акты Вилен. Коммиссіи. Т. XX, стр. 12.

[3]) См. стр. 94, 121, 123, 125, 159, 164, 216, 250, 258 и дал.

[4]) Ibid. 258, Археогр. Сб. т. VI, стр. 298.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 413, 414.

кровскаго переулка съ большею улицею [1]). Уже въ началѣ XVI столѣтія голосъ священниковъ церквей Михайловской, Воскресенской и Ивановской считался иногда очень важнымъ, какъ бы рѣшающимъ, при обсужденіи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ. Когда около 1511 года возникъ споръ у Виленскихъ мѣщанъ съ митрополитомъ о предѣлахъ ихъ участія въ дѣлахъ своихъ приходовъ, они говорили митрополиту: „пытай твоя милость старыхъ поповъ Михайловскаго, Воскресенскаго, Ивановского, кто имъ ключи церковныи подавалъ?“ Значитъ, за этими церквами были уже очень давнія преданія [2]). Въ 1522 году священникъ Юрьевской Росской церкви Матвей духовнымъ завѣщаніемъ записываетъ священнику церкви св. Михаила крестъ, окованный серебромъ, номоканонъ и лисью шубу. Въ 1546 году митрополитъ Макарій рукополагаетъ къ Виленской Михайловской церкви священника Павла Николаевича, который и настоятельствовалъ здѣсь до 1557 года. Въ 1619 году, въ актѣ осмотра церквей того времени замѣчено, что „рядомъ съ погостомъ церкви св. Іоанна находится погостъ церкви св. Михаила, застроенный шляхетскими и городскими домами; главнымъ концемъ этотъ погостъ выходитъ на Большую Замковую улицу, а другимъ простирается до погоста церкви св. Іоанна; одною стороною выходитъ къ Покровскому переулку по дорогѣ къ Сбору, а другою простирается до каменнаго Демеровскаго дома [3]). Изъ этого акта видно, что уже въ 1619 году весь погостъ св. Михайловской церкви былъ застроенъ частными домами. Митрополиты уніатскіе заявляли протесты противъ такого незаконнаго присвоенія церковной собственности. Въ 1620 году, по жалобѣ митрополита Іосифа Рутскаго, король Сигизмундъ III призывалъ къ суду нѣкоего Величка „о безправное забране и неслушное привлащенье кгрунту власного церковного церкви светого Михаила Архангела въ мѣстѣ Виленскомъ на улицы Великой Замковой, не доходечи костела светого Яна, на рогу, идучи уличкою ку збору евангелицкому по правое руцѣ, гдѣ церковь самая стояла и мѣшкане поповское при той церкви бывало“. Въ 1622 году возный доносилъ въ трибуналъ, что, по освидѣтельствованіи цѣлою коммиссіею, онъ нашелъ, что нѣмецъ Бальверъ съ другими участниками своими, „не вѣдати, якимъ правомъ набывши себѣ мѣстца церковного, гдѣ передъ тымъ церковь светого Архангела Михаила была,

---

[1]) Wizerunki—T. 23, str. 49, 50, пр. 1—3.

[2]) Археогр. Сборн. т. VI. стр. 9.

[3]) Акты Вилен. Коммиссіи т. XX. стр. 258. Wizerunki—poczet drugi — T. 23, str. 21, 33. Археогр. Сборн. т. VI, 298.

и онъ самъ тотъ нѣмецъ, будучи геретикомъ, гвалтитъ мѣстца церковные, не даючи тѣламъ людей католицкихъ, пану Богу замерлыхъ, въ покою лежать“ [1]). Это потому, такъ доносилъ возный, что Бальверъ задумалъ строить домъ на церковной землѣ—погостѣ, и копая фундаментъ, гдѣ прежде было кладбище, вырывалъ массу гробовъ, ломалъ ихъ, а кости складывалъ въ кучи и потомъ выбрасывалъ ихъ вонъ. Были и другія подобныя заявленія [2]). Но въ результатѣ не получалось ничего утѣшительнаго и въ 1671 году уже не оставалось никакихъ вещественныхъ слѣдовъ отъ бывшей Михайловской церкви, и все мѣсто святое занято было частными домами [3]). На этомъ основаніи тогда же свидѣтели противной стороны утверждали, что относительно церкви св. Михаила они никогда ничего не слышали, ничего не знаютъ и никакихъ свѣдѣній о ней не имѣютъ [4]).

Еще болѣе печальняя судьба постигла *церковь св. Екатерины.* Уже въ 1619 году она лежала въ совершенныхъ развалинахъ, а погостъ ея застроенъ былъ частными домами [5]). Напрасно митрополитъ Гавріилъ Коленда предъявлялъ въ 1671 году свои права на мѣсто и плацы церкви св. Екатерины; напрасно на основаніи подлинной ставленной грамоты онъ доказывалъ, что еще въ 1548 году митрополитъ Макарій писалъ Виленскимъ мѣщанамъ, чтобы они были послушны рукоположенному имъ по ходатайству Литовскаго подскарбія Горностая къ церкви св. Екатерины священнику Михаилу, что въ 1631 году со стороны суда послѣдовало распоряженіе объ очисткѣ плаца, принадлежащаго церкви св. Екатерины: противная сторона отвѣчала одно: мы ничего никогда не слышали объ этой церкви и свѣдѣній о ней никакихъ не имѣемъ [6]). Но не смотря на такое упорное, съ задними мыслями, замалчиваніе противниковъ митрополита, судъ, убѣжденный его доводами въ истинѣ, призналъ за нимъ право на предъявляемую юрисдикцію [7]). Церковь св. Екатерины лежала къ западу отъ погоста Пречистенскаго собора и митрополичьяго дворца и примыкала къ землѣ костела св. Михаила; на ея погостѣ до сихъ поръ стоитъ домъ такъ называемый Пузыны, фасадомъ къ площадкѣ между костеломъ св. Михаила и зданіями конвикта [8]).

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 262, 328. Археогр. Сборн. т. VI. 198, 215.

[2]) Акты т. XX. 416, 417.

[3]) Ibidem 415.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 430.

[5]) Ibidem—258.

[6]) Ibid. 405, 406, 430. Ср. Акты Вил. Ком. т. X. 357. Wizerunki—T. 23, str. 21, пр. 1. Арх. Сб. т. VI, стр. 8.

[7]) Акты Вил. Ком. т. XX. 430, 431.

[8]) Ср. Wizerunki—poczet drugi. T. 22, str. 7, прим. 1. T. 23, str. 48; T. 24, str. 56, пр. 1.

Церковь св. пророка Иліи. Она занимала часть мѣста нынѣшней гостинницы Нишковскаго и слѣдующаго дома ближе къ нынѣшнему Спасскому переулку. Ея довольно обширный погостъ простирался по правой сторонѣ переулка Лоточекъ до Пречистенской улицы, а съ восточной стороны граничилъ съ погостомъ и плацами церкви Рождества Христова [1]). Въ актѣ осмотра церквей 1619 года замѣчено, что погостъ церкви св. Иліи застроенъ нѣсколькими домами, что онъ находится на улицѣ Савичъ, около погостнаго переулка (нынѣ Спасская улица— drugi Łotoczek) и однимъ концомъ выходитъ къ церкви Пречистенской, другимъ— къ погосту Христорождественсаой церкви [2]). Въ 1622 году Николай Миклашевичъ, возный Виленскаго воеводства, записалъ въ Виленскія гродскія книги, что „тутъ, въ мѣстѣ Виленскомъ, за потребованьемъ намѣстника митрополитового пана Томаша Петровского, онъ ходилъ до дому Ендрыха нѣмца, муляра, на грунтѣ церковномъ будучомъ, яко давали ему справу люди околичные многіе, же тамъ церковь св. Иліи Пророка была неподалеку соборное церкви светое Пречистое; тамъ же въ дому того муляра видѣлъ долъ глубокій на заложеню фундаментовъ, на збудоване склепу мурованого выкопаный, въ которомъ долѣ по обудвухъ сторонахъ въ землѣ видѣлъ труны (гробы) тѣлъ змерлыхъ чотыри, а у концу долу одну труну, а съ середины долу съ пескомъ костей не мало чоловѣчихъ накидано; знать бардзо добре, же тамъ цминтарь, або рачей самое мѣстце церковное есть“ [3]). Хотя относительно и этой церкви съ ея погостомъ противники митрополита находили возможнымъ сомнѣваться въ самомъ ея существованіи, но судъ, съ утвержденія короля, на основаніи представленныхъ доказательствъ, призналъ вполнѣ законными права митрополита на предъявляемую юрисдику [4]),

Къ востоку отъ свято-Ильинской церкви, на той же площади, ближе къ рѣкѣ Вильнѣ находилась *церковь Рождества Христова.* Погосты этихъ церквей, какъ сказано выше, соприкасались между собою. Осмотръ церквей 1619 г. свидѣтельствуетъ, что погостъ этой церкви одною стороною примыкаетъ къ улицѣ Савичъ, а другими простирается до Спасскихъ воротъ, до Пречистенской улицы и до погоста церкви св. Иліи [5]). Въ документахъ находимъ упоминаніе о церкви Рождества Христова въ началѣ XVI ст. Въ 1510 году королевскою грамотою,

---

1) Wizerunki... T. 23, str. 51.
2) Акты Виленской коммиссіи—т. XX. 258. Археогр. Сбор. т. VI. стр. 299.
3) Акты Вил. Ком. Т. XX, стр. 277, 422. Арх. Сб. Т. VI. 281.
4) Акты Вил. Ком. Т. XX. 430, 431. Wizerunki—poczet drugi. T. 23, str. 19, прим. 1.
5) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 258. т. XI. 83, Археогр. Сборн. т. VI. 299. Wizerunki—poczet drugi—T. 23. str. 48.

Григорію Исаевичу Громыкѣ, ключнику Виленскому, за его вѣрную службу дается „мѣстце городское и зъ малою улочкою на будованье двора его въ мѣстѣ Виленскомъ, подлѣ *Рождества Христова*“ [1]). Въ 1511 году священникъ Христорождественской церкви Іаковъ свидѣтельствовалъ передъ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ, что церковь ему далъ митрополитомъ Іосифъ Болгариновичъ, „а мѣщане просили за мною митрополита, прибавляетъ о. Іаковъ, а увязалъ мене (сдѣлалъ вводъ) пѣвецъ митрополичій Ивашко Скалозубъ, и ключъ ми далъ, а мѣщанъ дей при томъ не было“ [2]). Въ документѣ 1555 года, по которому дочь Громыки отдавала дворъ свой подъ залогъ трехъ сотъ копъ грошей литовскихъ, о Христорождественской церкви сказано яснѣе: „я Оникей Горностай. . . чиню явно тымъ моимъ листомъ, ижъ што первшая жона моя небозчица Настасья Григорьевна Громычанка заставила была мнѣ дворъ свой мурованый въ мѣстѣ Виленскомъ, противъ церкви Рожества Христова, въ трехъ стахъ копахъ грошей личбы литовское“. . [3]). Послѣ пожара 1557 г. Христорождественская церковь находилась въ развалинахъ и въ 1560 году король Сигизмундъ Августъ далъ привилей на ея возстановленіе. Что она дѣйствительно была возстановлена, объ этомъ можно судить на основаніи запродажнаго акта 1592 г. на церковный домъ, который стоялъ прямо *противъ дверей* церковныхъ [4]). Въ 1619 году весь погостъ Христорождественской церкви былъ застроенъ домами частныхъ лицъ. Въ 1671 году видны были только остатки ея алтарной части: они представляли собою старинную каменную стѣну, три сажени длины и въ поперечникѣ—полторы сажени [5]). Но и эти дорогіе остатки исчезли съ теченіемъ времени.

Церковь Петро-Павловская на Зарѣчьѣ. Часто въ документахъ она упоминается подъ однимъ именемъ св. Петра [6]). и называется то церковію св. Петра, то церковію русскою св. Петра, то просто святымъ Петромъ [7]). Акты неоднократно упоминаютъ о ней въ XVI ст. Въ 1558 г. въ судъ представлена была конфирмація короля Сигизмунда Августа продажи нѣсколькихъ дворовъ и плацовъ въ городѣ Вильнѣ на Зарѣчьѣ „съ ограниченьемъ певнымъ, лежащихъ за рѣкою

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XI. 5. Въ подлинникѣ годъ 1410 показанъ ошибочно.
[2]) Археогр. Сбор. т. VI, Стр. 9.
[3]) Акты Вилен. Ком. Т. XI 9.
[4]) Археогр. Сборн. т. VI. стр. 44, 45. Wizerunki—poczet drugi—T. 23 str. 21. пр. 1.
[5]) Акты Вилен. Ком. т. XX, 258, 411.
[6]) Ib.d. 122, 366, 367. 368. 371, 374, 375, 413, 426, 430. Ср. Археогр. Сборн. т. VI 45, 47, 50.
[7]) Ibidem.

Вильнею, на улицы Рыконтиской, против церкви руское светого Петра“ [1]). . При церкви был обширный погост и госпиталь. Церковь находилась по лѣвой сторонѣ улицы, при выходѣ из города на Зарѣчье. Погост ея простирался дальше и был с одной стороны от улицы напротив костела св. Варѳоломея, а с другой граничил с нынѣшнею землею братскаго дома [2]). В 1609 году церковь св. Петра вмѣстѣ с другими церквами была отнята у православных и королевским чиновником передана митрополиту уніатскому Потею [3]). С этих пор началось ея разрушеніе. Около половины XVII в. мы находим о ней упоминаніе, когда, по распоряженію митрополита Антонія Сѣлявы, Виленскій протопоп и намѣстник митрополичій Евстафій Каминскій передавал для сохраненія настоятелю Виленскаго свято-Троицкаго монастыря Захаріи Ильговскому церковное серебро от нѣкоторых Виленских церквей, в том числѣ и от церкви св. Петра и Павла на Зарѣчьѣ. Это происходило в 1653 году 5 марта, когда в Вильнѣ начинали уже опасаться войны с царем Алексѣем Михайловичем [4]). В 1667 году Виленскій бурмистр Николай Кличевскій по духовному завѣщанію от 8 января записал извѣстную сумму между прочим и на госпиталь церкви св. Петра на Зарѣчьѣ [5]). Но в 1671 году мы встрѣчаемся уже с таким печальным заявленіем, что церковь Петро-Павловская, как и погост ея, хотя сохраняют свои граничные знаки, но находятся в сильнѣйшем запустѣніи [6]).

Церковь св. Козьмы и Дамiана. Это была деревянная церковь и находилась на правой сторонѣ улицы, если итти по Бакштѣ вверх, при соединеніи ея с нынѣшнею Андреевскою улицею. В настоящее время здѣсь находится дом духовнаго мужскаго училища с церковію св. Апостола Андрея [7]). Об этой старинной церкви находим упоминаніе в 1503 году в уступочной записи Федьки Ивашковича и брата его Богуша матери своей Аннѣ Мицович на половину Сапѣжинскаго двора в г. Вильнѣ, которую она подарила своему сыну: „а тот двор, гдѣ отец наш сам жил, (лежал) подле светых Козьмы и Дамьяна“ [8]). От них и прилегающая улица называлась по временам Козьмо-Демьянскою, тоже

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 371.
[2]) Ср. Wizerunki—poczet drugi—T. 23. str. 56.
[3]) Археографическій Сборник—т. VI. стр. 153.
[4]) Wizerunki—T. 23. str. 44.
[5]) Ibid. 46 и пр. 1.
[6]) Акты Вил. Ком. т. XX стр. 413.
[7]) Ср. Wizerunki T. 23 str. 55.
[8]) Акты Вил. Ком. т. XIII. стр. 4.

Смилинская-Савичъ [1]). Въ 1594 году „Янъ Григорьевичъ Остикъ, посполу з малжонкою, своею, сами добровольне... сознали, ижъ ихъ милость зостали винни. . . за каменицу мурованую, въ мѣстѣ здѣшкемъ Виленскомъ на улицы Савичой, за церковкою русскою Кузмо-Демьяна лежачую“. . . [2]). Такія указанія находятся и въ другихъ актахъ. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что эта церковь или не была возобновлена послѣ пожара 1610 года или же совершенно разрушена послѣ взятія Вильны нашими войсками въ 1655 году. Коммиссія, осматривавшая церкви въ 1671 году, относительно церкви св. Козьмы и Даміана замѣчаетъ, что гдѣ была деревянная церковь во имя названныхъ святыхъ на Савичъ улицѣ, тамъ теперь пустое мѣсто; въ совершенномъ запустѣніи и погостъ этой церкви, хотя граничные знаки и церкви и ея погоста остаются ненарушимы [3]). Пользуясь этимъ, митрополитъ Уніатскій Кипріанъ Жоховскій, слишкомъ мирволившій латинянамъ [4]), отдалъ имъ все мѣсто, принадлежавшее Козьмо-Демьянской церкви. Они поспѣшили выстроить здѣсь костелъ и монастырь ордена св. Августина пустынника [5]).

Церковь Воскресенія Христова. Воскресенская церковь находилась на углу Стекляной улицы, по правой ея сторонѣ отъ Ратуши [6]). Священники Воскресенской церкви почти всегда находились въ составѣ старшаго Виленскаго духовенства и пользовались особымъ почетомъ [7]). Въ 1619 г. Коммиссіею по осмотру Виленскихъ церквей замѣчено, что Воскресенская церковь съ своимъ погостомъ находится въ рынкѣ, на Стекляной улицѣ, противъ соляныхъ рядовъ и примыкаетъ къ домамъ Палецкаго и Доброгостовскаго; погостъ церковный со всѣхъ сторонъ обведенъ каменною стѣною и застроенъ нѣсколькими домами [8]). Въ половинѣ XVII ст. мы встрѣчаемся съ печальнымъ фактомъ расхищенія имущества Воскресенской церкви, начавшагося, къ сожалѣнію, очень рано, почти сто лѣтъ тому назадъ. Еще въ половинѣ XVI ст. Виленскіе бурмистры и радцы жаловались митрополиту Сильвестру между прочимъ и на Воскресенскаго священника, что

---

1) Акты Вилен. Ком. т. XX. 101, 173 188, Ibid. т. VIII стр. 477.

2) Акты Вил. Ком. ibid.

3) Ibid. т. XX. 413, 424.

4) См. его Colloquium Lublinense 1680 an.

5) Wizerunki. T. 23. 55. Заявленіе Крашевскаго о существованіи церкви Козьмы и Даміана до 1748 года не имѣетъ основанія и взаимнымъ противорѣчіемъ—ср. его Wilno. T. III str. 74 и T. II str. 386—387—само себя уничтожаетъ.

6) Wiserunki—poczet drugi—T. 23. str. 54 T. 24. 55, 56.

7) Акты Вилен. Ком. т. XX. 98. Археогр. сборн. т. VI. Стр. 9.

8) Акты Вилен. Ком. т. XX. стр. 259. Арх. Сб. т. VI. 300.

онъ беретъ деньги подъ залогъ церковныхъ домовъ. Причину такого явленія митрополитъ видѣлъ въ самихъ жалующихся: „бо ваши милости, писалъ митрополитъ, рачите поповъ обирати, а не мы“. . .[1]). Въ 1654 г. состоялось рѣшеніе Виленской уніатской консисторіи по дѣлу о присвоеніи церковныхъ вещей и денегъ священникомъ Воскресенской церкви Рыбинскимъ[2]). Подобныя явленія въ церковной жизни вредно отзывались на внѣшнемъ благосостояніи церкви и отъ 1671 г. осталось намъ такое ея описаніе, что хотя Воскресенская церковь не разрушилась еще, но изъ притвора ея видны были въ погостной стѣнѣ ворота, совершенно задѣланныя кирпичемъ. Эти ворота вели въ каменный домъ, гдѣ съ согласія митрополита жилъ нѣкій Рогацевичъ; въ одной половинѣ его помѣщенія виднѣлась башня и лѣстница на церковную колокольню; одна половина этого дома была заново отдѣлана, а другая оставалась въ запустѣніи[3]). Войны и пожары въ Вильнѣ во второй половинѣ XVII вѣка много содѣйствовали разрушенію и запустѣнію Воскресенской церкви[4]). При всемъ томъ еще въ 1705 году архіепископъ Смоленскій Гедеонъ Шумлянскій рукоположилъ „богобойнаго человѣка Якова Животкевича въ священники ко храму Воскресенія Христова во градѣ богоспасамомъ Вильнѣ“ [5]). Въ 1776 году эта церковь находилась уже въ развалинахъ, какъ видно изъ контракта, по которому настоятель Виленской Николаевской церкви отдавалъ въ арендное содержаніе квартиру въ церковномъ домѣ возлѣ Воскресенской церкви [6]). Воскресенская церковь была одною изъ трехъ церквей, которыя уніаты обѣщали въ 1632 г. возвратить православнымъ[7]). Но это обѣщаніе не было приведено въ исполненіе[8]).

Церковь св. Юрія на Руси. И постройку этой церкви мы относимъ ко временамъ Ольгерда. О ней ясно говорится въ грамотѣ митрополита Іосифа Солтана 1511 года, которому попъ Юрьевскій Матфей заявлялъ, что ему „далъ эту церковь митрополитъ Іона и велѣлъ попу Козьмо-Демьянскому увезати его въ тую

---

[1]) Археогр. Сборн. т. VI. стр. 34.

[2]) Ibidem 269.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 412, 424, 426.

[4]) Ibidem. XI 197.

[5]) Археогр. Сборн. т. VI. 216.

[6]) In ruderibus zostającej, na rogu Szklannej ulicy situowenej—Акты Вил. Ком. т. XI. стр. 430. Wizerunki—poczet drugi T. 22, str. 14 и прим. 1.

[7]) См. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи—Бантышъ - Каменскаго—Вильна 1866 г. Стр. 91. прим.

[8]) Акты Вил. Ком. т. XX. 412, 424, 426 и др. Wizerunki—poczet drugi—T. 24 str. 243. примѣч. 1.

церковь“ [1]). Отъ этого же „многогрѣшнаго раба Божія ерея Матѳея, служителя церкви светого славного великомученика Георгія“ осталось отъ 1522 года 9 мая духовное завѣщаніе, по которому онъ распредѣляетъ свое движимое имущество [2]). Въ 1595 г. 6 Декабря „церковь русская на Росѣ, за Острою вежею, светого Юрья“ была запечатана на нѣкоторое время Виленскими мѣщанами, вслѣдствіе растраты церковнаго имущества [3]).

Нужно имѣть въ виду, что вь документахъ находятся указанія о существованіи якобы двухъ церквей на Виленскомъ предмѣстьѣ—Росѣ: одна Юрьевская, о которой мы только что говорили, а другая—Рождества Пресвятой Богородицы или просто Росская церковь [4]). Подъ 1532 годомъ мы встрѣчаемъ даже королевскую грамоту Виленскимъ мѣщанамъ на построеніе въ Вильнѣ Росской церкви. „Били намъ чоломъ бурмистры и радцы мѣста нашего Виленского закону греческого о томъ, говорится въ грамотѣ; которыи церкви Божіи стоятъ у Вильни, а цвинтари при нихъ суть малыи, людей мертвыхъ ховати не маютъ гдѣ, и часу повѣтрея которое было з Божого допущенья, поховали людей мертвыхъ о колкось сотъ на предмѣстьи на Юрьевой Росѣ И просили насъ абыхмо дозволили имъ тамъ на предмѣстьи церковь Божью русскую збудовати ку хвалѣ Божіей и для хованья мертвыхъ людей. Ино мы для тыхъ причинъ ку хвалѣ Божой дозволили есмо церковь Божью за мѣстомъ на Юрьевой Росѣ поставити“. . .[5]). Понятно, что этой грамоты никакъ нельзя относить къ Юрьевской Росской церкви, о которой, какъ мы видѣли, ясно говорится уже въ грамотѣ 1511 года. Нужно думать, что съ 1532 года построена была при Юрьевской церкви особая часовня или даже придѣлъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, такъ какъ Росская церковь иногда въ одно и тоже время и при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ называется и церковью Юрьевскою, св. Георгія, и церковію „Рождества Пречистое Богородицы [6]). Съ 1582 г. Рождественская церковь на Росѣ (иначе церковь светое Пречистое, Нароженья светое Пречистое) дѣлается мѣстомъ братскихъ сходокъ и годовыхъ праздниковъ для цеховъ шапочниковъ, сермяжниковъ и ногавичниковъ [7]). Съ половины XVII ст. Росская церковь пришла въ совершенный

---

1) Археогр. Сборн. т. VI. стр. 10.
2) Ibid. 12—15.
3) Ibid. 62.
4) Акты Виленск. Ком. т. VIII. Стр. 19. Археогр. сборн. т. VI. стр. 19, 124.
5) Археогр. Сборн. т. VI. стр. 19.
6) Акты Вилен. Комм. т. VIII. Стр. 19—23 и 552.
7) Археогр. Сборн. т. I. 158—165.

упадокъ и осмотръ церквей 1671 года свидѣтельствуетъ, что Юрьевская церковь на Россѣ представляетъ собою однѣ развалины, уцѣлѣвшія отъ пожара; на ея погостѣ виднѣлись огороды и нѣсколько домовъ частныхъ лицъ [1]).

Юрьевская церковь была деревянная и находилась на лѣвой сторонѣ Никодимовскаго переулка за полотномъ нынѣшней желѣзной дороги, сзади бывшихъ домовъ Зайцева, Соболевскаго, Лукомскаго, по сосѣдству съ домомъ Яржембскаго. Тутъ же кругомъ церкви простиралось обширное ея кладбище, церковные огороды, дома, госпиталь. Часть Юрьевскихъ плацовъ до сихъ поръ находится во владѣніи Свято-Духова монастыря, по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, недалеко отъ каменнаго моста [2]).

Повторяемъ, что всѣ почти названныя церкви по времени ихъ постройки мы относимъ, по указаннымъ основаніямъ, ко временамъ Ольгерда—второй половины XIV столѣтія. Большинство изъ нихъ основано, по преданію, Іуліаніей Тверскою; а она вышла замужъ за великаго Литовскаго князя Ольгерда въ 1349 году. Только основаніе Пятницкой церкви принадлежитъ Маріи Витебской, первой супругѣ Ольгерда (скончалась около 1346 г.), а еще ранѣе того была несуществующая нынѣ Успенско-Николаевская церковь, гдѣ и были погребены первоначально св. Виленскіе мученики (1346—7 года).

Указывая на положеніе Виленскихъ православныхъ церквей въ XIV столѣтіи, мы съ тѣмъ вмѣстѣ обозрѣли значительную часть тогдашняго города, особенно русской его половины. Замѣтимъ, что при церквахъ находились дома священно-церковно-служителей, кладбища, госпитали, иногда сады и огороды и дома, большею частію, различныхъ ремесленниковъ [3]). Около главнаго Рынка по ту и по другую сторону дороги изъ замка помѣщались главнымъ образомъ лавки и дома купцовъ и разныхъ торговцевъ; особенно была занята ими вся правая сторона дороги до Николаевской церкви, если итти отъ Рынка въ замокъ. По лѣвой сторонѣ къ замку расположены были сады, огороды, нѣкоторые дома частныхъ лицъ, языческое капище (гдѣ костелъ св. Іоанна), нѣсколько домовъ литовскихъ вельможъ и бояръ и опять пустое пространство, граничившее съ оградою нижняго замка [4]).

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 412.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 412. Wizerunki—T. 23, str. 55. T. 24, str. 246.

[3]) Акты Вил. Комм. т. XX, стр. 258, 289, 400—430. Ср. Wizerunki—T. 23, str. 32—57.

[4]) См. планъ города Вильны въ изд. Батюшкова—Памятн. рус. стар. въ зап. губ. вып. 5 и 6; Historyja miasta Wilna—Balinskiego—T. 4.

Со введеніемъ въ 1387 году въ Литву латинства, физіономія Вильны значительно измѣняется. Являются новые люди съ новымъ направленіемъ, создаются новыя задачи; старый строй Виленской жизни разрушается. Въ 1382 году останки Кейстута (брата вел. кн. Ольгерда), который по распоряженію Ягайлы измѣннически былъ умерщвленъ въ Кревѣ, привозятся въ Вильну и здѣсь съ извѣстными языческими церемоніями (какъ указано при погребеніи Свинторога) сожигаются на кострѣ на долинѣ Свинторога. Записано преданіе, что когда пламя охватило костеръ, неожиданно открылась глубокая пропасть и поглотила прахъ великаго литовскаго героя [1]). Этимъ какъ бы указывалось на окончательное паденіе и погибель язычества. Дѣйствительно, долина Свинторога не видѣла уже болѣе языческихъ похоронъ.

Въ 1387 году на общемъ собраніи въ Вильнѣ великій Литовскій князь Ягайло объявилъ собравшимся, что онъ принялъ латинство и желаетъ, чтобы всѣ литовцы послѣдовали его примѣру. Своимъ послѣдователямъ Ягайло обѣщаетъ великокняжескую милость, а людамъ рыцарскаго званія — польское шляхетство и полную свободу. Тогда же особымъ великокняжескимъ универсаломъ, изданнымъ въ Лидѣ, литовское язычество объявлено болѣе несуществующимъ, незаконнымъ, и на его мѣсто провозглашено христіанство. [2]).

Виленскій замокъ — верхній и нижній—прежде всего долженъ былъ испытать эту новую перемѣну. Священный языческій огонь потушенъ навсегда; святилище въ замкѣ и другія священныя мѣста язычниковъ—литовцевъ разрушены; Ягайло приказалъ уничтожить всѣхъ священныхъ гадовъ и другихъ животныхъ, которыя воспитывались для жертвоприношеній и служили предметомъ почитанія, какъ домашніе пенаты; священныя рощи были по возможности вырублены и уничтожены [3]). На мѣстѣ языческаго капища Перкуна заложенъ храмъ въ честь и славу святой Троицы, пресвятой Божіей Матери и свят. мученика Станислава [4]). Устроенная въ верхнемъ замкѣ при Ольгердѣ православная церковь была обращена Ягайломъ, по замѣчанію Киркора, въ костелъ св. Мартина [5]). На мѣстѣ новаго

---

[1]) Chronicon seu Annales Wigandi Marburgensis—Voigt et Raczynski—Posnaniae 1842 an. 289.

[2]) Dzieje Korony Polsk. i W. X. Lit.—Wapowskiego—przekł. Malinowski—Wilno. 1847 r. T. I. str. 73—76 и прим. 90. Żywoty biskupów Wilenskich—Przyałgowski—Petersburg—1860 r. T. I, str. 12.

[3]) Dzieje Kor. Pol.—Wapowskiego. T. 1, str. 73.

[4]) Bulla Summi Pontificis Urbani VI. Super erectionem Eccles.ae cathedr. Vilnae—въ Dzieje dobroczynności — rok 1822,. str. 875.

[5]) Историко-статистическіе очерки г. Вильны—стр. 25, ср. 126.

языческаго капища основанъ костелъ св. Іоанна[1]). На башнѣ Перкуна повѣшены по обычаю христіанскому колокола. Мѣста языческихъ жрецовъ, жрицъ и Криве-Кривейто заняли ксендзы съ епископомъ во главѣ и его совѣтомъ—капитуломъ. Въ знакъ особенной своей милости Ягайло даровалъ латинскому духовенству громадныя недвижимыя имѣнія, какъ въ городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ своего княжества, именно: замокъ Турогно съ прилежащимъ къ нему повѣтомъ, съ селами Лабонары, Молестаны. Требоной съ перевозомъ, Клодно въ повѣтѣ Брестскомъ, Василево съ перевозомъ, Яриницы въ Дрогичинскомъ повѣтѣ. Вехатницы въ Дубенскомъ; село Германинъ, которое съ этихъ поръ должно было называться Бискупицы; полтора устава меду; повѣты Верки и Бакшты; также въ Вильнѣ огородъ, расположенный при огородѣ Гаштольда между безыменною горою къ югу и дорогою около города Вильны и рѣкою на западъ. Далѣе тою же грамотою Ягайло отдаетъ духовенству часть города Вильны, расположенную между дорогами около дома Францисканова, съ правой стороны дома Виленскаго мѣщанина Чешина и съ другой стороны этого же дома, при городскомъ валѣ и кладбищѣ костела св. Николая по дорогѣ, ведущей въ Троки, т е. все почти пространство отъ замка до кладбища костела св. Николая (срединная часть города) съ находящимися на немъ плацами, домами, огородами, съ ихъ обитателями. Указанныя имѣнія отдавались со всѣми въ нихъ чиншами, арендами, доходами, данинами, правами, съ полями, лугами, пастбищами, лѣсами, рощами, зарослями, болотами, борами, пчелами, со всѣми ловами, садами, охотой, озерами, прудами, рыбными ловлями и мельницами; на городскихъ плацахъ епископъ имѣлъ право строиться по своему усмотрѣнію и извлекать ото-всюду существенныя для себя выгоды. Чтобы епископъ могъ совершенно посвятить себя на служеніе Богу, ему возлѣ каѳедры давался въ полную собственность на жительство каменный домъ (прежнее мѣстожительства Криве-Кривейты) и четыре деревянныхъ домика съ прилежащими плацами, которые простирались съ одной стороны до великокняжескихъ конюшенъ, съ другой къ источнику. Наконецъ для епископскаго стола должна была доставляться десятая рыба отъ великокняжескихъ рыбныхъ ловель на Нѣманѣ, Виліи и Мереченкѣ[2]).

Для окончательнаго утвержденія новыхъ порядковъ, Ягайло просилъ папу Урбана VI прислать легата, который объявилъ бы Вильну городомъ, а устроен-

---

[1]) Ibidem 25.

[2]) Грамота Ягайлы—См. Собраніе государственныхъ и частныхъ грамотъ—Крупповича—ч. I. стр. 1—3. Dzieje dobroczynnosci—r. 1822, str. 772—775. Cp. Żywoty biskupów Wilenskich—Przyałgowski—T. I, str. 16, 17.

ный костелъ каѳедральнымъ; такое возвышеніе литовской столицы содѣйствовало бы, по мнѣнію Ягайлы, болѣе широкому и глубокому распространенію латинства. Папа съ удовольствіемъ принялъ заявленіе Ягайлы и епископъ Познанскій Доброгостъ, прибывши по распоряженію папы въ Вильну, его именемъ объявилъ „нѣкое людное мѣсто, зовомое Вильна" городомъ, а устроенный вновь изъ языческаго капища костелъ—каѳедральнымъ. Андрей Василло былъ назначенъ Виленскимъ епископомъ [1]). Городу Ягайло даровалъ Магдебургское право [2]); суду его подлежали исключительно мѣщане, имѣвшіе осѣдлость на городской землѣ; всѣ другіе обыватели, сидѣвшіе на земляхъ и плацахъ, принадлежавшихъ замку, церквамъ, костеламъ, подаренныхъ вновь Виленской латинской каѳедрѣ, подлежали суду соотвѣтственныхъ владѣльцевъ [3]). Такое разнообразіе и разъединеніе власти очень скоро дало себя почувствовать во вредъ развитію и процвѣтанію города [4]).

Главное вниманіе какъ Ягайлы, такъ и его пособниковъ—латинскаго духовенства, обращено было теперь на распространеніе латинства и обезпеченіе его служителей [5]). Этимъ великій литовскій князь хотѣлъ доказать невѣрность слуховъ, распространяемыхъ рыцарями относительно его холодности къ новой вѣрѣ [6]). Явившіеся въ Вильнѣ новые костелы св. Станислава, Іоанна, Мартина (въ верхнемъ замкѣ) значительно увеличили составъ прежняго латинскаго духовенства. Вновь создался цѣлый епископатъ и его капитулъ. Духовныя лица размѣщались при своихъ приходахъ и въ случаѣ необходимости строили новыя зданія на подаренныхъ имъ земляхъ. Въ началѣ XVI вѣка латинскому епископату принадлежала третья часть города [7]). На свободныхъ его плацахъ и земляхъ охотно селились и мѣстные жители, и вновь прибывающіе разнаго рода мастеровые, ремесленники и занимающіеся промыслами. Сюда ихъ привлекало то обстоятельство, что, подъ охраною латинскаго духовенства, они могли избавиться отъ платежа городскихъ налоговъ и повинностей [8]); духовенство, въ свою очередь, поддерживало подобное заселеніе принадлежащихъ ему пустыхъ пространствъ, такъ какъ

---

[1]) Bulla S. P. Urbani Sexti—въ Dzieje Dobroczynności—r. 1822, str. 875—882.

[2]) Собр. древ. грам. и актовъ городовъ Вильны, Трокъ. ч. I, стр. 1—6.

[3]) Wilno—Kraszewskiego—T. I, str. 80. Ср. T. III, str. 193—200. Ср. Акты Вил. Ком. T. XX. 427 и др.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 294, 296.

[5]) Przyjałgowski—Żywoty biskupów Wilenskich—T. I. 16—23.

[6]) Skarbiec dyplomatów—Daniłowicza—T. I. 269.

[7]) Przyałgowski— T. I. 116.

[8]) Ibid. Акты Вил. Ком. т. XX. 294, 296.

это значительно увеличивало его доходы. Во всякомъ случаѣ черезъ такое заселеніе и городъ разростался.

Конецъ XIV столѣтія былъ въ высшей степени несчастливъ для Вильны. Въ 1390 году его осадили рыцари. Городъ находился подъ слабою охраною замковъ верхняго и нижняго. Въ подобныхъ случаяхъ всѣ жители не только города, но и окрестныхъ мѣстъ, тѣснились въ замки, забирая съ собою свое имущество; купцы свозили сюда и складывали товары; остававшіеся внѣ замковъ свободно могли передаваться на сторону непріятеля. Главный непріятельскій лагерь находился на открытой мѣстности нынѣшняго Юрьевскаго костела. Сильными дѣйствіями враговъ были разбиты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны нижняго замка, а въ двухъ его брамахъ вспыхнулъ пожаръ. Это дало возможность непріятелю ворваться въ городъ и, при общемъ смятеніи осажденныхъ, произвести здѣсь страшное опустошеніе. Убивалось все живое, а попадавшееся подъ руку имущество разграблялось. Распространившійся пожаръ окончательно истреблялъ и тѣла убитыхъ людей, и остававшееся кой-гдѣ ихъ имущество. Послѣ нижняго замка думали овладѣть верхнимъ; но это не удалось рыцарямъ и они, съ богатою добычею, послѣ жестокаго разоренія города, поспѣшили отступить, тѣмъ болѣе, что пронеслась вѣсть, якобы на помощь Вильнѣ идетъ съ войскомъ Ягайло [1]). Черезъ годъ рыцари напали на Вильну и снова разграбили и сожгли ее. Въ 1396 году, во время сильныхъ жаровъ въ Вильнѣ, осыпалась значительная часть Замковой горы. (Въ этомъ обстоятельствѣ нѣкоторые видятъ доказательство того, что Замковая гора много подвышена была Гедиминомъ, который проложилъ нынѣшнее русло Вилейки и выкопанною землею поднялъ гору). Опаденіе совершилось на сосѣдній дворъ Монивида, стоявшій тутъ же подъ горою и засыпало землею какъ нѣкоторыхъ служащихъ при дворѣ Монивида, такъ и много его богатствъ [2]). Въ 1399 году, въ городѣ, который далеко не успѣлъ еще оправиться послѣ недавнихъ непріятельскихъ нападеній, вспыхнулъ пожаръ; онъ окончательно почти истребилъ городскія постройки и имущество жителей, уничтожилъ каѳедральный латинскій костелъ, великокняжескія зданія въ замкѣ и очень много всякихъ драгоцѣнностей. Это былъ первый случайный пожаръ, посѣтившій Вильну, открывающій собою рядъ тѣхъ ужасныхъ потомъ Виленскихъ пожаровъ, которые обращали городъ въ груды развалинъ и кучи пеплу [3]). И теперь Вильна

---

[1]) Skarbiec - Daniłowicza—T. I, str. 283—4. Narbutt—Dzieje nar. Lit. T. V, str. 450-456.

[2]) Донесеніе объ этомъ нѣмецкому магистру—См. Balinski—Historyja miasta Wilna—T. I, 190—192.

[3]) Kraszewski—Wilno—T. I, str. 101.

представляла собою печальное зрѣлище. Среди общаго разрушенія, кое-гдѣ чернѣли обгорѣлыя каменныя стѣны и башни. Жители, какъ привидѣнія, лишенные крова, всего имущества, нерѣдко родныхъ и знакомыхъ, толпились среди пепла и развалинъ и просили хлѣба. Къ счастію города великимъ литовскимъ княземъ былъ уже въ это время (съ 1392 г.) Витовтъ, очень любившій Литву и Литовцевъ [1]).

Витовтъ обратилъ все свое вниманіе на то, чтобы успокоить страну, которая была разорена и нападеніями враговъ, и внутренними междоусобіями. Пользуясь большимъ авторитетомъ среди нѣмецкихъ рыцарей, онъ однимъ своимъ именемъ удерживалъ ихъ отъ нападеній на Литву и Вильну. Завоеваніями среди татаръ, онъ заставилъ ихъ относиться съ уваженіемъ къ литовскому князю. Съ великимъ княземъ московскимъ Витовтъ находился въ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ. Одни поляки посматривали съ неудовольствіемъ на Витовта, опасаясь, чтобы изъ Литвы онъ не создалъ особаго отъ Польши, отдѣльнаго княжества [2]). Внутреннія междоусобія были прекращены. Витовтъ спокойно могъ заняться устройствомъ своего княжества и возстановленіемъ Вильны.

Жильбертъ де Ляннoа, посѣтившій Вильну около 1413 года, видѣлъ уже возстановленнымъ верхній замокъ, сооруженный на высокой песчаной горѣ; его окружали земляной валъ и каменная стѣна. Внутри строенія были изъ дерева. Изъ верхняго замка двѣ галлереи вели въ нижній, который тоже былъ окруженъ валомъ и заключалъ въ себѣ много строеній. Здѣсь жилъ великій князь Витовтъ съ своимъ дворомъ. Городъ, по замѣчанію Жильберта, длинный и узкій, расположенъ сверху внизъ, худо застроенъ деревянными домами; нѣкоторые храмы каменные [3]).

Не смотря на бывшія разоренія Вильны, городъ при Витовтѣ началъ разростаться. Въ 1397 году послѣ пораженія татаръ, Витовтъ переселилъ часть ихъ въ Литву. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ поселились въ самой Вильнѣ, на предмѣстьѣ Лукишкахъ. Здѣсь имъ было позволено построить мечеть. Одни изъ нихъ, родовитые, получили земельные надѣлы, съ обязательствомъ выставлять на свой счетъ во время войны нѣкоторое количество войска; болѣе бѣдные сами служили въ войскѣ и составляли при Витовтѣ особую его татарскую стражу. Другіе занялись садоводствомъ и огородничествомъ и продавали въ городѣ овощи и плоды; были

---

[1]) Historia Litvaniae.—Kojałowicz—P. II, 32—33.

[2]) Ibidem—33. Cp. Kraszewski—Wilno—T. I. 100.

[3]) Gilbert de Lannoy—Ioachim Lelewel—Poznań. 1844. 39—40.

и такіе, что торговали полотнами и нитками, занимались извозомъ и служили за посыльныхъ по господскимъ дворамъ[1]). Съ той поры существуетъ въ городѣ такъ называемая Татарская улица, которая изъ замка вела тогда на Лукишки.

Латинскій каѳедральный костелъ, послѣ пожара 1399 года, быстро началъ отстраиваться. Явилась новая каѳедра въ готическомъ стилѣ, несравненно большихъ размѣровъ и гораздо представительнѣе прежней. Такому ея возрожденію особенно много содѣйствовалъ великій князь Витовтъ и его супруга[2]). Каѳедрѣ прислано было въ даръ очень много священныхъ сосудовъ, одежды и книгъ изъ добычи, взятой Литовцами въ Пруссіи, въ костелахъ[3]). Обширныя родственныя и дружественныя связи Витовта съ Россіею, Константинополемъ, татарами и западно-европейскими государствами привлекали въ Вильну множество иностранцевъ, особенно людей торговыхъ. Это содѣйствовало быстрому возстановленію города, послѣ бывшихъ несчастій, и доставляло значительный доходъ великокняжеской казнѣ. Когда въ 1415 году Ягайло посѣтилъ Вильну, Витовтъ подарилъ ему по нынѣшнему счету около 180,000 руб. сереб. деньгами, сорокъ собольихъ мѣховъ, сто жеребцовъ и сто штукъ богатыхъ одеждъ[4]). Извѣстные чужеземцы, посѣщавшіе Литву, во все время своего пути даромъ получали отъ великаго князя все имъ необходимое[5]). Воображенію иностранца Витовтъ представлялся какимъ-то сказочнымъ героемъ. „А этотъ князь, говоритъ о немъ Жильбертъ, очень могущественный государь: говорятъ, онъ подчинилъ своей власти двѣнадцать или тринадцать государствъ; для собственнаго употребленія на своихъ конюшняхъ содержитъ десять тысячъ лошадей. Въ Трокахъ у него громадный звѣринецъ, въ которомъ масса всякой дичи и звѣрей; между ними особенно замѣчательны: зубры, дикіе ослы, дикіе кони, кабаны, медвѣди, олени и другіе“[6]).

Поставленіе въ 1415 году особаго православнаго митрополита для западной Россіи имѣло преимущественное значеніе для Вильны. Хотя западно-русскій митрополитъ долженъ былъ жить въ Кіевѣ, но онъ предпочиталъ жить въ Вильнѣ; а это содѣйствовало возвышенію Пречистенскаго митрополитальнаго собора вмѣстѣ съ другими церквами города и объединяло православныхъ.

---

[1]) Histor. Lithv.—Kojałowicz. p. II. 59—60.

[2]) Przyałgowski—T. I. 31.

[3]) Kraszewski—Wilno.—T. I, str. 106.

[4]) Kraszewski—WilnoT. I. str. 110. Историко-статистическое описаніе Вильны Киркора—27.

[5]) Gilbert de Lannoy—43.

[6]) Ibidem.

Съ 1422 года Вильна наравнѣ съ Краковомъ, Познанью, Львовомъ и другими болѣе важнымы городами Польши упоминается въ международныхъ договорахъ, какъ поручитель въ святости ихъ исполненія [1]). Тогда Витовтъ даровалъ городу грамоту объ освобождени Виленскихъ мѣщанъ отъ взноса различныхъ налоговъ, хотя, по замѣчанію Віюка Кояловича, эта грамота была припрятана латинянами изъ боязни, чтобы ею не воспользовалось православное купечество, которое и безъ того уже было очень сильно и богато и котораго въ Вильнѣ было далеко не мало [2]).

Во всякомъ случаѣ, усиливающееся заселеніе Вильны новыми и новыми выходцами, ея обширныя торговыя сношенія съ Россіею, съ югомъ, востокомъ и западомъ Европы, значительно возвышали ее и ставили на ряду съ лучшими европейскими городами [3]). Сознавая это и чувствуя собственное могущество, Витовтъ неоднократно задумывался объ отдѣленіи Литвы отъ Польши и созданіи самостоятельнаго королевства. Носились глухіе слухи, что Витовтъ созывалъ въ Вильнѣ особый совѣтъ изъ мѣстныхъ литовскихъ бояръ, на которомъ якобы заявлялъ о позорной зависимости отъ Польши [4]). Чувствовали польскіе государственные люди опасность для Польши подобнаго направленія литовскихъ дѣлъ. Они устрояли съѣзды для тѣснѣйшаго соединенія двухъ государствъ (унія въ Городлѣ), надавали литовцамъ польскія права, гербы, шляхетство. Особенно латинское духовенство получило въ Литвѣ обширныя права и привиллегіи. По справедливому замѣчанію Крашевскаго, это было первымъ шагомъ государственной нетерпимости, отъ чего, конечно, нельзя было ожидать благихъ послѣдствій [5]). И дѣйствительно, литовцы внимательнѣе прежняго стали заботиться объ охранѣ своей давней старины, своего прошлаго.

А тутъ императоръ Сигизмундъ, внутренно желая отдѣленія Литвы отъ Польши, въ письмахъ къ Витовту постоянно превозносилъ его величіе, удивлялся, какъ подобный ему богатырь такъ добровольно можетъ обрекать себя на зависи-

---

1) Dogiel—Codex diplomaticus—T. IV. 110. Balinski—Historya m. Wilna—T. I. 176. пр. 77.

2) Miscellanea rerum—Wijuk Kojałowicz—Vilnae—1650. p. 43—44.

3) Княжества Кіевское и Подольское, принадлежавшія Литвѣ, простирались въ это время до впаденія Днѣпра и Днѣстра. Городъ Каффа у Чернаго моря былъ главнымъ пунктомъ торговыхъ сношеній Вильны съ Востокомъ, при посредствѣ Кіева. Въ литовскомъ замкѣ Тавань надъ Днѣпромъ была устроена таможня подъ названіемъ „Витовтова баня“, гдѣ взималась пошлина съ товаровъ, провозимыхъ въ Литву съ Востока. Michalon—De moribus Tartarorum... 34. Naruszewicz—Tauryka—84.

4) Kraszewski—Wilno—T. I. 100.

5) Kraszewski—Wilno—T. I. 107—108.

мость отъ кого-то и съ обидою для человѣчества лишать себя королевскаго вѣнца; вспоминая увлекательные примѣры Миндовга и Гедимина, императоръ, по собственному праву, самъ обѣщалъ доставить корону Витовту. Сильно нравились Витовту подобныя нашептыванія. Онъ горѣлъ желаніемъ надѣть на себя королевскій вѣнецъ [1]). Въ 1429 году готовился съѣздъ въ Луцкѣ нѣкоторыхъ государей—Римскаго, Датскаго, Польскаго, хана Крымскаго, для улаженія различныхъ государственныхъ дѣлъ. Витовтъ, поддерживаемый императоромъ Сигизмундомъ, надѣялся достигнуть на съѣздѣ своей цѣли—согласія польскаго короля и сената на его коронацію. Но расчетъ обманулъ его. Всѣ присутствующіе польскіе сенаторы единогласно возстали противъ заявленія Витовта о его коронаціи и даже просили Ягайлу удалить со съѣзда Римскаго императора, въ которомъ указывали всю причину злыхъ затѣй Витовта. „Я поставлю на своемъ, грозно отвѣтилъ имъ Витовтъ, и безъ васъ сдѣлаю, что́ захочу". Ягайло въ свою очередь, поспѣшилъ уѣхать изъ Луцка, даже ни съ кѣмъ не простившись, замѣтивши только сенаторамъ на ихъ просьбу объ удаленіи Сигизмунда: „я не могу его выгнать, лучше поскорѣе уберусь самъ" [2]).

Витовтъ не считалъ однако своего дѣла потеряннымъ; ему никакъ не хотѣлось разстаться съ мыслію о коронѣ. Въ видахъ бо́льшаго успѣха, онъ вступилъ въ дѣятельныя по этому вопросу сношенія съ польскими вельможами и съ орденомъ. Душею всего былъ, конечно, Сигизмундъ. Онъ обѣщалъ изготовить и выслать Витовту королевскую корону. Витовтъ считалъ себя достигнувшимъ почти цѣли и уже пригласилъ въ Вильну высокихъ гостей для присутствованія при его коронаціи. Кромѣ великаго Московскаго князя сюда въ 1430 году прибыли: князь Тверской, Одоевскій, Магистръ Ордена, татарскіе ханы и множество литовскихъ и русскихъ вельможъ; явился и король польскій Ягайло. Ожидали только посольства отъ Сигизмунда съ короною. Но и поляки не дремали. Не разсчитывая на свое нравственное вліяніе, они постановили силою захватить посольство Сигизмунда къ Витовту и вездѣ по дорогамъ устроили вооруженныя засады. Напрасно теперь Витовтъ и его гости ждали короны. Уже разносились упорные слухи, что поляки не пропустятъ въ Литву посольства съ короною, что оно задержано во Франкфуртѣ; такія вѣсти поражали Витовта въ самое сердце. „Не изъ за власти ищу я короны, говорилъ онъ Ягайлѣ; но вѣдь весь свѣтъ знаетъ о моихъ поискахъ за нею и не могу же я отказаться теперь отъ этого

---

[1]) Ibidem 117.

[2]) Kraszewski—Wilno—T. I. 125.

безъ крайняго для себя позора; потому доставь мнѣ это утѣшеніе въ послѣднія минуты моей жизни". Ягайло молчалъ... „Въ такомъ случаѣ, вырвалось изъ наболѣвшей груди Витовта, дай мнѣ корону на три дня, на одинъ день, на часъ, клянусь, что сейчасъ же сложу ее"... И на это Ягайло отвѣчалъ гробовымъ молчаніемъ. Не выдержалъ нравственнаго удара литовскій богатырь. Онъ скончался въ томъ же 1430 году въ Трокахъ. Тѣло его погребено въ Вильнѣ въ часовнѣ костела св. Станислава. Послѣдняя, предсмертная просьба Витовта къ Ягайлѣ была за Литву: не отмѣнять въ ней прежнихъ уставовъ и данинъ [1]).

Послѣ смерти Витовта, Литва, и особенно Вильна, до конца почти XV столѣтія снова подверглись разорительнымъ междоусобнымъ войнамъ, разграбленію, пожарамъ. Внутренніе раздоры между литовцами и поляками, религіозное разногласіе между православными и латинянами въ Вильнѣ сильно отражались на благоденствіи города. Въ Польшѣ явилась было даже мысль, чтобы совершенно уничтожить для Литвы великокняжеское достоинство, чтобы литовцы управлялись только воеводою и епископомъ [2]). Но совершенно иначе думали по этому вопросу въ Вильнѣ. Здѣсь, напротивъ, все болѣе созрѣвала та мысль, чтобы окончательно отдѣлиться отъ Польши, чтобы образовать самостоятельное литовское государство. Въ 1440 году, какъ только Казиміръ Ягайловичъ прибылъ въ Вильну, литовская партія просто схватила его, отвела въ костелъ св. Станислава и здѣсь, во главѣ съ Виленскимъ епископомъ, прозозгласила его великимъ литовскимъ княземъ [3]). Все было сдѣлано такъ быстро, неожиданно, что даже польская свита, окружавшая Казиміра, узнала объ этомъ—послѣ совершившагося факта. Нападки за это на литовцевъ, пререканія между ними и поляками усиливали только желаніе литовцевъ поскорѣе отдѣлиться отъ Польши [4]).

Какъ бы въ благодарность литовцамъ, Казиміръ началъ учиться литовскому языку и подарилъ Вильнѣ обширное поле, которое примыкало съ одной стороны къ Лукишкамъ, отъ такъ называемой Чертовой горы, потомъ Боуфаловой (на Малой Погулянкѣ), съ другой - тянулось отъ городской стѣны вплоть до рѣки Виліи. Это поле начало съ тѣхъ поръ застраиваться и положило основаніе обширной теперь части города, извѣстной подъ названіемъ Погулянки. Обитатели этой части пользовались всѣми городскими правами и привиллегіями [5]).

---

[1]) Kraszewski—Wilno—T. I, str. 130.
[2]) Przyałgowski—Żywoty biskupów Wileu.—T. I, str. 53.
[3]) Kraszewski—Wilno—T. I, str. 145.
[4]) Narbutt - Dzieje—T. VIII, str. 131, 153. Kraszewski--Wilno—T. I, str. 156, 157, 159.
[5]) Zbiór praw.. Wilnowi nadanych—Dubinski—Wilno—1788 r., str. 8.

Въ 1469 году Казиміръ вызвалъ въ Вильну орденъ бернардиновъ и для поселенія ихъ предназначилъ мѣсто нынѣшняго нахожденія бернардинскаго костела, около рѣки Вильны. Предназначенные бернардинамъ плацы были застроены и принадлежали нѣкоторымъ Виленскимъ обывателямъ, но дѣло скоро уладилось. Шляхетный магистръ Андрей и нѣкая вельможная госпожа Маріанна (владѣльцы части названныхъ плацевъ), согласно желанію Казиміра, добровольно отказались отъ всякаго вознагражденія за отчуждаемую собственность; а Виленскому городничему Герману и Виленскому воеводѣ Монтовиду, вмѣсто отнятыхъ у нихъ для бернардиновъ земель, даны были по взаимному соглашенію мѣста въ другихъ частяхъ города [1]). Тутъ же былъ построенъ для нихъ первоначально изъ дерева и костелъ съ монастыремъ, небольшихъ размѣровъ. Этотъ орденъ съ начала своего появленія въ Литвѣ очень много содѣйствовалъ, по заявленію историковъ, развитію здѣсь фанатизма и нетерпимости къ православію. Много мѣстныхъ религіозныхъ недоразумѣній, и теперь еще неуясненныхъ, вызывавшихъ иногда жестокія преслѣдованія не латинянъ, обязано бернардинамъ своимъ происхожденіемъ [2]).

Шестнадцатый вѣкъ нужно считать лучшимъ временемъ въ жизни города Вильны до XIX столѣтія. Великіе литовскіе князья Александръ, Сигизмундъ I и особенно Сигизмундъ-Августъ очень любили Вильну, подолгу жили здѣсь и поневолѣ содѣйствовали ея развитію, украшенію. Нѣкоторые даже обвиняли Сигизмунда-Августа въ его исключительной привязанности къ Вильнѣ съ обиднымъ забвеніемъ другихъ мѣстъ и городовъ [3]).

Въ 1492 году литовцы, провозглашая Александра Казиміровича великимъ литовскимъ княземъ, поспѣшили напомнить ему, чтобы онъ княжилъ въ Литвѣ и управлялъ ею на основаніи не какого нибудь права Итальянскаго, которое коварно, не по законамъ Чешскимъ или Нѣмецкимъ, а по правдивому обычаю литовскому Витовтову; если ты это исполнишь, прибавляли бояре, сравнишься съ любымъ изъ государей; если же забудешь нашу просьбу и отступишься отъ

---

[1]) Przyałgowski—T. I, str. 61.

[2]) Narbutt—Dzieje narodu Litew. —T. VIII, str. 469. Ср. Kraszewski—Wilno—T. 1, str. 162—163.

[3]) ...atque ita demum more suo, Vilnam rursus post paucos illos dies in viam se dedit (Sigismundus-Augustus Jagellonides). Quam perpetuo ita percoluit, ut illam Vilnam, suam domum, caeteras urbes et aedificia, quaecunque ierat, tanquam aliena haberet et apellaret. In qua etiam balnea, hortos, recessus, et nescio quae non alia magno sumptu et diligentia aedificare reliquit, et per omnes occasiones, quibus a Polonia abesse licebat, libentius quam alibi habitavit... Warszewicki—Vitarum Parallelarum—Liber II p. 332, 333.

нея, сдѣлаешься причиною и собственной и нашей погибели [1]). Внимательно занялея Александръ устройствомъ столицы своего княжества.

Первымъ дѣломъ Александра было подтвержденіе правъ и привиллегій, дарованныхъ его предшественниками обитателямъ Вильны. При внутреннихъ общественныхъ безпокойствахъ прежняго времени, эти привиллегіи могли затеряться, содержаніе ихъ могло быть отнесено къ извѣстной только части населенія. Александръ вновь подтвердилъ Виленскимъ мѣщанамъ, что они, безъ различія исповѣданія, подлежатъ суду по Магдебургскому праву, т. е. суду избираемыхъ ими бурмистровъ и войтовъ; только эти чиновники могутъ судить ихъ и даже за уголовныя преступленія, какъ то: убійство, насиліе, нанесеніе ранъ, воровство, поджогъ и т. п., присуждать ихъ къ различнымъ наказаніямъ и смертной казни. Вильнѣ давалось исключительное право вѣсовъ, и только здѣсь можно было взвѣшивать различные товары, съ платою городу пошлиннаго сбора. Вильна пользовалась въ свою пользу монополіею постригальни суконъ и шерстяныхъ матерій, а также монополіей продажи пива, меду, хмѣлю и вина; небольшая часть дохода отъ этихъ статей шла въ пользу великокняжеской казны. Безъ вѣдома ратуши никто не имѣлъ права торговать этими предметами. Купцы изъ Виленскихъ мѣщанъ объявлены свободными отъ платежа пошлинъ по всему литовскому краю, а отъ Вильны до Ковны по рѣкѣ Виліи имъ обезпеченъ безпрепятственный и безпошлинный сплавъ различныхъ товаровъ на витинахъ и стругахъ, съ правомъ свободнаго перехода черезъ княжескіе и боярскіе язы по обѣимъ сторонамъ рѣки и съ правомъ пользованія, когда это будетъ необходимо, рѣчными берегами для отдыховъ и стоянокъ. Городъ пользовался исключительнымъ правомъ воскобойни; весь воскъ, доставлявшійся въ городъ, могъ быть передѣлываемъ на различное употребленіе только на городской воскобойнѣ. Великій князь, Виленскій епископъ и воевода могли выдѣлывать у себя изъ воска необходимые предметы, но лишь для собственнаго обихода. Виленскіе мѣщане освобождались отъ отяготительной для нихъ подводной повинности [2]).

Вильна, какъ видно изъ этихъ привиллегій, вела уже въ это время обширную торговлю. Со времени своего основанія, городъ находился въ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригою, Псковомъ, Новгородомъ, нѣкоторыми при-Волжскими городами, съ Константинополемъ, Крымомъ, Польшею, съ Данцигомъ, вообще съ Пруссіей, Силезіей, Венгріей и другими. Въ Вильнѣ были склады загра-

---

[5]) Kronika Stryjkowskiego—T. II. 294.
[1]) Dubinski-—Zbiór praw... Wilnowi nadanych—10-—16.

ничныхъ суконъ, которыя отсюда расходились уже по другимъ мѣстамъ [1]). Кромѣ восточныхъ ковровъ, дорогихъ камней, Вильна получала для Литвы изъ Крыма чрезъ Кіевъ очень много Крымской соли. За возъ соли, по заявленію Михалона, платили татарамъ по десяти стрѣлъ. Изъ Литвы нерѣдко отправляли въ Константинополь очень много ржи и пшеницы. Это особенно замѣтно во время осады Константинополя турками, когда греческій императоръ просилъ польскаго короля о высылкѣ ему возможно большаго количества хлѣбныхъ запасовъ. Въ предѣлы Московскаго государства литовскіе купцы отправляли различные мѣстные и заграничные плоды въ естественномъ видѣ, или же въ консервахъ, а также всевозможные меды. Изъ Литвы въ Москву шли косы, серебро. Нужно думать, что такъ называемыя литовскія косы были не мѣстнаго происхожденія, а получались въ Вильнѣ съ запада, особенно изъ Штиріи, славившейся этими подѣлками. Если серебро шло контрабанднымъ путемъ, то оно подлежало конфискаціи, что и случилось въ 1492 году, когда двадцать гривенъ серебра контрабанднымъ путемъ купцы Можайскіе хотѣли доставить въ Смоленскъ изъ Вильны. Его конфисковали и это послужило даже предметомъ дипломатическихъ переговоровъ съ великимъ Московскимъ княземъ [2]). Изъ нынѣшнихъ прибалтійскихъ губерній шли въ Литву на первыхъ порахъ лошади, олово, порохъ, сушеная и соленая рыба. Но въ XVI в. все это и вообще всякая живность была запрещена къ вызову. Изъ Венгріи приходили въ Литву извѣстныя венгерскія вина. Изъ Московскаго государства Литва получала, между прочимъ, мѣха, ленъ, пеньку, золу и разнаго рода рукодѣльныя работы; послѣднія получались здѣсь въ такомъ громадномъ количествѣ, что за это упрекали даже литовцевъ, которые за готовыя деньги предпочитали брать многое такое, что могли бы сдѣлать сами. Изъ Литвы отправляли въ Пруссію и вообще за границу рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, горохъ, различную пряжу, конопляное и подсолнечное сѣмя, ленъ, пеньку, хмѣль, сало, воскъ, меды, лѣсной товаръ (мачты, балки, клепку), деготь, смолу поташъ, золу, мѣха, кожи, рыбу, скотъ и въ небольшомъ количествѣ янтарь съ побережья Балтійскаго моря. Въ замѣнъ за свои товары Литва получала сукна, и шелковыя матеріи, тонкія полотна, издѣлія изъ желѣза, мѣди, стали, дорогихъ камней, роскошную сбрую, дорогихъ лошадей, птицъ (попугаевъ), польское и венеціанское стекло, сахаръ, разные коренья, оливки, лимоны, разную рыбу, въ томъ

---

[1]) Voigt—Geschichte Preussen—B. V. S. 556. Jaroszewicz—Obraz Litwy—T. I, str. 107. Ср. Памятники—Батюшкова—вып. 6, стр. 4—5.

[2]) Relacye nuncyuszów Apostolskich, t. I. str. 212. Narbutt—Dzieje Litwy—T. VIII, str. 316.

числѣ и сельди, польскую и прусскую соль [1]). Послѣднею торговали преимущественно Ковенскіе купцы.

Въ „Брестской мытной книгѣ“, содержащей въ себѣ реестръ таможенныхъ пошлинъ и оцѣнку разныхъ товаровъ, провозившихся черезъ Брестъ въ 1583 г., находимъ наглядное доказательство того громаднаго участія, какое принимало въ общемъ торговомъ движеніи мѣстное Виленское населеніе. Мартинъ Каштель, Антоній Германъ, Люринцъ Видашевскій и Криштофъ Заливскій (мѣщане Виленскіе), везутъ черезъ Брестъ венгерское вино; тоже вино на восемнадцати фурманскихъ возахъ везетъ Бернатъ фонъ-Диненъ Брукъ, не смотря на свою голландскую фамилію, „Вильневецъ“; Николай Каниковскій платитъ мыто за мальвазію и рыбу, которую онъ везетъ изъ Львова. Давидъ Никель и Давидъ Фрондзекенъ, оба Вильневцы и оба ведутъ торговлю венгерскими винами; Омельянъ Гайдукъ, Брестскій мѣщанинъ, везетъ въ Вильну сливы, грецкіе орѣхи; этими же продуктами торгуетъ и Василій Андреевичъ, мѣщанинъ Виленскій; но въ его обозахъ находятся и другіе разнообразные товары: ножи венгерскіе, сукно Герлицкое. Янъ Зенобій, кромѣ вина венгерскаго, имѣетъ шелкъ цвѣтной, черный, „полотенко сребрное, тафту, рубки едвабницы“. У Василія Ивановича — „мухояръ турецкій, чамлетъ безъ воды, бакгазея, сокеры и чеханы съ костью, плотенки да колдры“, платки турецкіе, шелки, шелковая тесьма, шелковыя подвязки, одѣяла, ковры, волосъ, мѣшки турецкіе, тулупы, сафьянъ, мѣха. Мартинъ Шлекгель ведетъ торговлю шляпами, снурками, книжками изъ пергамена, замшевыми рукавицами. У Павла Николаевича находимъ сукно, бобровъ Дунайскихъ, „шапки фольдровыя, шапки метлевыя, изюмъ, винныя ягоды; Свиридъ Шостакъ торгуетъ косами (за разъ ихъ было 2.400), бумагой разныхъ сортовъ, „аеромъ“, изюмомъ, различными сѣменами, лакрицей, желтой краскою, сливами, имбиремъ, бархатными поясами, простыми иголками, мѣдью, ножами Угорскими (за разъ ихъ насчитывалось 2,750), мыломъ, мѣднымъ купоросомъ, багазеей, сусальнымъ золотомъ и серебромъ и другими принадлежностями малярства, турецкими платками, бобковою мастью, цытварнымъ сѣменемъ, корицей, гвоздикою, мушкатнымъ цвѣтомъ и орѣшками, шафраномъ, шелкомъ. Тоже и многое другое встрѣчаемъ у Ивана Мартиновича Скуминовича, Михаила Кузьмича Дубовича, Никифора Михайловича, Артема Несторовича, Андрея Лавриновича, Бартоша Юрьевича, Балтромея Станиславовича, Ѳомы Ивановича Гольшаницы, Яна Петровича Обукгеля; все это — Вильневцы, Виленскіе

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 56, 110, 173, 250. Jaroszewicz—Obraz Litwy—T. II, str. 103—112.

мѣщане. У Ивана Мамонича было сукно „зеленогорское, герлицкое, муравское, лунское, фалюндышовое, и сукно подлого фалюндышу“, сукно каразея и многое другое: въ томъ числѣ указываются и библій—священныхъ книгъ тридцат восемь экземпляровъ [1]).

Особенно удивляла Вильна иностранцевъ множествомъ, разнообразіемъ и богатствомъ своихъ мѣховъ. Въ различныхъ мѣстахъ восточной Европы, говоритъ Виллихій, идетъ обширная торговля разнообразными мѣховыми товарами, но въ Вильнѣ склады этого товара самые славные и пользующіеся громкою извѣстностію. Здѣсь, по его свидѣтельству, ежедвевно, кромѣ воскреснаго дня, въ особомъ мѣстѣ шла бойкая торговля мѣхами, и онъ не могъ достаточно надивиться ихъ громадному выбору, разнообразію сортовъ и высокому достоинству. Многое изъ этого товара приходило въ Вильну съ самыхъ сѣверныхъ странъ. Можно получить мѣха, продолжаетъ онъ, и въ Люблинѣ, и въ Познани, и въ Краковѣ, и въ Данцигѣ, и въ Торнѣ, но только иногда, въ извѣстное ярмарочное время, и Виллихій не сомнѣвается, что нѣмецкіе купцы скорѣе всего селились въ Вильнѣ для выгодной торговли мѣхами и что даже отъ нихъ получила свое названіе Нѣмецкая улица, застроенная въ то время (полов. XVI в.) лучшими каменными домами [2]).

Не только нѣмецкіе, но и другихъ національностей купцы, прибывая въ Вильну и находя для себя торговлю мѣхами очень выгодною, оставались здѣсь и селились. Въ метрикѣ литовской имѣется, между прочимъ, „списаніе купцовъ Московскихъ, которые у Вильни, за парканомъ мѣшкаютъ“ [3]). Обширное торговое движеніе въ Вильнѣ привлекало сюда между другими англичанъ и голландцевъ. Послѣдніе, по заявленію голландскихъ пословъ, вели торговлю въ Литовской землѣ; въ Данцигѣ между прочимъ по дорогой цѣнѣ покупали пепелъ и золу, ленъ и пеньку: польскому королю платили большія пошлины, а литовскимъ торговымъ людямъ оттого были большіе барыши. Но такъ какъ голландскимъ посламъ было извѣстно, что названные товары идутъ въ литовскую землю изъ Московскаго государства, то они и просили, чтобы его царское величество (около 1630 г.) учинилъ заказъ, чтобы Московскіе люди этихъ товаровъ: золы, льну и пеньки въ литовскіе города не возили, а возили бы къ Архангельскому порту [4]).

---

[1]) Археогр. Сборн. т. III. стр. 290—316. Памятн. рус. стар. въ зап. губ.—Батюшкова—вып. 6, стр. 4. Акты Вилен. Коммиссіи. Т. XX, стр. 110, 351.
[2]) Wizerunki... T. 24, str. 73—76 и примѣч.
[3]) См. Balinski—Historya m. Wilna. T. II. str. 85, пр. 22.
[4]) Соловьевъ—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ—Москва. 1859 г. т. IX. стр. 196

Являлись въ Вильну съ своими коробками англичане и шотландцы; они разносили различный мелкій товаръ, а потомъ нерѣдко и совершенно оставались на жительство[1]). Въ описаніи Вильны Брауна[2]) упоминается о Московскомъ гостинномъ дворѣ въ Вильнѣ, который поражалъ наблюдателя богатствомъ и массою мѣховъ собольихъ, бобровыхъ и куньихъ. Подъ 1604 годомъ (время начавшагося упадка Виленской торговли) въ актахъ Виленскаго гродскаго суда записано, что двое Московскихъ купцовъ провезли изъ Смоленска въ Вильну множество дорогихъ русскихъ мѣховъ, а именно: лисицъ красныхъ девятнадцать сотъ, соболей сороковъ семь, куницъ сороковъ двадцать, бѣлки Московской 1023, шубокъ собольихъ пупковыхъ четыре и проч. . .[3]). У нѣкіихъ Федора Лопатина и Флоріана Федоровича, при переѣздѣ ихъ черезъ Вилію въ Вильнѣ, перевозчики похитили кромѣ другихъ товаровъ соболей два сорока, куницъ восемнадцать, норокъ семь сороковъ, рысей - шесть; при этомъ замочили имъ овчины, бѣлки и козлиныя кожи[4]).

Многіе Виленскіе торговцы имѣли собственныя суда—витины и струги,—на которыхъ по Виліи и Нѣману отправляли свои товары за границу; въ замѣнъ оттуда получали иностранныя произведенія [5]). Случалось иногда, что товаръ изъ за границы расхищался, а струги или витины разбивались. Рѣка Вилія до того нерѣдко запружалась этими судами, что вновь прибывающимъ не было мѣста для остановки и являлась необходимость отплывать на нѣсколько верстъ далѣе[6]). И многіе Виленскіе вельможи помимо торговцевъ, прямо отъ себя, отправляли за границу на собственныхъ стругахъ хлѣбъ, пшеницу, пеньку, золу. Назовемъ Остыка, Бржостовскаго, Войну, князей Острожскихъ, Радивилла. . .[7]).

При большомъ наплывѣ въ Вильну иноземныхъ купцовъ и при ихъ непосредственныхъ отношеніяхъ какъ къ городу, такъ и къ мѣстному купечеству, являлась теперь необходимость упорядочить эти отношенія; требовалось подумать, какъ бы иностранная торговая конкуренція не послужила въ ущербъ интересамъ мѣстной торговли и самому государству, такъ какъ подъ видомъ иностранныхъ купцовъ могли являться въ Вильну личности сомнительныя, негодныя. Въ 1503 г. великій князь литовскій Александръ объявилъ: „били намъ чоломъ войтъ мѣста

---

[1]) Памятн. русской старины въ западн. губерн.—Батюшкова—вып. 6, стр. 4.

[2]) Urbium praecipuarum totius mundi—III часть—Coloniae Agrippinae—1581 an. p. 59.

[3]) Памятники старины—Батюшкова—вып. 6, стр. 3—4.

[4]) Акты Вилен. Ком. т. XX стр. 385.

[5]) Ibid. стр. 118, 488, 496.

[6]) Акты Вил. Ком. т. XX. 488—490.

[7]) Ibidem. 118, 488. Археогр. Сборн. т. IV, 265, 268, 279...

Виленского, бурмистры и радцы и вси мѣщане и поведили передъ нами, штожъ которыи коли гости купцы москвичи, новгородци, тферичи и зъ иншихъ земель купци чужеземци прiѣжчаютъ съ товары своими до мѣста Виленского и становятся въ мѣстѣ по домамъ, гдѣ которыи хотятъ, никомуся не сказываючи, ани обвещаючися, и торгуютъ зъ нѣмци и зъ иншими купци чужеземци гость зъ гостемъ и торговавши такъ въ мѣстѣ и нѣсколько денъ або недѣль змѣшкавши и за ся зъ мѣста тежъ безъ вѣдома выѣжчаютъ, а межи таковыми купци чужеземци другды могутъ быти и лазуки, або которыи иншiи лихiи люди; и били намъ чоломъ, абы есмо дозволили имъ въ мѣстѣ домъ одинъ гостинный збудовати къ ихъ мѣстному вжитку, гдѣ-бы мѣли купци чужеземци прiѣжчаючи становитися, и мы на ихъ чоломъ битье то вчинили и дозволили имъ одинъ домъ гостинный въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ збудовати къ ихъ вжитку мѣстскому"[1]). Всѣ прiѣзжiе иностранные купцы должны были останавливаться исключительно въ этомъ гостинномъ дворѣ и здѣсь складывать свои товары, заявивши предварительно о себѣ и о своемъ прибытiи намѣстнику Виленскаго воеводы[2]).

Крашевскiй,[3]) на основанiи приведеннаго документа упорно настаиваетъ, вопреки Нарбуту,[4]) что до 1503 года не было въ Вильнѣ никакого гостиннаго дома, иначе о немъ вспомнилъ бы привилей Александра Казимiровича. Уже бывшiй профессоръ Ярошевичъ замѣтилъ, что нѣтъ никакого основанiя отвергать сказанiе хроники нѣмецкой Ривiуса о существованiи въ Вильнѣ русскаго гостиннаго двора даже въ началѣ XIV в., такъ какъ по тогдашнему обыкновенiю купцы прежде всего устрояли для себя гостинные дома въ мѣстахъ ихъ торговли[5]). Но нужно имѣть въ виду, что въ привиллегiи великаго князя Александра говорится объ устройствѣ гостиннаго дома отъ города и для всѣхъ купцовъ, а прежнiй русскiй гостинный дворъ принадлежалъ русскимъ купцамъ, составлялъ ихъ собственность и содержался ими. Наплывъ въ Вильну русскаго купечества изъ Москвы, Твери, Пскова, Новгорода (не говоримъ о другихъ земляхъ, какъ видно изъ привилея) былъ причиною того, что уже прежнiй гостинный домъ не могъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ прiѣзжихъ купцовъ и они поневолѣ должны были размѣщаться по частнымъ домамъ. Съ постройкою общественнаго городскаго гостин-

---

[1]) Сборникъ древнихъ грамотъ и актовъ гор. Вильны,.. ч. I. стр. 17. Zbior praw i przywilejow. . . Wilnowi nadanych—Dubinski—18.

[2]) Ibidem.

[3]) Wilno—T. I. str. 181.

[4]) Dz. nar. Lit. T. III. str. 595.

[5]) Obraz Litwy—T. I. str. 109—110.

наго двора долженъ былъ закрыться частный и перейти въ собственность города и въ дѣлахъ городскаго архива мы встрѣчаемся съ такимъ фактомъ, что въ 1507 году 1 мая совершилась купчая крѣпость за сто копъ грошей литовскихъ на продажу гостиннаго дома съ одной стороны между наслѣдниками Михаила Григоровича, Виленскаго конюшаго, бывшаго владѣльца названнаго дома, и шляхетнымъ Виленскимъ магистратомъ съ другой; а лежалъ этомъ домъ „въ мѣстѣ Виленскомъ на Великой улицы близко светое Живоначальное Тройцы монастыру, подле заулка, а зъ другой стороны черезъ тылъ Жмитковыхъ Хмизиныхъ дѣтей дворовъ“ [1]).

Новый гостинный домъ до конца своего существованія остался на старомъ мѣстѣ [2]). Конечно, онъ былъ расширенъ значительными новыми постройками, примѣнительно къ новымъ потребностямъ и нуждамъ, и роскошно отдѣланъ; своимъ видомъ, обширностію и удобствами онъ приводилъ въ изумленіе чужестранцевъ [3]). Расширяясь, новый гостинный домъ много съузилъ и частію занялъ своими пристройками бывшій здѣсь переулокъ [4]).

Значительно развивавшаяся торговля въ Вильнѣ если съ одной стороны вызывалась большимъ населеніемъ города, то съ другей—содѣйствовала опять его увеличенію. Въ данномъ случаѣ оба явленія взаимно одно другимъ поддерживаются, усиливаются. Великій князь литовскій Александръ первый началъ проводить въ Вильнѣ большую часть времени. Его примѣръ, конечно, сильно привлекалъ для жительства въ городъ литовско-польскихъ бояръ и вельможъ и мы видимъ, что съ конца XV столѣтія Вильна быстро начинаетъ застраиваться хорошими домами и принимать видъ настоящаго города. Въ это время явилось даже особое распоряженіе великаго литовскаго князя относительно купли и продажи домовъ въ Вильнѣ. „Говорилъ намъ войтъ и Виленскіе мѣщане, писалъ великій князь Виленскому воеводѣ въ 1492 году, што въ мѣстѣ Вильни мѣщане продаютъ домы свои и мѣйсца княземъ и паномъ и бояромъ, безъ нашое воли, а въ томъ намъ шкода и платы нашые гинутъ. Протожъ штобысь заказалъ мѣщаномъ Виленскимъ всимъ, абы конечно ни жадинъ мѣщанинъ не продавалъ домовъ своихъ никоторому князю, ни пану, ни бояромъ, пакъ ли которы мѣщанинъ про-

---

[1]) Balinski—Historya m. Wilna. T. II. str. 85. пр. 23.

[2]) Акты Вилен. Ком. т. XX. 152, 173, 282

[3]) Braun— Praecipuarum urbium... p. III, p. 59. Andreae Cellarii—descriptio regni Poloniae въ Historiarum Pol. et M. D. Lithvaniae Collectio magna...Mitzler'a—Varsaviae—1761 an. t. p. p. 571.

[4]) Wizerunki—T. 24, str. 76, прим. 3.

давати мѣлъ домы свое князю, любо пану, любъ бояромъ безъ нашое воли, на томъ намъ вины двадцать рублей грошы, а хто купитъ, на томъ вины только жъ"[1]).

Съ развитіемъ торговли и увеличеніемъ населенія города необходимо было подумать о его безопасности. До XVI столѣтія Вильна, какъ мы видѣли, находилась подъ защитою двухъ замковъ—верхняго и нижняго; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городъ окружала стѣна или же просто земляной валъ. Но въ настоящее время и эта охрана была или совершенно или въ части разорена. По свидѣтельству современниковъ, Вильна ко времени великаго литовскаго князя Александра находилась въ такомъ состояніи, что ее можно было считать совершенно открытою для нападеній непріятеля. Старая защитная ограда частію разрушилась, частію была разобрана; на перекопахъ и валахъ нагромождено было множество жилыхъ клетушекъ; предмѣстья представляли полнѣйшую безпорядочность и врѣзывались въ городъ; въ развалинахъ оставшихся башенъ гнѣздились совы и находили пріютъ разныя недостойная личности. Нигдѣ не видѣлось сколько нибудь вооруженныхъ пунктовъ. . .Самый замокъ по наружному только виду могъ представляться укрѣпленіемъ[2]). А между тѣмъ враждебныя тучи надвигались на Вильну съ различныхъ сторонъ. Носилась мысль, чтобы кругомъ разростающагося города устроить каменную стѣну, которая могла бы всегда служить значительною защитою при нападеніи враговъ. Въ данномъ по этому случаю привилеѣ великій князь Александръ заявляетъ, что по просьбѣ самихъ мѣщанъ, для обезпеченія литовской столицы, онъ приказываетъ обнести ее каменною стѣною, а кто по бѣдности теперь этого сдѣлать не можетъ, то—деревяннымъ заборомъ. Виленскій воевода долженъ былъ объѣхать городъ и указать, кому слѣдуетъ, по какому направленію должна итти стѣна. Каждый домовладѣлецъ, по землѣ котораго имѣла проходить каменная ограда, обязанъ былъ вывести ее или же въ случаѣ бѣдности устроить временно деревянный заборъ. Никто—ни паны и бояре, ни мѣщане и духовенство не имѣли права отказываться отъ возлагаемой на нихъ обязанности, и если бы на линіи, проектируемой для городской стѣны, находились чьи либо дома, препятствующіе возведенію стѣны, ихъ велѣно сносить, такъ какъ, по замѣчанію привилея, справедливѣе пострадать одному человѣку, нежели погибнуть всему городу. За то Виленскіе мѣщане на цѣлый годъ освобождались отъ всякой воинской повинности, даже въ томъ случаѣ, „хотя бы вси князи и панове и вся

---

[1]) Zbior praw—Dubinski—154.
[2]) Narbutt—Pisma historyczne—192.

земля на службу пошли, а они маютъ своего дѣла додѣлывати и тотъ парканъ, перекопы заправляти; тежъ того году и иныхъ службъ и поплатковъ не надобе имъ служити, ни давати, кромъ серепщизны. А которые князи, панове и земяне и каноницы и инные костельного ураду людіе такъ закону римского а греческого хотѣли бы домы мѣти въ муру, въ стѣнѣ, тогды маетъ кожды зъ нихъ свою дельницу стѣны замуровати альбо запарканити, а еслибы не хотѣли, тогды казали есмо пану воеводѣ Виленскому въ ихъ домы и мѣщанъ увязывати, а имъ одмѣну за мѣстомъ давати; а мѣщанинъ который тотъ домъ возметъ, тотъ и дѣльницу его замуруетъ". Для удобства жителей, въ стѣнѣ предположено было устроить пять воротъ или брамъ. Такое малое повидимому количество воротъ назначалось для большей безопасности города и для меньшихъ расходовъ по содержанію городской стражи, которая должна была находиться въ воротахъ и днемъ и ночью. „Первая брама назначалась за пана старостинскимъ дворомъ къ Вилiи (Виленская); другая—подле Матки Божое къ Трокамъ (Трокская); третья—подле светой Троицы (Троицкая); четвертая—подле светого Спаса (Спасская) и пятая – въ городѣ" (Замковая). Для содержанія въ воротахъ постоянной стражи разрѣшалось брать съ провозившихъ въ городъ пшеницу, гречу, овесъ, муку и другіе жизненные припасы, а также дрова и сѣно по одному пѣнязю отъ воза. А если бы кто не въ состояніи былъ дать требуемую плату, тотъ вмѣсто нея могъ доставить въ городъ отъ воза по камню такой величины, „какбы моглъ молодецъ тотъ камень узяти и понести". Такой сборъ въ пользу города разрѣшался мѣщанамъ на два года; а „коли два годы выйдутъ, а порозумѣемъ, што земли не шкода, а мѣщане бы пильности ку будованю приложили, мы, говоритъ великій князь, и на далей можемъ то имъ допустити" [1]).

Торжественно совершилась закладка городской стѣны. Крестный ходъ, сопровождаемый всѣмъ населеніемъ города, различные цехи съ своими значками, высшія духовныя и гражданскія власти, великій литовскій князь, сопутствуемый своею свитою, обходили мѣсто, назначенное для возведенія стѣны, при чемъ Виленскій епископъ окроплялъ его святою водою. Раздавались выстрѣлы изъ пушекъ, которыя стояли на площадкѣ у церкви св. Пятницы, звонили въ колокола въ семи костелахъ и очень многихъ церквахъ. Особенною торжественностію отличалась закладка вновь Мѣдникской брамы на мѣстѣ нынѣшней Остробрамской; бывшія раньше Мѣдникскія ворота находились, какъ мы сказали выше, у свято-

---

[1]) Zbior praw. . Dubinski—19, 20. Собраніе древнихъ грамотъ. . Вильны—ч. I. 18—20. Акты Вилен. Коммиссіи т. XX. 88, 110, 126, 132, 246, 257, 253, 259, 403, 404.

Троицкаго монастыря. Новая брама подвигалась значительно дальше и это требовалось для выпрямленія линіи по плану между такъ называемыми башнями Чортовою [1]) и Поворотною (на углу отъ Острыхъ воротъ, при поворотѣ къ Бакштѣ). Здѣсь вся процессія остановилась. Для фундамента спущенъ былъ громадный краеугольный камень, внутри котораго, въ искусно приготовленномъ отверстіи задѣланы были различныя монеты и соотвѣтственная надпись на серебряной доскѣ. При обычныхъ молитвахъ, мѣсто было окроплено святою водою и великій князь съ представителями высшей духовной и свѣтской власти положили по камню въ основаніе новыхъ воротъ. Все торжество закончилось на большомъ рынкѣ (около нынѣшняго театра) пѣніемъ гимна: Тебе Бога хвалимъ. . .Ему вторили звуки орудій и звонъ колоколовъ [2]).

Проектируемая стѣна должна была окружать городъ отъ Спасскихъ воротъ до Бакшты около воспитательнаго дома „Іисусъ Младенецъ", далѣе къ Поворотной башнѣ, какъ идетъ ограда свято-Духова монастыря, женскаго духовнаго училища, къ Мѣдникской брамѣ, Чортовой башнѣ, Завальной улицею, Жмудскою, переулкомъ по за францисканскими зданіями къ Трокской брамѣ, опять частію Завальной и къ Виленскимъ воротамъ, приблизительно, гдѣ нынѣшній Гористый переулокъ упирается въ Виленскую улицу, далѣе къ Татарской улицѣ и къ оградѣ нижняго замка. Со стороны рѣки Вильны внизъ по теченію отъ Спасскихъ воротъ до замка городская стѣна находилась на протяженіи до Бернардинскаго сада; нѣкоторые дома тутъ и дворы заключались въ каменныхъ оградахъ, митрополичій, напримѣръ, дворъ, Сапѣжинскій, поздѣе Михайловскій—Бернардинскій и другіе [3]).

Мы должны замѣтить здѣсь, что на планѣ Вильны Брауна, который въ прекрасной копіи приложенъ къ актамъ Виленской Коммиссіи [4]), нѣкоторыя изъ

---

[1]) По Нарбуту—она находилась на углу дома—по лѣвой рукѣ къ Конной площади, если итти туда по Полицейскому переулку. Въ этой башнѣ съ давнихъ поръ была устроена тюрьма для разбойниковъ, между которыми находился одинъ, очень уже якобы извѣстный своими разбоями, за что получилъ названіе „чортовъ батько"; его названіе усвоено было и башнѣ, въ которой онъ содержался.—Pisma historyczne—193, прим. 1. Акты Вилен. Ком. Т. XX 217.

[2]) Narbutt—Pisma historyczne—194—196.

[3]) Древніе планы гор. Вильны. Акты Вил. Ком. т. XX и текстъ стр. 404, 405. . . Памятн. Батюшкова—вып. 5 и 6. Balinski—Historya m. Wilna—T. I. Kraszewski—Wilno—T. I.

[4]) Т. XX. Какою рѣдкостію сдѣлался этотъ планъ, можно видѣть изъ того, что уже въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія его не могли найти ученые изслѣдователи Западной Россіи. Даже въ экземплярѣ атласа Брауна, принадлежавшемъ библіотекѣ б. Виленскаго университета, планъ гор. Вильны оказался вырваннымъ. Его можно было найти въ такихъ только богатыхъ библіотекахъ, какъ Щорсовская гр. Хребтовича, или Пулавская—кн. Черторыйскаго, . . Wizerunki—T. 22, str. 75, примѣч. 1.

названныхъ воротъ указаны невѣрно или по своему положенію, или наименованію. Крашевскій, приложивши къ первому тому своего изслѣдованія о Вильнѣ планъ Вильны Боденера—плохое, сокращенное измѣненіе плана Брауна—(имѣется въ Архивѣ Виленской Думы) еще больше затемнилъ дѣло ошибочнымъ иногда объясненіемъ нѣкоторыхъ названій плана. Вмѣсто Виленскихъ, напр., явились Клецкіе ворота; церковь св. Пятницы указана на правой сторонѣ улицы по дорогѣ отъ замка, Снипишки названы Зарѣчьемъ [1]).

На планѣ Брауна подъ цифрою 26 значится Cletkensdor—т. е. ворота (Thor) клетокъ—лавокъ. Въ старое время былъ общій обычай устроять небольшія лавки, коморы, клетки при воротахъ, на мостахъ. Въ 1529 году Виленскій воевода Гаштольдъ выхлопоталъ у великаго литовскаго князя Сигизмунда разрѣшеніе на постройку моста на Виліи напротивъ брамы нижняго Виленскаго замка. На мосту онъ хотѣлъ устроить небольшія торговыя лавки, коморы или клетки. Доходъ отъ ихъ найма долженъ былъ итти въ пользу Гаштольда и его наслѣдниковъ [2]). И Виленскія ворота могли быть названы иностранцемъ Cletkensdor оттого, что находились въ концѣ улицы, которая служила какъ бы продолженіемъ Нѣмецкой, которая въ свою очередь начиналась у Ратуши — мѣста, гдѣ были построены торговыя лавки, клетки—Cletken [3]). По своему положенію Cletkensdor отвѣчаютъ Виленскимъ воротамъ, хотя нужно сказать, что наружный видъ города съ той поры значительно измѣнился и его трудно узнать по описанію XVI вѣка. Эта трудность увеличивается еще тѣмъ, что въ старое время предмѣстья города по своему неправильному расположенію и обширности были слишкомъ отличны отъ современнаго состоянія. Вильна, по замѣчанію Брауна, не имѣла отдѣльныхъ городскихъ предмѣстій, съ особыми названіями; она была окружена однимъ сплошнымъ предмѣстьемъ, которое состояло изъ множества маленькихъ хижинъ, некрасиво выстроенныхъ; ихъ переносили сюда съ разныхъ мѣстъ и ставили въ безпорядкѣ какъ попало [4]). Отъ этого и на планѣ Вильны Брауна дальнѣйшее продолженіе улицы за Виленскими воротами очень мало согласуется съ направленіемъ нынѣшней Виленской улицы.

---

[1]) См. планъ въ „Wilnie"—Kraszewskiego—T. I.

[2]) Balinski—Historya m. Wilna—T. II, str. 82.

[3]) См. планъ въ Актахъ Вил. Ком. т. XX, подъ цифрою 25. На планѣ Вильны ксендза Черскаго Cletken передѣлано въ Clerken и на мѣстѣ лавокъ въ Ратушѣ, гдѣ теперь театръ, показана епархіальная латинская семинарія—клирики.

[4]) Urbium praecipuarum. . . P. III, p. 59.

На мѣстѣ Мѣдникскихъ воротъ — потомъ Острыхъ — на планѣ Брауна значатся die Deutsche dor — нѣмецкія ворота. Это очевидно ошибка, такъ какъ и самъ Браунъ намѣчаетъ и Нѣмецкую улицу приблизительно вѣрно, а въ описаніи Вильны говоритъ, что Виленцы fontes diversis in plateis habent, ad publicos oppidanoram usus varios, *omnes tamen eodem ex capite, juxta Germanorum portam constituto, derivatos*[1]). Подчеркнутое выраженіе очевидно указываетъ на источникъ Вингеръ (жрудла гойные водные), откуда дѣйствительно „мѣщане Виленскіе, войтъ, бургомистры и райцы воду до места Виленского звычайнымъ способомъ рурами провадютъ и ку пожиткови своему ратушному, запродаючи тую воду, въ разные домы людскіе, то есть у месте Виленскомъ, впровал̂аютъ"... и которые находились за Трокскою брамою[2]). Правда, были богатые водные источники и за Мѣдникскими воротами, и на Поплавахъ, откуда шла вода въ городъ[3]), но этимъ воротамъ никогда не усвоялось названіе Нѣмецкихъ. Трокскія ворота, которыя ясно упоминаются и въ привилеѣ вел. кн. Александра 1504 года и названіе которыхъ встрѣчается уже, по свидѣтельству Нарбутта, въ XV стол., не точно показаны на планѣ Брауна и не названы. Самая стѣна городская, по описаніямъ, соприкасалась на западѣ съ оградою нижняго замка; на планѣ Брауна оставлено свободнымъ съ западной стороны большое пространство между замкомъ и городскою стѣною[4]).

Кромѣ названныхъ пяти главныхъ брамъ, были еще и другія: Рудницкая[5]), Татарская[6]), Мокрая[7]), Субочь[8]) и позднѣйшая Бернардинская[9]). Нарбуттъ заявляетъ[10]), что въ словахъ привилея великаго кн. Александра: „пятая брама въ городъ", нужно понимать не Замковую браму, черезъ которую шли изъ замка въ городъ и обратно, а Рудникскую. Свое положеніе Нарбуттъ доказываетъ тѣмъ, что городская стѣна на такомъ большомъ протяженіи, какъ разстояніе между Трокскими и Мѣдникскими воротами не могла оставаться безъ въѣздовъ и выѣз-

---

[1]) Braun—p. III—59.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 265. Ср. Wizerunki—T. 24, str. 78, 79.

[3]) Ibidem—132, 336. Ср. Wizerunki—T. 24, str. 80.

[4]) Wizerunki—T. 24, str. 82—84 и примѣч. Планъ Вильны Брауна въ Актахъ Вил. Ком. т. XX.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 217, 322.

[6]) Ibidem—142.

[7]) Ibidem—169.

[8]) Ibidem—268.

[9]) Ibidem—271.

[10]) Pisma historyczne—202.

довъ; что въ XV и XVI столѣтіяхъ главная дорога изъ Польши въ Вильну шла черезъ Рудники; что по этой дорогѣ и черезъ Рудникскую браму пріѣхалъ въ Вильну великій князь Казиміръ послѣ смерти Сигизмунда Кейстутовича и Сигизмундъ I послѣ смерти Александра и что Рудникская брама, потому, съ давнихъ поръ считалась главнѣйшею. Но Нарбуттъ напрасно допускаетъ такое предположеніе. Замковыя ворота сами по себѣ, а Рудникскія сами по себѣ. И тѣ и другія существовали раньше 1504 года, но только не въ такомъ видѣ и не съ такимъ назначеніемъ, какъ это указано въ привилеѣ вел. кн. Александра 1504 года. Уже Крашевскій замѣтилъ, что словами: „пятая брама въ городъ" привилей хотѣлъ обозначить ворота, ведущія изъ замка *въ городъ* per excellentiam [1]). Но подъ словомъ городъ, гродъ, можно подразумѣвать и замокъ; тогда выраженіе: „пятая брама въ городъ" будетъ совершенно вѣрно обозначать ворота, ведущія въ замокъ. Приведемъ одновременный почти документъ (1500 года), въ которомъ слово *городъ* употребляется въ этомъ смыслѣ. На р. Вильнѣ передъ замкомъ былъ мостъ, за исправностію котораго поручено было наблюдать Магистрату и „для нашего жеданья, говоритъ великій князь Александръ, мостъ тотъ передъ городомъ замостили всемъ местомъ, и били намъ чоломъ, абы то имъ было на потомъ не въ пошлину. И мы, доведавшисе давности, штожъ мѣщане Виленскіе перво сего николи мосту передъ городомъ не мостивали, имъ тое откладаемъ, што они уже на потомъ не маютъ того мосту передъ городомъ тымъ мостити, нижли маетъ волость наша тотъ мостъ мостити по давному" [2]). Что же касается Рудникской брамы, то особенное значеніе она получаетъ, по свидѣтельству Балинскаго, только со времени Сигизмунда I-го и Сигизмунда-Августа, которые очень любили охотиться въ Рудникахъ, въ верстахъ тридцати на юго-западъ отъ Вильны, въ прекрасной мѣстности съ вѣковыми лѣсами, гдѣ находился и великокняжескій дворецъ. Тогда дорога и брама Рудникская, понятно, должны были хорошо содержаться и явиться какъ бы въ новомъ видѣ, чего по свидѣтельству Балинскаго не было еще при Александрѣ [3]). Татарская брама находилась на Татарской улицѣ; Мокрая — вблизи соединенія нынѣшней Семеновской улицы съ каѳедральною площадью, Субочь, при соединеніи Бакшты съ Сиротскою и Бернардинская по сосѣдству съ костеломъ того же имени.

---

[1]) Wilno—T. I, str. 386, пр. 43.
[2]) Акты Вил. Ком. т. X. 237, 238.
[3]) Historia miasta Wilna—T. II, str. 66—67.

Въ XVI столѣтіи встрѣчаемъ уже въ Вильнѣ различные улицы и переулки подъ разными наименованіями. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно затерялись, исчезли; другіе перемѣнили свои названія и направленіе, а иные сохранили до сихъ поръ и то и другое. Начнемъ съ древнѣйшей въ Вильнѣ Замковой улицы. Съ основаніемъ въ Вильнѣ Гедиминомъ замка, дорога отъ замка въ городъ, въ рынокъ — къ ратушу, нынѣшнему театру—стала называться Замковою. Когда городъ началъ застраиваться, Замковая дорога обратилась въ „*Замковую* улицу", которая „идетъ просто з рынку ку замкови"[1]; иногда въ актахъ она называется „Гродскою"[2]. гродъ—замокъ, или же „Великою городовою улицею"[3]; иногда ей усвояется наименованіе „Великой замковой"[4]), то просто Великой[5]), то Широкой[6]). При неопредѣленности названій, и протяженіе ея на первыхъ порахъ было тоже неопредѣленное. Большею частію въ документахъ протяженіе Замковой улицы указывается отъ замка къ рынку; но встрѣчаются и такія указанія, которыя позволяютъ думать, что и дальнѣйшее продолженіе улицы отъ рынка къ Острой Брамѣ называлось Великою Замковою улицею. Въ одномъ актѣ 1619 года говорится, что нѣкто Рогинскій жаловался на земенина Илью Недрушлянскаго за нанесеніе ему побоевъ у воротъ костела св. Казиміра, когда тотъ „на саняхъ, однымъ конемъ спокойне ѣхалъ. . .улицою Великою Замковою черезъ рынокъ, мимо ратушъ ку Острой Браме". . .[7]). Въ актахъ капитульныхъ Замковая улица обыкновенно называется Platea castrensis seu arcensis, а иногда Platea Canonicorum. Сарбѣвскій—поэтъ называетъ ее Platea sacris praelatorum domibus illustris. На этой улицѣ большая часть домовъ принадлежала латинскому каѳедральному капитулу, давшему улицѣ названіе отъ своихъ членовъ-канониковъ и прелатовъ[8]). Съ теченіемъ времени, когда стала сокращаться территорія замковой юрисдики, когда мѣста и плацы, принадлежавшіе замку, начали переходить въ частныя руки, и Замковая улица, пролегавшая первоначально главнымъ образомъ по замковой юрисдикѣ, стала называться опредѣленными названіями на своемъ протяженіи. Названіе „Замковой" она удержала до костела св. Іоанна включительно, а дальше

---

1) Акты Вил. Ком. т. XX. 43, 44, 47, 60, 86, 95, 100, 104, 119, 128, 129, 155, 156 и дал.
2) Ibid. 57, 92.
3) Wizerunki—T. 24. str. 55, пр. 1. Акты Южной и Западной Россіи—т. I. стр. 74.
4) Акты Вилен. Ком. т. XX, 26, 27, 30, 84, 92, 158, и въ др. мѣстахъ.
5) Ibid. 39, 40, 48, 224.
6) Ibid. 37.
7) Ibid. 257.
8) Wizerunki T. 24 str. 55. пр. 1.

вверхъ стала именоваться Большою или Великою. Отъ рынка до Острыхъ воротъ называлась или просто „улицою, которая з рынку до Острой Брамы идетъ", [1]) или даже въ концѣ XVI в. „Острою улицею" [2]).

Часть Большой улицы между Андреевскою и Православнымъ каѳедральнымъ соборомъ съ древнѣйшихъ поръ до последняго времени носитъ названіе Имбары. Все это пространство находилось по сосѣдству съ главнымъ рынкомъ (нынѣшній театральный скверъ), гдѣ ежедневно происходилъ базаръ. Купцамъ очень выгодно было имѣть по сосѣдству склады товаровъ, амбары; они и на мѣстѣ въ складахъ могли вести торговлю, и другую часть могли вывозить на базаръ. Отъ этихъ складовъ или амбаровъ и улица уже въ XVI в. носила названіе Амбары, а потомъ съ половины XVII в. Имбары [3]). Въ 1594 году Виленскій мѣщанинъ Шнипка „описуетъ братаничу своему товары вси у краме и въ погребци межи амбарами". . .[4]). Въ 1587 году записана въ Виленскомъ гродскомъ судѣ жалоба „мѣщанъ места Виленского крамниковъ амбарныхъ и железниковъ, которые на амбарехъ кромы амбарные (маютъ) и на возкахъ речи железные продаютъ. . .о кгвалтовное насланье на крамы амбарные и на возки ихъ, о забранье товаровъ ихъ, о збитье и зраненье ихъ самихъ". .[5]). Отъ имени рынка опять эта часть улицы иногда называлась Рынковою или даже Великою Рынковою [6]). Въ концѣ рынка, на сѣверной его сторонѣ, въ особыхъ строеніяхъ, главнымъ образомъ продавали рыбу; отъ этого и соотвѣтственная часть рынка называлась „Рыбнымъ концомъ" и „Рыбнымъ торгомъ или рынкомъ" [7]). Иногда впрочемъ все пространство отъ Театра до Пятницкой церкви называли рыбнымъ рынкомъ или концомъ [8]). На площадкѣ у Пятницкой церкви съ конца XVII ст. устроенъ былъ даже „новый рыбный рынокъ" [9]).

Съ правой стороны къ Замковой улицѣ примыкала, если итти отъ замка къ Рынку, *безименная улица*. Она начиналась сейчасъ же у моста на лѣвомъ рукавѣ Вильны передъ замковыми воротами, шла по лѣвому берегу этого рукава вблизи

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 246.
[2]) Ibid. 253.
[3]) Акты Вил. Ком. Т. XX. 51, 56, 272, 323 и др.
[4]) Ibid. 110.
[5]) Ibid. 56.
[6]) Ibid. 234, 255, 472.
[7]) Ibid. 131, 259, 284, 286, 307, 424, 425, 427, 513, 514. Ср. Dzieje dobroczynności r. I. str. 346, пр. 8.
[8]) Ср. ibid. 281, 286, 380,
[9]) Narbutt—Dz. nar. Litewsk. T. I. 231.

нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ и упиралась въ Мокрую браму въ юго-западномъ углу нынѣшней каѳедральной площади. Въ началѣ XVI столѣтія здѣсь былъ построенъ костелъ св. Маріи Магдалины и при немъ госпиталь. Основаніе послѣдняго принадлежитъ ксендзу Мартину изъ Душникъ, который съ разрѣшенія Виленскаго капитула проложилъ и самую улицу. Разрѣшеніе капитула потребовалось потому, что ему принадлежала эта часть земли по сосѣдству съ замкомъ. Нѣкоторые писатели указанную улицу называютъ улицею ксендза Мартина изъ Душникъ, который, какъ мы сказали, проложилъ ее для большаго удобства и соединенія госпиталя съ людною Замковою улицею [1]).

Далѣе съ правой стороны Замковой улицы слѣдуетъ переулокъ *Скоповка*. До начала XVI столѣтія многіе плацы, которые заняты теперь постройками на Скоповкѣ, принадлежали францисканамъ и были подарены имъ Гаштольдомъ. Въ началѣ XVI столѣтія (въ 1525, 1526 и 1531 гг.) они продали часть принадлежащей имъ земли за сорокъ копъ грошей литовскихъ королевскому секретарю Станиславу-Якову Скопу. На нихъ онъ возвелъ постройки, устроилъ для себя дворъ и всей мѣстности оставилъ наименованіе [2]). До половины XVI в. Скоповка называлась просто улицею, „которая идетъ отъ великое Городовое улицы ку Бискупле улицы“. Подъ этимъ именемъ она упоминается въ актѣ 1529 года, по которому между Виленскимъ воеводою Альбрехтомъ Гаштольдомъ и Виленскимъ каноникомъ, бискупомъ Кіевскимъ Николаемъ Вежгайло совершенъ взаимный обмѣнъ плацовъ на этой же улицѣ. Въ актѣ между прочимъ упоминается и „Скоповъ дворъ“ [3]).

---

[1]) Strata versus hospitale S. Magalenae. Die Lunae tertiadecima Octobris. 1522. Eodem die venerabilis dominus Martinus de Dussnyki, artium et medicinae doctor, Canonicus petiit sibi concedi et permiti potestatem liberam faciendl stratam publicam de ponte castris versus hospitale S. Magdalenae penes ripam fluminis Wylna et domum domini Episcopi Mednicensis in directum per terram capitularem, maxime cum etiam hoc requirit necessitas capitularis, tam propter canonicos ex opposito hospitalis sua domicilia habentes, quam etiam propter inquilinos, ibidem domos capitulares inhabitantes. Et domini capitulares honestae petioni annuentes concesserunt et admiserunt, cum hac conditione, quod dominus doctor Martinus terram capitularem inter stratam faciendam et ripam fluminis, alias *thama* non occupet aedificiis hospitalis ita quod proprietatem stratae et ripae sibi in totum reservaverunt. Attento quod terra ipsa est capitularis et *Thama* eorum sumptibus facta. Et nihilominus venerabiles domini Alberto Vilczynski canonico et procuratori cencesserunt hujus modi stratam pro commoditate capitulari limitare, levata uno domo capitulari hospitali contigua. Ed quod nacta opportunitate balneum in ripa fluminis sumptibus capituli aedificet... Acta venerab. capit. Viln. См. Kraszewski—Wilno—T. III, str. 337, 338. Акты Вилен. Ком. т. XX, стр. 70, 169, 258, 315.

[2]) Skarb nieoszacowany oo. Franciszkanów—134.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. I, стр. 74. Эти свѣдѣнія опровергаютъ заявленіе ксендза Грибовскаго (Skarb nieoszabowany—стр. 110), который присваиваетъ францисканамъ *всѣ*

Святоянская, Светоянская улица, какъ показываетъ самое названіе, получила его отъ устроеннаго здѣсь въ 1387 году костела св. Іоанна. Она не рѣдко въ актахъ называется просто улицею светого Яна, „которая идетъ ку светому Духу“ (т. е. костелу святаго Духа — бывшему Доминиканскому) [1]). Иногда въ актахъ Святоянская улица слишкомъ удлиняется и тогда ей дается названіе Великой. Въ 1619 году земєнинъ Жебровскій жаловался на нѣкоего Яшевскаго за нанесеніе ему побоевъ, когда онъ шелъ „до господы своей улицею Великою, которая отъ костела свето Янскаго. мимо костелъ светого Духа, идетъ до брамы Троцкое [2])... Часть Ивановской улицы съ прилегавшимъ къ ней слѣва небольшимъ переулкомъ, напротивъ нынѣшней Дворцовой улицы, называлась иногда въ актахъ (конца XVI и начала XVII в.) *Филипповскою улицею* [3]). Нѣкоторое объясненіе для такого названія можно имѣть въ слѣдующемъ фактѣ. Нынѣшнее помѣщеніе почтово-телеграфнаго вѣдомства, на углу Большой и Ивановской улицъ, занимаетъ зданіе бывшей кардинали, т. е. домъ, принадлежавшій Юрію Радивиллу, Виленскому епископу, который былъ кардиналомъ (отъ этого его домъ -- кардиналія). Эта кардиналія образовалась изъ двухъ домовъ — одного прежняго Гаштольдовскаго, со стороны Большой улицы и другого Филипповскаго со стороны улицы св. Іоанна. Отъ имени этого второго дома и улица иногда въ указанныхъ предѣлахъ называлась Филипповскою. Но когда оба эти дома соединены были въ одно (въ концѣ XVI стол.) и домъ Филипповскій сталъ называться Радивилловскимъ, то мало по малу затерлось и названіе улицы Филипповскою [4]).

Нынѣшній *Шварцовъ переулокъ* носилъ различныя названія. Онъ не показанъ на планѣ Вильны Брауна, хотя въ половинѣ XVI вѣка (1557 г.) упоминается уже въ актахъ и—значитъ—существовалъ [5]). Бывшій редакторъ Wizerunków осторожно допускаетъ ходившее въ его время (около 1843 г.) преданіе, что Шварцовъ переулокъ такъ названъ по имени жившаго здѣсь *въ давнее время* нѣкоего Шварца, который первый будто бы научилъ *Виленцевъ приготовлять*

плацы съ постройками, отошедшіе подъ позднѣйшую Скоповскую улицу, которые якобы скупилъ у нихъ Станиславъ Скопъ и вывелъ всѣ зданія. Здѣсь, какъ видимъ, были плацы и францисканъ, и Гаштольда, и капитульные, и Радивилловскіе, и Пацовскіе, доставшіеся въ части по наслѣдству епископу Вежкгайлѣ. Ср. Wizerunki—T. 24, str. 51, пр. 1.

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. стр. 45 86, 152, 162...

[2]) Ibidem 261.

[3]) Ibidem 234. 235.

[4]) Krąszewski—Wilno—T. III. 319, 336, пр. 38.

[5]) Акты Вилен. Ком. т. XX, стр. 10.

хорошій кирпичъ [1]). Теперь, на основаніи изданныхъ документовъ, можно сказать, что Шварцовъ переулокъ первоначально (въ XVI в.) считался даже улицею и назывался сначала *Задоринскимъ и Задоровскимъ* [2]). Свое названіе онъ получилъ отъ имени жившаго здѣсь нѣкоего Задорича по сосѣдству съ домомъ Гаштольдовой и Григорія Ѳостыковича [3]). Но въ 1557 году плацъ съ домомъ (нынѣшнее помѣщеніе дирекціи народныхъ училищъ) вдовы Варвары Нушифедровой, на Задоровской улицѣ, былъ купленъ съ торговъ Виленскимъ городничимъ Іоппомъ (Іовомъ) Прейтфусомъ, который и далъ свое названіе Задоровской улицѣ; съ конца XVI в. въ актахъ она стала называться *Іопповою* [4]). Въ 1612 году въ продажной записи Халецкаго Воловичу на домъ, бывшій въ части Іоппа Прейтфуса, говорится, что съ правой стороны этотъ домъ примыкаетъ къ уличкѣ, которая передъ тѣмъ называлась Задаринскою, а теперь извѣстна подъ именемъ Іопповой (Іопповской) и которая идетъ съ Большой Рынковой улицы къ улицѣ Филипповской (указано выше) [5]). Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ она значится и на планѣ юрисдики митрополитовъ 1672 года, хотя надпись ея здѣсь подвинута слишкомъ далеко отъ начала улицы [6]).

Въ актѣ осмотра Виленскихъ церквей 1619 года упоминается *Стеклянная улица* [7]) Изъ этого можно заключить, что она существовала уже въ предыдущемъ XVI столѣтіи. Дѣйствительно, Стеклянная улица значится и на планѣ Вильны Брауна, если судить по окружающимъ ее сосѣднимъ плацамъ и ближайшимъ строеніямъ, и на картѣ юрисдики митрополитовъ 1672 года [8]). Свое направленіе и названіе она сохранила до настоящаго времени.

Нѣмецкая улица одна изъ древнѣйшихъ улицъ города Вильны [9]). По замѣчанію нѣкоторыхъ писателей, свое названіе она получила отъ селившихся на ней нѣмцевъ [10]). Въ запродажныхъ записяхъ, сохранявшихся въ акто-

---

1) Wizerunki—T. 23, str. 55, прим. 2.

2) Акты Вил. Ком, т. XX, стр. 10, 52, 52, 53, 54, 55, 234, 255 и др.

3) Ibid. стр. 7.

4) Ibid. стр. 82.

5) Ibid. стр. 234, 235, 237, 255, 303, 316 и дал.

6) См. Планъ въ Актахъ Вил. Ком. т. XX.

7) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 259.

8) См. Планы въ Актахъ Вил. Ком. т. XX. Ср. ibid. стр, 401, 424, 426. Wizerunki—T. 24, str. 55.

9) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 79, 134, 178, 260 и др.

10) Виллихій замѣчаетъ. . . non dubito, quod Vilnae platea integra latericiis aedibus constructa a Germanis mercatoribus et Germanica hodie (въ половинѣ XVI вѣка) dicta sit. . . Wizerunki—T. 24, str. 75. Ср. Braun—Urbium Praecipuarum liber III.—50.

выхъ книгахъ Виленскаго войтовства, она называется еще „Platea alemanica“ и „almanicalis“ [1]). Надпись на планѣ Вильны Брауна въ началѣ Нѣмецкой улицы *Die Müntze*, а потомъ *Die Deutsche Gasse* послужила для нѣкоторыхъ основаніемъ созданія цѣлой *Монетной* (вмѣсто Нѣмецкой улицы [2]), хотя надпись *Die Müntze* напоминаетъ читателю, что на Нѣмецкой улицѣ существовалъ когда-то литовскій монетный дворъ [3]). Нѣмецкая улица до настоящаго времени сохраняетъ свое названіе, хотя уже въ XVIII вѣкѣ воспѣвали, что улица *Нѣмецкая*—славная, но именемъ только, такъ какъ евреевъ здѣсь наплодилось столько, что нѣмцевъ и невидно [4]).

Рудникская улица существовала въ Вильнѣ очень давно. Отъ рынка она вела къ Рудникской брамѣ -около костела Всѣхъ Святыхъ—и потомъ далѣе за городъ [5]), По этой улицѣ въѣзжали въ городъ съ товарами очень многіе заграничные купцы, или же и свои, которые возвращались съ заграничной торговли. Съ половины XV столѣтія Рудникская улица между прочимъ дѣлается преимущественною свидѣтельницею въѣзда и выѣзда великихъ литовскихъ князей въ любимый ими загородный Рудникскій дворецъ [6]).

Конская улица—мало извѣстная; Крашевскій только упоминаетъ о ней и относитъ происхожденіе ея къ XVII столѣтію. Онъ вообще, за рѣдкими исключеніями, не указываетъ положенія Виленскихъ улицъ и ограничивается указаніемъ ихъ наименованія [7]). Въ актахъ Виленской Коммиссіи [8]) она упоминается въ XVI столѣтіи. Этою улицею ходили къ Ратушу и изъ постоялыхъ домовъ на ней выѣзжали за городъ черезъ Острыя ворота. Между Острыми воротами и ратушемъ она занимала какъ бы срединный пунктъ и вообще была недалеко Острой брамы [9]). Возный Дыбовскій свидѣтельствуетъ въ 1598 году, что „до пятое каменицы Луки Мамонича онъ шелъ по Большой улицѣ, минувши улицу Конскую, идучи ку Острой брамѣ по праве, не доходечи гостинного дому“... [10]). Домъ Мамонича приходился

---

[1]) Wizerunki—T. 24, str. 75.
[2]) Планъ Вильны кс. Черскаго и Крашевскій—Wilno—T. III. str. 324 и 326.
[3]) Ср. Wizerunki—T. 24. str. 60, 61.
[4]) Kraszewski—Wilno—T. III, str. 324.
[5]) Акты Вил Ком. т. XX. 143, 186, 192, 317, 322...
[6]) Ibid. Ср. Balinski—Historya m. Wilna—T. II, str. 66—69.
[7]) Wilno—T. III, str. 322—328.
[8]) т. XX. 75.
[9]) Ibid. 75, 185, 217, 259...
[10]) Ibidem. 151, 152.

на мѣстность за нынѣшнимъ магазиномъ физическихъ инструментовъ Малецкаго, такъ какъ слѣдующій домъ съ гостинницею находится на мѣстѣ бывшаго „Гостиннаго двора". Изъ этого можно заключить что древняя Конская улица и нынѣшняя Милліонная одно и тоже и что отъ Большой улицы она вела къ Конному рынку [1]), который находился въ концѣ ея (по близости съ нынѣшнею Конною площадью); на немъ какъ и въ настоящее время продавали и покупали скотъ и особенно лошадей; отъ него и самая улица получила свое названіе.

Между древнимъ „Гостиннымъ домомъ" и зданіями, принадлежащими православному каѳедральному собору, по сосѣдству съ свято-Троицкимъ монастыремъ, находился, какъ мы уже замѣчали, *переулокъ, идущій отъ Большой улицы къ Конской*. Онъ замѣтенъ и на планѣ Вильны Брауна [2]). По мѣрѣ увеличенія въ этомъ мѣстѣ построекъ, былъ занятъ ими и переулокъ, и въ настоящее время незамѣтно даже мѣста, гдѣ онъ находился.

Если по выходѣ изъ замка мы пойдемъ по лѣвой сторонѣ Замковой улицы, то первая улица отъ Замка на этой сторонѣ будетъ *Шерейкишки* [3]). Ее называли еще *Сорокишки и Шерокишки*. Въ актахъ Виленскаго капитула направленіе Шерейкишекъ опредѣляется такъ: platea Szerokiszki, qua itur de ponte castri versus molendinum regium (отъ Замковаго моста къ королевской мельницѣ, бывшей по сосѣдству съ домомъ Рубцова [4]). Крашевскій, у котораго мы заимствовали это указаніе, по какой то странной случайности, совершенно измѣняетъ направленіе Шерейкишекъ. Онъ говоритъ [5]), что улица Шерокишки, проведенная въ 1522 году Мартиномъ изъ Душникъ, идетъ отъ замковаго моста къ госпиталю Маріи Магдалины, *по надъ Виліей*, около дома Жмудскаго епископа, черезъ капитульные плацы, возлѣ королевскихъ мельницъ. Нужно замѣтить, что Шерейкишки никогда не подходили къ р. Виліи; они лежали по лѣвому берегу Вильны (Вилейки); госпиталь Маріи Магдалины и королевскія мельницы лежали въ совершенно противоположномъ между собою направленіи отъ Замковаго моста: первый на западъ, а послѣдніе на востокъ. Очевидно, что Крашевскій двѣ улицы — Шерейкишки и улицу Мартина изъ Душникъ — принялъ за одну, хотя въ актахъ капитульныхъ,

---

[1]) Ibid. 217.

[2]) См. планъ — Акты Вил. Ком. т. XX. Balinski — Historya m. Wilna — T. II. str. 85. пр. 23. Wizerunki — T. 24. str. 76. пр 3.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 59, 276, 481...

[4]) Kraszewski — Wilno. — T. III, str. 338, пр. 48 въ концѣ.

[5]) Wilno — T. III. str. 327

приводимыхъ Крашевскимъ, ясно говорится, что улица Мартина изъ Душникъ— это „strata publica de ponte Castri versus hospitale S. Magdalenae, penes ripam fluminis Wylna"..., а „Platea Szerokiszki, qua itur de ponte Castri versus molendinum regium"...[1]), или „Szerokiszki platea, quae ducit ad molendinum regium muratum"; отъ этого она называлась иногда *Млынскою* (мельничною) улицею[2]).

Шерейкишки принимали большее и меньшее протяженіе. Въ актахъ Шерейкишками называется иногда улица, которая отъ замка вела къ Бернардинскому костелу. Иногда это названіе усвоялось только тому небольшому пространству, по которому отъ королевской мельницы шли къ Бернардинской улицѣ—(нынѣшній Оранжерейный переулокъ)[3]). Съ XVII столѣтія подъ именемъ Шерейкишекъ понимали дорогу или улицу, которая отъ королевской мельницы мимо Ботаническаго сада, шла прямо къ востоку къ рѣкѣ Вильнѣ. Здѣсь при поворотѣ послѣдней отъ Лысой горы къ саду, была устроена на рѣкѣ большая мельничная запруда и находился пѣшеходный мостъ. Шерейкишки шли такимъ образомъ дальше черезъ этотъ мостъ и на правомъ берегу Вильны занимали пространство съ одной стороны до горы Бекешовой, а съ другой до подножія Трехкрестовой. Вся эта мѣстность представлялась очень оживленною и была застроена многими хорошими домами[4]).

Нынѣшній *Замковый переулокъ* не имѣлъ особаго названія и въ актахъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „улочки", которая съ правое стороны пришла, идучи отъ Бернардинскаго костела мимо дворъ его милости пана Остафья Воловича, пана Троцкого, при рѣцѣ Вильни лежачій"[5]).

Бернардинская улица вела съ Замковой до костела того же имени; послѣднему она обязана своимъ наименованіемъ[6]). Иногда протяженіе Бернардинской улицы удлиняется и этимъ именемъ называется тогда въ актахъ улица на Зарѣчьѣ, за мостомъ, около нынѣшняго братскаго дома. Въ 1630 году Малиновскій жаловался на нѣкоего Войтеховскаго за нанесеніе ему побоевъ „въ дому паней Езо-

---

[1]) Wilno—Т. III, str. 3:8, прим. 48.

[2]) Акты Вилен. К.м. т. XX. 494. Wizerunki—T. 23, str. 177 прим. 2. 178. прим. 1.

[3]) Wizerunki—T. 23. str. 177 и 2 и 3 прим.

[4]) Lustratia kommissarska w roku 1719—См. Wizerunki—T. 23. стр. 177, 178, примѣч. 1 Акты Вилен. Коммиссіи. Т. XX. 481.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 26, 27.

[6]) Ibid. 94, 159, 225, 321 и др.

фовой Янковъской, на Зарѣчу, за мостомъ, на улицы Бернадынской, противъ кляштору старыхъ паненъ" [1]).

Нынѣшняя *Покровская* улица—одна изъ древнѣйшихъ въ Вильнѣ и, конечно, получила свое начало съ основаніемъ здѣсь Покровской церкви. Замѣчательно то, что современное названіе дано ей уже въ новѣйшее время, и это можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія Покровская церковь приходитъ въ совершенный упадокъ и улица не могла получить отъ нея свое наименованіе. На мѣстѣ православной церкви на ея стѣнахъ и земляхъ сталъ разростаться Евангелическій сборъ съ училищемъ, госпиталемъ и другими учрежденіями [2]), и отъ него улица нерѣдко называется въ актахъ Сборовою [3]). Но еще раньше она называлась просто улицею или даже „Малою улицею". Въ 1595 г. Виленскій возный Яновичъ заявляетъ, что позвы по спору о двѣ части дому Коптевского онъ положилъ въ томъ же дому „на улицы Малой, которая зъ Великой улицы до Сбору идетъ, противъ церкви русское светого Ивана" [4]).

Далѣе къ Большой улицѣ примыкала въ старое время *улица Савичъ*. Начинаясь приблизительно у бывшей гостинницы Гана, она шла по Бакштѣ и потомъ по Андреевской улицѣ опять до соединенія съ Большою. Такое направленіе улицы Савичъ обрисовывается различными актами, помѣщенными въ двадцатомъ томѣ изданій Виленской коммиссіи. Дворянинъ Остыкъ съ женою покупають въ 1594 г. домъ „въ месте здѣшнемъ Виленскомъ на улицы Савичой за церковкою русскою Кузьмо-Демяна" (нынѣшняя Андреевская [5]). Въ 1597 году въ акты занесена жалоба Высковскаго на мѣщанина Виленскаго Криволапа за нанесеніе ему побоевъ „на добровольной дорозе, на улицы Великой Замковой, по конецъ ратуша, подле вулицы Савичъ" [6]). Актъ осмотра церквей 1619 года свидѣтельствуетъ, что кладбище при церкви св. Николая (успенія) лежитъ на пространствѣ между улицами Савичъ, Пречистенскою, Пятницкимъ переулкомъ и съ четвертой стороны граничитъ съ кладбищемъ церкви святаго Іоанна Богослова [7]). Въ настоящее время улицу Савичъ замѣнили двѣ улицы: Бакшта и Андреевская.

---

1) Ibid. 295.
2) Ibid. 455.
3) Ibid. 121, 191, 338 и др.
4) Акты Вил. Ком. т. VIII. 15.
5) Ibid. т. XX. 101.
6) Ibid.—127.
7) Ibid. 258.

Церковь святой Пятницы въ старое время отдѣлялась частными домами со стороны Большой улицы и со стороны улицы Савичъ [1]). Въ XVI столѣтіи между этими домами была *небольшая по протяженію улица*; названія она никакого не имѣла. Въ 1594 году Виленскій магистратъ дозволяетъ мѣщанину Здановичу построить домъ на землѣ Пятницкой церкви, „а мяновите подле стены мурованное церковное Пятницкое отъ улицы, которая идетъ з рынку до церкви деревенное светого Николы [2]). Теперь нѣтъ никакихъ слѣдовъ этой улицы.

Такой же переулокъ существовалъ между церковью святого Николая (Перенесенскою) съ правой стороны и сосѣдними домами. Онъ велъ съ Большой улицы, мимо церкви св. Николая, на улицу Савичъ [3]) и выходилъ почти противъ госпиталя того же имени. Слѣды его отчасти можно и теперь еще видѣть въ проходныхъ дворахъ нѣсколькихъ смежныхъ домовъ.

Далѣе къ Большой улицѣ примыкала *улица Субачая*, нынѣшняя Сиротская [4]). Это ея обыкновенное названіе, которое иногда переходитъ въ „Собачъ“ [5]) и даже въ „Собачій“, такъ что и улица называется „Собачьею“ [6]), Крашевскій и нѣкоторые другіе первое названіе объясняютъ тѣмъ, что эта улица идетъ какъ бы съ боку, съ убочья, хотя въ недоумѣніи заявляютъ, что, быть можетъ, первоначальное ея названіе происходило и отъ собакъ [7]). Редакторъ Wizerunków замѣчаетъ, что въ давнее время и еще въ XVII вѣкѣ улицу Субачую и ворота на ней называли Собачьими. Происхожденіе такого не лестнаго названія объясняется тѣмъ, что здѣсь надъ воротами башни, въ особомъ помѣщеніи, съ незапамятныхъ временъ, какъ бы по праву наслѣдства жилъ городской палачъ—катъ. Его помощники—челядинцы, называвшіеся подкациками, собачниками и другими презрительными именами, занимались между прочимъ ловлею и истребленіемъ уличныхъ бродячихъ собакъ, которыя не имѣли на себѣ знака о принадлежности ихъ кому нибудь. Отъ этихъ собачниковъ и улица называлась Собачьею. Народъ даже расположеніе домовъ на этой улицѣ обозначалъ счетомъ по разстоянію ихъ отъ

---

1) См. планъ юриздики митрополитовъ 1672 г. и въ Актахъ Вил. Ком. т. XX.
2) Ibidem—106.
3) Wizerunki—T. 22, str. 76, прим. 1.
4) Акты Вилен. Ком. т. XX, стр. 126, 181, 360...
5) Ibid. 472.
6) Ibid. 351.
7) Kraszewski—Wilno—T. III. str. 327.

мѣста жительства палача—ката; такъ и говорили: третья или четвертая хата отъ помѣщенія ката (палача) [1]).

У начала Субачей улицы и какъ бы вмѣстѣ съ нею выходилъ на Большую улицу *переулокъ* [2]), *существующій до сихъ поръ.* Онъ извѣстенъ съ давнихъ поръ, хотя первоначальное его направленіе, нужно думать, было нѣсколько иное, чѣмъ теперь. Такъ въ актахъ подъ 1601 годомъ значится жалоба Гребенскаго на нѣкоего Истрата Ивановича за нанесеніе побоевъ, когда тотъ изъ дому князя Огинскаго, лежачого въ заулку Савичы улицы, шелъ отъ церкви светого Кузьмы и Демьяна ку гостинному двору [3]). Иногда этотъ переулокъ называется еще въ актахъ Смилинскою улицею, называемою Кузьмо-Демьянскою, отъ имени лежащей по сосѣдству съ нимъ церкви [4]), или же просто Смилинскою или Козьмо-Демьянскою [5]).

Ознакомившись съ Большою улицею и ея боковыми вѣтвями, пройдемъ по другимъ Виленскимъ улицамъ и переулкамъ XVI и XVII столѣтія. Отъ Виленской брамы къ Нѣмецкой улицѣ шла *улица Виленская* [6]). Древнѣйшее ея названіе—*Велейская,* такъ какъ она вела къ Веліи рѣкѣ, къ „мурованному" мосту [7]). На планѣ Вильны Брауна можно различить ясно только одну дорогу, которая изъ города вела къ мосту на рѣкѣ Виліи. Сначала эта дорога представляется продолженіемъ какъ бы Епископской улицы — нынѣшней Дворцовой. Она окружаетъ замокъ съ западной стороны, пролегаетъ потомъ по предмѣстью, застроенному сплошными деревянными постройками и съ южной стороны костела св. Юрія поворачиваваетъ къ Виліи [8]). Нѣкоторые считаютъ за одно Нѣмецкую и Виленскую улицы и все протяженіе отъ рынка до моста на Виліи называютъ „Великою Виленскою улицею". Въ одномъ изъ актовъ 1638 года записана жалоба Виленскаго мѣщанина Мешкелевича на татаръ изъ Солтанишекъ, которые напали на него, когда онъ съ рынка возвращался улицею Великою Виленскою въ свой

---

[1]) Wizerunki—T. 24, str. 83., пр. 1.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 110.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 173.
[4]) Ibid. 107.
[5]) Ibid. XX—187, 188, 189, 198, т. IX, стр. 238.
[6]) Ibid. XX. 71.
[7]) Ibid. 88, 132 и далѣе.
[8]) См. планъ Вильны въ XX т. Актовъ Вил. Ком.—Wizerunki—T. 24, str. 60 и пр. 3.

домъ, который лежалъ неподалеку „мурованого“ моста, по сосѣдству съ костеломъ оо. Кармелитовъ (св. Юрія) [1]).

При соединеніи Виленской улицы съ Нѣмецкою, сюда упирались съ одной стороны улица *Свято-Духовская*, съ другой *Трокская*. Первая шла къ костелу святаго Духа (Доминиканскому) и въ актахъ называется „Свето-Дусскою“ [2]); Трокская направлялась въ противоположную сторону къ Трокской брамѣ (приблизительно у дома гр. Тышкевича) [3]). Въ актѣ 1592 года говорится о домѣ дворянина Андрея Войны, что онъ лежалъ на Нѣмецкой улицѣ, на лѣвой сторонѣ ея, если итти отъ рынка, въ самомъ концѣ улицы, гдѣ она упирается уже въ Трокскую [4]). Послѣдняя называлась еще и *Сенаторскою* отъ лежавшихъ на ней нѣсколькихъ домовъ сенаторовъ. Отъ поселившихся при костелѣ св. Духа доминиканъ, которые имѣли здѣсь и свой монастырь [5]), улица Свято-Дусская въ обыкновенномъ разговорѣ болѣе была извѣстна подъ именемъ *Доминиканской*. Прежнее свое направленіе и названіе эти улицы сохранили до послѣдняго времени; на планѣ Брауна показаны не точно [6]).

Почти напротивъ костела св. Духа выходитъ на Свято-Дусскую улицу, съ правой ея стороны, переулокъ, извѣстный теперь подъ именемъ Игнатьевскаго (продолженіе его упиралось въ бывшій костелъ и монастырь іезуитовъ въ честь Игнатія Лойолы, отъ чего и переулокъ получилъ свое названіе). Это названіе должно быть очень недавнее, такъ какъ въ XVI и XVIII вѣкѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ *Поперечной улицы* [7]), а на планѣ юриздики митрополитовъ 1672 года онъ показанъ, какъ продолженіе Стекляной улицы и подъ ея наименованіемъ [8]). Поперечною эта улица называлась очевидно потому, что шла поперекъ другихъ улицъ *Поповэй* и *Жидовской*, какъ показано въ упомянутомъ планѣ. Ея направленіе обрисовывается отчасти дарственною записью гр. Саваневскаго свято-Троицкому монастырю на домъ, который, по словамъ записи, лежалъ на Поперечной улицѣ, на правой ея сторонѣ, если итти отъ костела ксендзовъ Доми-

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, 321.
[2]) Ibid. 118, 158, 290.
[3]) Ibid. 79, 193.
[4]) Ibid. 79.
[5]) Ibid. 219, 220, 265, 325.
[6]) Ср. Wizerunki— T. 24, str. 7 и 67.
[7]) Акты Вил. Ком. т. XX. 125. Ср. Historya szkół w Koronie i wielkim xięstwle Litewskim—Łukaszewicza--Poznań. 1851 r. T. IV, str. 269.
[8]) См. планъ въ Актахъ Вил. Ком. т. XX.

никановъ sub titulo пресвятаго Духа къ Стеклянной улицѣ, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ границахъ... [1]).

Если отъ костела св. Духа итти по Ивановской улицѣ, то на лѣвой ея сторонѣ будетъ старинная *Епископская улица* (*Бискупья*), нынѣшняя Дворцовая [2]). Она до настоящаго времени сохранила почти свое направленіе и протяженіе, хотя первоначально упиралась въ „старожитный дворъ" латинскаго епископа, который лежалъ по сосѣдству съ каѳедральной латинскою колокольней. Въ 1593 году земенинъ повету Виленского Ушинскій записалъ своей женѣ домъ, „лежачій в месте Виленскомъ, за дворомъ старожитнымъ его милости князя бискупа Виленского, в тыле на улицы Бискупей" [3]). Свое названіе улица получила отъ дворцовъ (стараго и новаго) епископскихъ, около которыхъ она пролегала. Особенную извѣстность эта улица получаетъ съ конца XVI вѣка, со времени утвержденія здѣсь іезуитовъ и устройства ихъ различныхъ учрежденій.

На правой сторонѣ Поперечной улицы по дорогѣ къ Стеклянной начинаются другія двѣ улицы — „*Жидовская*" и „*Ятковая*" [4]). На своемъ протяженіи онѣ достигаютъ Нѣмецкой улицы. Черезъ эту послѣднюю напротив Жидовской идетъ *переулокъ св. Николая* [5]); а продолженіе *Ятковой* [6]), тоже черезъ Нѣмецкую улицу, составляетъ *Обжорный переулокъ*. Только на этихъ улицахъ, на основаніи постановленія короля Владислава IV отъ 1633 года, разрѣшалось жить и торговать евреямъ. Здѣсь евреи могли покупать дома, или пріобрѣтать ихъ мѣною и другимъ какимъ либо способомъ. Никто не долженъ былъ чинить имъ въ этомъ случаѣ никакихъ препятствій и всѣ записи и купчія крѣпости слѣдовало принимать безъ всякихъ задержекъ. Поставлялось условіемъ, чтобы въ еврейскихъ угольныхъ домахъ, которые выходили на Нѣмецкую улицу, не было воротъ на эту улицу. До разселенія въ назначенныхъ мѣстахъ, евреи не должны были выискивать себѣ новыхъ поселеній и оставаться statu quo до изданія постановленія 1633 года. Если бы владѣльцы домовъ на улицахъ, назначенныхъ для жительства евреямъ, пользуясь случаемъ, дѣлали имъ какія нибудь притѣсненія и прижимки въ пріобрѣтеніи собственности, то въ дѣло, для его урегулированія, могло вступиться го-

---

1) Запись подписана 1750 г. Окт. 10. Łukaszewicz—Historya szkół. T. IV. 269—273.
2) Акты Вил. Ком. т. XX, 42, 89...
3) Акты Вил. Ком. т. XX. 89.
4) Ibidem. 480.
5) Ibidem. 141, 174, 175
6) Нынѣшняя Мясная; ятки—мясные ряды—въ актахъ „месницы"—т. XX. 125.

родское и замковое управленіе, а въ крайности судъ королевскій. Дома, которые были записаны на содержаніе госпиталей и находились на этихъ улицахъ, оставались и на будущее время въ завѣдываніи епископской юрисдики. Евреи на предназначенномъ имъ новомъ мѣстѣ жительства подчинялись: по дѣламъ личнымъ (ratione personae) — замковому управленію, а по дѣламъ имущественнымъ (ratione fundi)—ратушѣ, или юрисдикѣ того, кому принадлежала занятая ими земля. Въ чьи дома проведена была вода, это слѣдовало сохранить и на будущее время и досмотръ за исправностью водопроводныхъ трубъ возлагался на обязанность магистрата; конечно, и новые жильцы въ такихъ домахъ должны были уплачивать извѣстный чиншъ, наравнѣ съ другими мѣщанами города. Евреямъ разрѣшалось покупать скотъ на убой, но никакъ не для перепродажи, и они ежедневно могли торговать имъ передъ своею школою; здѣсь, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, они могли продавать его христіанамъ и евреямъ и огуломъ, и по частямъ. Нигдѣ ни въ своихъ домахъ, ни во всемъ городѣ евреи не имѣли права вести раздробительную продажу для христіанъ меду, пива, водки. Изъ складовъ въ собственныхъ домахъ они могли продавать эти напитки, но только бочками, ведрами, четвертями и получетвертями; для собственнаго употребленія могли вести и раздробительную продажу. Запрещалось евреямъ гнать водку, и они могли пріобрѣтать ее только у лицъ шляхетскаго званія. Сытить медъ и варить пиво разрѣшалось евреямъ въ собственныхъ ихъ домахъ. Они не имѣли права вести свободную торговлю хлѣбомъ, сельдями, солью, льномъ, пенькою и тѣмъ болѣе отправлять эти товары водою внизъ по Виліи. Для собственнаго употребленія они обязывались покупать у Виленскихъ мѣщанъ соль, сельди бочками и этимъ могли торговать по желанію. Разрѣшалось евреямъ привозить въ Вильну пеньку, которую они могли скупать у шляхты—землевладѣльцевъ и у купцовъ; но въ Вильнѣ евреи обязывались продать этотъ товаръ только Виленскому мѣщанину и никому другому. За то они имѣли право свободно торговать въ городѣ воскомъ, саломъ, кожею и прѣсными медами. Евреи не допускались ни къ какимъ ремесламъ, которыя имѣли въ цехахъ или братствахъ своихъ представителей; они могли быть только стекольщиками, скорняками, позументщиками; для собственнаго обихода имъ позволялось имѣть ремесленниковъ изъ евреевъ, особенно портныхъ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, а только на „Жидовской“ улицѣ они могли содержать двѣнадцать открытыхъ публичныхъ лавокъ. Здѣсь имъ разрѣшалось имѣть различные мѣха, шубы старыя и новыя, шитыя и не шитыя, готовое старое и новое платье, различные галантерейные товары, издѣлія турецкія, золото, серебро, дорогіе камни, вообще товары и коренья, которыми торговали Виленскіе мѣщане и

продавали на локти или фунты. Еще дозволялось евреямъ продавать враздробь (локтями) тѣ матеріи, которыхъ локоть стоилъ менѣе шести злотыхъ [1]); а тѣ, локоть которыхъ цѣнился болѣе шести злотыхъ, могли быть продаваемы только цѣлыми партіями или кусками. Всѣ дѣла по переходу домовъ къ евреямъ въ назначенныхъ для ихъ поселенія улицахъ вѣдались въ войтовскомъ или бургомистровскомъ судѣ.. [2]).

Не смотря на точно опредѣленную черту осѣдлости евреевъ въ Вильнѣ и распредѣленіе ихъ занятій, они уже къ половинѣ XVIII вѣка заняли, какъ мы видѣли, всю Нѣмецкую улицу и даже лучшую въ свое время Рудницкую. На такой фактъ жаловались современные писатели-поэты и видѣли въ немъ полнѣйшее попраніе и поруганіе существующихъ узаконеній [3]). Николаевскій переулокъ, застроенный домами, которые находились подъ „присудомъ" латинскаго епископа, называется иногда еще въ актахъ Бискупскою улицею [4]). Въ указанномъ еврейскомъ кварталѣ болѣе всего сохранилось старины и здѣсь можно наблюдать остатки строеній, которымъ пятьсотъ и болѣе лѣтъ.

Отъ Спасскихъ воротъ, мимо Пречистенскаго собора и митрополичьихъ зданій до Покровской улицы шла старинная *Пречистенская* или *Спасская* улица. Въ актахъ она извѣстна подъ тѣмъ и другимъ названіемъ [5]). Она получила его отъ прилегающихъ церквей Св. Спаса и „Пречистыя Божія Матере". Когда въ 1793 г. былъ приглашенъ возный для осмотра совершенно разрушающихся зданій Пречистенскаго собора и митрополичьяго дворца, то въ составленномъ актѣ осмотра онъ записалъ, что упомянутыя зданія лежатъ въ Вильнѣ на улицѣ, которая идетъ отъ епископскихъ мельницъ (онѣ были на рѣкѣ Вильнѣ, недалеко Спасскихъ воротъ) къ Замковой улицѣ и выходитъ у костела св. Іоанна [6]). Такимъ образомъ съ разрушеніемъ митрополитальнаго собора забывалось и названіе прилегающей къ нему улицы.

---

[1]) Злотый въ это время равнялся 47½ коп. См. Словарь древн. акт. языка — Горбачевскаго, стр. 133.

[2]) Zbior praw... Wilnowi nadanych—Dubinski—197—199,

[3]) Przedtem wsławiona (Рудницкая улица) Królów najjaśniejszych wjazdem publicznym, lecz czasów niniejszych (1749 г,) najwięcej żydów mieszkających wrzawa—gwałt cierpią prawa... Kraszewski—Wilno—T. III, str. 324,

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 260.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 70, 200, 258. См. планъ юриздики митрополитовъ 1672 г. и Ср. Wizerunki—T. 22, str. 43. T. 23, str. 57, пр. 1.

[6]) Акты Вил. Ком. т. IX. 124.

Первый переулокъ, примыкавшій отъ Спасскихъ воротъ слѣва къ Пречистенской улицѣ, съ давнихъ поръ до настоящаго времени извѣстенъ подъ именемъ Сафьяниковъ [1]). Такъ назывался потому, что здѣсь въ прежнее время преимущественно жили сафьянныхъ дѣлъ мастера [2]). Онъ упирался въ улицу Бакшту, которая начиналась у Башни на Субачей улицѣ (отчего и получила свое названіе) и оканчивалась у Савичъ улицы. Ихъ направленіе и названія сохранились до нашего времени. Далѣе. Нынѣшняя Спасская улица, идущая отъ Савичъ къ Пречистенской, извѣстна въ актахъ или просто подъ именемъ улицы отъ Савичъ къ Спасскимъ воротамъ [3]), или же называется другимъ Лоточкомъ [4]). Первый Лоточекъ или Лоточковая улица, — это нынѣшній Пятницкій переулокъ [5]). Нѣкоторое время онъ носилъ названіе Смилинской, Сумлинской улицы [6]).

Другой — тогоже имени переулокъ — Смилинскій, находился, какъ уже мы видѣли, въ концѣ улицы Савичъ и шелъ мимо церкви святыхъ Козьмы и Дамьяна сзади православнаго Николаевскаго собора къ Большой улицѣ. Съ правой стороны Пречистенской улицы, при соединеніи ея съ Покровскою, находился переулокъ, идущій къ Сбору [7]). Въ актахъ подъ 1595 годомъ записано заявленіе нѣкоего Прокоповича о нанесеніи ему побоевъ на улицѣ, „которая идетъ отъ церкви светое Пречистое мимо Сборъ до костела Бернадынскаго“ [8]). На планѣ части Вильны 1672 г. онъ названъ „заулкомъ мимо сбора“. Въ новѣйшее время этотъ переулокъ уничтожился самъ собою, когда были снесены устарѣвшія ненужныя зданія; тогда образовалась передъ фасадомъ нынѣшняго конвикта небольшая площадка; на ней нѣкоторое время былъ базаръ [9]).

Въ актахъ упоминаются еще другія менѣе извѣстныя улицы: Хачучинская напр. [10]), Памекальнисъ [11]), Снипишская [12]), Квашельная [13]), Телячья [14]). Послѣдняя

---

1) Акты Вил. Ком. т. XX. 478.
2) Ср. Kraszewski--Wilno.—T. III, str. 327.
3) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 486.
4) Ср. Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 406 и Wizerunki—T. 23, str. 48, 51, пр. 1.
5) Акты Вил. Ком. т. XX. 293, 453, 454, 467, 487... Ср. Wizerunki—T. 23, str. 51.
6) Акты Вил. Ком. Т. XX. 421, 427. Археогр. Сборн. т. VI, 196, 197. Ср. Wizerunki—T. 22, str. 18, пр. 2. T. 24, str. 236, пр. 1.
7) Планъ части Вильны—1672 г. въ Актахъ Вил. Ком. т. XX.
8) Ibidem 114.
9) Ср. Wizerunki—T. 23, str. 41, 43, 49.
10) Акты Вил. Ком. т. XX. 183, 184.
11) Ibid. 192.
12) На нынѣшнихъ Снипишкахъ--ibid. 163, 187, 188.
13) Есть и теперь—ibid. 318.
14) Ibid. 172, 184.

шла по направленію нынѣшней Семеновской улицы. Подъ 1602 годомъ записано въ актахъ заявленіе Софіи Короткой объ истребленіи пожаромъ принадлежащихъ ей различныхъ документовъ „въ дому Вильчковое, подле светого Крыжа, на Телячой улицы въ мѣстѣ Виленскомъ лежачомъ“ [1]). А нынѣшнія зданія Бонифратровъ находятся на мѣстности, которая въ старину извѣстна была подъ именемъ Крестовой, Свято-Крыжской. Здѣсь съ конца XIV столѣтія, до постройки нынѣшняго костела, водруженъ былъ св. крестъ и потомъ поставлена часовня въ память убитыхъ мѣстными жителями четырнадцати францисканов. А въ другомъ документѣ говорится, что въ 1662 году епископъ Виленскій Бѣлозоръ записалъ слугѣ своему Дембскому плацъ въ Вильнѣ, *за дворомъ своимъ*, на улицѣ Телячьей, съ правомъ пожизненнаго пользованія [2]). И дворъ епископа, старый и новый, лежалъ въ этомъ же мѣстѣ. Къ Телячьей улицѣ примыкалъ и базаръ „Малый рынокъ“, на которомъ продавалась всякая живность.

Мы сказали уже, что съ XVI столѣтія великіе литовскіе князья начинають жить болѣе въ Вильнѣ, нежели въ другихъ городахъ. И Витовтъ и Казиміръ предпочитали оставаться въ Трокахъ, посѣщая Вильну по временамъ, такъ какъ по своему положенію она считалась городомъ нездоровымъ; но Александръ совершенно почти оставилъ Троки и поселился въ Вильнѣ [3]). Съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ оживиться и застроиться Виленскій замокъ, гдѣ, въ нижнемъ его отдѣленіи, находилось великокняжеское помѣщеніе. Теперь оно было значительно разпространено деревянными и каменными пристройками, въ ожиданіи пріѣзда изъ Москвы невѣсты великаго князя, княгини Елены Іоанновны. Привыкши къ роскоши Моссковскаго двора, Елена Іоанновна нашла однако тѣснымъ новое свое Виленское помѣщеніе и поспѣшила расширить его. По дарственной записи Ягайлы многіе плацы около замка и даже великокняжескихъ дворцовыхъ построекъ принадлежали латинскому духовенству. Великая княгиня купила свободный плацъ въ нижнемъ замкѣ у ксендза Филипповича, бывшаго потомъ Кіевскимъ епископомъ, и поставила на немъ посольскій дворъ. Въ немъ на будущее время свободно могли останавливаться послы и Бояре Московскіе [4]). Въ верхнемъ замкѣ великій князь Александръ началъ устраивать арсеналъ. Здѣсь была и мастерская раз-

---

[1]) Ibid. 184.

[2]) Przyałgowski—Żywoty biskupów Wilen.—T. II, str. 159.

[3]) Balinski—Starożytna Polska—Warszawa. 1846 r. T. III, str. 153.

[4]) Wizerunki—T. 23, str. 39, примѣч. Historya miasta Wilna—Balinskiego—T. II, str. 39, примѣч. 1.

личнаго оружія и уже отъ половины XVI вѣка находимъ извѣстіе, что иностранцы удивлялись какъ богатству собранія и складовъ разнаго оружія въ Виленскомъ замкѣ, такъ искусной и разнообразной его мѣстной отдѣлкѣ [1]). Великій князь Сигизмундъ I успѣшно занялся было продолженіемъ улучшенія и расширенія замка и различныхъ его учрежденій. Онъ, между прочимъ, началъ основывать библіотеку. Но сильнѣйшіе два пожара въ 1513 и 1530-мъ году почти совершенно разрушили зданія въ замкѣ, въ томъ числѣ и каѳедральный костелъ св. Станислава. Многіе предметы, особенно книжныя собранія, исчезли безвозвратно [2]). Вновь приходилось возстановлять изъ развалинъ замковыя постройки и Сигизмундъ поручилъ это дѣло извѣстному въ свое время Виленскому городничему Ульриху Гозію, которому передъ тѣмъ уже поручено было заняться устройствомъ на Виліи моста, постройкой въ Вильнѣ мельницъ и госпиталя при костелѣ св. Троицы [3]).

Въ старинныхъ документахъ мы находимъ нѣкоторыя неопредѣленныя указанія, что на Виліи былъ мостъ гораздо ранѣе устроеннаго Гозіемъ. Въ актахъ капитульнаго архива начала XVIII в. упоминается о старинной мостовой дорогѣ, которая изъ замка вела къ улицѣ и мосту на Виліи, „стародавнему, бывшему во время оно, при великихъ князьяхъ" [4]). Нельзя съ опредѣленностью указать и мѣсто его нахожденія. По преданію, сохранившемуся среди Виленскихъ старожиловъ, мостъ этотъ находился нѣсколько ниже впаденія Вильны въ Вилію. На его мѣстѣ временно былъ построенъ въ 1812 году французами мостъ на сваяхъ, при занятіи ими Вильны. Нынѣшній мостъ, первоначально извѣстный подъ именемъ „мурованого" „Великаго или Виленского", а съ 1739 года „Зеленаго" (отъ цвѣта окраски), существуетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ 1536 года [5]).

Въ это время великій князь Сигизмундъ старый заявилъ, что онъ всегда обращалъ особенное вниманіе на тѣ неудобства, тысячныя потери и громадные расходы, которые постоянно несутъ Виленцы и прибывающіе въ городъ, при отсутствіи на Виліи постояннаго моста; что существовавшіе перевозы на паромахъ были небезопасны и нерѣдко очень затрудительны; что вслѣдствіе этого по

---

1) Wizerunki—T. 24, str. 101.

2) Kraszewski—Wilno—T. III. 303, 309. Balinski—Historya m. Wilna—T. II. 79.

3) Kraszewski—Wilno—T. III, str. 309.

4) Wizerunki—T. 23, str. 102, 103. T. 24, str. 27, пр. 1.

5) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 36, 76, 92, 94, 163, 266, 321 и др. Wizerunki—T. 24, str., 27, пр. 1.

совѣту Ульриха Гозія, который былъ извѣстенъ великому князю своимъ умомъ и неподкупною честностію, онъ—Сигизмундъ поручилъ ему устроить на Виліи на собственныя средства постоянный самый прочный, какой только возможно, мостъ. Въ вознагражденіе понесенныхъ расходовъ Гозію разрѣшалось взимать извѣстную плату съ проѣзжающихъ по мосту, по утвержденной великимъ княземъ таксѣ, именно: отъ каждой одноконной подводы съ сѣномъ, дровами или хлѣбомъ — по одному оволу или денару. Туже плату вносили отъ штуки рогатаго скота, если его гнали на торгъ; отъ одноконнаго воза съ товаромъ платили три денара, отъ пароконнаго—пять; отъ воза кирпича—по двадцати грошей. Чтобы не уменьшался доходъ отъ вновь устроеннаго моста, не позволялось строить другихъ на всемъ протяженіи Виліи отъ Кернова до Быстрицы; запрещалось даже устроять на Виліи пѣшеходные мостики, такъ называемыя кладки на протяженіи ея между Керновомъ и Нѣменчиномъ; закрывались и всѣ перевозы на паромахъ между капитульными селами Верки и Понары. Виновные въ нарушеніи этихъ распоряженій подвергались лишенію имущества [1]). Шляхта и духовенство не платили мостоваго; евреямъ для похоронъ на за-Вилейскомъ кладбищѣ умершихъ дозволялось переѣзжать на лодкахъ [2]). Мостовый сборъ назначался въ пользу строителя Ульриха Гозія; но съ покрытіемъ понесенныхъ имъ по этому дѣлу издержекъ, часть сбора слѣдовало обращать на устройство и содержаніе госпиталя при костелѣ св. Тройцы, а другую часть на поддержаніе моста въ порядкѣ и цѣлости.

Ульрихъ Гозій блестяще исполнилъ возложенную на него задачу. Съ большимъ самопожертвованіемъ онъ успѣлъ довести до конца постройку моста и получаемый отсюда доходъ обращалъ на возведеніе каменныхъ зданій госпиталя—на углу нынѣшней Благовѣщенской улицы и Игнатьевскаго переулка. Здѣсь отведенъ былъ для этого значительный плацъ и здѣсь же находился небольшой костелъ во имя св. Тройцы [3]). Въ 1536 году скончался Ульрихъ Гозій и продолженіе работъ по госпиталю, равно какъ и досмотръ за мостомъ порученъ былъ его сыну Іоанну. Доминиканы должны были совершать духовныя требы для содержимыхъ въ госпиталѣ, такъ какъ при госпитальномъ костелѣ св. Тройцы, за недостаткомъ фундуша, нельзя было имѣть особаго для госпиталя духовника.

---

[1]) Dubinski—Zbiór praw—48—50. Акты Вил. Ком. т. X. 239.

[2]) Kraszewski—Wilno—T. III. str. 341. Акты Вилен. Ком. Т. XX 481.

[3]) Dubinski—Zbior praw—51. Dzieje dobroczynności rok 1823 T. I. str. 162—165 и пр. 2. v. 1820 str. 244. Акты Вилен. Коммиссіи т. XX. 199, 357.—

Высшій надзоръ за госпитальными доходами и ихъ употребленіемъ возлагался на Виленскаго епископа и его капитулъ [1]).

Кромѣ большаго моста на Виліи, устроены еще были мосты на рѣкѣ Вильнѣ: одинъ возлѣ Бернардинскаго монастыря, а другой возлѣ Спасскихъ воротъ, въ тѣхъ почти мѣстахъ, гдѣ и теперь они находятся. Въ грамотѣ Сигизмунда, данной по этому поводу Вильнѣ въ 1538 году, сказано, что названные мосты были и прежде, но они уже слишкомъ устарѣли и по нимъ нельзя ѣздить безъ опасности для жизни. Въ виду этого, Сигизмундъ позволяетъ городу устроить на собственный счетъ новые мосты и за это взимать извѣстную плату (по одному пѣнязю) отъ каждаго проѣзжающаго [2]). Къ этимъ мостамъ вели особыя улицы и ворота. Кромѣ этихъ мостовъ, были еще на р. Вильнѣ и другіе: на Шерейкишкахъ (для пѣшеходовъ) у мельничной запруды, въ городѣ у воротъ замка, неподалеку каѳедральной латинской колокольни и на мѣстѣ нынѣшняго Антокольскаго [3]).

Для удобства и выгоды жителей въ городѣ устроено было нѣсколько мельницъ: королевская [4]), Радивилловская или воеводинская [5]), епископская и другія [6]). Первоначально, королевская мельница находилась около бернардинскаго монастыря, напротивъ нынѣшняго братскаго дома. Когда построенный здѣсь бернардинскій костелъ сталъ разрушаться, то бернардины заявили великому князю Александру (около 1500 года), что причиною паденія ихъ костела служитъ сосѣдство мельницы, что сильное сотрясеніе земли при молотьѣ очень вредно вліяетъ на костелъ и другія зданія, что при дальнѣйшемъ statu quo небезопасно входить въ костелъ для молитвы. Уступая просьбѣ бернардиновъ, Александръ велѣлъ совершенно закрыть мельницу, а плацъ, на которомъ она находилась, со всѣми постройками отдать монастырю [7]). Прыялговскій говоритъ, не указывая основаній, что великій князь велѣлъ перенести мельницу на другую сторону Вильны [8]). Во всякомъ случаѣ около 1515 года королевская мельница устрояется на новомъ мѣстѣ, на лѣвомъ рукавѣ Вильны, около нынѣшняго ботаническаго сада, почти у входа въ садъ съ Ботанической улицы. На этомъ мѣстѣ застала

---

[1]) Dubinski. . .51.
[2]) Dubinski—Zbior praw—61 ср. 163.
[3]) Акты Вилен. Ком. т. XX, 122, 169, 254, 266, 271, 284, 295, 315 и др.
[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 130. 461.
[5]) Ibid. 172, 283, 327.
[6]) Ibid. 200.
[7]) Kraszewski—Wilno—T. II. 316.
[8]) Żywoty Biskupow Wilenskich—T. I. str. 70.

еще королевскую мельницу вторая половина девятнадцатаго столѣтія. Великій князь Сигизмундъ позволилъ Ульриху Гозію поставить здѣсь мельницу на собственныя средства, съ правомъ пожизненнаго пользованія третьею частью дохода. Гозій съ успѣхомъ исполнилъ порученіе великаго князя, но пользуясь доходами съ мельницы, ничего не хотѣлъ платить латинскому капитулу, на землѣ котораго построена была мельница и другія необходимыя строенія. Напрасно капитулъ требовалъ отъ Гозія вознагражденія за отчуждаемую собственность. Прикрываясь повелѣніемъ великаго князя, Гозій былъ глухъ къ заявленіямъ капитула. Послѣдній, не находя для себя никакого исхода, предалъ Гозія въ 1524 году анаѳемѣ [1]) и только вмѣшательство Сигизмунда смягчило на нѣкоторое время гнѣвныя отношенія къ Гозію духовной власти. Такъ какъ и на дальнѣйшее время Гозій не вносилъ капитулу никакихъ платежей, то послѣдній грозилъ ему все болѣе и болѣе тяжкими наказаніями, хотя съ 1529 года это спорное дѣло сразу какъ будто сходитъ со счетовъ и о немъ далѣе ничего не слышно [2]).

Въ 1679 году была явлена въ судѣ привиллегія короля Яна Казиміра верковскимъ доминиканамъ на плацъ, на которомъ передъ тѣмъ была королевская мельница. „Ревнуя о пріумноженіи и утвержденіи славы Божіей, мы, говорится въ привиллегіи, съ согласія королевы, нашей супруги, на нужды костела и его содержаніе постановили дать и записать доминиканамъ верковской кальваріи пустой плацъ, находящійся за замкомъ, въ городѣ нашемъ Вильнѣ, надъ рѣкою Вильною, на которомъ во время оно, до нашествія непріятеля, находилась мельница о трехъ поставахъ, составлявшая доходъ ея величества—королевы; теперь это мѣсто разорено, лежитъ въ запустѣніи и не даетъ никакого доходу“. Потому отдавая его верковскимъ доминиканамъ, привиллегія позволяетъ имъ распоряжаться этимъ даромъ вполнѣ свободно по собственному усмотрѣнію, обстраивать его, возвести вновь мельницу съ извлеченіемъ для себя возможно большей пользы; никто не имѣлъ права вмѣшиваться въ распоряженія доминиканъ, а тѣмъ болѣе мѣшать имъ [3]).

Видно, что доминиканы поспѣшили воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, такъ какъ въ концѣ XVII столѣтія опять дѣйствовала уже королевская

---

[1]) Причины отлученія Гозія ясно указывались въ посланіи, которое въ праздничные и воскресные дни читалось въ Виленскихъ костелахъ: famatus holrycus osee hrodniczy et civis vylnensis aream nostram per eum molendino regio de facto occupatam realiter et cum effectu non solvit nec pro censu ab eadem satisfecit. . .Wizerunki—T. 24 str. 50. пр.

[2]) Wizerunki—T. 24. str. 49, пр. 1.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 461.

каменная мельница. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1703 г. король Августъ II записалъ ее настоятельству часовни св. Казиміра при Виленскомъ каѳедральномъ костелѣ въ вѣчное наслѣдственное владѣніе съ принадлежащими плацами и строеніями. Годовой доходъ мельницы первоначально въ 1000 талеровъ достигъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія почтенной цифры въ 20000 злотыхъ [1]). На планѣ Вильны Брауна королевская мельница показана невѣрно (на р. Виліи) [2]).

Ниже королевской мельницы прокопанъ былъ каналъ, который соединялъ лѣвый рукавъ Вильны съ рѣкою и впадалъ въ нее у замковой горы, съ южной ея стороны. На этомъ каналѣ, недалеко отъ его впаденія въ Вильну, находилась до конца XVII столѣтія небольшая деревянная мельница княжны Анны, служившая исключительно нуждамъ великокняжескаго двора [3]).

На Зарѣчьѣ, выше Спасскихъ воротъ, находилась епископская мельница о 14 поставахъ. Она составляла доходъ Виленскаго латинскаго епископа. Необходимый лѣсъ на ея ремонтъ доставлялся изъ капитульнаго имѣнія Верокъ [4]).

Далѣе на рѣкѣ Вильнѣ находилась мельница Радивилловская или воеводинская [5]). Въ XVI и XVII стол. она расположена была на Поплавахъ, называвшихся тогда (по р. Вильнѣ) „По-Вильна", которыя составляли собственность извѣстнаго Луки Мамонича: здѣсь былъ его дворецъ [6]). Нѣсколько „вышей млына его милости пана воеводиного надано было мейсце и певный грунтъ отъ найяснѣйшихъ королей ихъ милостей польскихъ, великихъ княжатъ литовскихъ, на рецѣ Вильни, неподалеку места Виленского на побудованье млына и мельника при томъ млыне поселенье; а фундованый и наданый есть тотъ кгрунтъ и мейсце тое власное на церковь светое Пречистое, въ месте Виленскомъ будучую. А панъ Кгедройть, нетъ ведома, якимъ дей правомъ, тотъ кгрунтъ и мейсце на церковь наданое, держытъ и побудовавши тамъ розные будынки надъ тою рекою Вильнею, розные собѣ пожитки привлащаетъ, держытъ и ужываетъ не належне, а его милости отцу митрополитови уступити не хочетъ, ку не малой шкоде и крывде церкви Божой" [7]). Такая протестація именемъ митрополита

---

[1]) Wizerunki—T. 22. str. 136.

[2]) См. планъ—XX т. актовъ Вил. Ком.

[3]) Wizerunki—T. 23. str. 101. пр.

[4]) Акты Вил. Ком. т. IX. 124. Wizerunki—T. 24. str. 89, прим. Kraszewski—Wilno—T. III. str. 343.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 172, 327.

[6]) Ibidem—172.

[7]) Акты Вилен. Ком. т. XX. 327.

Антонія Селявы занесена въ Вильнѣ въ 1640 году; но благопріятныхъ результатовъ отсюда не послѣдовало и нѣтъ указаній, чтобы на р. Вильнѣ, по сосѣдству съ городомъ, была устроена мельница, которая принадлежала митрополиту или Пречистенскому собору.

Въ актахъ Виленской Коммиссіи [1]) упоминаются и другія частныя мельницы, которыя служили для удовлетворенія нуждъ жителей города.

Съ устройствомъ удобнаго сообщенія съ городомъ зарѣчныхъ частей, онѣ стали быстро заселяться. Снипишки, Рыбаки, Зарѣчье дѣлаются съ XVI столѣтія нераздѣльнымъ продолженіемъ города [2]). Нѣтъ прямыхъ указаній, когда начала называться Снипишками мѣстность за зеленымъ мостомъ, по лѣвой его сторонѣ. Нарбуттъ передаетъ извѣстіе, что при Витовтѣ тамъ жилъ богатый Виленскій купецъ и мѣщанинъ Сниписъ; отъ него якобы осталось и названіе этой части города [3]). Въ собранныхъ нами актахъ впервые названіе „Снипишки" мы встрѣчаемъ въ концѣ XVI вѣка. Часть Снипишекъ въ это время принадлежала Воловичу и въ 1593 году онъ записалъ ихъ литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ. „Селко Шнипишки", передавалось Сапѣгѣ „зъ домами, зъ подданными и зо всими кгрунтами, въ певныхъ границахъ лежачими, то есть, почавшы одъ мосту мурованого, едучи до двора Солтановскаго, прозываемаго Шешкинь, по правой стороне дороги домы и кгрунты подъ горою ажъ до поль двора Шешкиньскаго, логомъ зъ сеножатьми по ровъ, который делитъ имеініе Шешкиньское зъ селкомъ Шнипишками, а тамъ ровъ отъ поля по реку Велью и указуетъ простымъ трыбомъ ку божницы татарской" [4]). Подъ 1600 годомъ въ актовыхъ книгахъ записана жалоба Виленскаго мѣщанина Юдевича на Домбровскаго за нанесеніе ему ранъ и побоевъ „въ мѣстѣ Виленскомъ, за мурованымъ мостомъ, на улицы, прозываемой Снипишкахъ" (въ другомъ мѣстѣ — Снипиской) [5]). Въ документахъ до половины XVI вѣка, совершенно ясно касающихся мѣстности Снипишекъ, это названіе однако не употребляется. 1525 года Виленскій войтъ Прокоповичъ продалъ каменьщику Юрію свой кирпичный заводъ съ кирпичеобжигательною печью и другими строеніями, надъ рѣкою Виліею, за 37½ копъ грошей литовскихъ. Въ 1534 году, нѣкая Малгорета, дочь Виленскаго мѣщанина Мартина Рижанина, тоже продала

---

1) Т. XX. 200, 283.

2) Акты Вил. Ком. XX. 163, 179, 182, 187, 188, 200, 282, 283, 325, 357, и др.

3) Dziennik Wileński—1830 г. Т. 5, str. 139—144. Kraszewski—Wilno—T. III, str. 527.

4) Акты Вил. Ком. т. XX, 92.

5) Акты Вилен. Ком. XX. 163.

Виленскому магистрату свой кирпичный заводъ, съ домомъ, съ полями, съ землею, откуда можно добывать глину и известковый камень; и все это находилось на другой сторонѣ великаго моста, за рѣкой Вилией, сейчасъ при подъемѣ въ гору. Тутъ же по сосѣдству, надъ рѣкою Вилiей, на горѣ противъ моста, продалъ въ 1536 году городу тоже кирпичный заводъ съ землею для добыванія глины и известковаго камня епископъ Виленскій „Іоаннъ изъ князей Литовскихъ", когда переходилъ отсюда на Познанскую епископскую каѳедру [1]). Во всѣхъ приведенныхъ документахъ, хотя ясно говорится о Снипишкахъ, но самое названіе ихъ еще не употребляется. Въ концѣ XVI столѣтія оно дѣлается общеизвѣстнымъ.

Изъ указанныхъ документовъ отчасти видно, что Снипишки въ давнее время были покрыты кирпичными заводами, что оттуда добывали известковый камень. Такое значеніе ихъ сохранилось до настоящаго времени. Главнымъ образомъ и теперь Снипишки доставляютъ городу кирпичъ и черепицу. Замѣчательно, что усиленное устройство кирпичныхъ заводовъ и ихъ перепродажа особенно становятся замѣтными въ первой половинѣ XVI вѣка — время, когда городъ началъ обстраиваться каменными зданіями и расширяться [2]). На Снипишкахъ были фольварки и дворцы Воловичей, потомъ Сапѣги [3]) и Жоромскихъ [4]).

Направо отъ зеленаго моста, по берегу р. Виліи, недалеко отъ каменныхъ казармъ, находилось предмѣстье—„Рыбаки", населенное преимущественно рыбопромышленниками. Здѣсь впрочемъ жили и другаго званія люди, не занимающіеся рыбнымъ промысломъ [5]). Въ 1652 г. они задумали очень оригинальное дѣло. Желая избѣгнуть оплаты мостовой пошлины (при проѣздѣ въ городъ черезъ мостъ), они установили черезъ свой поселокъ новую дорогу; соединили ее съ большою дорогою, идущею къ мосту, и съ другими проселочными и черезъ Вилію перевозомъ стали доставлять людей въ городъ. Значительное большинство простого народа, ѣдущаго въ городъ, начало направляться этимъ новымъ путемъ. Рыбаки, такимъ образомъ, открыли себѣ новый способъ промысла и заработка. Понятно, что провозъ ихъ стоилъ дешевле проѣзда черезъ зеленый мостъ, часть

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ г. Вильны—ч. I. 48—50. См. Wizerunki—T. 24, str. 86, примѣч. 2.

[2]) Balinski—Historya m. Wilna—T. II, str. 75, 76 и пр. 6, 7.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 92.

[4]) Ibidem—35.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 325, 357.

дохода съ котораго шла, какъ извѣстно, на содержаніе госпиталя св. Троицы. Напрасно настоятель доминиканскаго костела, завѣдывающій доходами названнаго госпиталя, и мостовничій напоминали рыбакамъ, что они поступаютъ незаконно, что устройствомъ объѣзднаго пути они сильно уменьшаютъ средства на содержаніе бѣдныхъ и неимущихъ. . . Рыбаки не слушали. А когда противная сторона настаивала на исполненіи ея законныхъ требованій, то они даже напали на ксендза—доминикана и мостовничаго и готовы были убить ихъ, еслибы своевременно не охранили ихъ добрые люди. Обо всемъ этомъ заявлено въ судъ 1652 21 Января [1]).

Въ XVI столѣтіи Снипишки и Рыбаки представляли собою очень оживленную мѣстность. Мы видѣли уже, что городъ купилъ на Снипишкахъ у Виленскаго епископа Іоанна кирпичный заводъ и дворецъ „зо всими и особливыми домы, будованемъ, нивами, ролями, сеножатми, землями, с криницами, з речками, глиною и меловымъ каменемъ, тежъ подъ землею будучими речьми и иншими всими тамъ будучими“. . . [2]) На купленныхъ свободныхъ плацахъ городъ задумалъ устроить особый дворецъ для пріема и помѣщенія пословъ Московскихъ, татарскихъ и другихъ. Это значительно облегчало горожанъ въ отбываніи квартирной повинности, тѣмъ болѣе, что со стороны жителей слышались очень частыя жалобы на злоупотребленія при назначеніи помѣщенія для пріѣзжихъ пословъ. Потому великій князь Сигизмундъ, соглашаясь на просьбу Виленскаго магистрата относительно постройки посольскаго дома, приказалъ, что съ этихъ поръ „маршалки и приставы наши не маютъ нигде инде, акромъ того дому за Вельею въ ихъ домахъ пословъ Московскихъ и татарскихъ становити“. [3])

Для большаго удобства и выгоды мѣстныхъ обывателей, городъ, съ разрѣшенія великаго князя, устроилъ здѣсь на своей землѣ „корчму, вольную медомъ и пивомъ шинковати“. По его милости торговля этими напитками въ устроенной корчмѣ освобождалась отъ платежа капщины въ пользу великокняжеской казны: весь доходъ былъ достояніемъ города [4]). На Рыбакахъ былъ устроенъ около половины XVI вѣка Мартиномъ Палецкимъ первый въ Вильнѣ стекляный заводъ. Въ привиллегіи Сигизмунда-Августа Палецкому [5]) разрѣшается ему „збудовати гуту

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 357.
[2]) Собраніе древнихъ грамотъ г. Вильны, ч. I, 48.
[3]) Ibid. 50.
[4]) Ibidem.
[5]) У Балинскаго сказано, что „przywilej, dany Paleckiemu na tę hutę, pisany jest po sławiańsku, z podpisem łacińskim króla i russkim Waleryana pisarza (извѣстнаго Виленскаго епископа

склянуюю накладомъ своимъ властнымъ ку его пожитку, съ которое онъ въ каждый годъ по четыреста скленицъ давати ся подвезалъ" великому князю. Съ тѣмъ вмѣстѣ Палецкому надавалось исключительное право торговли стекломъ, за исключеніемъ Венеціанскаго. Если бы кто изъ мѣщанъ Виленскихъ, изъ подданныхъ помѣщичьихъ, великокняжескихъ, епископскихъ или купцовъ иногородныхъ привезъ въ Вильну стекло, то продавать его онъ могъ только Палецкому. Хотя эта монополія вызвала въ Вильнѣ очень много неудовольствія и „вси княжата, панята, рыцерство и шляхта просили великаго князя, што дей имъ водле правъ и волностей ихъ посполитыхъ передъ тымъ завжды чинити и тое скло куповати и шинковати имъ было вольно", но Сигизмунтъ-Августъ, желая поднять развитіе мѣстной промышленной и фабричной производительности, подтвердилъ въ 1551 г. Палецкому его прежнюю привиллегію; ему только вмѣнено было въ обязанность заботиться о содержаніи въ складахъ съ выгодою для горожанъ достаточнаго количества стекла и разнообразныхъ его сортовъ [1]). Заводъ помѣщался на землѣ великаго князя. По одну его сторону расположены были великокняжескія псарни, а по другой находился кирпичный заводъ Виленскаго воеводы Ивана Юрьевича Глѣбовича [2]).

Около 1534 года Виленскій каноникъ и секретарь королевы Боны Валеріанъ Протасевичъ купилъ на Рыбакахъ противъ замка три плаца: Стацевщину, Аяктовщину и Андреевщину и здѣсь задумалъ поставить для себя лѣтній дворецъ. Въ 1536 году Сигизмундъ старый подарилъ еще ему смежный пустой плацъ — Калитниковскій, подъ названіемъ Матѳеевщина. Устроенное лѣтнее помѣщеніе Валеріанъ Протасевичъ, сдѣлавшись Виленскимъ епископомъ, временно уступилъ своему викарному. Неизвѣстно, какимъ образомъ потомъ всѣ названные плацы перешли въ собственность свято-Троицкой часовни при каѳедральномъ латинскомъ костелѣ. Здѣсь же на Рыбакахъ хотѣли утвердиться іезуиты, извѣстные Варшевицкій, Скарга, чтобы въ тиши уединенной жизни, вдали отъ городскаго шума успѣшнѣе заняться составленіемъ сочиненій противъ иновѣрцевъ. Уже они пріобрѣли тутъ плацъ съ садомъ и огородомъ. Но сосѣдство кладбищъ христіанскаго и еврейскаго, по преданію очень древняго, не совсѣмъ то нравилось пате-

---

Валеріана Протасевича). Data roku 1547 Maja 22 dnia. Мы не имѣли этой грамоты. Въ собраніи древнихъ грамотъ Семенова напечатана подтвердительная грамота этой привиллегіи, на которой значится 1551 г. 23 Декабря и писарь Ермогенъ. Ч. I, стр. 96. Historya miasta Wilna— T. II, str. 92. Ср. Wizerunki—T. 24, 91, пр. 1.

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ г. Вильны ч. I, стр. 95, 96.

[2]) Ibid. 94.

рамъ, искавшимъ уединенія, и они скоро нашли другое прекрасное, пригодное мѣсто: это былъ Закретъ [1]).

На Рыбакахъ находились склады товаровъ, сплавливаемыхъ по Виліи и было два кирпичныхъ завода, принадлежащихъ замку и здѣсь же на его земляхъ жило около двадцати разнаго званія лицъ, которыя въ опредѣленное время обязаны были вносить ему поземельное [2]). Показанное на планѣ Вильны Брауна на Рыбакахъ какое-то церковное или костельное зданіе [3]) нельзя относить ни къ костелу св. Рафаила, ни къ костелу св. Терезіи; оно совершенно не соотвѣтствуетъ ни ихъ положенію, ни, тѣмъ болѣе, ихъ возникновенію въ XVII вѣкѣ (Планъ относится къ XVI вѣку). Нужно думать, что это остатки церкви св. Варвары, которая была построена здѣсь *за стѣною города*, и которая потомъ іезуитами была обращена въ костелъ того же имени. Нѣкоторое время они имъ и завѣдывали. Съ 1702 года, послѣ стоянки на Рыбакахъ шведскихъ войскъ, нѣтъ болѣе свѣдѣній о бывшей тамъ церкви св. Варвары; съ этого времени здѣсь поселяются босые кармелиты [4]).

Зарѣчье, какъ и Снипишки, тоже извѣстно было своими кирпичными заводами, хотя въ меньшей степени [5]). За то черезъ Зарѣчье направлялись къ разнаго рода мельницамъ, которыя поставлены были на рѣкѣ Вильнѣ. Кромѣ указанныхъ нами для перемалыванья хлѣба, были еще мельницы-фабрики — для приготовленія бумаги и пороха. Въ 1631 году Варвара Мамоничовна продала князю Гедройту „половицу Повильна, зъ дворомъ подле млыновъ проховныхъ и зъ иншими млынами, зъ млыномъ папернымъ, зъ млыномъ мучнымъ, зъ фолюшомъ, зъ галтаромъ, и зъ двема млынами проховными и зъ ихъ всякими всѣми нарадами, зъ ставами, въ сажавками, зъ блехами, домами до тыхъ млыновъ и блеховъ, плацами и огородами заживаючими, зъ грунтами оселыми и неоселыми, пашными и не пашными, зъ пущами, лѣсами, борами, зарослями, зъ реками и речками и ловеньемъ въ нихъ рыбъ“. . . [6]). Бумажная фабрика явилась впервые около 1522 года. Она лежала на р. Вильнѣ, выше воеводинской мельницы. Приготовляемая на фабрикѣ бумага была не важнаго достоинства: лучшіе сорта вы-

---

[1]) Wizerunki—T. 24, str. 91, 92, пр. 1.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 282.
[3]) См. планъ Вильны Брауна въ Актахъ Вил. Ком.—т. XX.
[4]) Жегота—Нѣсколько словъ о православныхъ церквахъ гор. Вильны, стр. 6. Wizerunki—T. 24, str. 90.
[5]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 179. Kraszewski—Wilno—T. IV, str. 400—402.
[6]) Акты Вил. Ком. т. X. 260, 261.

писывали изъ за границы[1]). Въ XVII столѣтіи, когда сгорѣла бумажная фабрика, на ея мѣстѣ была устроена мельница для приготовленія пороха. Ежегодно она вносила въ замокъ платы шестьдесятъ фунтовъ пороха[2]). На Зарѣчьѣ находились и бани; нѣкоторыя изъ нихъ состояли подъ присудомъ замка[3]). Ему же принадлежали здѣсь двадцать четыре плаца; обитатели ихъ вносили три раза въ годъ—на Рождество Христово, на Пасху и въ день св. Петра и Павла—извѣстную плату, а если требовалось, то должны были отбывать и натуральную повинность, одинъ день жать хлѣбъ по одному человѣку изъ хаты; тогда уже уменьшался взносъ денежной платы[4]).

Черезъ Зарѣчье шла главная дорога въ Полоцкъ, въ „дворъ его королевское милости господарскій Роконтискій" и на Антоколь. Здѣсь были плацы и дворцы Огинскихъ, Сапѣги, Кишки, Друцкаго-Соколинскаго, Курбскаго, Свирскаго и другихъ[5]). Всѣ они лежали „на Зарѣчьѣ, за рѣкою Вильнею, напротивъ светого Петра русского" и „за светымъ Петромъ русскимъ" „на улицы Великой Роконтисской (по дорогѣ къ нынѣшней желѣзно-дорожной станціи—Вилейкѣ)[6]).

Названіе мѣстности *Зарѣчьемъ* очень давнее. Въ концѣ XV столѣтія на Зарѣчьѣ появляется монастырь бернардинокъ, извѣстный въ актахъ подъ именемъ „кляштору старыхъ паненъ"[7]). Для увеличенія его фундуша монахиня Олехновичовна въ 1495 году продала на Зарѣчьѣ свой домъ тоже монахинѣ Варварѣ Радивиллъ съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти послѣдней онъ поступилъ въ собственность монастыря бернардинокъ. Это пожертвованіе было увеличено новыми записями и со стороны другихъ лицъ. Записывались дома, деньги, назначались ежегодныя опредѣленныя приношенія для содержанія монастыря хлѣбомъ, скотомъ, масломъ, солью, медомъ, воскомъ и другими предметами. Изъ записей въ костельныхъ визитахъ видно, что монастырь бернардинокъ и тогда уже—въ XV столѣтіи—назывался Зарѣчнымъ отъ своего положенія на Зарѣчьѣ; съ конца XVI вѣка его называютъ *старымъ*, такъ какъ съ этого времени для монахинь бернардинокъ былъ выстроенъ новый монастырь—свято-Михайловскій—въ оградѣ го-

---

[1]) Kraszewski—Wilno—T. III. 281. т. IV. 105
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 283.
[3]) Ibid. 282, 302.
[4]) Ibid. 283.
[5]) Ibid. 364—376.
[6]) Ibid. 367.
[7]) Ibid. 295.

рода [1]). Старый монастырь бернардинокъ занималъ положенiе и постройки нынѣшняго братскаго дома, не имѣлъ своего костела и монахини посѣщали богослуженiе въ сосѣднемъ костелѣ бернардиновъ.

Въ документахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, Зарѣчье называется иногда предмѣстьемъ, лежащимъ за русскою церковiю Пречистыя и костелемъ Бернардинскимъ, *post fluvium Vilnam*, или *trans pontem fluvii Vilna;* а то называется и настоящимъ именемъ. Въ 1594 году приказано было выдать изъ Верковскихъ лѣсовъ матерiалъ для исправленiя епископской мельницы на Зарѣчьѣ— molae episcopalis in suburbio *Zarzecze* dicto existentis [2]). Повторяемъ, что Снипишки и Рыбаки никогда не назывались Зарѣчьемъ, какъ допущено это Крашевскимъ на планѣ Вильны Боденера [3]). Если это переводъ подлинной нѣмецкой надписи: „über Wasser“ (планъ Брауна цифра 28), то во всякомъ случаѣ употребленiе названiя, прiуроченнаго вѣками къ извѣстной мѣстности, требовало объясненiй.

Послѣ пожара 1530 года, когда была уничтожена значительная часть города почти со всѣмъ нижнимъ замкомъ, когда не хватило даже воды для тушенiя пожара [4]), и великiй князь, и магистратъ, и частные обыватели стали думать о переустройствѣ города, чтобы на будущее время хотя нѣсколько обезопасить его отъ несчастныхъ случайностей. Потребовалось уничтожить скученность зданiй, дерево при постройкѣ замѣнять по возможности камнемъ или кирпичемъ, снабдить городъ водою. Начато было съ замка.

Около замка лѣпилось очень много деревянныхъ невзрачныхъ построекъ, которыя, въ случаѣ несчастiя, представляли въ высшей степени удобный горючiй матерiалъ; кромѣ того придавали мѣстности видъ грязный, унылый, далеко неотвѣчающiй мѣстожительству великаго князя. Еще великая княгиня Елена Iоанновна для расширенiя замковыхъ зданiй прiобрѣла было въ оградѣ замка плацъ капитульный и поставила на немъ дворецъ для прiема пословъ и бояръ Московскихъ; онъ сгорѣлъ въ пожарѣ 1530 года. Тогда же сгорѣло довольно обширное

---

[1]) Wizerunki—T. 24, str. 87, 88 и прим.

[2]) Ibid. 89 и пр. Ср. Акты Вил. Ком. т. XX, 90, 179, 182, 200, 282 и др.

[3]) Wilno—T. I, планъ—цифра 28.

[4]) Balinski—Hist. m. Wilna—T. II. str. 78 и пр. 9. Kajałowicz—Historia Lithvaniae—2, p. 391. говоритъ: eo ipso tempore Vilna ex gravissimo incendio magnam stragem accepit: vastatis flamma profanis sacrisque aedificiis, vix tertia urbis pars, eaque tectis dejectis multum lacera, aegre servata est. . .

помѣщеніе изъ нѣсколькихъ домовъ викаріатства свято-Троицкой часовни при каѳедральномъ латинскомъ костелѣ. Это погорѣлое мѣсто болѣе не застраивали; имъ воспользовались для расширенія великокняжескаго сада[1]). Увеличеніемъ сада надѣялись хотя нѣсколько воспрепятствовать, въ случаѣ несчастія, распространенію пожара со стороны „Подзамча", которое густо было застроено деревянными домами. Съ другой стороны для разширенія великокняжескихъ конюшенъ Сигизмундъ Августъ пріобрѣлъ сосѣдніе капитульные плацы съ двадцатью тремя домиками и огородомъ, давши вмѣсто того капитулу дома и плацы на Скоповкѣ[2]). Это новое пріобрѣтеніе лежало, можно думать, за оградою замка, между Мостовою улицею и костеломъ св. Юрія[3]). Здѣсь кромѣ конюшенныхъ службъ находилась еще *пушкарня*, т. е. литейный заводъ, съ помѣщеніями для мастеровъ этого дѣла и съ ихъ огородами, почему и самая мѣстность называлась нерѣдко *пушкарнею*[4]). Изъ замка къ мурованому мосту шли и ѣхали по Пушкарнѣ, около костела св. Юрія[5]). Въ 1593 году въ актахъ записана жалоба нѣкоего Андрея Григорьевича, что „ему дей ѣдучи черезъ Пушкарню, тутъ в месте Виленскомъ (лежачую) . . до дому своего ку мурованому мосту, то пакъ дей на той Пушкарни, подле костела светого Юрья, нетъ вѣдома хто. . .коня его шерстью вороного. . . взялъ"[6]). Сигизмундъ хотѣлъ еще пріобрѣсти и другіе дворы и плацы по сосѣдству съ замкомъ отъ подчашаго Радивилла, отъ епископа Жмудскаго и отъ настоятеля свято-Іоанновскаго костела. Купилъ также отъ Ивана Завиши дворъ подъ замкомъ[7]).

На планѣ Вильны Брауна, который представляетъ намъ постройки города не позже половины XVI вѣка, въ верхнемъ замкѣ на горѣ мы видимъ двѣ башни, еще хорошо сохранившіяся. Между ними, не выше перваго этажа, проходитъ каменная стѣна съ отверстіями. Такая стѣна опоясывала раньше весь верхній замокъ. Тутъ же виднѣются развалины костела св. Мартина, который уже въ XV столѣтіи началъ приходить въ запустѣніе[8]).

---

1) Планъ Вильны Брауна въ Актахъ Вил. Ком. т. XX.
2) Wizerunki—T. 24, str. 32, 34.
3) Ср. Kraszewski—T. II, str. 396, 397.
4) Акты Вил. Ком. т. XX. 83, 178, 326 и др.
5) Ibid. 254.
6) Ibid. 83.
7) Kraszewski—Wilno—T. III. 310, 311.
8) Wizerunki—T. 24. str. 44—47 и прим.

Внизу у замка подъ цифрою девять значится нѣмецкій домъ. Трудно указать сснованіе для такого наименованія. Предполагаютъ, что въ немъ, быть можетъ, останавливались пріѣзжавшіе въ Вильну нѣмецкіе послы или же здѣсь имѣли постоянное помѣщеніе работники-нѣмцы въ оружейномъ заводѣ и арсеналѣ; послѣдній находился въ верхнемъ замкѣ [1]).

Почти напротивъ нѣмецкаго дома помѣщался (подъ цифрою 3) дворецъ молодой королевы: такъ звали супругу Сигизмунда Августа Елисавету при жизни его родителей—Сигизмунда стараго и королевы Боны. Этотъ дворецъ былъ выстроенъ Сигизмундомъ Августомъ исключительно для его супруги; но въ 1545 г. ея уже не стало. Дворецъ значится сзади каѳедральнаго латинскаго костела и соединялся съ нимъ крытою галлереею. Разстояніе между дворцомъ и костеломъ было незначительное (3 – 4 сажени) и галлерея, соединявшая ихъ, вела въ костелъ изъ королевскихъ комнатъ въ особое для княжеской семьи помѣщеніе—трибуну—напротивъ лѣвой стороны великаго алтаря; потомъ она была продолжена до новой трибуны, надъ главнымъ входомъ, гдѣ въ недавнее время помѣщался хоръ съ органомъ. Есть свидѣтельство, что галлерея подходила только къ широкому окну костела на восточной его сторонѣ и здѣсь, съ наружной его части, княжеская семья слушала совершаемое богослуженіе [2]). Галлерея опиралась на аркадѣ и небольшой каменной стѣнкѣ; по другимъ она поставлена была просто на балкахъ. Съ половины XVIII вѣка она совершенно исчезаетъ. (Нужно всегда имѣть въ виду, что какъ разсматриваемый чертежъ, такъ и многое другое на планѣ Брауна показано далеко неточно, съ большимъ нарушеніемъ взаимныхъ разстояній и положенія относительно странъ свѣта).

Дворецъ состоялъ изъ четырехъ отдѣленій; въ длину онъ занималъ почти все пространство между костеломъ (оставалось свободнымъ пространство подъ аркою для проѣзда) и замковою горою, а въ ширину занималъ пространство болѣе ширины костела (на планѣ костелъ слишкомъ подвинутъ къ сѣверу). Посрединѣ его находился большой дворъ. Изъ города въѣзжали туда черезъ другіе два двора и каменныя противолежащія ворота [3]). Задняя часть дворца со стороны горы раньше другихъ пришла въ упадокъ; но во второй половинѣ XVIII стол. за ка-

---

[1]) Ibid. Kraszewski—Wilno—T. III, str. 308,

[2]) W Wizerunkach. . . t. 24. str. 22—24 и пр. приведены и другія свидѣтельства о направленіи указаннаго соединительнаго хода.

[3]) См. Планъ Вильны Брауна.

ѳедрой отъ дворца оставались уже только жалкія лачуги. При Сигизмундѣ Августѣ вся внутренняя обстановка дворца доставлена была изъ за границы; окраска комнатъ производилась нарочно выписанными извѣстными живописцами [1]).

Рядомъ съ дворцомъ находилось помѣщеніе самаго замка. Передъ нимъ разстилался большой второй дворъ, а съ южной стороны расположенъ былъ садъ, тоже съ большимъ—третьимъ дворомъ; и садъ и третій дворъ примыкали уже къ замковой брамѣ. Дальше начиналось „Подзамче" [2]). Съ восточной стороны за замкомъ находились великокняжескія конюшни — старыя (подъ цифрою семь) и нѣкоторыя службы.

Къ югу отъ каѳедральнаго костела показаны: „старожитный дворъ" епископа, помѣщеніе великокняжеской стражи и рядомъ съ круглою башнею домъ литовскаго подскарбія [3]). Этотъ рядъ зданій составлялъ такъ называмое правое крыло замка и передъ нимъ протекалъ лѣвый рукавъ Вильны: на послѣднемъ находились мосты передъ воротами, видимыми на планѣ [4]). Здѣсь потомъ былъ устроенъ Главный Трибуналъ, въ которомъ происходили трибунальные суды [5]); внизу оставалось помѣщеніе стражи Виленскаго воеводы и тюрьма—одна для заключенія шляхты, другая—для простыхъ людей по приговорамъ за обыкновенныя преступленія [6]). Было еще особое отдѣленіе для присуждаемыхъ къ смертной казни. Это новое отдѣленіе находилось въ башнѣ и было очень глубоко: быть можетъ сажени четыре глубины, предположительно замѣчаетъ по этому поводу одинъ документъ [7]). Другой документъ говоритъ ясно, что заключеніе въ вежѣ было на глубинѣ шести сажень и что, понятно, туда шли очень неохотно отсиживаться. Въ 1601 г. возный заявилъ, что супруги Трунковскіе, приговоренные за оскорбленіе

---

[1]) Kraszewski—Wilno—T. III, str. 309.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 315, 321.

[3]) Планъ Вильны Брауна въ Актахъ Вил. Ком. т. XX.

[4]) Сарбѣвскій называлъ его: dextrum arcis latus, Regii Tribunalis sedem, legum ac judiciorum domicilium. . . Oratio in translationem corporis s. Casimiri.

[5]) О значеніи Трибунала см. Акты Вил. Ком. т. XV.

[6]) Подъ 1618 годомъ въ актахъ записана жалоба земенина Ясинскаго на пана Видискаго, за вторичное убійство, которое онъ совершилъ, „выконываючи за свой злый а запаметалый учинокъ (убійство въ первый разъ) везене въ замку Виленскомъ, у вежы, где звыкла шляхта везенья выконывать, за забитье и замордованье..." Акты Вилен. Ком. т. XX, стр. 254. Тамъ же значится: Wszetszy w brame (замковую) po lewey ręce turma szlachecka... W tyle tego budowania druga turma namiestnicza, gdzie przed tym (въ XVII в.) pospolitego człowieka sadzono... Ibidem—280, 282.

[7]) Акты Вил. Ком. т. XX. 282.

князя Гедройтя къ заключенію въ тюрьму, заявили, что „мы готовы на замку высокомъ, або тутъ на замку подле брамы у турме на шесть недѣль везенья засести, а у вежи на дне 6 шести сажени у таковомъ везеню заседати не хочемъ, ани седети будемъ". Да вѣдь вы сами, возражалъ оскорбленный противникъ, „уходечы большого и дальшого везенья у шести недѣль у вежи на дне шести сажонъ выседети обовезалистесе, про то дей если вы досыть записови своему (готовы) чынити?" Нѣтъ, былъ рѣшительный отвѣтъ Трунковскихъ, „на дне у вежи засести не хочемъ и не будемъ, одно або на высокомъ замку, або въ турме шляхетной тутъ на доле в замъку подле брамы засести маемъ" [1]). Съ XVIII вѣка заключеніе на верхнемъ замкѣ было закрыто и вмѣсто него устроено новое, при рѣкѣ Вильнѣ, за костеломъ св. Станислава, на мѣстѣ бывшихъ старыхъ великокняжескихъ конюшенъ [2]). Оно извѣстно было подъ именемъ вежы in fundo. По преданію старожиловъ, это было что-то въ родѣ глубокаго, сажени въ три, но сухаго колодца, съ крышей на поверхности. Въ числѣ заключенныхъ въ немъ въ концѣ XVIII вѣка особенною печальною извѣстностью пользовалась какая-то г-жа Пищалова за отравленіе своего мужа и Коркожевичъ съ М—кевичемъ поддѣлыватели денежныхъ документовъ, для полученія ими значительной суммы денегъ [3]). Въ трибунальныхъ зданіяхъ происходили и подстаростинскіе суды; тамъ же было много всякихъ службъ, помѣщались архивы, пивные склады и многое другое [4]).

На планѣ Брауна внизу, въ объясненіяхъ подъ цифрою 5 значится костелъ св. Варвары; но на самый планъ эта цифра не занесена на соотвѣтственномъ мѣстѣ. Нѣкоторые, потому, совершенно неосновательно [5]) положеніе костела св. Варвары пріурочивали къ дому подскарбія; но редакція Wizerunków не безъ основанія говоритъ, что костелъ св. Варвары долженъ былъ находиться на сѣверной сторонѣ отъ латинской каѳедры и усматриваетъ его въ зданіи, въ извѣстномъ отдаленіи, въ самомъ концѣ стѣны, отдѣляющей второй дворъ отъ перваго, примыкавшаго къ королевскому дворцу.

Съ сѣверной стороны каѳедры и дворца пролегала замковая, каменная стѣна, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Виліи, не достигая праваго рукава Вильны. Въ

[1]) Ibidem 180.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 282. Ср. Wizerunki—T. 24, str. 23 прим.
[3]) Wizerunki—T. 24. str. 33 прим.
[4]) См. Инвентарь Вил зам. Акты Вил. Ком. т. XX. 280—282.
[5]) Боденеръ, а за нимъ кс. Черскій въ изданныхъ ими планахъ г. Вильны.

этой стѣнѣ поднимается высокая въ три этажа башня (на планѣ подъ цифрою 8) довольно значительныхъ размѣровъ по объему. Названа она на планѣ фонаремъ. Причину такого названія одни хотятъ видѣть въ томъ, что на „фонарѣ“ ночью зажигали огонь для освѣщенія прилегающихъ мѣстностей; другіе,—что въ башнѣ, въ верхнемъ ярусѣ, устроены были окна, которыя лежали одно противъ другаго и, такимъ образомъ, совершенно были открыты для свободныхъ выстрѣловъ. Въ актахъ капитульныхъ эта башня, не смотря на свою осьмиугольную форму, называется круглою (turris arcis rotunda), а нѣсколько позднѣе—башнею Твардовскаго. Въ разграничительномъ актѣ города 1719 года замѣчено, что назначенные для разграниченія ассесорскимъ судомъ коммиссары, осмотрѣвъ на сѣверной сторонѣ каѳедральнаго костела викаріатскія постройки и сосѣдній капитульный домъ съ огородами .., были потомъ „надъ рѣкою Виліей, напротивъ прудовъ князей Радивилловъ, на замѣнномъ плацѣ, когда-то Радивилловскомъ, который, начинаясь у круглой замковой башни, какъ называли ее прежде, или иначе у башни Твардовскаго, ut vulgo narratur, тянулся вплоть до подземнаго канала къ самому мосту на р. Вильнѣ“ (лѣвый рукавъ Вильны) [1]). Послѣднее свое названіе башня получила отъ имени извѣстнаго въ народѣ чародѣя Твардовскаго, который, якобы по желанію Сигизмунда-Августа, вызывалъ для него въ Виленскомъ замкѣ тѣнь любимой покойной его супруги Варвары, хотя по другимъ указанный фактъ имѣлъ мѣсто не въ Вильнѣ, а въ Краковѣ [2]). Круглая башня, равно какъ каменная стѣна съ нѣкоторыми постройками совершенно разобраны въ XVIII вѣкѣ, когда у Замковой горы воздвигали новыя постройки. Часть зданій, которыя тянулись вдоль Виліи, по нынѣшней Антокольской улицѣ и лежали съ сѣверной стороны горы, по нѣкоторымъ преданіямъ относилась ко времени Сигизмунда-Августа. Другая часть была возведена кн. Михаиломъ Огинскимъ на суммы изъ доходовъ имѣній кн. Карла Радивилла, когда тотъ былъ осужденъ на изгнаніе изъ отечества. На ихъ мѣстѣ находятся теперь постройки и зданія военнаго вѣдомства и инженернаго, а также заключеніе для политическихъ преступниковъ.

Съ нижнимъ замкомъ граничили владѣнія Радивилловъ; пограничною чертою служилъ лѣвый рукавъ Вильны. Имъ принадлежало почти все пространство отъ впаденія Вильны (лѣвый рукавъ) въ Вилію, по лѣвому берегу послѣдней до Богуславскаго переулка (получившаго свое названіе отъ Богуслава Радивилла), часть плацовъ надъ Виліей, часть Лукишекъ съ плацами и домами у Виленской брамы,

---

[1]) Wizerunki—T. 24, str. 37, 38.

[2]) Ср. Wizerunki—T. 24, str. 39 и пр. 2.

дома на Татарской улицѣ до капитульныхъ плацовъ и зданій. Здѣсь были ихъ главные роскошные, изящные по итальянской архитектурѣ дворцы и сады; здѣсь они создавали свое могущество; здѣсь жила, по смерти своего мужа, Варвара Гаштольдъ и здѣсь познакомился съ нею Сигизмундъ-Августъ. Богатство и сила Радивилловъ (о другихъ обширныхъ владѣніяхъ Радивилловъ въ Вильнѣ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ) неоднократно вызывали неудовольствіе другихъ вельможъ, даже такихъ, повидимому, близкихъ къ нимъ, какъ Гаштольды [1]). Мѣстность надъ Виліей съ указанными владѣніями Радивилловъ называлась *Луками*. Въ 1552 году Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ замѣнную запись домами между Николаемъ Радивилломъ, воеводою Трокскимъ, и Павломъ епископомъ Виленскимъ, княземъ Гольшанскимъ. „Князь бискупъ, говорится въ грамотѣ, взялъ отъ пана воеводы Троцкого каменицу и весь дворъ, который ему достался по князе Якубу Юрьевичу Дубровицкому, воеводе Троцкомъ, лежачи въ месте Виленскомъ в уличце, идучей з Великой Замковой улицы до кляштору Бернардинскаго на леве. А за то далъ и променялъ его милости свой дворъ на предмести на *Лукахъ* з одное стороны пана воеводы Троцкого двору прилеглый при рѣцѣ Вели... [2]),

Въ 1606 году Николай Радивиллъ въ память побѣды надъ татарами подъ Клецкомъ на одномъ изъ пустыхъ плацовъ на своей землѣ на Лукахъ основалъ костелъ св. Юрія. Свое положеніе Юрьевскій костелъ сохранилъ до послѣдняго времени. Первоначально онъ посвященъ былъ памяти Маріи Снѣжной, такъ какъ въ этотъ день (5 или 6 Августа) одержана была побѣда; потомъ назвали его костеломъ св. Юрія, въ память Георгія побѣдоносца, покровителя побѣждающихъ; подъ послѣднимъ наименованіемъ онъ и теперь извѣстенъ [3]). Послѣ нѣкотораго времени былъ основанъ при костелѣ монастырь и въ немъ поселены Кармелиты [4]). Есть указанія, что Юрьевскій костелъ былъ домовымъ костеломъ Радивилловъ, и что его настоятель тайно повѣнчалъ въ свое время Сигизмунда Августа съ Варварою Радивиллъ, вдовою по Гаштольдѣ [5]). Радивиллы, король и другія лица многоразличными пожертвованіями образовали богатые фундуши для Юрьевскаго костела. Для насъ въ данномъ случаѣ особенно важны тѣ, которые находились въ городѣ, такъ какъ посредствомъ ихъ описанія уясняется топографія Вильны.

---

[1]) Balinski—Studia historyczne—Wilno 1856 r., str. 354, 355.
[2]) Kraszewski—T. IV, str. 394, 395.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, 83, 254, 266 и др.
[4]) Ibid. 321.
[5]) Balinski—Pisma historyczne—Warsawa—1843 r. T. I. str. 48. пр. 2.

Въ подтвердительной привиллегіи Сигизмунда Стараго на пожертвованные Юрьевскимъ Кармелитамъ угодья значится между другими (Петрашовщина, Овлашобовщина, Апозавщина, Арачелевщина, иначе Некрашевщина in districtu Rudnicensi. . .) Одолидовщина. Изъ ограничительнаго акта 1601 года видно, что Одолидовщина одною стороною граничила съ великокняжескими конюшнями (вновь устроенными; въ замкѣ были другія), другою—съ Пушкарнею; третья упиралась въ домъ какого-то кузнеца и Юрьевское кладбище, а четвертая достигала капитульныхъ каѳедральныхъ владѣній. Въ XVIII столѣтіи, когда уже не было здѣсь пушкарни и княжескихъ конюшенъ, Одолидовщина расширилась и граничила съ каѳедральнымъ костеломъ, съ пустымъ плацемъ князя Богуслава Радивилла надъ рѣкою Виліею (отъ него осталось названіе переулка Богуславскимъ) и упиралась въ дорогу, которая черезъ Пушкарню шла къ Татарской брамѣ и Виленской [1]).

Въ грамотѣ Сигизмунда стараго 1524 года на имя Виленскаго воеводы Альбрехта Гаштольда сказано, что „законницы святаго Юрья зъ Вильни, на Луцѣ, били чоломъ (Сигизмунду) и просили (его), абы имъ дали землю пустовскую у Виленскомъ повѣтѣ къ вспоможенью тоѣ церкви Божъее святого Юрья“ [2]) Изъ этого указанія нѣкоторые писатели выводятъ заключеніе о существованіи въ Вильнѣ, *на Лукишкахъ*, православнаго Юрьевскаго монастыря, хотя, впрочемъ, еще редакція актовъ Западной Россіи въ 1848 г. замѣтила, что слѣдовъ такого монастыря не видно и что въ „Исторіи Россійской іерархіи“ о немъ не упоминается [3]). Дѣйствительно изъ сопоставленія сдѣланныхъ указаній относительно названія извѣстной мѣстности *Луками* (Лукишки—особое предмѣстье) и постройки здѣсь Радивилломъ костела св. Юрія, названную грамоту 1524 г. нужно относить къ этому Радивилловскому костелу, при которомъ былъ и монастырь. Необходимо имѣть въ виду, что первоначально, со введеніемъ въ Литву христіанства, выраженія: костелъ и церковь, монастырь, конвентъ и кляшторъ, „monasterium“ и „conventus“, мнихъ и законникъ безразлично упоминались въ документахъ по отношенію къ православнымъ и латинянамъ. Къ сожалѣнію, съ усиленіемъ среди латинянъ пришлаго элемента съ запада, разжигаемый между ними различными орденами фанатизмъ сталъ усвоивать православнымъ и ихъ святынямъ названія,

---

[1]) Kraszewski—Wilno.—T. II, str. 396, 397.
[2]) Акты Западной Россіи—Т. II. стр. 155 и пр. 77.
[3]) Ibid. прим. 77.

далеко не отвѣчающія взаимной христіанской любви [1]). Въ 1798 г. епископъ Виленскій Іоаннъ Коссаковскій отнялъ у Кармелитовъ костелъ св. Юрія и въ монастырѣ при немъ помѣстилъ епархіальную латинскую семинарію для подготовленія клириковъ [2]).

Изъ документа 1724 года, по которому Кристина Шеміотовна записала іезуитскому костелу на Снипишкахъ плацъ съ огородомъ и свой домъ на Замковой улицѣ, видно, что за великокняжескими конюшнями на Вилейской улицѣ находился еще садъ съ домами и строеніями, принадлежавшій Сигизмунду Августу; онъ лежалъ при раздѣленіи двухъ дорогъ между домами нѣкоего Юрія Таркана и дорогою, извѣстною подъ именемъ *Глинной* (по которой возили кирпичъ и глину со Снипишекъ) [3]). Эту собственность [4]), Сигизмундъ Августъ подарилъ, вмѣстѣ съ домами на Замковой улицѣ, своему придворному доктору Руперту Финку [5]). Въ теченіи всего XVI столѣтія въ дарственныхъ записяхъ по переходу недвижимаго имущества послѣ Руперта Финка во владѣніе другихъ лицъ объ этомъ садѣ не упоминается; онъ какъ будто исключается даже изъ продажи. И только въ 1724 году Кристина Шеміотовна, къ которой перешелъ въ это время домъ, бывшій Руперта Финка на Замковой улицѣ, вмѣстѣ съ домомъ одновременно записываетъ Снипишскимъ іезуитамъ и плацъ, о которомъ идетъ рѣчь [6]). Не будетъ ли это тотъ дворецъ съ садомъ, который достался Сигизмунду Августу послѣ Трокскаго воеводы Ивана Забржезинскаго, слѣдовъ котораго съ такою похвальною ревностію отыскивала редакція Wizerunkow и который, какъ и сама она указываетъ, долженъ былъ лежать на Виленскомъ предмѣстьѣ по лѣвой сторонѣ

---

[1]) Ср. Акты Вилен. Ком. т. XX. 265. Narbutt—Dzieje narodu Litewsk. T. I, str. 399 и пр. Акты Западной Россіи т. II. стр. 336, Т. III стр, 29 и пр. Собр. древн. грам. Вильны. . . ч. I. 36, 39. Kraszewski—Wilno—T. II, str. 410, 411. Замѣчаніе Нарбутта (Dz. nar. Litewsk.—T. VII. str. 144, 145) что король Сигизмундъ Августъ, послѣ смерти своей супруги Варвары въ память ея задумалъ поставить костелъ во имя св. Варвары; что этотъ костелъ начали строить въ 1570 году; что смерть Сигизмунда остановила эту постройку и что *потомъ* на выведенныхъ якобы фундаментахъ проектированнаго было костела св. Варвары былъ воздвигнутъ костелъ св. Юрія, не имѣетъ за собою никакого основанія, въ виду указанныхъ данныхъ о постройкѣ Юрьевскаго костела.

[2]) Przyałgowski—T. I, str. 95.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, 516, 522.

[4]) Hortum cum aedificiis et domibus omnibus extra civitatem Vilnensem, ultra stabula nostra (слова Сигизмунда Августа) in bivio, in platea fluvii Viliae, inter domum Georgii Tarkani ab uno, et inter plateam, Glinna vocatum ab altero latere situm. . . ibid. 522.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem. 518.

дороги изъ замка къ великому мосту [1]). Не на этой ли мѣстности въ настоящее время находятся главнымъ образомъ дома Ленскаго съ садомъ по Виленской и Мостовой улицамъ и нѣкоторыя учебныя заведенія, примыкающія къ территоріи Юрьевскаго костела? А дальше за Юрьевскимъ костеломъ, ближе къ замку и были великокняжескія конюшни.

Мы сказали уже, что лѣвый рукавъ Вильны служилъ пограничною чертою на сѣверо-западѣ между замкомъ и владѣніями Радивилла. Изъ ограды замка по особенному мостику черезъ Вильну (лѣвый рукавъ) можно было проходить въ роскошный садъ и дворецъ Радивилловъ [2]). Этимъ путемъ и Сигизмундъ Августъ проходилъ во дворецъ къ Радивилламъ и сестрѣ ихъ Варварѣ. Для этого не требовалось ни особыхъ какихъ то секретныхъ ходовъ съ потаенными галлереями, ни висячихъ мостовъ надъ улицами съ загадочными спускающимися ступенями, какъ придумывали это до приторности нѣкоторые писатели, на основаніи неопредѣленныхъ сказаній Віюка Кояловича, который дворцы замковый и Радивилловскій, по ихъ якобы отдаленности, соединяетъ мостомъ черезъ р. Вильну и публичную дорогу [3]). Нужно имѣть въ виду, что въ разсматриваемое время еще не было дороги ни по набережной р. Виліи, ни нынѣшней Антокольской, въ томъ направленіи, какъ она идетъ теперь отъ Антокольскаго моста до Мостовой улицы или каѳедральной площади. Антокольская дорога въ то время къ святому Юрію и далѣе къ великому мосту или же въ городъ проходила, какъ было уже говорено, съ Антокольскаго моста воротами въ замокъ, около круглой башни или Твардовскаго, или же черезъ плацы, занимаемые теперь инженернымъ и военнымъ вѣдомствами, огибала восточную сторону каѳедральнаго костела и направлялась черезъ замковые дворы или въ городъ черезъ замковую браму, или же

---

[1]) Wizerunki—T. I. 24. str. 32, 33 и примѣч.

[2]) Hortus erat amoenissimus et prope Paradisi aemulus; stabant foliorum germino renidentes arbores quae cum hilari odore grates diffundebant umbras, et clementi brachiorum motu, dulces susurras obsibilabant, has inter loquax rivulus et omni cristallo nitidior errantibus ludebat aquis et querulo rore capillos vexabat, cordem pene musico concertu pulsabatur; utrimque flores et copiosa zephyri familia hinc et viridi prata argentea ridebant lilia, illinc purpurescentes rosae promicabant, istinc narcissorum nivem et ebur, hyacinthorum sanguis et aurum ausebat, ventulus omni parte placidissime adspirabat... Описаніе сада Радивилла 1550 г. См. Narbutt—Dzieje nar. Lit, T. IX Dodatki—str. 23.

[3]) Quamquam vero non procul ab arce et regia aedes Radivilianae essent, ut breviore spatio in hortos earum, quoties liberet, convincare posset, palatium suum hortis Barbarae per publicam viam amnemque Vilnam, ponte conjunxit. Kojalowicz Wijuk—Historiae Lithvanae pars II. 404—405. Cm. Narbutt—Dz. nar. Lit т. IX. str. 236, 237. Kraszewski—Wilno—T. I. str. 244. Ср. Wizerunki—T. 24, str. 28 и пр. и 36 str.

поворачивала къ западу и черезъ ворота у помѣщенія великокняжеской стражи, черезъ мостъ на Вильнѣ, вела черезъ Пушкарню, около св. Юрія къ великому мосту и далѣе. . Нынѣшняя Антокольская улица явилась около половины XVIII в. когда замковыя постройки стали совершенно разрушаться и владѣнія Радивилловъ пришли въ запустѣніе. Около 1732 года дворецъ Богуслава Радивилла стоялъ уже пустой, а черезъ сто лѣтъ и самыя развалины дворцовъ Радивилловскою же администраціею проданы были на сносъ за *пятьсотъ руб. сер.* Кирпичъ пошелъ на стѣны новостроившагося тогда дома Коссобуцкаго за Острыми воротами (теперь помѣщеніе крестьянскаго земельнаго банка). Остававшіеся пруды въ бывшихъ восхитительныхъ садахъ Радивилловъ и тѣ заплыли и быльемъ поросли. . .[1]) Не осталось слѣдовъ и отъ бывшаго на Виліи лебединаго острова Варвары, если не считать таковымъ довольно безобразной песчаной отмели на противоположномъ берегу, служащей теперь пристанью для дровяныхъ плотовъ. Въ настоящее время на Лукахъ строятся гр. Тышкевичи, Заіончекъ и др.

Городъ послѣ пожара 1530 года началъ быстро обстраиваться. Сталъ замѣчаться сильный приливъ сюда бояръ и вельможъ, которые пріобрѣтали свободные плацы, возводили на нихъ новыя постройки или же расширяли и улучшали старыя помѣщенія[2]). Вмѣсто дерева начинаютъ употреблять кирпичъ, какъ строительный матеріалъ, въ значительно большемъ количествѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Въ актахъ города отмѣченъ за это время фактъ, что устройство и пріобрѣтеніе кирпичныхъ заводовъ сдѣлались теперь особенно частымъ дѣломъ, а разработка известковыхъ и глиняныхъ пространствъ какъ бы преимущественнымъ и болѣе выгоднымъ занятіемъ. Подобныя работы шли на значительномъ даже разстояніи отъ Вильны [3]).

Теперь окончательно приведена была въ порядокъ городская защитная стѣна, начатая въ 1504 году. Хотя въ началѣ бѣднѣйшимъ городскимъ обывателямъ разрѣшено было огородить свои участки и деревомъ, но Виленцы, устрашенные въ 1506 году приближеніемъ къ городу татарскихъ войскъ, поспѣшили оградиться сплошною каменною стѣною на извѣстномъ пространствѣ [4]). Въ 1522 году великій князь Сигизмундъ I свидѣтельствуетъ, что Виленскіе граждане своимъ достояніемъ оказали ему много содѣйствія и матеріальной помощи въ трудныхъ обсто-

---

[1]) Kraszewski—Wilno—T. II, str. 397. Balinski—Historya m. Wilna—T. 2. str. 90, пр. 29.
[2]) Ср. Dubinski—Zbior praw. . .Wilnowi nadanych—154.
[3]) Balinski—Historya m. Wilna—T. II. str. 76. пр. 7.
[4]) Kraszewski—Wilno—T. III. str. 329.

ятельствахъ республики, что они собственными издержками опоясали городъ стѣною (civitatem eandem nostram sumptibus propriis cinxerunt... и въ другомъ мѣстѣ civitas ipsa muro cintca est...) и что поэтому онъ — Сигизмундъ, — возвращаетъ городу его охранную стражу, которая, на основаніи еще постановленія Ягайлы, пока городъ обнесется стѣною (donec civitas ipsa muro cingeretur), съ давнихъ поръ находилась и должна была находиться въ услуженіи при замкѣ [1]). Съ этихъ поръ городъ содержалъ при соотвѣтственномъ вооруженіи двадцать четыре сторожа, которые охраняли его входы и выходы, задерживали нарушителей общественнаго порядка и спокойствія и предупреждали возможные скандалы и неприличія. Въ 1536 году послѣдовало новое распоряженіе: снести всѣ дома, которые пристроены къ городской стѣнѣ, „бо дорога при муру около муру маетъ быти вольна и простронна сторожомъ и обронцомъ мескимъ и пушкомъ ку оборонѣ меской одъ непріятеля часу потребы". Разстояніе между городскою стѣною по всему ея протяженію и строеніями назначалось въ сорокъ саженей. На этомъ свободномъ пространствѣ требовалось сдѣлать валъ и перекопы и по возможности поддерживать ихъ въ порядкѣ [2]). Съ 1536 года въ теченіи пяти лѣтъ всѣ содержатели кирпичныхъ заводовъ обязывались давать ежегодно по тысячѣ штукъ кирпича для городскихъ построекъ. По истеченіи пяти лѣтъ, указанная повинность прекращалась [3]). „Всѣ ворота меские рада подъ своимъ ключемъ и владностью маетъ мѣти; а если бы которые ворота не были потребные, тые маютъ быть затвореные, а у воротъ узводы маютъ быти справленныи, и ворота гвоздями желѣзными збиты для вырубаня ночного и для твердости и безпеченства и певности лепшое" [4]). Въ 1549 году Виленскому воеводѣ поручено наблюдать, чтобы каждый домовладѣлецъ въ соотвѣтственной ему части поддерживалъ цѣлость и сохранность городской стѣны.

Послѣ пожара 1530 года Виленскій магистратъ сталъ заботиться объ увеличеніи въ городѣ количества хорошей воды. „Били намъ чоломъ войтъ и бурмистры и радцы и вси мѣщане места нашего Виленского, писалъ въ 1535 году Сигизмундъ I, оповедаючи намъ великій недостатокъ воды в томъ месте нашомъ яко ку потребе ихъ посполитой, такъ и въ час наглое пригоды и угашеню огня на тое место наше Виленское, для того, ижъ есмо мнихомъ закону светого Доми-

---

[1]) Dubinski—Zbior praw... 29.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 175—177, 259. Dubinski —Zbiór praw—57, 59.

[3]) Dubinski—56.

[4]) Ibid. 58.

ника воду Вингеръ з выроку нашого привлащили, которая вода вольнымъ токомъ черезъ место хаживала. А про таковый недостатокъ воды тое место и замокъ нашъ отъ огню былъ згорелъ, ижъ старымъ токомъ тая вода Вингери не шла“ [1]); Какъ видно изъ документа, городъ еще въ первой половинѣ XVI в. исключительно пользовался водою изъ источниковъ Вингера за Трокскою брамою. Дѣло было хорошо, пока Доминиканы не присвоили себѣ исключительнаго права пользоваться Вингеромъ. Съ этихъ поръ городъ сталъ чувствовать большой недостатокъ воды не только при обыкновенномъ ея употребленіи, но еще болѣе при общественныхъ бѣдствіяхъ, при пожарахъ. Доминиканы стояли на своемъ и водѣ не давали свободнаго хода въ городъ Тогда граждане, заявляя о своемъ тяжеломъ, безвыходномъ положеніи, обратили вниманіе великаго князя на другой ключъ — Жупранскій вингеръ, который лежалъ за Субачевой улицею, на землѣ великокняжеской, по дорогѣ въ „Горы“ (на нынѣшнихъ Поплавахъ). Виленцы просили князя разрѣшить имъ провести оттуда въ городъ воду черезъ ихъ собственные, городскіе луга. Великій князь охотно согласился на просьбу подданныхъ, лично осматривалъ Жупранскій вингеръ и убѣдившись на мѣстѣ, что онъ принадлежитъ ему, государю, далъ и даровалъ „ту воду всимъ мещаномъ места Виленского у праве майтборскомъ мешкаючимъ тое воды добровольне на вечность поживать и до места ее вести... черезъ сеножати ихъ местьскіе, черезъ перекопы и муры тежъ местьскіе, и домы и огороды, которыи з давна к месту залежали або на тотъ часъ прислухають“... [2]).

Въ 1621 году представители Виленскаго магистрата „панове райцы и шафари, дозорцы добръ меских, обтежливе жаловали на врадника и на подданыхъ, принадлежащихъ до фольварку его милости пана Стравинского, лежачого надъ рекою Вильнею, называемаго Туры, о томъ, ижъ дей они ночнымъ способомъ взяли дерева бервенъ тринадцать, которое было звезено до Винкгру Жупранского (такъ назывался онъ по имени Жупранъ, мѣстечка за Ошмянами, и теперь существующаго, къ которому вела дорога черезъ имѣніе „Горы“), на руры годного, должини по три сажени, на затамованіе Винкгру, абы воды могло быть въ месте яко найболей, для вшелякихъ припадковъ“... [3]).

Въ 1536 доду и Доминиканы, наконецъ, отказались въ пользу города отъ своей обидной для жителей монополіи на Вингеръ. Они продали магистрату

---

[1]) Сибраніе др. гр. Вильны ч. I, стр. 36.
[2]) Ibidem 37.
[3]) Акты Вилен. Ком. Т. XX 293—294.

свое право за сто шестьдесятъ грошей литовскихъ и десять фунтовъ (talentorum перцу. Въ переуступочной записи, подтвержденной Сигизмундомъ Старымъ, Доминиканы оставляютъ за собою право пользоваться для монастыря особою водопроводною трубою и обязываютъ городъ не препятствовать на будущее время проводить такія же трубы въ домъ Іоанна Гозія, на Нѣмецкой улицѣ. Въ своей записи, они прибавляютъ, что до сего времени они никому не продавали принадлежащаго имъ источника и что даже епископъ не имѣетъ на него никакого права. Только великій князь, который даровалъ имъ Вингеръ, въ силу своей верховной власти можетъ пользоваться Вингеромъ и по своему усмотрѣнію проводить воду въ замокъ для необходимаго употребленія [1]).

Неизвѣстно, аккуратно ли городъ выполнялъ обязательства относительно Доминиканъ. Только въ 1620 году встрѣчаемся въ актахъ съ жалобою послѣднихъ на Виленскій магистратъ, что „войтъ, бурмистры и райцы воду до места Виленского звычайнымъ способомъ рурами проводютъ и ку пожиткови своему ратушному, запродаючи тую воду въ розные домы людские, то есть у месте Виленскомъ, впроважаютъ и ихъ милости отцомъ законникомъ достатнее воды въ кляшторъ ихъ не даютъ, только барзо о мале тесный цукгъ, с которого цукгу воды достатотнее на потребы свои кляшторные мети не могутъ“ [2]).

Дѣйствительно, городъ пользовался предоставленными ему правами проводить воду вездѣ, по своему усмотрѣнію. Частные обыватели за пользованіе водою въ своихъ домахъ уплачивали ежегодно по восьми грошей на расходы по содержанію водопроводныхъ трубъ [3]). Воды вездѣ было довольно и, быть можетъ этимъ обстоятельствомъ равно какъ и внимательнымъ досмотромъ можно объяснить то, что съ 1542 года до конца XVI столѣтія не было въ Вильнѣ ни одного значительнаго пожара. Сигизмундъ-Августъ заказалъ въ Краковѣ сто пожарныхъ насосовъ и подарилъ ихъ городу [4]).

Отмѣтимъ еще нѣсколько великокняжескихъ распоряженій того времени, которыя имѣли для Вильны въ высшей степени благодѣтельное значеніе. По срединѣ рынка находились мясные ряды; но они содержались грязно, происходило постоянное гніеніе нечистотъ, отъ чего въ сосѣднихъ домахъ чувствовалась вонь, приходилось дышать зараженнымъ воздухомъ. „Для такого смроду и нечистоты, гово-

---

[1]) Собраніе древ. грамотъ Вильны.... ч. I, стр. 38—42.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 265.
[3]) Собраніе др в. грамотъ гор. Вильны—ч. I, стр. 57. Dubinski—58.
[4]) Kraszewski—Wilno—T. I, str. 237.

ритъ Сигизмундъ I въ своей грамотѣ Виленскимъ мѣщанамъ, дозволили имъ тые ятки перенести и поставити на иномъ мѣстцу, то есть, идучи отъ ратуши в Немецкую улицу по правой руце, у в улочце порожной, где бывалъ рынокъ, штожъ почеипщи отъ домовъ Пашка Лоба с одное стороны, а з другое стороны до муру рукавичниковского, до другого конца улицы яко ся она в собе маетъ, гдежъ деи они в той улочце для тыхъ ятокъ домовъ и огородовъ местскихъ прикупили" [1]). Доходъ за право торговли въ мясныхъ рядахъ шелъ въ пользу города; все ихъ устройство и распорядки зависѣли исключительно отъ магистрата. „Къ тому рада маетъ пильновати въ томъ, абы резники быдла нездороваго на мясо не били, ани продавали; а который бы смѣлъ инакъ чинити, таковый маетъ быти каранъ виною водлугъ права". Главный центръ мясныхъ рядовъ съ той поры (1536 г.) до настоящаго времени находится въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Квартирная повинность, по которой городъ обязанъ былъ давать помѣщеніе пріѣзжимъ иностраннымъ посламъ и ихъ свитѣ, а также свитѣ великаго князя, различнымъ чиновникамъ и сеймовымъ чинамъ, собиравшимся по временамъ въ Вильнѣ для засѣданія въ Трибуналѣ, являлась нерѣдко очень отяготительною. Вслѣдствіе неизбѣжныхъ при этомъ злоупотребленій, дома однихъ обывателей забирались подъ постой цѣликомъ, такъ что даже сами хозяева должны были уходить прочь, въ домахъ другихъ покой хозяевъ никогда не нарушался присутствіемъ постороннихъ нежеланныхъ гостей. Возникавшія отсюда жалобы нерѣдко достигали великихъ князей. Чтобы хотя сколько нибудь установить въ этомъ отношении порядокъ и уничтожить злоупотребленія, Сигизмундъ I приказалъ на будущее время вѣдать квартирную повинность Виленскому бурмистру. Ему Виленскій воевода и придворный маршалъ, которые сами или черезъ своихъ слугъ распоряжались до сихъ поръ назначеніемъ квартиръ, должны были теперь давать знать, кому и когда потребуется помѣщеніе. Уже бурмистръ, послѣ личнаго осмотра, назначалъ извѣстную квартиру, и, помимо его распоряженія, никто не въ правѣ былъ требовать для себя помѣщенія и, тѣмъ болѣе, становиться въ чужомъ домѣ [2]).

Но изъ дальнѣйшаго видно, что это распоряженіе оставалось мертвою буквою; злоупотребленія по назначенію квартиръ для помѣщенія различныхъ пріѣзжихъ въ Вильну гостей принимали очень широкіе ризмѣры. Въ 1568 году Сигиз-

---

[1]) Собраніе древн. грамотъ гор. Вильны, ч. I, стр. 50.
[2]) Dubinski—Zbior praw... 59.

мундъ-Августъ въ особой привиллегіи Виленскимъ мѣщанамъ заявляетъ, что „имъ великіе крывды и утиски, около приманя гостей, роздаваня и записованья господъ (госпо́да—помѣщеніе, квартира) черезъ становничихъ нашихъ надворныхъ и маршалковскихъ деютъ, а то въ томъ, ижъ имъ лепшые святлицы, гмахи и склепы записываютъ и забираютъ, а господара зъ жоною и дѣтьми зъ нихъ выгоняютъ, и пожитокъ ихъ и живность имъ одымаютъ, и наконецъ, хотя которы не маетъ, где бы ся зъ жоною и детьми подети мелъ, тогды предъ ся у него гость у одной свелицы и у одномъ гмаху, которы ся одными дверьми замыкаютъ, становятъ, а то не для такъ пильное потребы гостю оному стоять, якъ для вырывку становничого, гдежъ, исли они господары у становничого не одкупятся, великую трудность и небезпеченство зъ детьми своими маютъ, а то не только при бытности нашое господарское у месте нашомъ Виленскомъ чинятъ, але и окромъ бытности нашое господарское; такъ тожъ у некоторыхъ мещанъ, некоторые уже по колько надцати лѣтъ въ домехъ ихъ якъ у своихъ живутъ, што всіо ни одъ куль инуль приходитъ, и иные крывды таковые и долеглости терпѣти мусятъ, одно для непорадного черезъ становничыхъ господъ записованья и роздаваня, бо оными господами водлугъ своей воли, а не водлугъ потребы гостей шафуютъ и непотребне убогихъ людей утискаютъ, надъ права и вольности ихъ“ [1]). Сигизмундъ-Августъ усматривалъ въ такихъ злоупотребленіяхъ еще и другое зло. Виленскіе обыватели, видя постоянно страшныя притѣсненія себя по квартирной повинности, стали опасаться даже строиться въ городѣ, чтобы только избѣжать непріятностей и не нести убытковъ. Все это съ большимъ вредомъ отзывалось на благосостояніи Вильны и ея обывателей.

Для противодѣйствія злу, Сигизмундъ-Августъ принялъ рѣшительныя мѣры. Отъ распредѣленія на будущее время квартиръ прежде всего устранялись особые чиновники—становничіе надворные и маршалковскіе, и исключительное завѣдываніе ими снова поручалось городскому уряду; онъ лучше всякаго чиновника могъ знать количество и качество квартиръ и назначать ихъ соотвѣтственно званію и положенію гостя. Никакія другія распоряженія внѣ городскаго уряда не могли имѣть силы и домовладѣлецъ имѣлъ право домъ свой запереть и посторонняго гостя не пустить туда, если на это не было надлежащаго распоряженія. Нельзя было отводить чужому человѣку квартиру въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ живетъ хозяинъ, если только въ домѣ были однѣ двери и онъ запирался однимъ зам-

[1]) Dubinski. . . 115, 116.

комъ. Слѣдовало поощрять хозяевъ, чтобы для гостей они строили новыя, приличныя помѣщенія. Бывали нерѣдкіе примѣры, что гость, совершенно уѣзжая изъ города, самовольно оставлялъ за собою занимаемую квартиру и даже запиралъ ее на замокъ. Этого не слѣдовало допускать на будущее время и „ураду мескому вольно будетъ замки отбити, и господу высвободити и тые гмахи господарю вольные учинити и подати... А господы тежъ никому иншому, кромъ правыхъ а правдивыхъ дворянъ, а слугъ нашихъ, а ихъ милости пановъ радъ и урадниковъ нашихъ, а пословъ, яко цудземцовъ, такъ тежъ и нашихъ, у справахъ речипосполитой до насъ господара пріѣзджаючихъ, даваны, ани записованы не маютъ быти, а то только при бытности нашое господарское особою нашею господарскою, въ месте нашемъ Виленскомъ". И перечисленныя лица съ правомъ на квартирное довольствіе, если только имѣли въ городѣ или на его предмѣстьяхъ свои дома, должны были располагаться въ нихъ, не требуя отдъ города особаго для себя помѣщенія [1]).

Въ 1536 году состоялось распоряженіе относительно пользованія „клетками" т. е. малыми каменными лавченками при ратушномъ зданіи и предъклетьями. Тѣ мѣщане, которые отъ дѣдовъ и прадѣдовъ по наслѣдству имѣли въ ратушѣ свои „клетки и предклетья", которые ихъ построили и на владѣніе ими получили великокняжескую грамоту, и на будущее время оставались при своей собственности. Если сами владѣльцы жили въ „клеткахъ" и вели торговлю, то платежная ихъ повинность равнялась соотвѣтственно общему денежному обложенію квартиръ. Арендаторы „клетокъ и предклетій" ежегодно уплачивали въ пользу ратуша пятнадцать грошей [2]).

При ратушѣ былъ устроенъ на городскія средства и особый скорняжій домъ: доходъ съ него шелъ въ пользу города. Въ этомъ только домѣ, „не где индей, могутъ быть продаваны вси товары косматые (главнымъ образомъ мѣха), яко могутъ быти менованые, абы таковые товары не были фольгованые" [3]). Нужно думать, что этотъ именно домъ имѣлъ въ виду Виллихій, когда въ своемъ описаніи Вильны половины XVI вѣка говоритъ, что въ Вильнѣ онъ видѣлъ посрединѣ рынка величественный домъ, въ которомъ ежедневно, за исключеніемъ воскреснаго дня, производилась блестящая торговля мѣхами, и который исключительно приспособленъ для такой торговли [4]). Напрасно, такимъ образомъ, „Wizerunki" выражаютъ недо-

---

[1]) Dubinski—116. 117.

[2]) Съ 1528 по 1545 г. грошъ литовскій равнялся семи коп. и 22 сотымъ коп... Словарь древняго актоваго языка—Горбачевскій—146.

[3]) Dubinski—55.

[4]) Wizerunki—T. 24, str. 74.

вѣріе къ замѣчанію Виллихія, прибавляя, что русскій гостинный домъ, въ которомъ продавались мѣха, находится совершенно въ удаленіи отъ ратуша и тѣмъ болѣе построенъ не исключительно для торговли мѣхами [1]). Относительно гостиннаго русскаго дома это замѣчаніе вѣрно; но Виллихій имѣлъ въ виду „кушнерскій" (скорняжій) домъ, который дѣйствительно находился среди рынка и построенъ городомъ со всѣми приспособленіями для торговли мѣхами въ одно почти время съ русскимъ гостиннымъ дворомъ [2]). Тутъ же по сосѣдству съ скорняжнымъ домомъ установилась тогда главная продажа „шапокъ" и уже въ 1598 году записана въ акты жалоба Дороты Тваровщанки за нанесеніе ей оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ, при чемъ мѣсто совершенія преступленія указывается около ратуша, „гдѣ шапки продаютъ" [3]). До сихъ поръ исключительно у ратушной площади всегда толпится нѣсколько доморощенныхъ шапочниковъ торговцевъ, предлагающихъ свой товаръ покупателямъ.

При „клеткахъ" магистрату разрѣшалось устроить лавки для сапожниковъ, горшечниковъ, продавцевъ соли, кожевниковъ, шорниковъ и другихъ ремесленниковъ, чтобы съ увеличеніемъ дохода можно было заняться дальнѣйшимъ устройствомъ и расширеніемъ города. „За тымъ што есть у привили местскомъ пострыганья суконъ и шинкованя вина, горелки в месте Виленскомъ, ино нигде индей, одно къ ратуши то маетъ прислухати [4]). Это подтвержденіе Сигизмундомъ I привиллегіи для Вильны Александра еще подробнѣе разъяснено въ 1552 году Сигизмундомъ-Августомъ [5]). Различныя вина и водки, мѣстныхъ издѣлій и привозныя, нашли въ Вильнѣ слишкомъ большое потребленіе. Явились значительные водочные заводы, а получаемый большой барышъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ вызвалъ просто массовое стремленіе гнать водку даже на дому. Одно зло вызвало другое. На спиртъ перегоняли лучшій сортъ хлѣба; на посѣвъ шло худшее зерно; за лучшее винные заводчики давали хорошую плату и его сбывали на заводы.

---

[1]) Wizerunki—T. 24, str. 73, 92, пр. 2.

[2]) Dubinski—56—Ср. 55.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 139.

[4]) Dubinski—56, Собраніе грамотъ г. Вильны. Ч. I, 55.

[5]) Въ привиллегіи Александра городу 1492 г. сказано: damus... praenominatae nostrae civitati... depositionem seu propinationem cerevisiae, medonis aut vini... Въ другомъ мѣстѣ: damus eidem et concedimus habere publicum celarium civitatis et depositionem ac propinationem Malmatui (мальвазія) et omnis vini, cujuscunque generis Patriae seu regionis existat et quocunque nominis appelletur, etiam vinum sublimatum. Dubinski—12, 13. „Vinum sublimatum", иначе горелка „vinum adustum, vinum crematum" и „aqua vitae" въ привиллегіи Сигизмунда-Августа.—Ibidem 101, 102.

Обсѣмененіе плохими сѣменами стало давать очень плохіе урожаи и въ 1552 г. въ Вильнѣ появился голодъ. Это обстоятельство и вызвало привиллей Сигизмунда-Августа Виленскому магистрату 1552 года. Наблюдается, говоритъ великій князь, что въ нашемъ столичномъ городѣ ежегодно масса хлѣба перегоняется на напитокъ, извѣстный подъ именемъ водки—горѣлки; отъ этого хлѣбъ, предназначенный Господомъ Богомъ и природою для поддержанія жизни людей и по злоупотребленію обращенный въ вредное питье, становится все дороже и болѣе труднымъ для пріобрѣтенія. Желая всѣми мѣрами противодѣйствовать злу, великій князь приказываетъ Виленскому войту и бурмистрамъ избрать какого нибудь способнаго, проницательнаго, старательнаго и надежнаго мужа и ему одному во всемъ городѣ поручить гнать водку и при томъ не изъ хлѣба, а изъ фузу и отстоевъ винныхъ, пивныхъ и медовыхъ. Онъ одинъ только долженъ имѣть также право выписывать на будущее время откуда бы то ни было въ городъ различныя иногородныя и иностранныя вина и водки и продавать ихъ. Другимъ содержателямъ питейныхъ заведеній положительно запрещается и гнать водку въ городѣ, и привозить ее сюда изъ другихъ мѣстъ. Для своихъ торговыхъ операцій они гарнцами и квартами покупаютъ водку исключительно у главнаго откупщика и продаютъ ее [1]).

Для увеличенія доходовъ разрѣшалось городу имѣть свои особыя бани [2]). Крашевскій замѣчаетъ [3]), что литовцамъ всегда нравились бани, что Ягайло и Витовтъ любили часто въ нихъ мыться (въ замкѣ была своя баня) и что въ Вильнѣ было много общественныхъ бань [4]).

Вмѣстѣ съ дарованными городу привиллегіями, на него возлагалось и много обязанностей. Мѣщане должны были, гдѣ то окажется необходимымъ, устроять валы и перекопы и чинить ихъ. Необходимо было содержать сторожей при арсеналѣ. „Къ тому рада и посполство маютъ пильни быти, абы водлугъ можности з посполитого скарбу ку обороне меской кождого году справованы были пушки, гаковницы и ручницы и штокольвекъ ку обороне на противко непрыятеля прислужить мети, кождый мещанинъ особливе свою зброю, и ручницу, и рогатину, ведра, секеры, и што до огня прислухаетъ, маетъ мети; а того врадъ каждого року маетъ досмотрети". Если бы случился пожаръ, то каждый мѣщанинъ обя-

---

[1]) Dubinski—101, 102. Ср. Wizerunki—T. 22, str. 26—29.
[2]) Dubinski—59.
[3]) Wilno—T. I, str. 227.
[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 70, 282, 302, 534...

зывался содѣйствовать его прекращенію, а лѣнивыхъ слѣдовало принуждать. Магистрату вмѣнялось въ обязанность въ случаѣ мороваго повѣтрія заботиться, чтобы люди не умирали безъ духовныхъ завѣщаній. Требовалось, чтобы въ городѣ на общественныя средства были заготовлены достаточные запасы хлѣба; изъ такихъ запасовъ въ случаѣ голода, дороговизны, нашествія непріятеля недостаточные мѣщане могли получать содержаніе. Правильность, аккуратность и точность вѣсовъ и мѣръ въ торговыхъ мѣстахъ и заведеніяхъ подлежала наблюденію магистрата; въ корчмахъ для продажи меду и пива требовалось установить бочки одинаковой мѣры, вмѣстимости. Поставлялось въ обязанность и „пекаровъ смотрети, и всякихъ речи, которыя продають на меру и вагу, абы ся кожда рѣчь справовала справедливе, безъ каждой омылки, а каждого мѣсяца маетъ того рада оглядати водлугъ права... Маетъ тежъ рада опатрна и пильна быти, абы жаденъ *перекупникъ* не смелъ купити речи стравныхъ (жизненныхъ припасовъ) передъ годиною на то уставленою [1]).

Перекупщичество обращало на себя большое вниманіе тогдашняго правительства. Съ увеличеніемъ населенія города, съ пребываніемъ въ Вильнѣ великокняжескаго двора, съ частыми пріѣздами сюда иностранныхъ гостей и различныхъ служилыхъ людей, содержаніе ихъ по временамъ представлялось затруднительнымъ. Если же и являлись въ продажѣ требуемые припасы, то цѣны на нихъ для обыковенныхъ смертныхъ становились неимовѣрно высоки, даже недоступны, особенно въ томъ случаѣ, когда приходилось покупать изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Въ 1547 году Сигизмундъ-Августъ въ особомъ универсалѣ заявляетъ, что въ бытность его въ Вильнѣ на сеймѣ онъ получилъ очень много просьбъ и жалобъ, какъ отъ ближайшихъ королевскихъ совѣтниковъ, такъ и отъ многихъ подданыхъ — шляхтичей, что они, состоя при немъ для государственныхъ и земскихъ дѣлъ, или же пріѣзжая къ великому князю по собственнымъ нуждамъ, „въ томъ месте Виленскомъ великую трудность и дорогость примаютъ въ покупованію для себе живности своихъ и за тымъ ку великимъ накладамъ и утратамъ своимъ приходятъ“; причина этого указывалась въ недосмотрѣ за торговцами и въ нерадѣніи магистрата. Когда Сигизмундъ-Августъ приказалъ представителямъ города явиться къ нему и поставилъ имъ на видъ ихъ недосмотръ, такъ вредно отзывающійся на благосостояніи города, ихъ „недозрѣніе“, они рѣшительно заявили, „што тая дорогость въ месте не ихъ недозрѣніемъ деетъ,

---

[1]) Dubinski—58.

бо то имъ самымъ въ живности ихъ посполитой тожъ пожитку не чинить, *нижели деется то перекупнями*, которыхъ въ томъ месте Виленскомъ рожныхъ пановъ, духовныхъ и свецкихъ подданыхъ, которые всякіе живности въ местахъ и на дорогахъ заежджаючи перекупляютъ и потомъ то водле воли ихъ дорого продаютъ, ижъ и ураду и праву мескому не суть послушни и о заруки ихъ врадовые ничого не дбаютъ“ [1]). Тогда Сигизмундъ-Августъ, по надлежащемъ обсужденіи дѣла съ сторонами заинтересованными, постановилъ, чтобы на будущее время всѣ, занимающіеся перекупщичествомъ, будь это подданные великаго князя, замка, митрополита (православнаго), епископа (латинскаго), виленскаго воеводы, того или другаго монастыря и другіе, подлежали суду исключительно магистрата и немоглибы пользоваться заступничествомъ или покровительстоомъ своихъ патроновъ; а городъ ни въ какомъ случаѣ не позволялъ бы никому перекупать жизненные припасы. Если же и послѣ такого напоминанія перекупщики продолжали-бы свой убыточный для другихъ промыселъ, городъ имѣлъ право ловить ихъ, и, если пойманные были чьими нибудь подданными, то безъ всякаго сношенія съ подлежащими господами, сажать въ городскую тюрьму. Перекупленный товаръ забирали и обращали въ пользу госпиталей и неимущаго люда [2]).

Но зло, видимо, пустило глубокіе корни и было очень выгодно не однимъ только перекупщикамъ, а и господамъ ихъ. Замѣчательно, что даже такія лица, какъ Виленскій епископъ Павелъ Ольшанскій, поддерживали перекупщичество и покровительствовали тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые имъ занимались. „А твоя милость, писалъ въ 1549 году Сигизмундъ-Августъ Павлу, епископу Виленскому, ихъ боронить велишь, и тыхъ перекупніовъ подданныхъ своихъ гамовать и забирать не допускаешь, и за то оному постановеню нашему господарскому (што есьмо постановили зъ Вашею милостью рады нашими) не деется задость, а они (войтъ, бурмистры и райцы Виленскіе) тожъ тыхъ перекупніовъ забирать не могутъ...“ [3]) Запрещенія противъ перекупщиковъ повторялись и потомъ—при Стефанѣ Баторіи [4]) и Сигизмундѣ III [5]).

Одновременно Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ распоряженіе (въ 1547 г.), чтобы нанимающіеся на поденныя работы въ городѣ собирались для найма въ извѣстное время и

---

[1]) Dubinski—83.
[2]) Ibid. 84.
[3]) Ibid. 89.
[4]) Ibid. 141.
[5]) Ibid. 83.

въ одно опредѣленное мѣсто около ратуша. До этого времени прибывающіе въ Вильну рабочіе селились на различныхъ частныхъ квартирахъ и здѣсь выжидали работы. Невыгода такого порядка была двояка: предложеніе и спросъ оставались взаимно неизвѣстными. Рабочіе не могли узнать, кто въ нихъ нуждается; нуждающіеся въ работникахъ не всегда могли знать, гдѣ найти ихъ. Въ поискахъ уходило напрасно много времени и все это возвышало только цѣну. Поэтому Сигизмундъ-Августъ приказываетъ бурмистрамъ и радцамъ, „абы они з ураду своего меского того дозрѣли, и таковымъ людямъ, которые для наймованя работъ тутъ въ месте мешкаютъ, то на рынку выволать и розказать велели, абы они вси на одно место, што по Краковску прозываетея микштадъ, на кожды день поране, якъ будетъ година на день, подъ ратушъ ся сходили, а такъ на томъ местцу подъ ратушомъ, кожды таковы, кому бы ихъ ку работе потреба была, водле потребы своей маетъ тыхъ работниковъ собе наймовать и то имъ за работу ихъ плотити, яко они зъ собою умовятъ“ [1]). Кто вопреки магистратскаго распоряженія продолжалъ наниматься на работы гдѣ нибудь въ частной квартирѣ, оставался тамъ въ ожиданіи найма и не выходилъ въ назначенное время и въ указанное мѣсто, такого урядъ долженъ былъ преслѣдовать и подвергать наказанію. Нужно думать, что съ той поры установился въ Вильнѣ существующій до сихъ поръ обычай собираться поденщикамъ около ратуша на площадкѣ, гдѣ ежедневно, особенно по утрамъ, можно видѣть не мало разнаго рода рабочихъ.

Съ постояннымъ пребываніемъ въ Вильнѣ съ XVI столѣтія велико-княжескаго двора, съ увеличеніемъ народонаселенія, съ развитіемъ промышленности и торговли, городъ, какъ было замѣчено, началъ значительно застраиваться и расширяться. И на эту сторону обращено было вниманіе великаго литовскаго князя; онъ хотѣлъ, „чтобы место Виленское такъ, якобы пристойно было и принележало, будовалось“. Выше мы обозрѣли Виленскія улицы и переулки; посмотримъ теперь, какіе находились или какіе вновь были воздвигнуты на нихъ дома и вообще зданія.

Съ 1536 года нельзя уже было строиться по старинѣ, какъ кто хочетъ и гдѣ хочетъ; „одъ нынешного часу напотомъ, жаденъ мещанинъ не маетъ рухати, ани будовати домовъ своихъ, але маетъ первей оповедати враду“; требовалось возводить постройки по линіи, *содле шнура,* хотя прежнія зданія и „не ведле

---

[1]) Dubinski—84.

шнура“ могли оставаться на своихъ мѣстахъ [1]). Лучшими улицами по постройкамъ считались Замковая, Большая съ имбарами и рынкомъ до Острыхъ воротъ и Нѣмецкая. Послѣ зданія канцеляріи, которое значится на планѣ Вильны Брауна, подъ цифрою 13-ть [2]) и которое отвѣчаетъ нынѣшнему помѣщенію второй гимназіи, можемъ назвать на Замковой улицѣ дома Константиновскій [3]), Солтановскій [4]) и Рупертовскій [5]). Всѣ они лежали рядомъ, противъ костела св. Іоанна, (гдѣ нынѣ отчасти помѣщеніе чиновниковъ канцеляріи Генералъ-Губернатора) и еще въ XVIII в. сохраняли свои старинныя наименованія [6]).

Константиновскій домъ принадлежалъ извѣстному Константину, князю Острожскому; это былъ его дворецъ; при немъ находился по обычаю того времени большой садъ, огородъ и свободные плацы. Плацы отдавались въ арендное содержаніе, съ правомъ возводить постройки, которыя переходили изъ поколѣнья въ поколѣнье, если только владѣльцу аккуратно вносилась условленная плата. Бывало и такъ, что плацъ съ домомъ продавался арендаторомъ, какъ собственное достояніе [7]). Тогда настоящій владѣлецъ забывался и нарушенныя права приходилось возстановлять судомъ.

Домъ Константиновскій постоянно переходилъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ. Въ 1598 г. его унаслѣдовалъ Христофоръ Радивиллъ [8]) и въ 1609 году записалъ Кальвинскому сбору [9]). Въ 1668 году владѣльцемъ Константиновскаго дома является Дунинъ Раецкій, купившій его у сбора за 6000 злотыхъ [10]). Это тотъ самый Дунинъ Раецкій—Лидскій маршалокъ, на котораго постоянно жаловался уніатскій митрополитъ Гавріилъ Коленда по дѣлу о разрушеніи имъ Покровской церкви, о захватѣ церковныхъ плацовъ, земель и строеній [11].) Между прочимъ и новопріобрѣтенный домъ свой (Константиновскій) онъ, по заявленію митрополита, ремонтировалъ и реставрировалъ кирпичемъ, который бралъ изъ

[1]) Dubinski—58.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 311, 511, 536.
[4]) Ibid. 308, 451.
[5]) Ibid. 339, 515, 522.
[6]) Ibid. 536—538.
[7]) Акты Вил. Ком. т. XX, 450—460 и др.
[8]) Ibid. 160.
[9]) Ibid. 212, 536.
[10]) Ibid. 537. Съ 1650 г. по 1676-й злотый равнялся 45 1/8 коп. Горбачевскій—Словарь др. акт. языка—133.
[11]) Акты Вил. Ком. т. XX, 433, 434, 435, 436—440.

разобранной, по его приказанію, ограды Покровской церкви и другихъ каменныхъ церковныхъ строеній [1]). Вновь отдѣланный домъ Дунинъ Раецкій продалъ черезъ десять лѣтъ (въ 1678 г.) Андрею Плятеру, старостѣ Инфлянтскому и Динабургскому за двѣнадцать тысячъ злотыхъ [2]). Черезъ пять лѣтъ Плятеры продали свой домъ іезуитамъ [3]). Со времени перехода Константиновскаго дома въ обладаніе сначала Радивилла и Плятера, а потомъ іезуитовъ, самый домъ сталъ называться то Плятеровскимъ, то по старинѣ Константиновскимъ—Радивилловскимъ, то провинціальскимъ, такъ какъ въ XVIII в. здѣсь жилъ провинціалъ іезуитскаго ордена [4]). Принадлежавшіе Константиновскому дому плацы, простиравшіеся сзади дома до Бернардинской улицы и захватывавшіе часть нынѣшнихъ владѣній конвикта, тоже переходили изъ рукъ въ руки. Въ 1584 году Иванъ Денисовичъ, поселившійся здѣсь съ согласія князя Острожскаго и построившій домъ, продаетъ его типографу Даніилу Ленчицкому [5]). Черезъ девять лѣтъ, вмѣсто Ленчицкаго владѣльцемъ дома мы видимъ сначала нѣкоего Янковскаго, потомъ Лисовскаго, а съ 1597 года Захарію Амуратовича. Этотъ послѣдній въ 1599 году снова переуступаетъ свой домъ типографу Ивану Карчану [6]), отъ котораго въ 1601 году домъ переходитъ къ Андрею Бѣликовичу [7]). Такъ какъ всѣ плацы бывшіе Константиновскіе и Горностаевскіе (гдѣ помѣщеніе конвикта) принадлежали въ это время Радивилламъ, то Бѣликовичъ, съ ихъ согласія, занялъ для собственныхъ построекъ гораздо болѣе пространства, нежели какъ было это при его предшественникахъ [8]), при чемъ не стѣснялся прирѣзывать себѣ и пограничную землю церкви Покровской и даже строиться на ней [9]). Когда эти плацы съ строеніями на нихъ перешли на нѣкоторое время въ завѣдываніе кальвинскаго сбора и его повѣренныхъ (съ 1621 г. по 1675), то пограничная черта владѣній сбора и юрисдики митрополита еще болѣе оказалась нарушенною и вслѣдствіе этого, какъ мы увидимъ, возникали продолжительные и громкіе процессы [10]).

---

1) Акты Вил. Ком. т. XX. 435.
2) Злотый равнялся въ это время 22½ коп.
3) Акты Вил. Ком. т. XX, 464, 537.
4) Ibid. 311, 492, 511, 536.
5) Акты Вил. Ком. т. XX. 47, 537.
6) Ibid. 123, 159, 160.
7) Ibid. 164.
8) Ibid. 537.
9) Акты Вил. Ком. т. XX, 520, ср. 530.
10) Ibid. 521, 551—556.

Солтановскій домъ граничилъ съ правой стороны съ Константиновскимъ. Въ началѣ XVI столѣтія онъ принадлежалъ земенину Брестскаго воеводства Ярославу Ивановичу Солтану [1]), родственнику бывшаго западно-русскаго митрополита Іосифа Солтана, при которомъ происходилъ въ 1509 г. извѣстный Виленскій соборъ. Отъ Ярослава Солтана домъ былъ пріобрѣтенъ Мартиномъ Ганцевичемъ, принявшимъ протестантство. Когда Ганцевичъ умеръ, не оставивъ послѣ себя потомства, возный явился въ его домъ (въ 1589 г.) и „поведилъ, ижъ дей тотъ домъ, по смерти Мартина Ганцевича, яко по томъ, который безъ потомства умеръ, на его королевскую милость кадукомъ спалъ, а его дей милость панъ подскарбій зъ належности враду своего, постерегаючи добръ и пожитковъ скарбу короля его милости, писати и росказати мне рачилъ, абыхъ я тотъ домъ. . .на его королевскую милость взялъ и въ него се увезалъ". [2]). Тогда старшины евангелическаго сбора заявили, что Ганцевичъ умирая оставилъ завѣщаніе, которымъ какъ самый домъ, такъ и все движимое имущество „далъ, даровалъ и на вѣчность записалъ на сборъ Саскій Виленскій", что на этомъ основаніи старшины давно уже введены во владѣніе этимъ домомъ, законно владѣютъ имъ и „никому дей поступовати не повинни и не поступаютъ". Напрасно доказывала жена покойнаго Ганцевича и его родственники, что завѣщаніе незаконно, сомнительнаго происхожденія и потому не должно имѣть силы, что ей и ея брату долженъ принадлежать и домъ, и движимое имущество [3]). Для суда ея доводы были не убѣдительны и въ 1592 году состоялось по этому дѣлу рѣшеніе трибунала, признавшее сборъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Ганцевича [4]). Сборъ завладѣлъ Солтановскимъ домомъ, хотя послѣдній, какъ оказалось потомъ, построенъ былъ на церковной землѣ и долженъ былъ подчиниться юрисдикѣ митрополита [5]). Въ 1740 г. старшины лютеранскаго костела обмѣняли съ іезуитами Солтановскій домъ на другой, на Нѣмецкой улицѣ, получивъ отъ нихъ доплату за него десять тысячъ злотыхъ [6]). Кромѣ Солтановскаго дома былъ еще въ Вильнѣ на предмѣстьѣ Солтановскій дворецъ съ имѣніемъ, прозываемый Шешкинъ. Онъ находился за Снипишками и граничилъ съ ними [7]). Остатки его сохранились подъ именемъ Солта-

---

[1]) Акты Вил. Ком. 62.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 60.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, 61 –69.
[4]) Ibid. 79—81.
[5]) Ibid. 308, 451.
[6]) Ibid. 531.
[7]) Акты Вил. Ком. XX, 92.

нишекъ; въ настоящее время они принадлежатъ наслѣдникамъ покойнаго протоіерея Виктора Гомолицкаго.

Съ лѣвой стороны къ Константиновскому дому примыкалъ Рупертовскій-Вингольдовскій. Въ 1561 году Сигизмундъ Августъ во вниманіе къ глубокой преданности и многихъ заслугъ къ его особѣ придворнаго доктора Руперта Финка подарилъ ему на Замковой улицѣ указанный домъ и кромѣ того садъ и плацъ съ различными строеніями, внѣ города, за великокняжескими конюшнями (около костела св. Юрія [1]). Этотъ домъ, названный по имени новаго владѣльца Рупертовскимъ, скоро началъ переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія (Абрамовича, Вингольда) сначала въ видѣ залога, а съ 1599 года и въ совершенное владѣніе Виленскаго купца и мѣщанина Вингольда. Сынъ Руперта Самуилъ прямо заявляетъ, что и до сихъ поръ (т. е. до 1599 г.) Вингольдъ фактически владѣлъ домомъ, такъ какъ у него взято было подъ залогъ дома двѣ тысячи копъ литовскихъ грошей, что онъ не только не можетъ произвести означенной уплаты, но нуждается еще въ большемъ количествѣ денегъ [2]). Въ 1612 году старшины сбора разрѣшили Вингольду пользоваться за извѣстную плату частью принадлежавшей имъ земли, лежавшей сзади его дома по Бернардинской улицѣ [3]). Когда около 1648 года сынъ Вингольда Яковъ умеръ, не оставивъ потомства, домъ Рупертовскій—Вингольдовскій jure caduco былъ отданъ королемъ Владиславомъ IV подкоморію Рыльскому [4]). Отъ него въ 1650 году онъ перешелъ во владѣніе Тышкевичовой [5]), а потомъ переданъ Снипишскимъ іезуитамъ [6]). Такимъ образомъ три лучшіе дома въ Вильнѣ на Замковой улицѣ къ половинѣ XVIII вѣка перешли въ собственность іезуитовъ.

Рядомъ съ домомъ Солтановскимъ находился домъ какой то Лойковой [7]), а съ Рупертовскимъ—Вингольдовскимъ граничилъ домъ Зелигмахера золотыхъ дѣлъ мастера [8]), выходившій уже одною своею стороною на Бернардинскую улицу. Были на Замковой улицѣ и другіе еще дома, но большая часть ихъ принадлежала членамъ Виленскаго капитула—каноникамъ и прелатамъ, отъ чего и самую

---

[1]) Акты Вил. Ком. 522, 523.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 155—157.
[3]) Ibid. 228.
[4]) Ibid. 344—348.
[5]) Ibid. 354.
[6]) Ibid. 515—517.
[7]) Акты Вилен. Ком. Т. XX, 62.
[8]) Ibid. 515, 522.

улицу, какъ было указано выше, называли иногда не Замковою, а platea canonicorum, или platea sacris praelatorum domibus illustris [1]).

За костеломъ св. Іоанна начиналась Большая улица и на углу ея во второй половинѣ XVI в. красовался большой каменный домъ, извѣстный въ послѣднее время подъ именемъ кардинали (нынѣшнее помѣщеніе почтово-телеграфнаго вѣдомства). Кардиналію, какъ мы уже говорили, составляютъ два дома: Радивилловскій и Филипповскій. Юрій Радивиллъ, въ бытность его Виленскимъ епископомъ—коадъюторомъ, унаслѣдовалъ изъ рода Гаштольдовъ каменный домъ на Большой улицѣ, при соединеніи ея съ Свято-янскою. Въ это уже время братъ его Николай-Криштофъ сдѣлался обладателемъ сосѣдняго Филипповскаго дома, состоящаго изъ нѣсколькихъ деревянныхъ оштукатуренныхъ построекъ. Прежде этотъ домъ принадлежалъ Виленскому капитулу и въ 1541 году Виленскій воевода Радивиллъ—Черный, отецъ Юрія и Николая, чтобы имѣть болѣе обширное помѣщеніе, арендовалъ его съ платою капитулу по 20 копъ грошей литовскихъ. Аренда сначала была временная, а потомъ переведена на вѣчный чиншъ. Вмѣсто гонта, Радивилъ обязался покрыть домъ черепицею. Обстроивши его, Радивиллъ съ 1552 года перестаетъ вносить за домъ Филипповскій арендную плату, одна часть которой согласно духовному завѣщанію Филипповича должна была итти на костелъ каѳедральный, а другая на костелъ св. Іоанна. Когда капитулъ сталъ требовать у Радивилла возвращенія занятаго дома, онъ обѣщалъ ему записать вмѣсто дома имѣніе Смолы или Смолово, приносящее одинаковый съ домомъ доходъ. Но обѣщаніе оставалось только на словахъ, домъ отъ отца перешелъ къ сыну, а у капитула не было ни дома, ни имѣнія, ни аренды; только въ 1573 году, послѣ долгихъ препирательствъ, Николай Радивиллъ согласился наконецъ уступить капитулу вмѣсто Филипповскаго дома, свой Скоповскій плацъ съ строеніями, фруктовымъ садомъ и огородомъ, лежавщій на правомъ углу Скоповки, если итти къ костелу Маріи Магдалины по Епископской улицѣ (нынѣшней Цывинскаго). За двадцать слишкомъ лѣтъ неплатежа аренды капитулъ могъ взыскать съ Радивилла едва сто пятьдесятъ копъ грошей литовскихъ (вмѣсто слѣдовавшихъ 420 копъ) [2]. Сдѣлавшись кардиналомъ, Юрій Радивиллъ устроилъ въ части своего дома часовню, въ которой совершалось богослуженіе, съ помѣщеніемъ при ней для своей свиты—ксендзовъ. Съ этой поры его помѣщеніе стали называть *Кардиналіей*. Это

---

[1]) Акты Вил. Ком. 460. Ср. Kraszewski—Wilno—T. III. str. 15.

[2]) Balinski—Historya m. Wilna—t. 2, str. 123. примѣч. 68. Wizerunki—t. 23, 37—39 примѣчаніе.

названіе усвоено потомъ всему Радивилловскому дому, образовавшемуся около 1600 года при Альбрехтѣ Радивиллѣ изъ соединенія двухъ: бывшаго Гаштольдовскаго и Филипповскаго [1]). Прежнія постройки Кардина   ліи только въ главныхъ очертаніяхъ сохранились до нашего времени. Послѣднія ея зданія воздвигнуты были во второй половинѣ XVIII вѣка.

Кардиналъ Юрій Радивиллъ записалъ въ 1593 году свой домъ племяннику Яну Альбрехту Радивиллу. Границы дома обозначены такъ: „зъ одной стороны улица Замковая, которая идетъ просто зъ рынку ку замкови, зъ другое стороны улица светого Яна, которая идетъ ку светому Духу (Доминиканамъ); зъ третее стороны каменица небощика (покойнаго) Сымона доктора и дому местского наданого на костелъ светого Яна (это по Ивановской улицѣ); съ четвертое стороны (по Большой улицѣ), каменица потомковъ небощыка Даниела Тардаго“ [2]). Кардиналія до половины текущаго столѣтія находилась въ рукахъ потомковъ Радивилла. Послѣдней обладательницей ея была княгиня Стефанія Витгенштейнъ, урожденная Радивиллъ. въ замужествѣ за княземъ Львомъ Витгенштейномъ, сыномъ извѣстнаго героя 1812-го года. Съ 1850 года кардиналія переходитъ въ почтовое вѣдомство.

При кардиналіи былъ большой садъ и огородъ. Тотъ и другой принадлежали въ 1549 году золотыхъ дѣлъ мастеру Эразму, отъ котораго перешли къ Виленскому бургомистру Фордаю [3]). Съ переходомъ сосѣднихъ домовъ къ Радивилламъ, послѣдніе завладѣли названнымъ садомъ и огородомъ и въ 1613 году Альбрехтъ Станиславъ Радивиллъ съ братомъ своимъ Николаемъ дарятъ это мѣсто ксендзу Евстафію Воловичу, референдарію и писарю Великаго Княжества Литовскаго. А лежалъ этотъ плацъ „въ месте Виленскомъ, въ улицы Еповской (Шварцовомъ переулкѣ), муромъ обмурованый... съ одное стороны отъ улицы Еповское и зъ форткою съ тое улицы до того огороду, зъ другое стороны отъ дому Кгабрыеля Зарубы, слесаря, и далей отъ каменицы Штефълевское, съ третее стороны отъ каменицы Себестьяна Пигулки, съ четвертое стороны отъ дому и пляцу его милости пана Юрья зъ Бурына Килияновского“ [4]). Остатки Радивилловскаго сада и огорода до сихъ поръ видны со стороны Шварцоваго переулка.

---

[1]) Balinski—Historya m. Wilna t. 2, str. 123 примѣч. 68.

[2]) Акты Вилен. Ком. XX, 86.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 7, 10.

[4]) Ibid. 235, 237.

Нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ событіяхъ, свидѣтельницею которыхъ была кардиналія. Есть указаніе, что здѣсь первоначально былъ одинъ изъ главныхъ сборныхъ пунктовъ зарождавшагося въ Вильнѣ въ XVI столѣтіи протестанства [1]); отсюда, въ свою очередь, зарождающійся орденъ іезуитовъ набирался особенной силы и энергіи. По заявленію Балинскаго, кардиналъ Юрій Радивиллъ былъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ прежнихъ своихъ единомышленниковъ протестантовъ [2]), а іезуиты находили въ немъ главную для себя опору. Въ кардиналіи созрѣла у него мысль воспретить протестантамъ провожать по свято-Янской улицѣ покойниковъ для погребенія и пѣть около кардиналіи соотвѣтственные погребальные гимны. Здѣсь же на площадкѣ между кардиналіею и костеломъ св. Іоанна, по приказанію Юрія Радивилла, собраны были изъ различныхъ мѣстъ протестантскія печатныя сочиненія, сложены въ громадный костеръ и публично преданы сожженію. Отсюда исходила санкція секретныхъ распоряженій іезуитскихъ властей, по которымъ ихъ школьные питомцы производили многочисленныя нападенія на неповинныхъ мирныхъ жителей, нападенія, оканчивавшіяся нерѣдко совершеннымъ разграбленіемъ и уничтоженіемъ имущества, домовъ, нанесеніемъ смертельныхъ ранъ, убійствомъ, разрушеніемъ гробницъ, оскверненіемъ святыхъ мѣстъ... и все это оставалось не наказаннымъ, а втайнѣ даже поощрялось [3]). Кардиналія, наконецъ, была свидѣтельницею и такого событія, которое едва не послужило причиною разрушенія лучшей части города. Говоримъ о громкомъ въ свое время, готовившемся въ 1600 г., вооруженномъ нападеніи Крыштофа Радивилла на домъ Ходкевича (нынѣшнее помѣщеніе управленія учебнаго округа). Здѣсь жила княжна Слуцкая Софья Олельковна, опекуномъ которой былъ Юрій Ходкевичъ, староста Жмудскій. Въ 1594 году онъ письменно согласился на помолвку Софіи Олельковны за сына Крыштофа Радивилла Януша, въ

---

[1]) Drugi zbor Ewangelicki wniosł się do pałacu Radziwiłłowskiego, naprzeciw kościoła św. Jana, skąd kościołowi i nabożeństwu iego urągał. Piszą nawet, продолжаетъ Kraszewski, że na wzgardę obrzucawszy ściany domu Bożego błotem, wytłukłszy okno kamieniami, zawaliwszy podwórze śmieciem, postawiono przed nim szubienicę na złodziejów. Wilno, t. 3, str. 110, 112. Киркоръ не соглашается допустить это указаніе Крашевскаго и не находитъ времени, когда оно могло бы случиться. Вполнѣ основательнымъ признаетъ то мнѣніе, когда Зборъ съ Лукишекъ былъ переведенъ непосредственно во дворецъ Радивилла въ Рыбномъ рынкѣ. Объ этомъ сейчасъ будемъ говорить. Kirkor—Przechadzki po Wilnie—88 примѣч.

[2]) Онъ родился и крещенъ въ кальвинизмѣ- Przyałgowski—Żywoty Biskupow Wilenskich—T. II, str. 3.

[3]) Balinski—Dawna Akademja Wileńska, str. 77, 78. Łukaszewicz — Dzieje kościołów Helweckiego wyznania w Litwie—t. I, str. 49. Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 251.

это время еще малолѣтняго. Въ слѣдующемъ году умеръ Юрій Ходкевичъ и братъ его Іеронимъ, каштелянъ Виленскій, подтвердилъ обязательство Юрія. Между тѣмъ Крыштофъ Радивиллъ возбудилъ процессъ съ Ходкевичами по своему имѣнію Копысь, которое у нихъ было заложено. Обиженные этимъ другіе два брата Ходкевича—Иванъ и Александръ добились у Іеронима согласія, что безъ ихъ воли онъ не выдастъ княжны Софіи Олельковны за Януша Радивилла, которому въ то же время объявили, что предположенный бракъ не можетъ состояться по близкому родству между невѣстою и женихомъ. Янушу запретили даже бывать въ домѣ Ходкевича. Радивиллъ возбудилъ противъ Ходкевича судебное преслѣдованіе и Виленскій трибуналъ приговорилъ послѣдняго за неустойку къ уплатѣ Радивиллу ста тысячъ копъ грошей литовскихъ [1]), а въ случаѣ неисполненія приговора—къ баниціи, изгнанію изъ отечества. Трибунальный приговоръ не смущалъ Ходкевича и онъ не обращалъ на него вниманія. Приближался срокъ, назначенный въ 1594 году для заключенія брака. Тогда Радивиллъ порѣшилъ вооруженною силою добиться желаемаго и въ свое время по улицѣ къ дому Ходкевича поставилъ пушки и до 6000 вооруженной пѣхоты и конницы. Ходкевичъ укрѣпилъ свой домъ, вооружилъ болѣе 2000 человѣкъ войска и противъ непріятеля выставилъ 24 пушки. Уже Радивиллъ готовъ былъ напасть на Ходкевича, но посланныя королемъ лица и приближенные Радивилла успѣли, наконецъ, остановить готовящееся кровопролитіе и по новой мировой въ 1600 году, 8-го іюня, Янушъ все таки женился на Софіи Олельковнѣ [2]). Кардиналія съ своими громадными, застроенными дворами занимала очень большое пространство и достигала Рыбнаго рынка. На ея дворахъ, кромѣ многочисленной прислуги, проживало за извѣстную плату не мало и частныхъ лицъ.

Вся противоположная сторона улицы, отъ нынѣшняго Покровскаго переулка вплоть до Спасскихъ воротъ принадлежала митрополитальной юрисдикѣ, занята была, какъ мы видѣли уже, православными храмами, церковными домами, частными строеніями за извѣстную плату, погостами, кладбищами, госпиталями. [3]).

---

[1]) Грошъ литовскій равнялся въ это время $5^{1}/_{2}$ коп. сер. Горбачевскій—146.

[2]) Galerya Nieświeżska—Wilno—1857, Kotłubaja—88, 89. Не знаю, на какомъ основаніи разсказанная нами исторія представлена у Киркора (Przechadzki po Wilnie—46, 47) по своимъ мотивамъ и результатамъ въ другомъ свѣтѣ. Здѣсь, какъ можно было видѣть изъ нашего разсказа, не принимались въ расчетъ вѣроисповѣдные вопросы, предотвращена была и пальба на улицѣ изъ пушекъ, которая, по Киркору, якобы происходила...

[3]) Акты Вил. Ком. XX. 94, 101, 121, 123, 125, 127, 159, 164, 173, 216, 250, 258, 262, 277, 328, 413, 414, 422, 424 и др. См. тамъ же планъ юрисдики митрополитовъ 1672 г.

Нынѣшняя открытая площадка около Пятницкой церкви въ XVI и XVII столѣтіяхъ тоже была застроена различными зданіями. Здѣсь были небольшіе деревянные дома шорника Войтѣха, сапожника Войтѣха Здановича, домъ ксендза Суровскаго, завѣщанный потомъ Виленскому свято-Троицкому монастырю, домъ ксендза Войшнаровича, тоже завѣщанный монастырю, церковный, въ которомъ жили Пятницкіе священники, каменный госпиталь и домъ Дашкевича, небольшой погостъ и подвалы [1]). Между церковною Пятницкою землею и домомъ Ходкевича находился еще около половины XVI в. домъ Жабы [2]). Такъ какъ Жаба постоянно нуждался въ деньгахъ, то его домъ сначала по частямъ закладывался, а потомъ по частямъ продавался и владѣльцами его одинъ за другимъ дѣлались Минскій каштелянъ Глѣбовичъ [3]), потомъ Лоринцъ Веднеръ и его наслѣдники [4]), затѣмъ каштелянъ Полоцкій Вольминскій, маршалокъ Упитскій—Сытинскій [5]) и въ 1632 г. воевода Минскій Стравинскій [6]). При такой частой смѣнѣ владѣльцевъ (кромѣ указанныхъ лицъ закладную на этотъ домъ имѣли и временно владѣли имъ староста Лидскій Николай Фронцкевичъ, и потомъ нѣкая Екатерина Слупская-Курклечинская [7]), границы владѣнія незамѣтно нарушались; постройки безъ надлежащаго досмотра быстро ветшали [8]); часть опустѣвшей земли занята была Ходкевичемъ [9]) и наслѣдники Стравинскаго—Годлевскій и Горскій,—считая себя какъ бы обездоленными, стали предъявлять во второй половинѣ XVIII вѣка искъ къ базиліанамъ Троицкаго монастыря о завладѣніи ими домомъ Вольминского или Сытинскаго (такъ назывался потомъ домъ Жабы) [10]) и присоединеніи его къ Пятницкой церкви, такъ какъ послѣдняя со всѣми плацами съ 1611 года принадлежала базиліанамъ [11]). Изъ представленныхъ въ судъ документовъ выяснилось, что Пятницкая церковь всегда оставалась въ предѣлахъ первоначальныхъ своихъ границъ, что заявленія противниковъ совершенно голословны и не они—базиліане—присвоили себѣ домъ Вольминско-Сытинскій, а, быть можетъ, иной кто нибудь (въ другомъ мѣстѣ тамъ же прямо указывается на Ходкевича).

---

[1]) Акты Вилен. Ком. т. XX 103, 106, 556, 557—564.
[2]) Ibidem 258.
[3]) Ibid. 36, 38.
[4]) Ibid. 57.
[5]) Ibid. 129.
[6]) Ibid. 302, 303, 305.
[7]) Ibid. 305.
[8]) См. Инвентарь дома въ 1625 г. Акты Вил. Ком. т. XX. 283, 285..
[9]) Ibid. 557.
[10]) Ibid. 558—564
[11]) Ibid. 224.

Домъ Ходкевича (нынѣшнее помѣщеніе управленія учебнаго округа) мы уже называли, когда говорили о борьбѣ между Ходкевичами и Радивиллами за обладаніе Софіею Олельковною Слуцкою. Съ 1643 года со стороны Пятницкой церкви Ходкевичъ ограничилъ свои владѣнія и хотѣлъ даже поставить каменную стѣну. Тогда, нужно думать, занята была Ходкевичемъ земля Вольминскаго, такъ какъ свидѣтели этой стороны при разграниченіи не упомянуты [1]). Въ концѣ XVII столѣтія Ходкевичовскій домъ находился въ значительномъ разореніи и на его ремонтъ потребовалось до двадцати тысячъ злотыхъ [2]). До настоящаго времени онъ сохранилъ свое старинное расположеніе, съ громаднымъ дворомъ и съ выходами на двѣ улицы: Большую и Савичъ—теперь Бакшта [3]). Дальше съ юга домъ Ходкевича граничилъ опять съ домомъ Радивилла и его многочисленными пристройками: это бывшія потомъ, такъ называемыя, клиники Виленскаго университета. Теперь между этими домами находятся еще другіе дома; а до начала XIX столѣтія все почти пространство отъ Пятницкой церкви до Николаевской принадлежало исключительно Ходкевичамъ и Радивилламъ. Въ купчей крѣпости 1804 года, по которой опекунъ малолѣтнихъ князей Радивилловъ Александръ Ходкевичъ продалъ принадлежавшій имъ домъ на Большой улицѣ б. Виленскому университету, такъ описываются его границы: съ запада—улица, которая идетъ отъ замка къ ратушу; съ юга--церковь св. Николая (въ записи названа костеломъ) и дома: Мокрецкаго, Вернера, кузнеца Климовича, Романова и Барановскаго; съ востока—улица Савичъ (нынѣшняя Бакшта), идущая отъ Августинскаго монастыря мимо сестеръ милосердія (госпиталь Савичъ); съ сѣвера—домъ ясневельможнаго графа Ходкевича и Фриланда; домъ продавался со всѣми помѣщеніями какъ со стороны улицы Замковой, такъ и Савичъ, съ двухъэтажными службами, подвалами, пивными складами, конюшнями, возовнями, колодцемъ и двумя большими дворами (и теперь ихъ можно видѣть) [4]). Крашевскій и Киркоръ свидѣтельствуютъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія Радивиллы устроили здѣсь часовню, въ которой кальвинисты Чеховичъ и Вендриховскій проповѣдывали и пропагандировали свое ученіе, что въ этой часовнѣ погребенъ былъ Николай Черный Радивиллъ и его супруга [5]), перевезенные потомъ въ Дубинки

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 337.

[2]) Злотый въ это время равнялся $22^{1}/_{2}$ коп.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 485.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX, 572.

[5]) „А погребъ телу моему меть хочу въ томъ же костеле, где и малжонка моя похована в дому моемъ, который есть въ рынку черезъ улицу, противко дому пановъ Остиковъ“... Kirkor—Przechadzki po Wilnie. 89, въ примѣч.

(имѣніе Радивилловъ Виленской губерніи и уѣзда). Остатки яко бы этой часовни можно наблюдать въ помѣщеніи, обращенномъ въ складъ дровъ, на правой сторонѣ при воротахъ втораго двора...[1]) Въ 1812 году все помѣщеніе клиники было занято подъ лазаретъ для отступающихъ больныхъ, ослабѣвшихъ французовъ. Нужда и голодъ были до того сильны, что могущій еле двигаться больной притягивалъ къ себѣ, если только позволяли силы, умершаго, лежащаго рядомъ съ нимъ, товарища и обгрызалъ его. Тогда же больными были съѣдены всѣ заготовленные и оставшіеся въ клиникахъ патологическіе препараты и выпитъ спиртъ, въ которомъ они сохранялись [2]). Этотъ страшный пріютъ голода и болѣзней съ самоотверженіемъ посѣтилъ въ свое время Императоръ Александръ I и царскимъ словомъ приказалъ безотложно принять всѣ мѣры къ спасенію гибнущихъ людей. Царская воля была исполнена свято...

Въ Радивилловскомъ домѣ отдавались плацы частнымъ лицамъ подъ постройку домовъ. За это вносилась извѣстная плата. Владѣлецъ такого плаца съ возведенными на немъ строеніями могъ продать его, или же записать кому нибудь другому, съ согласія князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ новому владѣльцу переходили и первоначальныя по дому обязательства. Въ такомъ смыслѣ были записаны въ 1724 году Виленской Воскресенской церкви два дома, находившіеся на землѣ въ предѣлахъ дворца Радивилла: одинъ, принадлежавшій первоначально Стефану Гружевскому, другой Марціану Домбровскому [3]).

На погостѣ Николаевско-Перенесенской церкви около половины XVII стол. находились дома: Николая Юнга, Даніила Стасевича, Ѳеодоры Копыльчевской, Николая Дековича, Дороты Юнговой, Варѳоломея Шатрошевича, сапожника Ивана, сапожника Адама Ивановича, Крыштофа Зубовича, Симеона Корычинскаго, Андрея Данцевича, Крыштофовой Кохновичовой и одинъ пустой плацъ [4]). Въ 1619 году съ южной стороны кладбища Николаевской церкви значился въ Рыбномъ концѣ домъ монастыря святой Тройцы, названный Сапѣжинскимъ [5]). Свое названіе онъ получилъ отъ имени Богдана Павловича Сапѣги, который въ 1585 году пожертвовалъ его Виленскому братству. Въ дарственной записи отъ 6 февраля 1588 года жертвователи между прочимъ обязали братство изъ дохо-

---

[1]) Kraszewski—Wilno—T. III. 110. Przechadzki po Wilnie—Kirkor—48.

[2]) Kirkor—49.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 513, 514.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 444.

[5]) Ibid. 259.

довъ этой каменицы давать шесть копъ грошей литовскихъ священникамъ Пречистенской церкви, а остальную часть доходовъ распредѣлять на содержаніе бѣдныхъ въ богадѣльнѣ, на пѣвчихъ, на церковную прислугу и на другія благочестивыя дѣла [1]). Домъ этотъ лежалъ за Николаевскимъ (теперь несуществующимъ) переулкомъ, за помѣщеніемъ причта свято-Николаевской церкви, гдѣ теперь домъ, принадлежащій Свято-Духову монастырю. На него въ 1598 году напалъ литовскій конюшій Павелъ Сапѣга и силою выгѣснилъ изъ него членовъ Виленскаго православнаго братства, почему тогда же Сапѣгѣ была вручена вознымъ повѣстка для явки въ судъ „о выбитье кгвалтовное того братства отъ его милости пана конюшого зъ спокойного держанья зъ дому братства Виленского церковного, у месте Виленскомъ, противъ Рыбного торга лежачого“ [2]). Дальше лежалъ домъ Петра Бракара [3]) и на углу Большой и Андреевской улицъ—домъ Виленскаго мѣщанина и купца Бальцевича. Это въ 1693 году [4]). Но раньше въ половинѣ XVI столѣтія (1569 г.) здѣсь значится домъ госпиталя Виленскаго костела св. Духа, извѣстный подъ именемъ Яромолинскаго, подле улицы Савичъ съ одной стороны и подле дома скарбнаго писаря Лярка съ другой. Домъ Яромолинскій былъ освобожденъ Сигизмундомъ-Августомъ въ пользу госпиталя отъ постойной—квартирной повинности и отъ платежа медовой и пивной пошлины [5]). Упоминаемый здѣсь домъ Лярка, извѣстный до XIX столѣтія подъ именемъ Лярковской каменицы, раздѣленъ былъ потомъ между наслѣдниками Томкевича и Чаплинскаго, а съ 1635 года цѣликомъ пріобрѣтенъ покупкою Виленскимъ свято-Троицкимъ монастыремъ [6]). За домомъ Яромолинскимъ—госпитальнымъ начинались уже Амбары или Имбары.

Напротивъ Пятницкой церкви, на углу Большой и Іоповской улицъ (нынѣшняго Шварцоваго переулка) находился домъ Рожицовскій, которымъ въ началѣ XVIII вѣка владѣлъ Августинъ Вавржецкій. Сзади этого дома былъ (есть и

---

[1]) Щербицкій—Виленскій Свято-Троицкій монастырь, 153.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 131.
[3]) Ibid. 321.
[4]) Ibid. 498.
[5]) Собраніе грамотъ—Семенова—ч. I, стр. 120· Акты Вил. Ком. т. XX, 166,
[6]) Археогр. Сборникъ—X. 107. Неизвѣстно на какомъ основаніи почтенный авторъ изслѣдованія о „Виленскомъ свято-Троицкомъ монастырѣ“ объединяетъ въ одну обѣ каменицы Сапѣжинскую и Лярковскую—см. стр. 153, хотя въ Memoryale 1701 г., напечатанномъ въ Археогр. Сборн. т. X, стр. 1—217 каменица Лярковская ясно показана „w Rybnym końcu, położeniem z iednej strony od kamienicy szpitala rzymskiego, a z drugiej strony wedle kamienicy, nazwaney Sapieżyńskiey“... ibid. str. 107.

теперь) садъ и огородъ, подаренный въ 1613 году Радивиллами Евстафію Воловичу [1]).

Черезъ Шварцовъ переулокъ, на углу, гдѣ помѣщеніе дирекціи народныхъ училищъ, безплатной школы и другихъ учрежденій, былъ домъ, дольше другихъ названій сохранявшій за собою наименованіе *Элгашевичовскаго*. Онъ образовался изъ нѣсколькихъ другихъ домовъ. Въ началѣ XVI столѣтія въ этихъ мѣстахъ, включая сюда и домъ главнаго штаба, жили Гаштольды и Остыки. При ихъ домахъ были большіе дворы, плацы, огороды, сады и множество жилыхъ и нежилыхъ пристроекъ. Дворами этихъ домовъ можно было пройти съ одной улицы на другую, подобно тому, какъ это можно еще видѣть въ домѣ Управленія учебнаго округа, въ домѣ бывшихъ клиникъ, напротивъ штаба, въ зданіи Виленскихъ гимназій... Въ 1543 году Софія Гаштольдъ, Виленская воеводиная, „маючи бачность на вѣрные и цнотливые послуги служебника своего Блажиюса Галюса, которые онъ чинилъ черезъ немалый часъ сынови ея небощику пану Станиславу Кгаштольду, воеводѣ Троцкому, даровала ему домъ въ месте Виленскомъ и тую суму, которую на тотъ домъ она позычила (одолжила) Виленскому мѣщанину Лаврину Генриковичу и Ганне жене его и Себестьянови сынови ее“... [2]). Черезъ шесть лѣтъ домъ Блажія Галла, civis Poznaniensis, мы видимъ уже въ рукахъ доминиканъ, которые продаютъ его Сигизмунду-Августу. Плату за домъ вноситъ именемъ Сигизмунда-Августа извѣстный уже намъ Іоаннъ Ульриховичъ Гозій. Рядомъ съ этимъ домомъ Сигизмундъ-Августъ покупаетъ въ 1558 году у Виленской мѣщанки какой-то Мисіовой другой домъ съ плацемъ и все это въ томъ же году даритъ Виленскому городничему Іову Прейтфусу, который передъ тѣмъ за годъ самъ купилъ тутъ же домъ и плацъ у Варвары Нушифедровой [3]). Такимъ образомъ у Іова Прейтфуса въ общей сложности оказался уже значительный плацъ съ нѣсколькими домами и другими строеніями, выходившій на нынѣшній Шварцовъ переулокъ, который отъ его имени сталъ называться Іоповскимъ, прежняя Задаринская улица (Іовъ въ просторѣчіи Іопъ). Въ 1586 году Іоповскій домъ съ плацами и со всѣми строеніями перешелъ во владѣніе литовскаго земскаго подскарбія Халецкаго [4]), который расширилъ его прикупкою по сосѣдству новыхъ плацовъ и домовъ Виленскаго мѣщанина и купца фонъ-деръ-Флета, бывшаго

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 234, 235, 255, 296, 303...

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 2.

[3]) Ibid. 7, 10, 296.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 52, 54, 55.

Стульбинскаго и другихъ [1]). Халецкій всѣ свои владѣнія продалъ въ 1612 году ксендзу Евстафію Воловичу, писарю и референдарію великаго княжества Литовскаго. Въ купчей крѣпости сказано, что продаваемый домъ лежитъ на углу Большой улицы и Іоповской, противъ дома Августина Вавржецкаго, а съ лѣвой стороны граничитъ съ домомъ Іоны, пороховаго мастера, и огородомъ Ивана Балашка [2]). Видно, что послѣ пожара 1610 года въ составъ владѣній Халецкаго вошла земля бывшихъ здѣсь домовладѣльцевъ райцы Виленскаго Андрея Матѳеевича и потомъ Солокая, Виленскаго бурмистра [3]). Черезъ семь лѣтъ Воловичъ, уже Виленскій епископъ, продаетъ всѣ свои пріобрѣтенія [4]) Виленскому кустошу и управляющему Жмудскою епископіей Мальхеру Эліашевичу Гейшу. Отъ его отчества и владѣнія его стали называться Эліашевичовскими, хотя домъ и въ послѣдующее время нерѣдко назывался именемъ перваго владѣльца—Стульбинскимъ.

Епископъ Эліашевичъ всегда нуждался въ деньгахъ и оставилъ послѣ себя большіе долги, почему и домъ его въ 1636 году былъ проданъ іезуитамъ, у которыхъ еще въ 1632 году Эліашевичъ взялъ десять тысячъ злотыхъ подъ залогъ дома [5]). По той же причинѣ въ 1620 году онъ отказался въ пользу Виленскаго райцы Августина Вавржецкаго отъ сада и огорода, принадлежавшаго дому и подареннаго передъ тѣмъ Воловичу Радивиллами [6]). Для увеличенія личнаго дохода по дому Эліашевичъ допускалъ различные незаконные поступки въ ущербъ доходности города и королевской казны, почему и король, и городъ въ 1629 и 1630 годахъ возбуждали противъ него судебныя преслѣдованія. Его обвиняли въ томъ, что онъ отказывается выполнять требованія города и нести городскія повинности, хотя домъ его подчиненъ городскому присуду. Эліашевичъ не платилъ установленнаго дорожнаго налога, не вносилъ платы на содержаніе городскихъ воротъ и стражи, не подчинялся никакимъ постановленіямъ города, не давалъ въ своемъ домѣ назначаемыхъ установленнымъ порядкомъ квартиръ для извѣстныхъ лицъ и

---

[1]) Акты Вилен. Ком. 10, 100, 101.
[2]) Ibid. 233, 234.
[3]) Ibid. 100
[4]) T. e. kamienicę z iej placem i z wszelkim budowaniem murowanym i drewnianym—od iego m. p. Chaleckiego nabytą, . . . w ktorej po nabyciu oney niemałom gmachów, sklepów y różnego mieszkania nowo swym kosztem zmurował y z drzewa pobudował . . . a także i ogród od oświeconego i. m. xięcia Albrychta-Stanisława Radziwiłła . . . prawem wieczystym darowany y zapisany . . . ibid. 255.
[6]) Ibid. 303, 316.
[7]) Ibid. 504.

вмѣсто того устроялъ тайный пріютъ для различныхъ пріѣзжихъ ремесленниковъ— столяровъ, маляровъ, игольниковъ и др., совершенно въ противность закону, творилъ надъ ними судъ и расправу, позволялъ пріѣзжимъ постороннимъ гостямъ вести взаимную куплю и продажу и многое другое [1]). Если бы на будущее время продолжались такіе безпорядки, виновные, на основаніи королевскаго рѣшенія 1630 года, подвергались денежному штрафу въ тысячу копъ грошей литовскихъ [2]). Домъ Еліашевичовскій, послѣ паденія іезуитовъ, перешелъ въ частныя руки; теперь принадлежитъ Виленскому учебному округу.

Настоящее помѣщеніе штаба Виленскаго военнаго округа находится на мѣстѣ дома, принадлежавшаго въ XVI столѣтіи Остыкамъ [3]). Родъ Остыковъ относится къ такой же древней почетной литовской знати, какъ Гаштольды, Радивиллы, Гинтовты, Довойны, Кежгайлы и др. Широкая жизнь втянула Григорія Остыка въ неоплатные долги и онъ, находясь въ безвыходномъ положеніи, задумалъ измѣну своему государю и занялся дѣланіемъ фальшивой монеты. На допросѣ онъ повинился въ своихъ преступленіяхъ, указывая причину ихъ въ долгахъ, и просилъ помилованія. Поддѣлкою монеты, по его указанію, занимался еврей. Стефанъ Баторій велѣлъ казнить смертію и Григорія Остыка и его соучастника еврея [4]). Имѣнія Остыка, по распоряженію короля, были отданы Бекешу [5]), а домъ, о которомъ говоримъ, въ XVII столѣтіи находился уже во владѣніи Пацовъ. Какъ видно изъ завѣщанія Михаила Паца 1675 года, онъ значительно расширилъ прежнее помѣщеніе Остыковъ и прикупами сосѣднихъ домовъ, и новыми пристройками. Такъ онъ пріобрѣлъ домъ отъ бурсы, основанный въ 1602 году каноникомъ Амвросіемъ Бейнартомъ [6]); другой домъ купилъ у литовскаго хорунжаго Вушли [7]). Продали Пацу свои дома нѣкто Гейштадъ и наслѣдники Дубовича [8]), бывшіе дома Бильдюка и Виленскаго мытника Якова Яблки [9]). Соединенные въ одно, они образовали большой кварталъ, который съ рынка выходилъ на другія заднія улицы. Здѣсь въ нижнихъ этажахъ было много подваловъ, лавокъ, пив-

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 294, 296, 502—506.

[2]) Грошъ равнялся въ это время одной и 98 сотыхъ копейки—Горбачевскій—146.

[3]) Акты Вилен. Ком. т. XX. 7.

[4]) Panowanie Henryka Walezyusza i Stephana Batorego. Albertrandi—136—138, 339.

[5]) Balinski—Wilno—T. II. str. 116. 117, 246—269.

[6]) Wizerunki—T. 18, str. 68.

[7]) Ibid. 72 78.

[8]) Ibid. 79.

[9]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 167, 460.

ныхъ складовъ, много помѣщеній для торговцевъ и др. [1]). По смерти Михаила Паца его достояніе перешло, по завѣщанію, его племянникамъ Ивану и Петру Пацамъ, Ивану Воловичу, Іерониму Ляцкому, Бонифатію Пацу и другимъ братьямъ, часть сестрѣ, многое досталось іезуитамъ и особенно много назначалось на окончаніе и устройство Петро-Павловскаго костела на Антоколѣ. Дворецъ Паца, въ которомъ во второй половинѣ XVII столѣтія останавливались короли польскіе, когда пріѣзжали въ Вильну (замокъ былъ разрушенъ и оставался въ запустѣніи), примыкалъ по направленію къ Стекляной улицѣ къ госпитальному дому, подъ названіемъ Бзоловскаго. Въ концѣ XVII вѣка со всѣми находящимися въ немъ лавками, жилыми помѣщеніями, пивными и другими строеніями, домъ Бзоловскій находился въ завѣдываніи Виленскаго госпиталя св. Лазаря, который состоялъ при свято-Троицкомъ братствѣ. Далѣе находился домъ Виленскаго купца Іоанна Штрунка [2]). Домъ Доброгостовскаго граничилъ уже съ землею церкви Воскресенія Христова [3]), на которой находились помѣщенія священника и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ [4]). Рядомъ съ землею Воскресенской церкви по Стекляной улицѣ находился домъ Палецкихъ. Одинъ изъ нихъ, какъ мы говорили, былъ основателемъ въ Вильнѣ стекляной фабрики и пользовался исключительнымъ правомъ вести въ городѣ оптовую торговлю стекломъ какъ своего производства, такъ и выписывать его изъ заграницы. Отъ его дома и магазиновъ со стекломъ сама улица, нужно думать, получила названіе Стекляной.

Чрезъ улицу напротивъ Воскресенской церкви лежалъ домъ, принадлежавшій въ XVI столѣтіи скарбнику литовскому Ивану Семеновичу Зарѣцкому [5]). Рядомъ съ домомъ находилась въ 1575 году типографія Мамоничей, принадлежавшая передъ тѣмъ Бабичамъ. Яковъ Бабичъ былъ Виленскимъ бургомистромъ. Здѣсь впервые въ западной Россіи началось печатаніе славянскихъ книгъ около 1525 года (по другимъ около 1522 г.). Появились апостолъ, акаѳистникъ, псалтирь, часословъ. Во второй половинѣ XVI столѣтія домъ Зарѣцкаго переходитъ въ собственность Мамонича и рядомъ съ домомъ въ его типографіи работаетъ съ 1575 года Петръ Тимофеевичъ Мстиславецъ изъ Москвы. Много въ началѣ помогали ему и матеріально пособляли въ типографскомъ дѣлѣ Григорій Але-

---

[1]) Wizerunki—T. 18, stu. 71, 80.
[2]) Акты Вил. Ком. т. IX, 253, 254, 287.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 259.
[4]) Ibid. 412.
[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 201. Balinski — Wilno — T. II, str. 121, пр. 66. Kraszewski— Wilno—T. IV, str. 63.

ксандровичъ Ходкевичъ и Зарѣцкіе, какъ названный нами литовскій скарбникъ, такъ и братъ его Зенонъ, Виленскій бургомистръ. Изъ типографіи выходятъ: напрестольное евангеліе, псалтырь, апостолъ, октоихъ, катихизисъ, литовскій статутъ и др. [1]). Но въ 1598 году мы встрѣчаемся въ актахъ съ многими процессами противъ Богдана и особенно Луки Мамонича по дѣлу о неплатежѣ ими долговъ [2]). Были описаны всѣ дома его въ Вильнѣ [3]) и имѣнія: Порудомино и Повильна, „со всими млынами, кгрунтами пашными, сеножатями, лесами дворными“. Правда, что Лука Мамоничъ, въ это время скарбникъ Виленскій, протестовалъ противъ отчужденія у него собственности, а повѣренный его, „зъ многими мужиками собранными зъ кіими и зъ розными бронями, прибегли зъ великимъ пудомъ, поведили (возному), ижъ дей якобы въ неведомости его милости пана скарбного и насъ слугъ его вчора есте тутъ прыежджали и сегодня пріехали, а такъ панъ мой вамъ черезъ мене того увязанья (ввода во владѣніе) не поступуетъ и боронитъ“ [4]); но изъ дальнѣйшаго видно, что недвижимое имущество Мамонича съ начала XVII столѣтія стало переходить въ другія руки [5]). Съ тѣмъ вмѣстѣ и типографія его перешла въ вѣдѣніе Виленскаго Свято-Духовскаго братства, которое съ этого времени (около 1623 года) широко раскинуло свою благотворную дѣятельность. Рядомъ съ Зарѣцковскимъ-Мамоничовскимъ домомъ лежалъ въ рынкѣ госпитальный Калетниковскій домъ [6]), а тамъ еще нѣсколько малыхъ домиковъ и потомъ мясные ряды.

По другую сторону рынка на Имбарахъ съ XVI вѣка обращаютъ на себя вниманіе домъ Хотеевскій и другіе два, извѣстные подъ названіемъ *Гелды* [7]). Гелды—это были торговыя товарищества, участниками въ которыхъ могли быть русскіе люди и природные литовцы безъ различія вѣроисповѣданія. Эти товарищества имѣли на Имбарахъ три громадныхъ названныхъ дома, съ обширными въ нихъ

---

[1]) См. Памятники старины Батюшкова, вып. VI, 171, 172. Balinski—Historya m. Wilna—T. 2. str. 162, прим. 66. Kraszewski—Wilno—T. IV, str. 62, 63.

[2]) Акты Вил. Ком.—т. XX. 146, 147—152, ср. 112.

[3]) „Першая каменица у бокъ ратуша противъ Соленниковъ“,—по другому документу,—„въ рынку противъ вольныхъ складовъ, прозываемая Зарѣцкая“ (о ней у насъ идетъ рѣчь); „другая—въ улицы Нѣмецкой, з рынку идучи по леве; а две каменицы па Имбаре, посполу стоячие, по другой стороне ратуша; а пятая каменица, минувши улицу Конскую, идучи ку Острой брамѣ по праве, не доходечи гостиннаго дому“—ibid. 151, 152.

[4]) Ibid. 151.

[5]) Ibid. 283, т. X. 260—264.

[6]) Kraszewski—Wilno—T. IV, str. 63.

[7]) Акты Вил. Ком. XX, 148, 149, 151.

складами и подвалами [1]). Гранича съ домомъ Бурбы въ началѣ Имбаръ отъ свято-Николаевскаго собора, Гелды простирались до госпитальнаго, такъ называемаго Коробелинковскаго дома. Часть Гелдъ принадлежала Лукѣ Мамоничу [2]). Но въ 1608 году малую Гелду и Хотеевскую мы видимъ уже въ рукахъ у братьевъ Максимовичей, которые тогда же продаютъ ихъ торговому товариществу: Лукѣ Соболю, Мартину Михайловичу, Ивану Гавриловичу, Семену Красовскому, Семену Ивановичу, Новгородцу, Өеодору Кушеличу, Өеодору Гавриловичу, Козьмѣ Клинчу, Еську Ивановичу и Аннѣ Васильевнѣ Милявчиной—мѣщанамъ и купцамъ Виленскимъ и ихъ потомству [3]). Большая Гелда была куплена у Головни Виленскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ивановичемъ Азаричемъ, который имѣлъ извѣстную часть и въ малой Гелдѣ [4]). Сынъ Семена Азарича Іеронимъ продалъ принадлежавшую ему часть въ малой Гелдѣ и Хотеевской Виленскому райцѣ Захаріи Шитику [5]). Въ концѣ XVII вѣка Гелда Большая и Хотеевская перешли въ частныя руки и были раздѣлены между многими владѣльцами, а Гелда малая до сихъ поръ по завѣщанію остается собственностію свято-Духова монастыря. Тутъ же на Имбарахъ были дома Ивана Шитика, Ивана Василевскаго, постригальня, много лавокъ и разнаго рода складовъ, по преимуществу съ желѣзомъ [6]), домъ Пинскаго владыки Григорія Михайловича, бывшій потомъ въ части Бражица, Сальцевича и наконецъ монастырскій [7]) и другіе [8]).

По срединѣ рынка находился ратушъ. По преданію, на этомъ мѣстѣ убиты литовцами при Ольгердѣ семь человѣкъ францисканъ, которыхъ Гаштольдъ выписалъ въ Вильну для распространенія латинства. Ратушъ составлялъ необходимую принадлежность городовъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ. Въ немъ происходили всѣ суды, касающіеся мѣщанъ Виленскихъ, вѣдались всѣ дѣла, относящіяся до городской экономіи, благоустройства и порядка. По постановленію Сигизмунда перваго, въ ратушѣ въ извѣстное время должны были засѣдать отдѣльно въ одной избѣ бургомистръ и радцы, а въ другой—войтъ и лавники. Дѣла общаго интереса рѣшались по взаимному соглашенію между обѣими избами. Участвующимъ въ городскомъ самоуправленіи запрещалось

---

[1]) Jaroszewicz—Obraz Litwy—t. 3, въ концѣ; стр. не ном. къ стр. 107, 109.
[2]) Акты Вил. Ком. XX, 148, 149, 151.
[3]) Wizerunki—t. 24, str. 250 и пр. 2.
[4]) Акты Вил. Ком. IX, 473, 477.
[5]) Ibid. XX, 351.
[6]) Ibid. 272, 273, 175, 177, 51, 56 и др.
[7]) Арх. Сборн. X, 111.
[8]) Акты Вил. Ком. т. IX, 211, 290, 330.

подъ присягою распространять вѣсти относительно городской казны и передавать на сторону какія нибудь, особенно секретныя постановленія. Въ ратушѣ хранились общественныя деньги, и устроенъ былъ особый архивъ для храненія городскихъ дѣлъ, преимущественно различныхъ привиллегій. Требовалось для большей безопасности удалить отсюда различныя горючія вещества, въ томъ числѣ порохъ, и если бы въ данномъ случаѣ потребовалось построить новое зданіе, то расходы на него покрывались изъ суммъ общественныхъ. „А до скарбу и до привиліовъ меcкихъ маютъ быти чотыри замки, а чотыри ключи, а до оныхъ замковъ маютъ быти два ключа у бурмистра вѣры римское, а два у бурмистра греческой вѣры; а тые скарбы, которые тамъ будутъ ховати, по личбе шафаромъ, не маютъ быти рушоные, одно на посполитую рѣчь того места зъ ведомостью всихъ, и въ книги писати, што которого року будетъ взято до скарбу, а тые книги въ скарбе маютъ быти". Въ ратушѣ находились мѣры и вѣсы. Квадратное ратушное зданіе обстроено было многочисленными каменными „клетками" и „передклетями" со складами различныхъ товаровъ [1]). Здѣсь были ряды сольные, въ которыхъ продавали соль, сельди, масло, воскъ [2]), ряды суконные, мелочные, коренные [3]), камеры для сбора пошлинъ, склады оружія и городскихъ запасовъ, городская тюрьма и особенно отдѣлялся прекрасный скорняжій домъ [4]). Съ одной стороны ратуша стоялъ позорный столбъ, съ другой висѣлица, необходимые видимые знаки Магдебургскаго права. Надъ зданіемъ ратуша возвышалась громадная высокая башня (около 144 футовъ), на которой между прочимъ находились часы. Здѣсь по временамъ играла музыка, а часы давали знать, когда жителямъ слѣдовало тушить въ домахъ вечерніе огни [5]). Въ 1781 году башня въ ратушѣ упала и своимъ паденіемъ причинила громадный вредъ какъ городскому архиву, такъ и множеству дѣлъ латинскаго духовенства, которыя взяты были сюда для необходимыхъ справокъ и временно помѣщались въ ратушѣ [6]). Несчастій съ людьми отъ паденія башни не было, такъ какъ наклоненіе ея стали замѣчать заблаговременно; думали даже остановить ея паденіе и приступили къ необходимымъ работамъ. Но увеличивающееся отклоненіе башни становилось все болѣе замѣтнымъ, а испытываемое сотрясеніе при работахъ грозило неминуемымъ паденіемъ. Работы были остановлены, рабочіе

[1]) Dubinski—54—58.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 201.
[3]) Ibid. т. IX—487. Арх. Сборн. X, 137.
[4]) Kraszewski—Wilno—t. 3, str. 316.
[5]) Ibid.
[6]) Dubinski—295.

отправлены по домамъ, запрещено подходить къ ратушу со стороны Нѣмецкой улицы и объявлено жильцамъ сосѣднихъ домовъ, чтобы на всякій случай они держали окна пріотворенными для избѣжанія вреда въ домахъ отъ сильнаго сотрясенія воздуха при паденіи башни. Она дѣйствительно упала черезъ два дня послѣ сдѣланныхъ распоряженій [1]). Башенные часы въ ратушѣ до паденія были сняты и повѣшены на башнѣ костела св. Казимира [2]). Нынѣшній ратушъ устроенъ около 1783 года, а съ 1845 года въ немъ сталъ помѣщаться театръ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія много шума надѣлала пущенная кѣмъ то вѣсть, что около ратуша открыто мѣстонахожденіе ртути. Начались секретные ея поиски. Финансовая литовская коммиссія и даже король заявили неудовольствіе Виленской администраціи, что она молчитъ о такомъ важномъ для государства открытіи и не даетъ ему надлежащаго хода. При помощи мѣстныхъ ученыхъ были сдѣланы разслѣдованія, которыя выяснили, что Виленская почва по ея составнымъ частямъ и свойствамъ рѣшительно не можетъ заключать въ себѣ настоящихъ жилъ ртути; что, съ другой стороны, въ торговыхъ ратушныхъ складахъ находилось у одного купца въ банкахъ значительное ея количество; что эти банки были разбиты при паденіи башни и ртуть ушла въ землю. Вотъ эта то находимая въ землѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ртуть и послужила причиною всего поднятаго шума [3]).

За ратушемъ по улицѣ къ Острымъ воротамъ, по правой сторонѣ, минуя Конную улицу (нынѣшнюю Милліонную), находились дома извѣстнаго уже намъ Мамонича [4]). Въ XVII столѣтіи они носили названіе „каменицъ Тешинскихъ или Ты(и)шинскихъ". Въ 1631 году Варвара Мамоничовна, продавая недвижимое имущество отца своего, между прочимъ въ записи говоритъ: „до того продаламъ на вечность и каменицы двѣ въ месте Виленскомъ, въ которыхъ мнѣ половица належала... водле дому меского гостинного, подъ мескимъ правомъ лежачіе, называемые Тышинскіе и зъ склепами тыми, которые небощикъ малжонокъ мой панъ Владиміръ Жоховскій презыскъ одержалъ, яко се сами въ собе тыи каменицы маютъ: одну каменицу Тышинскую, што водле самого дому гостинного лежитъ... а другую каменицу, ту-же прилеглую"... [5]).

---

[1]) Wizerunki—t. 23, str. 224—228.
[2]) Kirkor—50.
[3]) Рукоп. отд. Вил. публич. библ., залъ Б, шк. 3, № папки 132, л. 252.
[4]) Акты Вил. Ком., т. XX, 151, 152.
[5]) Ibid. **X**, 260.

Далѣе слѣдовалъ гостинный домъ или дворъ съ большими разнаго рода пристройками [1]). О немъ уже была рѣчь. Отъ земли и построекъ свято-Троицкаго монастыря его отдѣлялъ небольшой переулокъ, теперь не существующій. За переулкомъ начиналась такъ называемая Троицкая гора, съ мужескимъ и женскимъ монастыремъ, съ садомъ, огородами, съ кладбищемъ, со многими домами, богадѣльнею, школою, съ церковію св. Петра и ея пристройками. „Гора Троицкая и все, что въ настоящее (1701 году) время принадлежитъ монастырю и церкви, говоримъ словами свято-Троицкой монастырской хроники 1701 года, заключается въ слѣдующихъ границахъ. Если отъ богадѣльни, принадлежащей монастырю и нижнихъ въѣздныхъ воротъ (они были во дворѣ нынѣшняго помѣщенія соборнаго причта) будемъ направляться къ другимъ воротамъ, то влѣво отъ этихъ воротъ церковный погостъ и монастырская школа или бурса, отъ которой тоже влѣво идутъ городскія зданія, простирающіяся до дома... (пропускъ въ подлинникѣ), до подваловъ и развалинъ бывшей церкви св. Петра. Дальше влѣво начинается монастырскій садъ, отдѣленный отъ церковнаго погоста каменною стѣною“. Онъ, по указанію названной хроники, прилегаетъ къ забору и дому Томкевича и подходитъ къ дому виленскаго мѣщанина Цыбульскаго, въ переулочкѣ, возлѣ городской стѣны. Отъ дома Цыбульскаго, при самой дорогѣ, вдоль улицы и стѣны, окружающей городъ, идетъ вокругъ монастырскаго сада заборъ до деревяннаго монастырскаго домика, находящагося на той же улицѣ. За домикомъ этимъ, при стѣнѣ, находятся двѣ монастырскія каменицы: одна Дубовичовская, а другая купленная у Рѣпницкой; эти дома окружаютъ садъ по направленію къ Конной улицѣ и Босачкамъ (б. женскій латинскій монастырь, гдѣ теперь базаръ) и простираются до пустыхъ каменицъ, прилежащихъ къ дому, пріобрѣтенному отъ Рѣпницкой. Минуя эти пустыя зданія и направляясь къ монастырю, садъ примыкаетъ къ каменицѣ г. Закревскаго и сосѣдней съ нею и, наконецъ, къ каменицѣ Тыминской, подчашины Виленской, садикъ которой, окруженный каменною стѣною, вдается въ садъ монастыря, до его забора и до городскихъ каменицъ, примыкая къ самымъ ихъ дворамъ. Кромѣ того на заднемъ дворѣ, при монастырскихъ воротахъ, подле каменицы базиліанокъ, на Конной улицѣ, есть деревянный домикъ съ нѣкоторыми каменными постройками, пожертвованный монастырю Колендою. Домикъ этотъ также принадлежитъ къ Троицкой горѣ, такъ какъ онъ входитъ въ предѣлы монастыря каменными постройками, въ которыхъ теперь (1701 г.) устроенъ пивова-

---

[1]) Ibid. XX, 152, 173, 282.

ренный заводъ [1]). Въ 1612 году Іосифъ Рутскій показалъ семнадцать домовъ, построенныхъ на церковной землѣ и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ служили помѣхою, по своему сосѣдству, монастырю и церкви, то королевскимъ декретомъ приказано было снести ихъ [2]).

Такимъ образомъ видно, что за малыми исключеніями свято-Троицкому монастырю принадлежало почти все пространство между несуществующимъ нынѣ переулкомъ, около бывшаго гостиннаго двора, Конною улицею, которая въ монастырской хроникѣ иногда называется Хачучинскою [3]), городскою стѣною къ Острымъ воротамъ и Островоротною улицею опять до гостиннаго двора. О другихъ монастырьскихъ владѣніяхъ въ городѣ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ только, что возлѣ Острыхъ воротъ находился домъ Цырковскаго, наслѣдники котораго записали его Троицкому монастырю [4]). Ближе къ монастырю стоялъ домъ Прокши, частію деревянный, частію каменный. Съ давнихъ поръ онъ былъ въ его завѣдываніи. Заднею стороною онъ опирался о монастырскій госпиталь и лежалъ между домами съ одной стороны Виленскаго купца Кононовича, съ другой—свято-Троицкаго госпитальнаго. Въ 1640-мъ году домъ Прокши былъ проданъ монастыремъ сосѣду—Кононовичу [5]). По правой сторонѣ улицы отъ Острыхъ воротъ въ городъ все пространство, занятое теперь костеломъ св. Терезіи, женскимъ духовнымъ училищемъ и свято-Духовскимъ монастыремъ принадлежало во второй половинѣ XVI столѣтія Виленскому братству [6]). Крашевскій говоритъ [7]), что на этомъ пространствѣ находилась даже улица Непроходная (Nieprzechoża), которую около 1636 года заняли кармелиты босые подъ свои костельные постройки; въ замѣнъ они дали монастырю другіе плацы. Далѣе кругомъ Духова монастыря по Большой и Субачей улицѣ находились дома и плацы, принадлежавшіе или братству, или большею частію извѣстнымъ въ свое время богатымъ купцамъ. О монастыряхъ, церквахъ и костелахъ XVI и XVII столѣтіяхъ будемъ говорить отдѣльно.

---

[1]) Археогр. Сборн.—X, 19—21. Ср. Wizerunki—t. 24, str. 236—237.

[2]) Ibid.

[3]) Археогр. Сборн. X 50, 51. На стр. 135, Хачучинская улица показана за костеломъ св. Казиміра.

[4]) Ibidem 114, 115.

[5]) Акты Вил. Ком. т. IX. 176.

[6]) Wizerunki—T. 24, str. 110—114, прим. 1.

[7]) Kraszewski—Wilno—T. III, str. 326.

По сосѣдству съ домомъ Шимкевича, который въ началѣ XVII столѣтія принадлежалъ Настасьѣ Тризнянкѣ и граничилъ съ землею свято-Духова монастыря, находились дома Гомшеевскій и Якова Кондратовича. Тотъ и другой были на половину каменные, на половину деревянные. Первый былъ купленъ Виленскимъ братствомъ у ловчаго литовскаго Ивана Нарушевича, „а другій домъ, также муромъ и деревомъ побудованы, вечностью надалъ имъ, говоритъ королевская грамота, на тое-жъ братство ихъ церковное мещанинъ нашъ Виленскій, братъ ихъ, до того братства уписный, Іаковъ Кондратовичъ: которые домы обадва посполъ з собою лежатъ въ месте нашомъ столечномъ Виленскомъ, идучи з рынку до Острое брамы по левой руце у певныхъ границахъ межи домами, з одное стороны подле дому, деревомъ побудованого, Филипповое Шимковичовое, а теперешнее (1592 г.) Яновое Завищиное Настазіи Тризнянки, а з другое стороны подле дому мурованого дѣтей мещанина нашого Виленского зошлого Богдана Пашковича Видблянина“ [1]). Оба названные дома Нарушевича и Кондратовича братство, съ согласія короля, соединило въ одинъ и въ немъ предположило открыть братскую школу для приготовленія людей ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ. „Маютъ и вольны будуть, говорится въ королевской грамотѣ, помененные братя братства церковнаго .. до того дому своего брацкого сходечися намовляти и вшелякие потребы брацтва своего отправовати, где имъ того потреба окажетъ, также людей въ письме ученыхъ духовныхъ и свецкихъ такъ много, колько того потреба укажетъ, ховати и школы брацкие науку детемъ языка греческого, русского, латинского и польского въ томъ дому своемъ брацкомъ мети и книги всякие новаго и старого закона, ку науце детемъ и всего народу христіанского и иные всякіе справы духовные, свецкіе письмомъ грецкимъ, русскимъ, латинскимъ и польскимъ друковати и детей брати уписное народу хрестианского и убогихъ сиротъ въ школе ихъ брацкой дармо учити и иншые учинки позорные и милосердные ведле постановеня и артикуловъ брацкихъ... отправовати маютъ водлугъ преможеня своего и церковь набоженства своего на тыхъ помененыхъ кгрунтехъ домовъ своихъ брацкихъ, яковую мети похочутъ, вольно имъ будетъ муромъ и деревомъ збудовати и всякихъ обыходовъ набоженства ихъ водлугъ звычаю хрестианского свободне и добровольне уживати позволяемъ“ [2]). Здѣсь въ братской школѣ были и дѣйствовали такія высокія личности,

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ г. Вильны—ч. II. 80—81.
[2]) Ibid. 82.

какъ Леонтій Карповичъ, Мелетій Смотрицій, Іосифъ Бобриковичъ и другіе [1]). Въ концѣ XVII вѣка дѣятельность школы значительно слабѣетъ, а потомъ и совершенно прекращается. Далѣе находился домъ и огородъ Богдана Пашковича Видблянина, съ которымъ, какъ мы видѣли, граничилъ братскій домъ [2]). Къ дому Пашковича съ другой стороны примыкалъ дворъ Виленскаго мѣщанина Шнипки, который, т. е. дворъ, по завѣщанію владѣльца въ 1594 году, немедленно долженъ былъ перейти въ собственность Виленскаго братства. „А такъ ижъ ми Панъ Богъ, говоритъ въ своемъ завѣщаніи Шпинка, на сесъ часъ хоробою наведати рачилъ, зачимъ и смерти ся сподеваю, тогда я постерегаючи, абы то на души моей не зоставало (ино вжо о тотъ дворъ мой еще перво сего учинилъ есми певное постановенье и торгъ зъ братствомъ церковнымъ Виленскимъ), тую продажу мою теперь симъ тестаментомъ моимъ врадовне ствержаю и оный дворъ братству церковному у поссесыю подаю...“ [3]). Дворъ Шнипки былъ значительныхъ размѣровъ и выходилъ на двѣ улицы. Съ нимъ граничилъ домъ Сутулинскихъ, мѣщанъ господарскихъ Виленскихъ [4]). На Островоротной улицѣ были еще и другія „каменицы“. Подъ 1618 г. въ актахъ записана жалоба князя Гедройтя объ отнятіи у него въ 1616 году золотаго съ дорогими камнями перстня „въ каменицы названой Хлюдинской, въ месте Виленскомъ, на Острой улицы, противъ церкви светое Тройцы, подле каменицы пани Валашковой лежачой“ [5]).

Мѣстность между Имбарами и Субачей улицею въ XVI столѣтіи была занята незначительными постройками, которыя въ началѣ XVII столѣтія большею частію уничтожены для устройства здѣсь костела св. Казиміра и другихъ соотвѣтственныхъ зданій и образованія кладбища. Въ 1620 году извѣстный намъ домовладѣлецъ Пашковичъ жаловался на бывшаго слугу своего Неборскаго, который тайно бѣжалъ отъ него, заграбивши у него много вещей. Кухонный котелъ былъ опознанъ у Неборскаго и когда его хотѣли поймать съ поличнымъ, онъ, „приходечи ку воротамъ з рынку до костела светого Казимера, утекъ; за которымъ то Миколаемъ Неборскимъ, яко за шкодникомъ, выростокъ его пана Пашковичовъ гонилъсе... только до воротъ цвинтарныхъ, а не далей, и недогонивши его, тотъ котелъ

---

[1]) Свято-Духовъ монастырь—Флегонта Смирнова.—46—66. Въ указанномъ сочиненіи дана очень хорошая ихъ характеристика.

[2]) Акты Вилен. Ком. т. XX 264, 265.

[3]) Ibid. 110, 111.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. 253.

взявши предъ воротами цвинтарными, до каменицы его пана Пашковича отнесъ [1]).

На Субачей улицѣ, которяя ограничивала земли св.-Духова монастыря и которая славилась тѣмъ, что на ней жили богатѣйшие въ свое время купцы [2]), находились дома Іеронима и Петра Азаричей [3]), Крыштофа Блина, потомъ Бычковскаго, извѣстный подъ именемъ Крыштофовскаго [4]), Акулины Дорофеевичовой [5]), Самуила Филипповича [6]), Романовича [7]), Сульжица, Страшкевича, Кушелевича [8]). Всѣ эти лица обладали значительнымъ состояніемъ, имѣли родныхъ или близкихъ въ составѣ братіи Виленскаго святаго-Духова монастыря и большую часть своего имущества записали въ его пользу. На Субачей улицѣ былъ каменный домъ Минкевича, который купилъ Карлъ-Станиславъ Радивиллъ и подарилъ его ксендзамъ кармелитамъ [9]). Здѣсь же находился плацъ съ домомъ Воловичовъ, который потомъ принадлежалъ мѣщанину и райцѣ Виленскому Сенчичу, а въ 1601 году ратушному писарю Бенедикту; а лежалъ тотъ домъ „напротивко церкви заложеня светого Духа братства русского“ [10]). Въ 1597 году послѣдовало заявленіе вознаго, „что при немъ чинила пильность Ганна Григорьевна Цыбульская, бургомистрова Виленская, въ дому, въ каменицы, въ месте (Виленскомъ, гдѣ она) зъ малжонкомъ своимъ мешкаетъ, лежачой въ рынку, недалеко Острое Брамы, на рогу Субачовое улицы, противъ меского (гостиннаго) дому, недалеко церкви светое Троицы набоженства русского“, по дѣлу о неуплатѣ ей долга Солокаемъ, Виленскимъ восковничымъ и дровничымъ [11]).

Нѣмецкая улица, по свидѣтельству Виллихія, уже около половины XVI столѣтія была застроена каменными домами [12]). На планѣ Вильны Брауна на пер-

---

[1]) Ibid. 264, 265.

[2]) Subocz ulica przed laty wspaniała, co najbogatszych kupców w sobie miała, teraz (въ 1749 году) najwięcey pustek... Kraszewski—Wilno—T. III. str. 325.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 351, т. IX. 474, 475.

[4]) Ibid т. IX. 248, 240.

[5]) Ibid. т. IX. 487.

[6]) Ibid. 493.

[7]) Ibid. 507, 522.

[8]) Ibid. 274, 310.

[9]) Kraszewski—Wilno—T. II, str. 399.

[10]) Акты Вил. Ком. т. XX. 181.

[11]) Ibid. 126.

[12]) Wizerunki—T. 24, str. 75.

вомъ мѣстѣ представленъ монетный дворъ [1]). Это мѣсто съ домомъ въ половинѣ XVI столѣтія принадлежало Горностаю, литовскому подскарбію, который и состоялъ завѣдующимъ литовскимъ монетнымъ дворомъ. Его предмѣстниками были Иванъ Лютомирскій и Юстъ Десій, поставившій монетное литовское дѣло на высокую степень развитія и совершенства [2]). Монетный дворъ занималъ большое пространство и лежалъ въ началѣ Нѣмецкой улицы, на правой ея сторонѣ отъ ратуша [3]). Во времена великаго князя литовскаго Александра чеканили только денары и полугроши. Балинскій говоритъ, что упоминаемые въ документахъ времени Александра рубли литовскіе были ничѣмъ инымъ, какъ продолговатыми палочками—кусочками серебра [4]). При Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ литовская монета была хорошаго достоинства, выше польской монеты, почему въ Литвѣ постоянно жаловались на одинаковую цѣнность ея въ обращеніи съ польскою [5]). Въ 1572 году Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы монета чекана времени до 1572 года ходила по цѣнѣ старой, прежней и чтобы за два гроша литовскихъ давалось два съ половиною гроша польскихъ [6]). Около половины XVII вѣка изъ Вильны монетный дворъ переведенъ былъ въ Ковну. Въ 1665 году король Іоаннъ-Казиміръ писалъ подскарбію литовскому Киршенштейну распорядиться, чтобы Горнъ, арендаторъ монетнаго двора *въ Ковнѣ* въ возможной скорости начеканилъ сумму въ 10897 злотыхъ, которою слѣдовало выкупить серебро каѳедральнаго латинскаго костела, заложенное въ трудныхъ обстоятельствахъ республики [7]).

Напротивъ монетнаго двора черезъ улицу, нѣсколько лѣвѣе, гдѣ теперь гостинница Познанскаго, стоялъ домъ вельможи Остыка, того самаго, котораго Стефанъ Баторій, какъ мы говорили, приказалъ лишить жизни за государственную измѣну и поддѣлку монеты. Къ Познанскимъ домъ Остыковъ перешелъ отъ Важинскихъ. На фронтонѣ этого дома до сихъ поръ въ нишѣ стоитъ человѣческая статуя съ завязанными глазами, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. По преданію, постановка этой статуи современна якобы казни Остыка; въ ней всѣ преступники—будь они богатые или знатные—одинаково должны

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX,
[2]) Balinski—Starożytna Polska... T. III, str. 163...
[3]) Подробное описаніе см. Wizerunki—T.24, str. 30—65.
[4]) Величиною въ палецъ-мизинецъ: имѣются образцы въ Виленскомъ музеѣ древностей.
[5]) Kraszewski—Wilno—T. III str. 315.
[6]) Balinski—Historya m. Wilna—t. 2, str. 289, 280.
[7]) Wizerunki—T. 24, str. 65.

видѣть грозную, карающую всѣхъ справедливость. По другимъ, Важинскіе хотѣли представить въ эмблематической статуѣ свой фамильный гербъ. Вѣрнѣе всего по Киркору то, что названная статуя съ символами справедливости поставлена на этомъ домѣ тогда, когда въ немъ нѣкоторое время засѣдалъ главный литовскій трибуналъ [1]). Рядомъ съ домомъ Остыка находился домъ литовскаго скарбника Луки Мамонича, который, какъ и всѣ другіе его дома и имѣнія, перешелъ за долги въ чужія руки [2]).

Гдѣ въ настоящее время аптека Велька, тамъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ находился дворецъ Потея и съ нимъ рядомъ домъ, принадлежавшій ордену Павлиновъ [3]). Ихъ выписалъ въ Вильну Витебскій воевода Казимiръ Потей, братъ гетмана. Онъ завѣщалъ имъ незначительную денежную сумму и пожертвовалъ сосѣдній плацъ на устройство костела. Подскарбій литовскій Михаилъ Коцеллъ подарилъ имъ небольшую и поврежденную каменицу, едва приносившую доходъ въ 250 флориновъ. Для принятія этихъ пожертвованій явились въ 1727 году Павлины изъ Ченстохова. Но такъ какъ учрежденные фундуши оказались довольно скудными и не представлялось возможнымъ жить такъ, какъ того хотѣли Павлины, то они и поспѣшили убраться отсюда во свояси. Съ 1759 года ихъ болѣе не видно въ Вильнѣ [4]). На углу Нѣмецкой улицы и Николаевскаго переулка лежалъ домъ подъ названіемъ Солодеевскій, а напротивъ его воскобойня. Въ 1602 году ксендзъ Войтѣхъ Воболевичъ жаловался на Исаковича и Вилиховича за насильственное задержаніе его на Нѣмецкой улицѣ, когда онъ съ своими спутниками, „яко люди спокойные, никому ничого невинни, шли добровольною улицою мимо каменицу Солодеевскую ку каменицы вельможного пана Яна Глѣбовича“ [5]). Въ XV столѣтіи воскобойня значится по городскимъ актамъ на Зарѣчьѣ [6]).

Съ другой стороны Николаевскаго переулка и Нѣмецкой улицы находится „каменица“, которая съ перемѣною владѣльцевъ мѣняла и свои названія. Первоначально она принадлежала Рудоминѣ [7]); потомъ переходила къ Якштелю, Россохацкимъ, Мосевичу, Кащицу и іезуитамъ. Въ 1740 году эти послѣдніе промѣняли

---

[1]) Kirkor—Przechadzki po Wilnie—61.
[2]) Акты Вил. Ком. t. XX, 154.
[3]) Kosciół Augsburski w Wilnie—str. 28.
[4]) Balinski—Starożytna polska—t. 3. str. 195.
[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 199.
[6]) Kraszewski—Wilno—t. 3. str. 23.
[7]) Kosciół Augsburski w Wilnie—15, 65.

ее съ лютеранами на домъ Солтановскій на Замковой улицѣ [1]). Якштелевскій домъ граничилъ съ главнымъ мѣстонахожденіемъ лютеранъ и это было для нихъ очень выгодно; іезуиты взаимно получили при промѣнѣ тоже удобство. Настоящее помѣщеніе пастората и лютеранской кирхи расположено въ домѣ Николая Тарлы, который въ 1573 году продалъ его Тальвошу. Отъ него черезъ десять лѣтъ домъ былъ купленъ нѣмецкою лютеранскою общиною. Внѣшняя физіономія помѣщенія пастората носитъ на себѣ всѣ слѣды старины. Ворота низки, отъ времени какъ бы ушли нѣсколько въ землю, построены на сводахъ и могли служить даже крѣпостью въ доброе давнее время. Одинъ за другимъ тянется нѣсколько дворовъ; соединенія между ними бываютъ корридорами, иногда совершенно узкими, темными, сводчатыми; кругомъ одного дворика высится небольшой каменный въ два этажа домикъ, съ старинными окнами, прямыми свидѣтелями прожитаго давно-прошедшаго. Замѣтимъ это важное, серьезное по виду, пожалуй угрюмое помѣщеніе; къ нему мы будемъ еще возвращаться [2]). Оно съ одной стороны граничитъ съ каменицею Рудомины, а съ другой – съ домомъ Пепинга. Домъ Пепинга или Попинга назывался первоначально госпитальнымъ или вдовьимъ домомъ; доходъ съ него шелъ въ пользу убогихъ. Гетманъ литовскій Крыштофъ Радивиллъ купилъ его у нѣкоего Станислава Жебровскаго и цирюльника Мызельтына и подарилъ своему доктору Леттову. Послѣдній въ 1644 году продалъ даръ Радивилла старшинамъ лютеранскаго костела и тогда другой Радивиллъ Янушъ отказался отъ всѣхъ правъ на этотъ домъ. По сказанію хроникера лютеранскаго костела, въ немъ до сихъ поръ хранится каменная плита съ надписью: „Władysław IV, 1633 г.“ и съ литовско-польскимъ гербомъ, которая находилась въ стѣнѣ надъ воротами, какъ знакъ того, что этотъ домъ освобождался отъ платежа различныхъ государственныхъ повинностей [3]).

Далѣе въ началѣ XVI столѣтія лежалъ домъ Ульриха Гозія, перешедшій къ его сыну Іоанну. Это тотъ самый Гозій, который занимался въ Вильнѣ очень сложными постройками: многіе мосты, мельницы, госпитали, дома были построены имъ, какъ мы уже указывали. Громаднѣйшій домъ Гозія былъ образцемъ современнаго строительнаго искусства и имѣлъ даже водоснабженіе [4]). Отъ Гозія домъ переходилъ: къ подкоморію Войнѣ, Данилевичу, Меллеру и Клецу; отъ послѣдняго

---

[1]) Акты Вилен. Ком. XX, 532, 533.
[2]) Kirkor. Przechadzki po Wilnie—63, 64.
[3]) Kosciol Augsburski w Wilnie—64.
[4]) Собр. древнихъ грамотъ... Семенова—ч. I, стр. 40.

и домъ долгое время назывался Клецовскимъ. Послѣ Клеца домомъ владѣлъ подскарбій литовскій Флеммингъ, потомъ Бржостовскіе и Миллеры; и теперь онъ извѣстенъ подъ именемъ Миллера, хотя и непринадлежитъ ему. Часть Гозіушовскаго дома отошла къ лютеранской общинѣ по духовному завѣщанію доктора Меллера въ началѣ XVII столѣтія. Во всякомъ случаѣ и теперь этотъ домъ очень большой, съ обширнымъ дворомъ, (а прежде было три двора и огороды; дворы были проходными на другую улицу, теперь не существующую, напротивъ воротъ бывшаго францисканскаго костела), на которомъ расположено очень много различныхъ жилыхъ и не жилыхъ построекъ, съ наружными при нихъ ходами и галлереями[1]). Почти до половины текущаго столѣтія въ домѣ Миллера происходили общественныя собранія, давались балы, концерты, устроялись маскарады.

Послѣдній домъ на углу Трокской улицы и Нѣмецкой принадлежалъ въ XIV—XV столѣтіяхъ Гаштольдамъ[2]). Въ 1579 году Стефанъ Баторій, желая явить особую королевскую милость земскому подскарбію Лаврину Войнѣ „взглядомъ велице значныхъ заслугъ его господарю и рѣчи посполитой“, далъ и даровалъ ему домъ „спадковый, называемый Кгаштольдовскій, мурованый, в месте Виленскомъ на улицы Немецкой, который лежитъ на рогу тое улицы Немецкое и улицы Троцкое, бокомъ однымъ од дому Юрка Намечника, а тыломъ до дому Щасного Матейковского, мещанъ Виленскихъ... А яко намъ господару, говоритъ въ дарственной грамотѣ Стефанъ Баторій, и до скарбу нашого, такъ и до враду местского Виленского з оного дому никоторое повинности полнити не будутъ повинни, вживаючи з оного дому во всемъ вольности и свободъ шляхецкихъ, которыхъ зъ добръ своихъ панове рады и станы великого князства Литовского вживаютъ“[3]). Такое положеніе дома Лаврына Войны указывается и въ актѣ 1592 года[4]), въ которомъ значится, что сынъ Лаврына Войны Андрей неявился въ указанный домъ въ назначенное время съ своею сестрою, Доротою, для выдачи ея замужъ за Юрія Комаевскаго, за котораго уже раньше по договору она была помолвлена. Домъ Войны переходилъ потомъ во владѣніе Огинскихъ, Тызенгаузовъ, Фитингофовъ; въ послѣднее время онъ славился какою то серебрянною залою[5]). На Нѣмецкой улицѣ

---

[1]) Kosciol Augsburski w Wilnie—64. Kirkor—Przechadzki—64.

[2]) Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ. Круповича—ч. I, 46.

[3]) Ibid.

[4]) Na ulicy Niemieckiey, idąc od ratusza po lewey stronie, która rogiem przypadła w ulicę Trocką... Акты Вил. Ком. т. XX, 79.

[5]) Kirkor—Przechadzki po Wilnie—64.

были еще въ XVI столѣтіи дома князей Слуцкихъ[1]), Тышкевичей[2]), Кишки[3]), Глѣбовича[4]), Войшнаровича[5]) и много другихъ[6]), менѣе важныхъ. Между домами находились свободные плацы, сады, огороды[7]).

На Трокской улицѣ значительная часть плацовъ и домовъ принадлежала вначалѣ францисканамъ. Здѣсь былъ ихъ монастырь съ обширными постройками и кладбищемъ. Нуждаясь въ деньгахъ, они постепенно продавали (въ XV—XVI вѣкѣ) какъ земли кругомъ монастыря и по Трокской улицѣ, такъ находящіяся и въ другихъ частяхъ города [8]). На пріобрѣтаемыхъ незначительныхъ участкахъ земли селились люди средняго состоянія: Сулятицкіе, Водорацкіе... [9]) Выдающимися владѣніями на Трокской улицѣ были дворцы Пацовъ, Бржостовскихъ два [10]), Александровичей [11]).

На углу Нѣмецкой и свято-Духовской или Доминиканской улицы, гдѣ теперь европейская гостинница, былъ въ послѣднее время домъ Шульца, профессора архитектуры въ Виленскомъ университетѣ. Прежде это мѣсто частію принадлежало Сапѣгамъ, къ которымъ въ началѣ XVIII столѣтія перешелъ и сосѣдній на Доминиканской улицѣ дворецъ кн. Полубинскихъ (теперь высшее женское Маріинское училище). Въ 1722 году епископъ Виленскій Константинъ Бржостов-

---

[1]) Kraszewski—Wilno—t. 3, 319.

[2]) Ibid.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 178.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid.

[7]) Собраніе древнихъ грамотъ. Семенова—ч. I, стр. 50.

[8]) Przyczyna umniejszenia cmentarza, говоритъ кс. Грибовскій (выше была указана первоначальная обширность владѣній францисканъ) był niedostatek i ubóstwo, albowiem w ten czas. nie maiąc do sufficiencij folwarków, żyli tylko z dziesięcin i że od wielu panów roczne mieli naznaczone annuaty, tak zboża, miodów i innych legumin, ale te gdy po zeszłych w Bogu leguiących dobrodziejach ustawać poczeły, trzeba było do potrzebnego supplementu szukać sposobu, części tedy cmentarza z obu stron, oddzieliwszy na domy, pozwolono się budować, aby konwent ztąd miał roczną intratę; królowie też, chcąc ubogich zakonników podzwignąć, te mieysca nie małą nadali libertacyą, koequiując ową z libertacyą, nadaną biskupstwu Wileńskiemu. Inne zaś mieysca pomienioney tey insuły, częścią za kontraktem ustąpione, częścią pod czas heresij wydarte. Jako to mieysce, gdzie teraz zbór Saski, bo tam niegdyś byli Franciszkanki (iako tego dawna iest w konwencie Wileńskim notacya); częścią też na reparacyą zgorzałego klasztoru y kościoła w roku 1533 *marnie* przedano... Skarb nieoszacowany... 133, 134.

[9]) Акты Вил. Ком. т. XX. 291.

[10]) Kraszewski—Wilno—T. III, str. 320, 321.

[11]) Skarb nieoszacowany—ks. Grzybowskiego—132.

скій выписалъ въ Вильну орденъ піаровъ, надѣясь при ихъ содѣйствіи поднять нравственный уровень среди своей паствы. Піары во всей Европѣ тогда были извѣстны какъ строгіе подвижники науки и ревнители высоко нравственнаго (вопреки іезуитамъ) распространенія образованія среди юношества. За это они пользовались общимъ вниманіемъ и глубокимъ уваженіемъ. Благотворная дѣятельность піаровъ въ Вильнѣ скоро была замѣчена. Но въ 1729 году умеръ Бржостовскій, и піары остались безъ всякой почти матеріальной поддержки. Тогда князь Антоній-Казиміръ Сапѣга, самъ глубокій ревнитель общественнаго народнаго образованія, подарилъ піарамъ для открытія коллегіи свой дворецъ на Доминиканской улицѣ и прилежащую землю, съ обязательствомъ заняться образованіемъ и воспитаніемъ дѣтей бѣдныхъ шляхтичей, на первый разъ въ количествѣ шести человѣкъ. Первыми учредителями и устроителями піарской коллегіи были такіе даровитые мужи, какъ Матѳѣй Догель, Тыминскій, Россолецкій, Цяпинскій [1]). Для указаній пріѣзжалъ въ Вильну и піаръ Станиславъ Конарскій. Не смотря на всѣ противодѣйствія іезуитовъ [2]), коллегія была открыта. Матѳей Догель [3]), прикупивши еще домъ для конвикта на бывшихъ Сапѣжинскихъ плацахъ, началъ возводить костелъ (гдѣ европейская гостинница); при коллегіи основалъ значительную библіотеку, пріобрѣлъ математическіе и физическіе приборы и инструменты и выхлопоталъ у короля привилей на устройство собственной типографіи. Но іезуиты не дремали. Коллегія нѣсколько разъ горѣла. А когда умеръ въ 1769 году Догель, то средствъ на продолженіе работъ не хватило. Хотя былъ выписанъ уже художникъ Гюбель для расписыванія начатаго постройкою костела, но послѣднюю, за неимѣніемъ средствъ, пришлось пріостановить, а потомъ и совершенно прекратить. На фундаментахъ костела Шульцъ поставилъ свой домъ, а коллегія піарская съ конviктомъ удержали до настоящаго времени свое назначеніе: здѣсь воспитывается юношество: сначала былъ дворянскій институтъ, а теперь высшее Маріинское женское училище [4]). За домомъ Сапѣжинскимъ къ Игнатьевскому переулку лежали дома Петра Ивановича Плюща, Шеміота напротивъ доминиканскаго костела и шорника Михля. Въ концѣ XVI

---

[1]) Съ послѣднимъ находился въ ученой перепискѣ нашъ поэтъ-писатель Ломоносовъ. Wizerunki—t. 2, str. 86, примѣч. 1.

[2]) Объ этомъ интересномъ спорѣ см. Wizerunki—t. 2, str. 118—154.

[3]) Его извѣстное ученое изданіе. Codex diplomaticus...

[4]) Teka Wileńska,—№ 2. str. 259, 260, 261. Starożytna Polska—Balinskiego—t. 3, str. 194. Dzieje dobroczynności—rok I, str. 610. Przyałgowski—Żywoty Biskupow Wileńskich—T. III, str. 122, 141, 142, 144. Wizerunki—T. 2, str. 87, t. 6, str. 43. Kraszewski—Wilno, t. 3, str. 320.

столѣтія домъ Шеміота купилъ каноникъ Вильчопольскій и въ 1610 году, передъ смертію, записалъ его доминиканамъ. „Но такъ какъ они, доминиканы, говоритъ въ завѣщаніи Вильчопольскій, затѣяли противъ меня интригу и, безъ моего вѣдома, въ мое отсутствіе выхлопотали у Трибунала для себя право на вводъ во владѣніе завѣщаннымъ домомъ, который я купилъ за восемьсотъ копъ грошей литовскихъ, то за такой ихъ поступокъ я лишаю ихъ на *одинъ годъ* права пользоваться доходами дома и жертвую ихъ въ пользу бѣдныхъ госпиталя святой Троицы... По истеченіи года домъ долженъ быть отданъ оо. доминиканамъ на вѣчное время; пусть пользуются имъ на здоровье; а за упокой моей души пусть совершаютъ святую литургію, согласно сдѣланному постановленію... Объ одномъ во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ поставить въ извѣстность, что если бы случился купецъ, пожелавшій пріобрѣсть отъ доминиканъ пожертвованный имъ мною домъ, они ни въ какомъ случаѣ не должны допускать эту продажу; они одни должны брать съ него аренду, пользоваться ею на здоровье, ремонтировать домъ и не допускать его порчи". Наблюденіе за исполненіемъ завѣщанія возлагалось на Виленскій капитулъ съ епископомъ во главѣ [1]).

Противоположная сторона Доминиканской улицы, отъ костела къ Виленской ул., занята была въ концѣ XVI в. домами Войны [2]), каштеляна Жмудскаго Николая Нарушевича [3]) и Крыштофа Нарушевича [4]). Упоминается еще около этого времени домъ какой-то Яновой Рашевской [5]), Петра Мицевича [6]) и другихъ. Около костела Доминиканскаго былъ монастырь, а сзади большое кладбище [7]).

Виленская улица, хотя вела „къ мурованому" мосту на Виліи, но оканчивалась съ своею брамою при соединеніи ея съ Гористымъ переулкомъ, у дома Инчика. За Виленскою брамою начиналось предмѣстье — Лукишки. Въ 1635 году было заявлено объ убійствѣ воспитанника Виленской іезуитской академіи Павла Вишневскаго, когда тотъ ѣхалъ „з дому Хребтовича, за Виленскою брамою, недалеко двору его милости пана воеводы Виленского" (Радивилла) [8]). Упо-

---

1) Акты Вил. Ком. т. XX. 218, 220.

2) По документамъ: na ulicy święto-Duskiej, pierwsze wrota od klasztoru święto-Duskiego. Ibid. 79.

3) Ibid.

4) Ibid. 158.

5) Ibid. 118.

6) Ibid 290.

7) Dubinski—Zbior praw. . .Wilnowi nadanych—51.

8) Акты Вил. Ком. т. XX. 314.

минаемый дворъ Виленскаго воеводы—это теперешнее помѣщеніе дома Человѣколюбиваго Общества. До начала девятнадцатаго столѣтія онъ находился въ рукахъ Радивилловъ. По нѣкоторымъ догадкамъ, въ этомъ домѣ впервые въ половинѣ XVI вѣка были устроены собранія кальвинистовъ [1]). По другимъ, указанное явленіе имѣло мѣсто въ иномъ домѣ Радивилла, по сосѣдству за Закретомъ [2]). Громадный Радивилловскій дворецъ и теперь выходящій на три улицы, съ обширными плацами, со множествомъ разнообразныхъ построекъ, въ XVI столѣтіи былъ еще обширнѣе и граничилъ почти своими владѣніями съ четвертою улицею—Преображенскою. Здѣсь въ послѣднее время были дома Костровъ и Кулаковскаго. Садъ при домѣ Кулаковскаго — это бывшее съ 1556 года до начала нынѣшняго столѣтія лютеранское кладбище, мѣсто для котораго въ свое время отведено было въ части обширнаго сада Радивилла Чернаго. Когда Богуславъ и Янушъ Радивиллы окончательно утвердили за лютеранами это мѣсто, они поспѣшили построить здѣсь госпиталь и деревянную часовню, которая въ актахъ извѣстна подъ именемъ *шопы* за Виленскою брамою [3]). На этомъ кладбищѣ первоначально хоронили всѣхъ протестантовъ. Но въ началѣ XVII в. реформаты основали для своихъ послѣдователей особое кладбище, по правой сторонѣ за Трокскою брамою, на плацахъ, принадлежащихъ тоже Радивилламъ, гдѣ теперь помѣщеніе реформатской коллегіи. Къ началу XIX столѣтія и того и другаго мѣста оказалось мало, хотя первоначальное кладбище лютеранъ было увеличено сосѣднимъ новымъ плацомъ, пожертвованнымъ съ этою цѣлію Мюнстеромъ. Потому въ 1805 году оба протестантскія кладбица рѣшено было правительствомъ вывести за городъ; для нихъ назначалось общее мѣсто на Погулянкѣ [4]).

При Виленской брамѣ находились дома Якова Чичка [5]), Обрицкихъ [6]), Михаила Фронцковича [7]). Далѣе нужно упомянуть о домѣ Абрамовича, въ которомъ съ 1845 года помѣщаются Виленскіе губернаторы; отъ его имени и нынѣшній губернаторскій переулокъ назывался Абрамовичовскимъ. Домъ, о которомъ говоримъ, извѣстенъ не столько своею давностію, сколько тѣмъ, что въ немъ съ конца

---

[1]) Kirkor—Przechadzki—116.

[2]) Kraszewski—Wilno—T. III. 319. Balinski—Dawna Akademija Wileńska—82 и Historya m. Wilna—T. II. str. 104.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX. 491.

[4]) Kościoł Augsburski w Wilnie. 32, 33. Kirkor—Przechadzki po Wilnie—119.

[5]) Акты Вил. Ком. т. XX. 71.

[6]) Ibid. 88.

[7]) Ibid. 158.

XVIII вѣка устроенъ былъ Виленскій театръ и въ немъ играли замѣчательные по своему времени артисты. Въ 1845 году одна половина Виленской театральной труппы устроилась въ ратушѣ, а другая, образовавъ самостоятельное отдѣленіе, стала давать представленія въ обширномъ помѣщеніи, сосѣднемъ съ домомъ губернатора (домъ Вишневскихъ). Киркоръ говоритъ [1]), что этотъ обширный домъ, при которомъ и въ настоящее время находится очень большой дворъ и садъ, принадлежалъ во время оно Радивилламъ. Не здѣсь ли нужно искать „каменицы езуитовъ колеюма Виленского, лежачое на улицы Вилейской", изъ которой, по свидѣтельству актовъ 1598 года, подписокъ земскій Виленскій Даніилъ Новицкій, „выскочивши, съ помочниками своими безвинне почалъ бити нѣкоего Ярошевскаго, когда тотъ у вечоръ зачинялъ окна въ мешканю, господе своей, (квартирѣ) въ дому Бенедыкта Чычка золотара, тутъ въ месте Виленскомъ, на улицы Вилейской, недалеко брамы Вилейское въ муре лежачомъ" [2]).

Напротивъ бывшихъ домовъ Абрамовича и Вишневскаго находились Екатерининскій костелъ съ женскимъ монастыремъ ордена Бенедиктинокъ, вызванныхъ сюда въ 1622 году; для нихъ тогда же начатъ постройкою костелъ и монастырь [3]). Владѣнія Екатерининскаго костела граничили съ одной стороны съ Доминиканскимъ монастыремъ, а съ другой—черезъ Игнатьевскій переулокъ, съ монастыремъ іезуитовъ. Такимъ образомъ громадное въ городѣ пространство съ XVII столѣтія заняли почти сплошь рядомъ три латинскихъ монастыря: два мужскихъ и одинъ женскій.

Во всемъ кварталѣ, который въ XVI и XVII столѣтіяхъ назначался для жительства евреевъ не было сколько нибудь замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи зданій. Можно назвать домъ графа Саваневскаго на Поперечной улицѣ, пожертвованный Троицкому монастырю съ благотворительною цѣлію [4]); тамъ же

---

[1]) Przechadzki 119.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 132.

[3]) Kirkor—Przechadzki—120.

[4]) Акты Вил. Ком. т. IX, 60, 61. Historya szkoł... Łukaszewicza—t. 4, str. 268—272. Щербицкій—Виленскій Свято-Троицкій монастырь—159. Его ограниченіе указываетъ по сосѣдству и другіе дома. Онъ образовался изъ двухъ каменицъ, которыя были проходными и находился на ulicy Poprzecznеy, idąc od kosciołа sub titulo Duchа przenayswiętszego ichmosciow xięży Dominikanow do ulicy Szklanney, ku rynkowi, po prawey ręce, w pewnym swoim ograniczeniu między kamienicami ichmosciow xięży iezuitow nowiciatu wileńskiego z iedney, a z drugiey strony kamieniczką quondam Grzybowskich, iednym koncem i wrotami iak wyżey do tey że ulicy Poprzeczney ex opposito wrot tylnych pałacu quondam Woyninskiego, a teraz Pociejowskiego, a drugim koncem i wrotami do ulicy Żydowskiey szkolney, między kamienicą Faytelowską z iedney, a z drugiey strony placem zdawna pustym... Акты Вил. Ком. т. IX, 61.

дома Рынка, Ивана Балашка и Якова Мынцара [1]); мясные ряды [2]); каменицы Слуцкую и Кишчинскую, которыя пользовались особыми правами и привиллегіями и освобождались отъ платежа различныхъ государственныхъ повинностей [3]), каменицы Шенциловскую-Буракевичовскую [4]) и Бухнеровскую. Послѣдняя находилась между Еврейскою и Ятковою улицами и въ 1702 году была пожертвована Виленскому Свято-Троицкому монастырю бургомистромъ Иваномъ Огурцевичемъ. Бухнеровскій домъ, по замѣчанію монастырской хроники, подлежалъ городской юрисдикціи, но прибывающіе въ Вильну различные чиновники въ немъ не останавливаются, какъ по причинѣ чрезвычайно тѣснаго помѣщенія и еврейскаго крика, такъ и особенно потому, что одна сторона и ворота его выходятъ на Еврейскую улицу, и потому въѣздъ въ него для гг. депутатовъ (сеймовыхъ или судовыхъ) представляется не совсѣмъ приличнымъ. Домъ этотъ получилъ отъ короля Іоанна III привилей, освобождающій его отъ постоя депутатовъ; городъ однако не призналъ этого привилея, какъ незаконно выданнаго, такъ что и самъ Бухнеръ не былъ вполнѣ увѣренъ въ освобожденіи своего дома отъ постойной повинности и эту свободу долженъ былъ добывать незаконными средствами; такимъ образомъ, съ грустію прибавляетъ хроникеръ монастырскій, и намъ придется искать дружбы городскаго намѣстника [5]). Было кромѣ того въ еврейскомъ кварталѣ очень много лавокъ, различныхъ складовъ, незастроенныхъ мѣстъ. Многія каменныя постройки по своей структурѣ и наружному ввду должны быть отнесены къ XV—XVII вѣкамъ. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія полагаютъ, что зданіе еврейской синагоги на Еврейской улицѣ находилось здѣсь раньше 1572 года, хотя этотъ годъ соотвѣтствуетъ надписи Шелегъ, находящейся внутри зданія [6]). По Николаевскому переулку и другимъ сосѣднимъ, значительно большая часть домовъ и плацовъ принадлежала Францисканамъ и они, для увеличенія своихъ средствъ, отдавали ихъ въ наймы небогатому люду [7]). Здѣсь же былъ нѣмецкій-лютеранскій

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, 125.

[2]) Ibid.

[3]) Dubinski—197, 199.

[4]) Na Żydowskiey ulicy na rogu w Wilnie sytuowaną, bramą leżącą od ulicy Żydowskiey, która idzie ku kosciołowi swięto-Janskiemu, a na ulicę Wielką nazywaiącą się Dominikanską, prawym bokiem wchodząc w bramę od ulicy Szklanney, lewym graniczącą z kamienicą ichmć pp. Strawinskich tyłem z kamienicą imci p. Narkiewicza. Акты Вилен. Ком. т. IX, 400.

[5]) Археогр. Сборникъ—X, 128, 129.

[6]) Добрянскій—Вильна и ея окрестности, 225. Kirkor—Przechadzki—72.

[7]) Kopie, konsensy różne z Franciszkanami... Рукописное отдѣленіе Вил. Публ. Библ. з. Б, шк. 7, № 181. Въ рукописи помѣщено 45 консенсовъ-контрактовъ съ разными лицами на наемъ домовъ и плацовъ во второй половинѣ XVII вѣка.

госпиталь (w zaulku do sw. Mikołaja idąc, przeciwko domu rajcy Kielczewskiego) и собственные дома нѣкоторыхъ частныхъ лицъ [1]).

Конская улица, одною стороною, на большомъ разстояніи, ограничивала собою, какъ мы видѣли, владѣнія Троицкаго монастыря. Здѣсь находились „каменицы“ (отъ Острыхъ воротъ къ Конной площади) Закревскихъ [2]), Рѣпницкая, Дубовича, Котовича, Шарипинская и Сетчинская. Всѣ они получили свои названія отъ бывшихъ владѣльцевъ и первыя три принадлежали въ XVII столѣтіи мужскому свято-Троицкому монастырю, а другія—женскому [3]). Послѣдняя владѣлица Рѣпницкой каменицы—Магдалина Рѣпницкая - была монахинею въ Троицкомъ монастырѣ въ концѣ XVII столѣтія, гдѣ и скончалась [4]). Дубовичовскую каменицу (отъ Дубовичей; одинъ изъ нихъ былъ архимандритомъ и настоятелемъ свято-Троицкаго монастыря) первоначально составляли два дома, и монастырь думалъ устроить въ нихъ даже новиціатъ. Но вмѣсто ремонта, домъ былъ сильно запущенъ; онъ скоро пришелъ въ развалины, а что было внутри дома, сгнило; наконецъ сняты были полы и потолки, и однѣ изъ уцѣлѣвшихъ досокъ употреблены на полъ Пятницкой церкви, а изъ другихъ сдѣланъ полъ на крыльцѣ монастыря и въ его спальняхъ. Домъ Котовича находился не въ лучшемъ положеніи и приносилъ монастырю очень незначительный доходъ [5]). Въ такомъ же положеніи находились и дома базиліанскаго женскаго монастыря.

Хроникеръ Троицкаго монастыря 1701 года мрачными красками описываетъ положеніе базиліанскаго городскаго хозяйства. Садъ (при монастырѣ), по его словамъ, былъ запущенъ до того, что поросъ крапивой, быльемъ и всякими сорными травами, совершенно оставался безъ досмотра и не имѣлъ никакой ограды; дѣти, школьники и вообще кто только хотѣлъ свободно входили въ садъ и, устраивая тамъ свои игры, бѣгали по пустымъ комнатамъ (сосѣднихъ домовъ, только что указанныхъ), разбивали печи, такъ что иногда не оставалось ни одного изразца. Оконные переплеты мы сами, говоритъ онъ, перенесли въ другіе дома, а остальная внутренняя домашняя обстановка сама собою отъ давности разрушилась. Дымовыя трубы и фундаменты развалились; стоятъ пока нѣкоторыя стѣны... Вотъ уже въ продолженіе болѣе 60 лѣтъ (писано въ 1701 г.) кромѣ двухъ безполезныхъ избъ, скорѣе

---

[1]) Акты Вил. Ком. XX, 141, 147, 320.
[2]) Ibid. IX, 268.
[3]) Археогр. Сборн. т. X, 120—128, 268, 269.
[4]) Ibid. 121.
[5]) Ibid. 120—128.

похожихъ на сараи, чѣмъ на жилое помѣщеніе, мы ничего не построили; а другія стѣны и фундаменты сами какъ бы напрашиваются привести ихъ къ первобытному совершенству. Но для насъ все ни почемъ. А бывали и такіе настоятели, продолжаетъ тотъ же хроникеръ, которые оставляли настоятельство, не прибавивши ни одной доски, отъ чего нѣкоторые дома и постройки, не имѣя крышъ, разрушались и было время, что монастырь не имѣлъ никакой ограды. Нѣтъ у насъ ни одной статьи хозяйства, которая велась бы такъ, какъ у другихъ орденовъ. Напротивъ, мы уже очень привыкли вести жизнь безпечную, сильно полюбили нашъ гнилой застой и нисколько не думаемъ о доброй чести и славѣ ордена. Что припасено для насъ другими, то проживаемъ благодушно: благо не хлопотливо. За все это—Боже, умилосердись надъ нами [1]).

Восемнадцатый вѣкъ, такимъ образомъ, засталъ въ большомъ разстройствѣ и разрушеніи многіе дома Виленскаго базиліанскаго монастыря на Конской улицѣ. Въ началѣ XVII столѣтія на этой же улицѣ находились еще слѣдующіе дома: Виленскаго мѣщанина Гавріила Ивановича „на улицы Конской, у самыхъ вилахъ, на рогу лежачій, недалеко братства русского кушнерского“ [2]); его съ двухъ сторонъ окружали своими домами Яковъ Поповичъ и Михаилъ Крашенникъ, Виленскіе мѣщане [3]). Тутъ же были: домъ мѣщанина и купца Виленскаго Севастьяна Ленартовича [4]), каменицы райцы Виленскаго Лебедевича, бурмистра Луки Соболя и купца Григорія Стефановича Варгуйлы; послѣдняя привилеемъ короля Владислава IV освобождалась отъ постойной квартирной повинности, въ виду того, что тамъ былъ складъ пороха [5]). Можно назвать еще дворецъ князя Огинскаго, гдѣ помѣщается дворянскій клубъ и женская гимназія и отъ котораго даже прилежа-

---

[1]) Ibid. 121, 122.

[2]) Акты Вилен. Ком. т. XX, 185. О послѣднемъ домѣ братства русскаго упоминаетъ грамота Стефана Баторія 1582 года, подтверждающая извѣстныя права и привиллегіи братства... „и поведили предъ нами, ижъ што который домъ братства ихъ купецкого власнымъ накладомъ ихъ вже отъ часу давного муромъ есть збудованый, лежачій въ месте нашомъ Виленскомъ на певномъ местцу, т. е. на Старычѣ улицы (съ одной стороны подле него домъ Есьмановскій, а другою стороною стоитъ къ заулку Непрохожему, противъ дому Куликовскаго), до которого то дому ихъ братского купцы места нашого Виленского сходячися, о потребахъ церковныхъ и шпитальныхъ намовы свои мѣваютъ... и артыкулы братству ихъ потребные собе сложили и выписали просячи насъ господара, абыхмо на нихъ позволивши в сесъ нашъ листъ вписати оные казали... Король на все согласился... Акты Зап. Рос., т. 3, стр. 269, 270.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 185.

[4]) Ibid. 320.

[5]) Ibid. 313.

щая улица называлась нѣкоторое время Огинскою [1]); но онъ выходитъ на Рудникскую улицу и въ старину главный подъѣздъ къ нему былъ съ этой улицы.

Рудникская улица, славная въ XVI и XVII столѣтіяхъ проѣздомъ по ней великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, была застроена обыкновенными домами. Здѣсь находилось много „господъ", т. е. заѣздныхъ домовъ, незатѣйливыхъ гостинницъ съ номерами для пріѣзжающихъ. Въ актахъ упоминаются дома: Снигировскаго, недалеко Рудникской брамы [2]), Виленскаго мѣщанина Соболя [3]), Мешковскаго [4]), Ивашкевича [5]) и другіе [6]). Съ начала XVII столѣтія громадное пространство между Конскою и Рудникскою улицами отведено костелу всѣхъ святыхъ съ бывшимъ при немъ монастыремъ и другими службами.

Улица Савичъ съ давнихъ поръ извѣстна своимъ госпиталемъ. Въ 1582 году Стефанъ Баторій освобождаетъ отъ платежа государственныхъ налоговъ и особенно акцизныхъ пошлинъ домъ „братства меского власнымъ накладомъ мѣщанъ Виленскихъ, вже отъ часу давного муромъ збудованы, лежачы на Савичъ улицы въ завулку (нынѣшня Спасская улица) въ певныхъ границахъ, съ одное стороны домъ Коробковски, а з другое стороны домъ Зенона Зарецкого, восковничого и подключого Виленского, в которомъ томъ братстве рада местская места нашого Виленского бурмистры и радцы и лавники стороны закону греческого сходячисе въ потребахъ церковныхъ и шпитальныхъ намовы свои меваютъ и ведле давныхъ звычаевъ своихъ в томъ же братстве своемъ меды разсычиваючи по кольконадцати медницъ на свята врочистые шесть разъ до року собираючисе на кождое свято по три дни выпиваютъ, а воскъ отъ тыхъ медовъ на свечи до церквей, а зыскъ медовый на потребы и справы и на слуги церковные, такъ тежъ и на милосердные вчинки до шпиталей и на ялмужну людемъ вбогимъ выдаютъ и оборочаютъ" [7]). Причина дарованныхъ льготъ указывалась въ похвальномъ стремленіи братства поддерживать между прочимъ Спасскій госпиталь, который находился тутъ же по близости, черезъ улицу. А при этомъ, продолжаетъ король, отъ тѣхъ же „опатрителей шпитальныхъ" мы получили свѣденіе, что недавно „за наданемъ некоторыхъ ихъ милостей пановъ радъ нашихъ великаго княжества литовскаго и

[1]) Kraszewski—Wilno—t. 3, str. 321.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 143.
[3]) Ibid. 186.
[4]) Ibid. 322.
[5]) Ibid. 382.
[6]) Ibid. 217. Kraszewski—Wilno—t. 4, str. 393.
[7]) Собраніе древнихъ грамотъ. Семенова, ч. 2, стр. 1.

приложеніи подданыхъ нашихъ мѣщанъ Виленскихъ на шпиталь светого Спаса куплены есть лазни (бани) мурованые, называемые Мылцаровскіе, лежачые на предместю Виленскомъ за муромъ местскимъ, на берегу рѣки Вилни, со всимъ будованемъ, и домомъ, и халупками, въ которыхъ суседи съ цыншу мешкають, а до тыхъ же лазень прислухають, которые тые лазни певной особе за слушную суму пенезей для лепшого пожитку шпитального на аренду пустили и тые доходы... на шпиталь, на опатрене и живность и на дрова людемъ убогимъ в шпиталю Спасскомъ мешкаючимъ дають и оборочають; которые же то лазни шпитальные и домъ при нихъ належачий со всими халупками при нихъ на тотъ часъ будучими, также тежъ и домъ тогожъ шпиталя, лежачій на Савич улицы в границахъ съ одное стороны домъ Яна Рожка кравца, а з другое стороны домъ нарожный мурованый шпитальный, яко речъ власную шпитальную... отъ вшелякихъ податковъ скарбу нашому господарскому належачихъ, а меновите отъ капщины пивное, медовое и горелочное вызволяемъ и вольными чинимъ [1]). Спасскому госпиталю еще въ 1648 году принадлежала Бзоловская каменица въ рыбномъ ряду возлѣ дворца Михаила Паца [2]); но въ 1700 году эта же каменица значится уже въ распоряженіи госпиталя св. Лазаря [3]). Въ 1720 году въ письмѣ митрополита уніатскаго Льва Кишки къ настоятелю Виленскаго свято-Троицкаго монастыря мы встрѣчаемся съ такимъ заявленіемъ, что орденъ блаженнаго Августина, при извѣстномъ вознагражденіи, желалъ бы присоединить къ своему монастырю (построенному на развалинахъ и землѣ Козьмо-Демьянской церкви) „угольный госпитальный домъ, лежащій на улицѣ Савичъ“. Митрополитъ совѣтуетъ настоятелю совершить проэктируемую замѣну justis conditionibus [4]). Намъ неизвѣстно, на какихъ справедливыхъ или незаконныхъ основаніяхъ совершена была съ августинскимъ орденомъ эта мѣна базиліанами, которымъ съ 1610 года принадлежалъ Спасскій госпиталь со всѣми его домами. Извѣстно только, что въ 1744 году въ угольномъ домѣ Спасскаго госпиталя на улицѣ Савичъ помѣщался уже своего рода дворецъ епископа латинскаго Смоленскаго Корвина Гонсѣвскаго. Это былъ очень богатый и вліятельнѣйшій прелатъ Виленскаго капитула. Вполнѣ сострадая страждущему человѣчеству [5]),

---

[1]) Ibid. 2.

[2]) Акты Вил. Ком. т. IX, 253, 254.

[3]) Ibid. 287.

[4]) Ibid. 56, 57.

[5]) Впрочемъ и онъ страдалъ крайнимъ честолюбіемъ. Въ прелатѣ Зенковичѣ онъ видѣлъ своего неодолимаго соперника по занятію Виленской епископіи. Въ 1730 году 21 мая во время обѣда во дворцѣ Бѣлозора, гдѣ было множество духовныхъ и свѣтскихъ гостей, Гонсѣвскій сталъ

онъ пожертвовалъ сто тысячъ злотыхъ для устройства на Савичъ улицѣ госпиталя для призрѣнія бѣдныхъ, больныхъ, часто безъ всякаго пріюта лежащихъ у стѣнъ города. Умирая, онъ и дворецъ свой записалъ для помѣщенія госпиталя [1]).

Замѣчательно то, какъ отнеслись къ этому достойному человѣку его ближайшіе родственники. Больной 80-тилѣтній старецъ проводилъ послѣднее время въ Вильнѣ въ своемъ дворцѣ. Когда онъ заболѣлъ и, повидимому, безнадежно, его родственники, зная о богатствахъ умирающаго, еще при жизни хотѣли заграбить его деньги и драгоцѣнности. Въ дѣло вмѣшался Виленскій епископъ Зенковичъ и просилъ литовскій трибуналъ назначить военную охрану дворца Гонсѣвскаго. Но лишь только старецъ закрылъ смертельнымъ сномъ свои глаза, его племянники и другіе родственники отбили, говоритъ Прыялговскій, стражу, которая охраняла дворецъ, ворвались туда и рѣшительно вытащили все, оставивъ почти голый трупъ. Не на что было даже похоронить недавняго богача и Виленскій капитулъ принялъ расходы на свой счетъ. За такой проступокъ епископъ Зенковичъ предалъ анаѳемѣ грабителей, особенно Антонія Гонсѣвскаго и Позняка за поддѣлку духовнаго завѣщанія и заключилъ въ тюрьму лакея Матыса, который обрывалъ трибунальныя печати и тоже занимался грабежемъ [2]).

Исполнителями своей воли относительно госпиталя Савичъ (съ этого времени онъ получилъ такое названіе) Гонсѣвскій назначилъ навсегда Виленскаго епископа и старшаго ксендзовъ миссіонеровъ. Первымъ такимъ распорядителемъ былъ ксендзъ Тыквинскій, который сейчасъ же поспѣшилъ выписать въ новый госпиталь сестеръ милосердія [3]). Госпиталю записаны были нѣкоторые дома въ Вильнѣ, денежныя суммы и имѣнія. Особенно богатыя пожертвованія госпиталь получилъ отъ Лудовика Сестренцевича, брата бывшаго митрополита Сестренцевича. Кромѣ трехъ имѣній, Куна, Нѣменчинки и Пернушки, Сестренцевичъ подарилъ госпиталю и сосѣдній съ нимъ свой домъ [4]). За такія пожертвованія онъ удостоился личной

публично упрекать Зенковича за его искательство епископства. Остроумный отвѣтъ Зенковича еще болѣе возмутилъ Гонсѣвскаго; przyszło do zawziętey kłótni; popędliwy Gąsiewski w zapale gniewu porywa naczynie ze stołu i ciska w twarz Zienkowiczowi; obsanguinavit vulneravitque... Pzyszło by do czegoś gorszego, gdyby obecni nie wstrzymali... Начался громкій процессъ... На того и другого наложено было запрещеніе. Римъ умиротворилъ противниковъ и оттуда Зенковичъ былъ объявленъ Виленскимъ епископомъ, а съ Гонсѣвскаго снято запрещеніе. Przyałgowski—t. 3, str. 135, 136.

[1]) Dzieje dobroczynności—Rok 1882, str. 72. Przyałgowski—t. III, 165—166.

[2]) Przyałgowski—t. III, 165.

[3]) Dzieje dobroczynności—rok 1822, str. 729.

[4]) Ibid.

благодарности Императора Александра I-го [1]). Будучи въ Вильнѣ, Императоръ осматривалъ госпиталь, остался имъ доволенъ и на его нужды пожертвовалъ богатое староство Междурѣчье.

За госпитальнымъ помѣщеніемъ по той сторонѣ улицы находились дома, принадлежавшіе въ послѣднее время Ромерамъ и Валицкимъ. Дальше шелъ переулокъ, ведущій внизъ къ Сафьянной улицѣ, а за переулкомъ въ старину начиналась Бакшта, мѣстность, почти незастроенная.

На углу Савичъ и Бакшты находилась, какъ мы говорили, Кузьмо-Демьянская церковь, а съ конца XVII вѣка костелъ и монастырь св. Августина. Въ началѣ XVII столѣтія при церкви было еще кладбище и пустые плацы, которые постепенно присвоивались частными лицами. Здѣсь, на церковныхъ земляхъ, явились дома Швейкокскаго, Грыбовича и въ концѣ XVII в. на подобные захваты жаловался уніатскій митрополитъ Гавріилъ Коленда [2]). Домъ священника и плацъ при немъ въ началѣ XVIII вѣка занятъ былъ какимъ то Осинскимъ [3]). Далѣе на Савичъ улицѣ можно указать изъ XVI столѣтія домъ Пилецкаго [4]), Клюковской, у которой онъ былъ купленъ въ 1594 г. Иваномъ Григорьевичемъ Остикомъ [5]) и другіе. Противолежащая сторона улицы Савичъ отъ госпиталя того же имени занята была садомъ, огородомъ и домомъ Тупеки [6]), домомъ цеха портныхъ, дворцами и пристройками къ нимъ Ходкевича, Радивилловъ и другими, которые выходили сюда отъ Большой улицы и о которыхъ сказано при описаніи этой послѣдней улицы.

---

[1]) Dzieje dobroczynności—rok 1820, str. 41.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 424, 426, 444.

[3]) Ja Jan Jundziłł, jenerał jego królewskiey mości wojewodztwa Wilen., zeznawam tym moim kwitem iż... byłem wżyty od jegomości o. Jozaphata, zakonnika cerkwi monastyra sw. Troycy w Wilnie będącego do domu popowskiego cerkiewnego na Sawiczej ulicy... leżącego, który ten dom mienił pomieniony zakonnik, iż na ten czas imć p. Paweł Osinski nie wiadomo za jakim prawem trzyma; przy którym domu za pokazaniem o. Jozaphata, widziałem plac cerkiewny ołtarzowy sw. Mikoły od niegoż p. Osinskiego zabrany, tynem przegrodzony i przywrocony ku temuż domowi i placu popskiemu w ieden dwor złączono... Акты Вил. Ком. т. IX, 23.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX, 174.

[5]) А каменица Анны Васильевны Клюковской, подкоморянки Новгородской, лежала „въ месте господарскомъ Виленскомъ на улицы, прозываемой Савичой за церквою рускою Кузьмы Демяна врочищами межи каменицами... зъ одное стороны каменицы вельможныхъ пановъ его милости пана Павла Паца, кашталяна Виленского, княжати Александра Пронскаго, гетмана Троцкаго, а его милости княжати Януша Заславского, воеводы Подляскаго, а зъ другое стороны также каменицы пана Богдана Родкевича, земенина господарьского, повету Киевского... Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 101, 102.

[6]) Акты Вил. Ком. т. IX. 57, 299, 304.

Прилегающая къ Савичъ Козьмо-Демьянская улица, иногда переулокъ, называющаяся еще Смилинскою улицею или тоже переулкомъ, застроена была многими хорошими домами и даже дворцами. Въ 1594 году Анна Балевна Зятевичовая продала Николаю Ручкѣ свой домъ, который во время оно составлялъ собственность Гаштольдовъ. Послѣ нихъ, jure caduco домъ сдѣлался собственностію Сигизмунда Августа, который и подарилъ его скорняку „королевое ее милости светобливое памяти господарыни Барбары“ Ивану Бялу, дѣду Анны Балевны. А лежалъ этотъ домъ съ плацомъ „въ месте Виленскомъ, на улицы Смылинской, прозываемой Кузьмо-Демьянской, въ певныхъ границахъ, то есть, о стену зъ домомъ мурованымъ вельможного его милости князя Богдана Соломерецкого, старосты Крычевского, с одное, а з другое стороны дому прозываемого теперь ее милости кнегини Александры Головчинское, пани Гальшки Михайловны Воловичовны, старостянки Слонимское, поперокъ, а з улицы вдолжъ отъ воротъ того дому, тыломъ до стайни князя Соломерецкого, ажъ до муру местского“ [1]). Такимъ образомъ изъ ограниченія дома Анны Балевны мы узнаемъ, что рядомъ съ нимъ находились дома князей Соломерецкихъ и Головчинскихъ и что тутъ уже сзади владѣній Балевны проходила защитная городская стѣна (по Бакштѣ). „Въ заулку Савичи улицы идучи отъ церкви св. Кузьмы и Демьяна къ гостиному двору“ лежалъ домъ „его милости князя Богдана Окгинского, подкоморего Троцкого“ [2]), который особенно много потрудился для установленія коповищъ и копныхъ судовъ въ Трокскомъ уѣздѣ [3]). Въ 1602 году былъ переданъ женѣ конюшаго Троцкаго Стравинской за долги домъ Виленскаго мѣщанина Солокая, „лежачій въ заулку прозываемымъ Кузьмо-Демьянскимъ, противъ двора пана подкоморого Троцкого“ [4]). По близости находились дома Марсона, Коленды и Костровицкаго съ обширными служилыми пристройками у двухъ послѣднихъ, а у Костровицкаго къ тому былъ еще значительный садъ и огородъ [5]). Между домами только что названнаго Марсона и Мигуриной лежалъ домъ Виленскаго бурмистра Александра Бражица, который въ концѣ XVII-го столѣтія перешелъ, по завѣщанію, въ собственность и пользованіе свято-Троицкаго монастыря [6]). Тому же монастырю Иванъ Коленда, земскій Виленскій писарь, записалъ въ 1619 году свой домъ въ Вильнѣ, „противко

---

[1]) Акты Вил. Ком., т. XX, стр. 107.
[2]) Ibid. 173, 187, 188, 189.
[3]) Ibid. т. XVIII, 80—90.
[4]) Ibid. XX, 198.
[5]) Ibid. т. XX. 362.
[6]) Арх. Сборн. X, 135, 136.

дому его милости пана Яна Корсака Голубицкого на Савичой улицы лежачій, збудованы на плацу церковномъ Кузьмы и Даміана", съ тѣмъ, чтобы братія монастыря поминала его въ своихъ молитвахъ и молебнахъ [1]).

На Шерейкишкахъ, „неподалеку двора его милости пана воеводы Виленского и млына ей милости королевны", находился въ 1598 г. домъ нѣкоего Павла Николаевича [2]). Далѣе слѣдовала королевская мельница и дома: Ясевича [3]), Дашковича [4]), ткача Мартина и князя Огинскаго [5]), Сальведера [6]) и капитульные [7]). Въ ограниченіи Вильны 1719 года упоминаются на Шерейкишкахъ дворцы Кердеевскій, потомъ Крышпиновскій и плацы Виленскаго капитула [8]). Послѣдніе лежали при самомъ развѣтвленіи Вильны на два рукава, гдѣ была устроена и мельничная запруда. Еще въ началѣ XVII столѣтія, у самой Лысой горы, за рѣкою Вильною, стоялъ каменный домъ Ивана Ясинскаго, съ обширными дворами и садами, расположенными у подножія Бекешовой горы. Все свое достояніе Иванъ Ясинскій завѣщалъ Успенской часовнѣ при каѳедральномъ латинскомъ костелѣ, основанной его братомъ Николаемъ Ясинскимъ, архидіакономъ Виленскаго капитула [9]). Въ 1542 г. на Шерейкишкахъ показаны два дома Анны Петровны Кишчиной; одинъ изъ нихъ, прилегающій къ капитульному плацу, она хотѣла увеличить и разширить. Съ согласія короля, Анна Петровна промѣняла на капитульный плацъ другой свой домъ, на противоположной сторонѣ улицы [10]).

---

[1]) Арх. Сборн. X, 247, 248.
[2]) Акты Вил. Ком. XX, 130.
[3]) Ibid. 59.
[4]) Ibid. 183.
[5]) Ibid. 271.
[6]) Ibid. 481. Ограниченіе послѣдняго обозначалось такъ: na Szereykiszkach pod Łysą górą, pod juryzdyką Horodnictwa Wileńskiego, w pewnym ograniczeniu będący, to jest: z jedney strony koncem pod samą górą Łysą z krynicą wody, zdawna do niego należącą, a drugim koncem do rzeki Wilny, wpoł z brzegiem i z ogrodem do niego należącym nad tąż Wilną, bokiem zaś iednym od placu Andrzeja Kalinowskiego, a teraz (1691 г.) pana Piotra Ilera, a drugim niegdy od placu p° zeszłym Krystofie Czamie y innych placow pustych po zeszłych bezpotomnie sławetnym Hanusie tkaczu y Katharzyny Winkzelowny małżonkach...
[7]) Wizerunki—t. 23, 177, пр. 4.
[8]) Poszedłszy ulicą Młynową za młyn Królewski, na wschod słonca, za pałacem quondam Kierdiejowskim place kapitulne na Szerekiszkach... Poszedłszy za młyny murowane, mimo pałac Kryszpinowski, a dawniey Kierdiejowski pusty zaczynaią się znowu place kapituły na ulicy, zwaney Szereykiszki, idąc przez spust młynski ku Łysym gorom na wschod słonca. Place zaś pomienione leżą w samych widłach od spustu przy rzece Wilence... Wizerunki—t. 23, str. 78, пр. 1.
[9]) Ibid.
[10]) Wizerunki—.t 23, str. 181, 182.

Въ началѣ XVII столѣтія Иванъ Коленда, писарь земскій Виленскій завѣщалъ часовнѣ Воздвиженія честнаго креста въ свято-Троицкомъ монастырѣ три тысячи злотыхъ и домъ свой въ Вильнѣ на Шерейкишкахъ съ тѣмъ, чтобы въ часовнѣ каждую недѣлю было совершаемо по три службы: въ пятницу—о здравіи самого фундатора и его семейства, а по средамъ и субботамъ – объ упокоеніи души усопшихъ предковъ и потомковъ Коленды [1]).

Гдѣ теперь ботаническій садъ, были въ XVIII вѣкѣ хорошіе каменные дома съ большими плацами Александровичей, Бѣлозоровъ, Вавржецкихъ. На мѣстѣ дома Ясинскаго, когда онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими землями перешелъ въ обладаніе іезуитовъ, былъ устроенъ ими свѣчной и медоваренный заводъ. Свѣчи на заводѣ приготовлялись только изъ воска для костеловъ. Медъ варили для обширнаго собственнаго потребленія. Между другми на этомъ заводѣ долгое время учился бѣлить воскъ, дѣлать свѣчи и варить медъ извѣстный потомъ астрономъ Мартинъ Почобутъ, когда въ школѣ у іезуитовъ онъ проходилъ еще степени послушанія [2]).

Татарская улица не представляла собою въ разсматриваемое время ничего особеннаго относительно построекъ. Ее скрашивалъ главнымъ образомъ домъ Радивилловъ, выходившій сюда своими громадными постройками и дворами съ нынѣшней Виленской улицы. Были здѣсь и другіе частные дома [3]). Татарская улица до послѣдняго времени представляла собою очень грязный видъ, по своему низменному положенію была нездорова и вымощена только въ началѣ текущаго столѣтія [4]).

О нѣкоторыхъ постройкахъ, выходившихъ на Іоповскую улицу, мы уже говорили [5]). Къ сказанному можно прибавить, что здѣсь между прочимъ имѣли свои дома Космовскій, секретарь королевскій [6]) и Ляцкій [7]), который получилъ значительную часть недвижимаго въ Вильнѣ наслѣдства отъ Михаила Паца.

---

[1]) Археогр. Сборн. X 46, 47.
[2]) Wizerunki--t. 23, str. 178, пр. 1.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, 143.
[4]) Balinski—Statystyczne opisanie Wilna—19.
[5]) См. Акты Вилен. Ком. т. XX, 167, 234, 235, 237, 255, 294.
[6]) Ibid. 82.
[7]) Ibid. 460.

На церковныхъ земляхъ четырнадцати Виленскихъ церквей насчитывалось въ 1672 году шестьдесятъ четыре дома [1]) и шесть плацовъ съ огородами [2]). Въ 1690 году „на враде господарскомъ кгродскомъ Виленскомъ, постановившисе очевисто шляхетные панове Стефанъ Морозъ и Миколай Огурцевичъ, бурмистре места его королевское милости Вильна. верыфикацыю каменицъ великихъ и малыхъ, домовъ и фольварковъ, подъ юрыздыкою Майдебурскою будучихъ..., учиненую и справедливе зревидованую, покладали"... По составленному ими подробному перечню домовъ г. Вильны, подлежащихъ исключительно магистратскому присуду, послѣднихъ насчитывалось *тысяча триста тридцать семь*. Евреи въ своемъ кварталѣ занимали особенно *семь* большихъ каменныхъ домовъ, *четырнадцать*—малыхъ и *нѣсколько* деревянныхъ. Но и этотъ расчетъ далеко не точный, такъ какъ многіе обыватели—христiане и евреи—не позволили произвести у себя требуемую ревизіонную перепись [3]).

Съ половины XVI вѣка усиленная строительная дѣятельность въ Вильнѣ стала замѣчаться особенно въ двухъ пунктахъ города: по Бискупьей улицѣ и Ивановской съ одной стороны и на обширныхъ плацахъ Горностаевскихъ и Воловичовскихъ—съ другой. Здѣсь учреждались два какъ бы противоположные лагеря разномыслящихъ противниковъ, готовящихся вступить въ открытую религіозную смертельную борьбу: говоримъ объ утвержденіи въ Вильнѣ протестантства и іезуитовъ.

Послѣ полуторавѣковаго господства въ краѣ, латинство въ первой четверти XVI столѣтія въ Литвѣ оказалось сильно расшатаннымъ: ему какъ будто грозила даже окончательная погибель. Уже въ 1516 году въ Вильнѣ не хотѣли уплачивать Риму „аннуатъ" и собирать для него „грошъ св. Петра" [4]); еще менѣе интересовались здѣсь папскими „одпустами" [5]). Сильно раздражало папу такое поведеніе литовцевъ, но онъ находилъ нужнымъ мириться съ нимъ и королю Сигизмунду прислалъ въ подарокъ „золотую розу". Жившіе въ Виленскомъ замкѣ

---

[1]) Были каменные и деревянные, большіе и малые; всѣ они поименно перечислены въ рѣшеніи королевскаго ассесорскаго суда по спору между митрополитомъ Гавріиломъ Колендою и Виленскимъ магистратомъ о предѣлахъ юрисдикціи. Акты Вил. Ком., т. XX, 443, 444.

[2]) Ср. ibid. 226, 227, 250, 251, 258, 262, 277, 300, 338, 450, 460, 462, 463 и др.

[3]) См. подробный перечень домовъ на всѣхъ улицахъ Вильны 1690 г. — Акты Вил. Ком., т. XX, 470—481.

[4]) Dzieła Tadeusza Czackiego—t. III, str. 547.

[5]) Kościoł Augsburski w Wilnie—7.

пріѣзжіе и мѣстные нѣмцы [1]), находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ великокняжескимъ дворомъ, содѣйствовали занесенію сюда съ запада и распространенію протестантскихъ идей. Тому же не мало содѣйствовали торговыя сношенія Литвы съ Данцигомъ, куда ежегодно со всѣхъ странъ западной Европы прибывало лѣтомъ до пятисотъ торговыхъ кораблей и гдѣ впервые въ Польшѣ вспыхнулъ религіозный бунтъ въ 1524 году между лютеранами и латинянами [2]). Костелъ и монастырь францисканскій въ Вильнѣ много помогали пропагандѣ лютеранства. Францискъ Лисманини, кустошъ францисканскій въ Краковѣ, а съ 1521 года—въ Вильнѣ, отправляется въ 1522 году, по порученію Сигизмунда перваго, къ Лютеру просить у него учителей для Польши. Въ пособіе ему придается королевскій секретарь Людовикъ Децій. Лисманини потомъ становится воспитателемъ и довѣреннымъ лицомъ молодаго Сигизмунда Августа, духовникомъ королевы Боны, выписываетъ протестантскія сочиненія и какъ при дворѣ, такъ и въ францисканскомъ монастырѣ основываетъ изъ нихъ библіотеки [3]). Понятно, послѣ этого, почему Сигизмундъ Августъ особенно былъ внимателенъ къ такимъ личностямъ, какъ Іовъ Прейтфусъ, Вингольдъ, Рупертъ Финкъ, Ганцевичъ, Энгельбрехтъ, Зелигмахеръ, Фонъ-деръ-Флотъ - все нѣмцы, которыхъ одаривалъ даже недвижимымъ имуществомъ [4]). Недовѣрчиво относился Виленскій капитулъ къ религіознымъ убѣжденіямъ и Ульриха Гозія, Виленскаго городничаго, который тоже пользовался довѣріемъ великокняжескаго двора. Правда, отлученіе его отъ церкви видимымъ основаніемъ имѣло то, что Гозій не вносилъ Виленскому капитулу арендной платы за отчужденную костельную землю для постройки королевской мельницы, доходами съ которой онъ пользовался [5]); но при этомъ капитулъ имѣлъ въ виду и его покровительство новому ученію и близкія сношенія Ульриха съ Виленскими францисканами, гдѣ гнѣздилась реформа; за это Виленскій капитулъ два раза лишалъ ихъ юриздики въ принадлежащей имъ части города [6]).

---

[1]) См. планъ Вильны Брауна—Deutsches Haus—въ Актахъ Вил. Ком. XX.

[2]) Relacye nuncyuszow apostolskich o Polsce—t. I, str. 247, 246.

[3]) Kościoł Augsburski w Wilnie—8.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX, 10, 52, 64, 100, 104, 128, 155 и др.

[5]) Wizerunki—t. 24, str. 49. пр. 1.

[6]) Kościoł Augsburski w Wilnie—9—15. Акты Вил. Ком. т. XX, 447. Kupił Ulnych Hosse w roku 1523 za 20,000 cegieł i 10 kop groszy Litewskich od XX. Franciszkanow, odbudowywających swoj klasztor, plac, należący teraz (1855) do kościoła Augsburskiego i małe zapewne domki drewniane na zaułku Panny Marij przy samej wieży klasztornej, prawie stykającej się z jego kamienicą, wychodzącą aż na ulicę Niemiecką.. Syn Ulryka—Jan - dla prawności kupli ojcowskiej dodał 6,000 cegieł i obowiązek utrzymania rur z wod Wingierskich na siebie przyjął... Styczność xx.

При такомъ ходѣ вещей. реформа въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ усиливалась. Въ костелахъ стали слышаться проповѣди въ духѣ протестантства и открываться довольно людныя училища [1]). На Лукишкахъ во дворцѣ князя Радивилла чернаго проповѣдуютъ протестанство ксендзы Франдискъ Литвинъ, Станиславъ изъ Опочны и Францискъ Козубовскiй [2]). Въ томъ же духѣ какой то Виклефъ говоритъ проповѣди въ костелѣ св. Анны. Кромѣ Радивилловъ—Гурки, Тарлы, Гаштольды окружаютъ себя протестантами. Сигизмундъ Августъ даетъ знать Виленскому епископу (латинскому) Павлу, князю Ольшанскому, что онъ напрасно притѣсняетъ въ Вильнѣ проповѣдниковъ реформы, напрасно запрещаетъ имъ проповѣдь и называетъ ихъ *своими* [3]). Богатый Виленскiй мѣщанинъ и бурмистръ Морштынъ даетъ въ своемъ домѣ на Нѣмецкой улицѣ (въ предѣлахъ нынѣшняго лютеранскаго пастората) свободный прiютъ послѣдователямъ Лютера и содѣйствуетъ основанiю (около 1555 г.) скромной лютеранской кирхи. Замковая библiотека Сигизмунда Августа съ 1547 года значительно пополняется протестантскими сочиненiями, которыя специально закупаетъ для него ученый Iоаннъ Трецесскiй. Великiй литовскiй князь ведетъ частую корреспонденцiю съ реформаторомъ Кальвиномъ, съ протестантскимъ богословомъ Буллингеромъ, съ славнымъ Конрадомъ Геснеромъ и другими; они, между прочимъ, присылали ему и разныя въ своемъ духѣ книги и собственныя сочиненiя. Самъ Лютеръ подарилъ Виленской королевской библiотекѣ съ посвященiемъ Сигизмунду Августу свой переводъ священнаго писанiя, въ роскошномъ бархатномъ переплетѣ, обдѣланномъ въ серебро. Этотъ замѣчательный экземпляръ въ 1655 году для храненiя пересланъ изъ Вильны въ Кролевецъ (Кенигсбергъ) [4]).

Въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ Литвы въ большомъ числѣ начинаютъ печататься сочиненiя протестантовъ. Августанское исповѣданiе вѣры (Авгсбургскiй

Franciszkanow Wileńskich z Augsburczykami i pomowienie o wpuszczenie zarazy do miasta za wystepek była uważana przez Kapitułę Wileńską, i dla tego dwakroć im odbierana była jurysdyka całej tej części miasta, stanowiącey na Piaskach (часть города между Трокскою, Нѣмецкою улицами Николаевскимъ и другимъ переулкомъ около дома гр. Тышкевича...) jakoby wyspę zarażoną... Kościoł Augsb. 9 и пр. 1 и str. 15.

[1]) Авраамъ Кульва, Magister artium Юрiй, изъ францисканъ ксендзы-проповѣдники: Iаковъ на польскомъ языкѣ, Iоаннъ—на литовскомъ.

[2]) Kościoł Augsb. 9. Kraszewski—Wilno—t. III, str. 108, 109.

[3]) Kościoł Augsburski 11. Громкая проповѣдь нѣкоторыхъ писателей о задержанiи якобы Сигизмунда-Августа на пути слѣдованiя его въ Кальвинскiй сборъ должна считаться выдуманною, послѣ подробнаго и обстоятельнаго ея разбора Wizerunkami—t. 23, str. 59—72.

[4]) Kosciol Augsburski 12, 13.

катехизисъ) выдерживаетъ въ тридцать лѣтъ семь изданій. Спеціально оно печатается для Сигизмунда Августа въ Краковѣ въ 1564 году [1]). Издаются въ духѣ реформы на различныхъ языкахъ агенды, катехизисы, священное писаніе въ цѣломъ составѣ и по частямъ, многообразныя сочиненія. Печатаніе идетъ по преимуществу въ типографіяхъ Радивилла и Ленчицкаго въ Вильнѣ и Радивилла же въ Брестѣ и Несвижѣ [2]). Современники очень уже увлекались подобными сочиненіями и запросъ на нихъ, по свидѣтельству Прыялговскаго, былъ до того великъ, что громадные заграничные транспорты съ ними далеко не могли удовлетворить ему и, вслѣдствіе этого, то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ появлялись для ихъ печатанія новыя типографіи [3]).

А въ Вильнѣ какъ будто не замѣчаютъ появленія реформы. Въ богатомъ роскошномъ домѣ Виленскаго войта и замѣчательнаго по своему времени законовѣда Августина Ротундуса Мелесскаго одинаково сходятся люди различнаго направленія и положенія. Самъ онъ ревностный латинянинъ и приверженецъ іезуитовъ дѣлается искреннимъ другомъ и почитателемъ Воляна—глубокаго протестанта и пишетъ похвальные отзывы въ честь его сочиненій [4]). Даже въ то время, когда Волянъ открыто уже выступилъ противъ іезуитовъ и велъ съ ними упорную литературную борьбу, Ротундусъ принимаетъ его у себя въ домѣ самымъ сердечнымъ образомъ и посвящаетъ ему свои сочиненія [5]). Здѣсь ведутъ продолжительныя между собою бесѣды Скарга съ Воляномъ, въ надеждѣ найти, наконецъ, пункты для взаимнаго внутренняго примиренія; но обмѣнявшись сочиненіями, они видятъ, что примиреніе для нихъ на землѣ болѣе невозможно. Тѣмъ не менѣе, напечатавши свое произведеніе: Vera et orthodoxa veteris Ecclesiae sententia ad Petrum Skargam per Andream Volanem Typis castri Łoscensis (теперешній Лоскъ—село въ Ошмянскомъ уѣздѣ) 1574 an., Волянъ посвящаетъ его епископу Виленскому Валеріану Протасевичу и лично представляетъ его, при торжественномъ собраніи въ Виленскомъ замкѣ. Увѣдомленный предварительно Скаргою о содержаніи сочиненія, епископъ Валеріанъ сухо принялъ предложеніе Воляна, замѣтивши, что онъ еще посмотритъ, достойно ли его сочиненіе того, чтобы могло быть принято епископомъ [6]).

---

[1]) Ibid. 13 и пр. 2.

[2]) Balinski—Wilno—t. II, str. 118, 119.

[3]) Żywoty biskupów Wileńskich—t. I, 1[illegible]4.

[4]) Balinski—Pisma historyczne—t. III. str. 21, 35.

[5]) Balinski—Dawna Akademija Wileńska—5[illegible].

[6]) Balinski—Pisma historyczne—t. III, str. 37, 38. Рѣшеніе епископа было такое: Valerianus Dei gratia Episcopus Vilnensis, omnibus dioecesis nostrae Christi fidelibus filiis in Christo charissi-

Прибывшие въ то же время Виленские депутаты съ Петрковскаго сейма (1551 г.) привезли въ Вильну очень неутѣшительныя вѣсти. Тамъ, говорили они, во время совершенія передъ началомъ сейма торжественной литургіи многіе вельможи все время за богослуженіемъ присутствовали въ шапкахъ и о ксендзахъ передавали очень много нехорошаго. А тутъ ежедневно доносились тревожные слухи, что вотъ въ извѣстномъ мѣстѣ колляторы, сдѣлавшись лютеранами, выгнали ксендза настоятеля (латинствующаго); тамъ заграбили костельное имущество, а тутъ, какой нибудь монахъ, сбросивъ монашеское одѣяніе, женился, или ксендзъ, оставивши костелъ и паству, ушелъ и неизвѣстно гдѣ скрылся. Такъ было въ Сморгоняхъ, Ишколдѣ, Брестѣ, Дубинкахъ, Ляцкѣ, Милейчицахъ. Виленскій епископъ суффраганъ Георгій Альбинъ составилъ громадную библіотеку изъ книгъ въ духѣ реформы, читалъ ихъ, увлекался ими. Новое вѣяніе, по Прыялговскому, огнемъ охватило его душу. Онъ сразу возсталъ противъ костела, сталъ хулить папу и все богослуженіе совершать на польскомъ языкѣ [1]). Онъ подвергся запрещенію и внезапно скончался [2]); его библіотека отдана была іезуитамъ. Другой Виленскій прелатъ-архидіаконъ—Николай Пацъ, онъ же епископъ Кіевскій, поступилъ рѣшительнѣе. Не много думая, говоритъ Прыялговскій, онъ съ презрѣніемъ оставилъ всѣ костельные титулы и почести и поспѣшилъ жениться [3]). Женившись, онъ бросилъ епископскую митру, отказался отъ епископства, писалъ противъ костела и папы, а получивши мѣсто Брестскаго каштеляна, сдѣлался, такимъ образомъ, сенаторомъ [4]). Папа и нѣкоторые поляки возставали противъ такого назначенія. Въ Вильну явился даже посолъ отъ папы, Липпомани, съ усерднѣйшею просьбою—защитить властію короля дѣло вѣры. „Да, отвѣчалъ король Сигизмундъ Августъ, я король, но руки у меня связаны". Напрасно въ этомъ отвѣтѣ Прыялговскій видитъ желаніе короля помочь падающему латинству [5]).

---

mis, salutem. Denunciatum vobis esse volumus librum Andreae Volani, qui nuper prodiit ad Rev. Fratrem Petrum Skargam Soc. Jesu, Collegii nostri Vilnensis praedicatorem, Anno Domini 1574 typis castri Łoscensis aditus, totum esse haereticum flammis et omni exilio dignissimum; qui ne ab ullo nostrorum ovium legatur, vendatur et habeatur, sub poena excommunicationis omnibus interdicimus. Datum Vilnae 1 Augusti 1574. Воляну много помогалъ Трецесскій, который, въ свою очередь, находился въ большихъ дружескихъ отношеніяхъ съ ксендзомъ Роизіемъ, истиннымъ латинининомъ, ibid. 41, пр. 1. Ср. Balinski—Dawna Akademia Wileńska—str. 53.

1) Żywoty Bisk. Wil., t. I, str. 166.

2) Wizerunki—t. 22, str. 60, пр. 1.

3) Żywoty bisk. Wil. t. 1, str. 167.

4) Żywoty Biskupow Gnieznienskich—изд. Mikołaj Malinowski—t. II, str. 288.

5) Przyałgowski—t. I, str. 165.

Другому папскому послу, Коммендони, когда тотъ именемъ папы настаивалъ о предоставлении высшихъ должностей въ краѣ *только католикамъ*, Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ, что очень трудно указать съ достовѣрностію, *кто бы могъ назваться истиннымъ католикомъ* [1]). Гораздо ближе къ истинѣ, что король внутренно сочувствовалъ реформѣ, что ему надоѣла тяжелая опека гордаго латинскаго духовенства, что онъ желалъ поставить преграду вредному на Литву влiянiю Рима и создать независимую отъ него народную церковь [2]). Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ думалъ и политически сдѣлаться самостоятельнымъ, независимымъ королемъ [3]).

И вотъ, при такомъ отношенiи къ реформѣ Сигизмунда Августа, при покровительствѣ ей литовскихъ магнатовъ съ Радивилломъ во главѣ, она все больше и больше начинаетъ охватывать Вильну со второй половины XVI вѣка. Протестантская проповѣдь, сначала неопредѣленная, неясная, укрывавшаяся въ домѣ Морштына на Нѣмецкой улицѣ и въ загородномъ Лукишскомъ дворцѣ князя Радивилла, завоевываетъ себѣ мало по малу опредѣленное мѣсто и устрояется съ своими сложившимися общинами—первая лютеранская въ помѣщенiи нынѣшней лютеранской кирхи, а вторая кальвинская—сначала въ Рыбномъ рынкѣ—тоже во дворцѣ Радивилла (объ этомъ мы уже говорили), а потомъ въ нарочно устроенномъ для кальвинистовъ сборѣ на Бернардинской улицѣ по сосѣдству съ костеломъ того же имени и Покровскою церковiю [4]).

Въ 1671 году митрополитъ унiатскiй Гаврiилъ Коленда предъявилъ торжественный протестъ, что какъ самый сборъ кальвинскiй совершенно безправно и незаконно поставленъ на фундаментахъ Покровской церкви и ея кладбищѣ, такъ и каменица Горностаевская, стоящая въ запустѣнiи по правой рукѣ отъ костела св. Михаила, jure caduco должна принадлежать митрополиту; что въ ней передъ тѣмъ имѣли свою резиденцiю предшественники митрополита (Коленды); что безъ всякихъ юридическихъ основанiй и не надлежаще забраны также кальвинистами церковные дома и плацы и удерживается слѣдуемая со всего этого арендная плата. Митрополитъ указывалъ, что его заявленiе не ново, что онъ повторяетъ только жалобы своихъ предмѣстниковъ, которые предъявляли ихъ еще въ 1640

---

[1]) Koscioł Augsburski, 19, пр. 1.

[2]) См. посольство къ папѣ съ проектами разныхъ нововведенiй—Dzieje i prawa kościoła. P. Ostrowski—Warszawa. 1793 г. t. III. str. 144—150. Kraszewski—Wilno—t. 3. str. 109.

[3]) Ср. Акты Зап. Рос., т. 2, пр. 90 и текстъ.

[4]) Balinski—Historya m. Wilna—t. 2, str. 104. Kraszewski—Wilno—t. 3, str. 109, 110.

году, и что тогда король Владиславъ IV призналъ ихъ законность и приказалъ возстановить права обиженныхъ [1]).

У насъ нѣтъ всѣхъ данныхъ для того, чтобы показать, какъ отчуждена была Горностаемъ или его предшественниками по владѣнію земля церкви Покровской. Подтвержденіе истинности заявленія митрополита можно находить только въ томъ, что въ продажной записи Горностая Радивиллу есть два слова: *на кгрунте костельномъ* (или церковномъ; употреблялось безразлично), которыхъ въ дальнѣйшихъ документахъ нѣтъ. Плацъ Горностаевскій, на которомъ построенъ былъ Сборъ, первоначально принадлежалъ Настасьѣ Зеновьевичевой. У нея купилъ мѣсто Иванъ Горностай, воевода Новгородскій и записалъ его своему сыну Евстафію. „Потребуючи пенезей для великихъ, а пильныхъ потребъ своихъ, продалъ есми, говорить Остафей Горностай, тотъ дворъ мой, в месте Виленскомъ лежачый подле тое церкви русское Покрова Пречистое, а в тыле двора ясневельможного княжати князя Костентына Костентыновича Острожского... ажъ до улочки, которая идетъ з Великое Замковое улицы межы домы нарожными небожчыка Генриха Блюнка, а з другое стороны Михала Сабельника, мещанъ места Виленского, ажъ до дому нарожного Павла Телятича *на кгрунте костельномъ* черезъ улочку другую, которая съ правое стороны пришла мимо двора ясневельможного пана его милости Остафея Воловича, пана Троцкого, подканцлерего великого князства Литовского.. и тою улочкою кругомъ ажъ до тоежъ церкви Покрова Пречистое противко дому нарожного тоежъ церкви попа Покровскаго, з будованьемъ позосталымъ по погоренью и з муромъ около оточонымъ, з местцомъ або пляцомъ тогожъ двора моего ясне освѣцоному пану Миколаю Юрьевичу Радивилу“ [2]). Почти черезъ годъ—въ 1577 г. Николай Радивиллъ все мѣсто, купленное у Горностая „з будованьемъ всякимъ, што на ономъ пляцу есть, и з водою, которая за него рурою до того двора приведена есть, и зо всимъ на все, зо всякою властностью того двора и пляцу“... продалъ „братьи збору пана Кристусового еванелицкого“, которые, въ свою очередь, хотѣли купить мѣсто „для збудованья дома ку проповеданью правдивого слова Божого“ [3]). Въ продажной записи Радивилла Сбору опущены уже слова: *на кгрунте костельномъ*, хотя ограниченіе продажи въ остальномъ почти буквально означено словами продажной Горностая. Въ 1579 году король Стефанъ Баторій подтвердилъ эту продажу Радивилла и теперь

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 408.
[2]) Акты Вил. Ком. т. XX. 27.
[3]) Ibid. 31.

кальвинисты, имѣя отдѣльный сборный домъ, не только могли считать свое дѣло укрѣпившимся [1]), но даже быстро стали расширяться.

Въ 1582 году тотъ же король Стефанъ Баторій подтвердилъ новое для Сбора пожертвованіе Евстафія Воловича, который хотѣлъ при сборѣ „шпиталь заложити и при немъ огородъ на погребъ телъ умерлыхъ людей меть“... Съ этою цѣлію онъ записалъ сбору свой дворъ, названный Старый, который „лежитъ в месте Виленскомъ (между Бернардинскою улицею и Замковымъ переулкомъ) на улицы, идучы мимо Барнадынскій костелъ до Замковое улицы в тыле дому, на сборъ хрестианский Евангелицкий збудованого, где передъ тымъ былъ дворъ пана Ивана Горностая..., а черезъ тую улочку тотъ мой дворъ по части будованый на пляцахъ княжати Семена Юрьевича Слуцкого и брата его Юрья Олельковича Слуцкого, который былъ проданъ мещанину места Виленского Кондрату Кнофови, а я отъ того мещанина купилъ у пана Роского, пана Размуса Довкгирда и кнегини Жилинское купленые пляцы, все то почавши отъ тылу дому Блюбкового, который лежитъ на Замковой улицы, ажъ до пляцу чашника великого князства Литовского пана Матея Исткевича, где се разделяетъ улица мимо костелъ Бернадынский идучая, при рогу двора вышей менованого Горностаевского, который на зборъ хрестіанскій оберненъ и збудованъ для преподаваньа слова Божьего“ [2]). Недовольствуясь пожертвованіями, кальвинисты, по свидѣтельству актовъ, стали присвоивать себѣ сосѣдніе дома и земли, принадлежавшіе Покровской церкви [3]).

---

[1]) Kraszewski—Wilno—t. III. str. 116, 117.

[2]) Акты Вилен. Ком. XX, 43, 44.

[3]) Ibid. 328, 433, 434. Въ 1640 году былъ заявленъ протестъ contra dominos Calvinistas, pertinentes ad Zbor Vilnensem, eo, quod dicti dissidentes ex odio et contemptu religionis catholicae locorumque ad Dei cultum consecratorum, primo, in pariete altaris ecclesiae Protectionis Beatissimae Virginis orientem versus superaedificaverint turrim suam seu propugnaculum zbori sui; secundo, quod erat ad dictam ecclesiam, versus aequinoctium, arcam sui zbori fecerint, domum ibidem presbiterorum olim solo aequaverint; tertio, quod ecclesiam S. Michaelis, ubi nunc manet Petrus chirurgus calvinista, in lapideam converterint, plurima ossa ibidem sepultorum effuderint et ejjcerint; quarto, quod duas lapideas domini Naborowski et ubi nunc hospitale calvinistarum ac domum ligneam penes zbor pro... juris fecerint et censum solvere, uti ex fundo ecclesiastico, recusent... Въ 1671 году снова были поданы въ судъ жалобы на Лидскаго маршалка Дунина Раецкаго, на Богдѣвича и Гизберта, jako samych uczynku niżey wyrażonego pryncypałow, o to i takowym sposobem, iż obżałowani spretis legibus et constitutionibus regni, stante rebelli dissidentium in fide sancta graeco-romana disunione, gdy niektóra starszyna ritus graeci a ritu sancto ad haereticam et calvinisticam illicito ausu transierunt confessionem, tedy nie mało dobr cerkiewnych, w róźnych wojewodztwach i powiatach leżących, a nawet i samą cerkiew sw. Pokrowy w Wilnie, w pewnych granicach leżącą, z klasztorem przy niey wymurowanym i z cmentarzem, murem około otoczonym, violenter et indebite zabrawszy, na zbor kalwinski obrocili i mury cerkiewne, iawne antiquitatis signa na sobie

Въ 1609 году Кальвинскій сборъ получилъ новый подарокъ отъ Крыштофа Радивилла. Онъ записалъ ему извѣстную уже намъ большую Константиновскую каменицу на Замковой улицѣ[1]), тогда какъ сосѣдняя—Солтановская—еще раньше[2]) перешла въ собственность Саскаго сбора (лютеранъ) на Нѣмецкой улицѣ.

Такимъ образомъ въ началѣ XVII вѣка протестантамъ принадлежало въ Вильнѣ почти все пространство съ домами и плацами между нынѣшними улицами Покровскою, Замковою, Бернардинскою, костеломъ св. Михаила и отчасти между Бернардинскою улицею и Замковымъ переулкомъ. Здѣсь, кромѣ Сбора, Кальвинисты устроили училища и госпиталь съ различными многочисленными службами. Лютеране продолжали утверждаться на Нѣмецкой улицѣ. Кладбище у нихъ съ 1559 года было общее за Виленскою брамою на мѣстѣ, подаренномъ Радивиллами, гдѣ они поставили госпиталь и часовню: это позднѣйшій домъ Кулаковскаго, по нынѣшней Преображенской улицѣ; мѣсто съ домомъ и теперь принадлежитъ лютеранской церкви. Кальвинисты, какъ мы говорили, имѣли съ начала XVII столѣтія особое кладбище тоже на землѣ Радивилловъ, за Трокскою брамою, гдѣ до сихъ поръ красуется домъ съ отличнымъ садомъ реформатской коллегіи[3]).

Въ 1633 году король Владиславъ IV даровалъ евангелическому Сбору привиллегію свободно и открыто совершать богослуженіе на языкахъ польскомъ и нѣмецкомъ, давать надлежащій пріютъ въ госпиталяхъ бѣднымъ и престарѣлымъ людямъ, заниматься воспитаніемъ юношества, торжественно со звономъ и пѣніемъ провожать черезъ городъ покойниковъ, владѣть на общихъ законныхъ основаніяхъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и наконецъ свободно собираться

---

maiące, zruinowawszy, pomieniony zbor na gruncie i cmentarzu cerkiewnym wystawić dopuscili i de facto wystawili, jako o tym szyrzey różne processa wielu antecessorow żałującego do różnych akt różnemi czasy podane i zaniesione, swiadczą i opiewają; za któremi częścią dla ustawicznego w oyczyznie zamieszania, częścią propter potentiam, metum et oppressionem haereticorum, częścią propter summam egestatem et inopiam antecessorum, pomienieni antecessorowie żałującego bona haec avulsa et violenter adempta jure vindicare nie mogli i dotąd nie recuperowali... Ibid. 435. Ср. 388. 455—458.

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, 213.

[2]) Около 1589 г. См. ibid. 60.

[3]) Въ хроникѣ авсбургскаго костела сказано (Augsburski kościoł, str. 33), что кальвинисты *съ 1639 года* образовали для себя особое кладбище; но въ привиллегіи короля Владислава IV евангелическому сбору *1633 года* упоминается уже о кальвинскомъ кладбищѣ за Трокскою брамою, какъ давно выдѣленномъ для погребенія покойниковъ и обнесенномъ каменною стѣною. Акты Вил. Ком. т. XX, 310.

на синоды, когда того потребуетъ порядокъ и устройство церковныхъ дѣлъ. Всѣ дома, каменицы и мѣста, принадлежащіе Сбору, его школамъ, госпиталямъ и кладбищамъ, освобождались отъ постойной повинности[1]).

Дарованная привиллегія подтверждала въ сущности только то, чѣмъ давно фактически въ большей даже степени пользовались въ Вильнѣ кальвинисты. У нихъ напр. по сосѣдству со сборомъ была своя типографія, въ завѣдываніи Даніила Ленчицкаго;[2]) здѣсь они печатали въ духѣ реформы книги, особенно катехизисы, и публично раздаривали ихъ. Учили не только въ основанныхъ ими школахъ, но нерѣдко на рынкѣ, среди площади[3]).

Такой ростъ протестантства и его какъ бы выдѣляющееся положеніе сильно не нравились многимъ изъ среды латинскаго духовенства; послѣднее давно задумывалось уже, какъ бы вырвать съ корнемъ появившуюся реформу или же по крайней мѣрѣ совершенно ее обезсилить. На нынѣшнихъ Ивановской и Дворцовой улицахъ устрояется цѣлый кварталъ съ спеціальнымъ назначеніемъ уничтожить протестантство.

Послѣ пожара въ Вильнѣ въ 1530 году, сильно повредившаго между прочимъ и епископскій дворецъ, латинскіе епископы стали жить въ новомъ домѣ, гдѣ нынѣ дворецъ Генералъ-Губернатора. Прежнее ихъ помѣщеніе находилось, какъ мы говорили, въ нижнемъ замкѣ, около каѳедральной латинской колокольни, подарено было епископамъ великимъ княземъ Ягайломъ и представляло собою старинное зданіе, въ которомъ жилъ еще литовскій Криве-Кривейто. Большую часть времени епископы проводили въ Веркахъ, загородномъ епископскомъ дворцѣ, тоже подаренномъ имъ Ягайломъ. Такіе Виленскіе епископы, какъ Радивиллы, Пацы, Бржостовскіе, или проживали въ городѣ въ собственныхъ дворцахъ, или сидѣли въ роскошныхъ своихъ имѣніяхъ. И Валеріанъ Протасевичъ, вступивши на Виленскую епископію въ 1556 году около времени св. Петра и Павла, угостивши торжественнымъ обѣдомъ встрѣчавшихъ его магнатовъ и духовенство, засѣлъ на отдыхъ въ Веркахъ. Въ Вильнѣ бывалъ рѣдко, постоянно занятый разъѣздами то въ Варшаву, то на сеймъ[4]). По свидѣтельству Прыялговскаго, епископа не особенно безпокоили ширившіяся повсюду реформаторскія идеи. Находя

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 94, 124. Ср. Kraszewski—Wilno—t. 3, 117.

[3]) Kraszewski—ibid.

[4]) Przyałgowski—t I, str. 163.

удовольствіе давать всѣмъ мудрые совѣты, Протасевичъ постоянно нуждался въ совѣтахъ постороннихъ для себя и жилъ чужимъ умомъ. Къ дѣламъ религіознымъ онъ относился равнодушно и его осуждали въ этомъ отношеніи за крайнее нерадѣніе [1]). Въ 1560 году Виленскій капитулъ выслалъ къ нему даже особую делегацію изъ своихъ сочленовъ съ горькимъ напоминаніемъ, что въ Виленскомъ епископатѣ слишкомъ распространились ереси, что онѣ все шире и глубже пускаютъ свои корни, что нехорошо дѣлаетъ епископъ, не живя въ городѣ и т. п. [2]). Но въ это время уже шли серьезные толки о томъ, что для спасенія латинства необходимо выписать іезуитовъ. Главнымъ проводникомъ такой мысли явился Виленскій съ большимъ состояніемъ войтъ Августинъ Ротундусъ [3]).

Родственникъ Валеріана Протасевича и добрый знакомый кардинала Гозія, страстнаго покровителя іезуитовъ [4]), Ротундусъ въ письмѣ къ нему 1567 года увѣдомляетъ, что въ Вильнѣ ведутся переговоры съ архидіакономъ Ясинскимъ о покупкѣ у него дома для іезуитовъ, что этотъ домъ лежитъ вблизи епископскаго дворца [5]). Дѣйствительно, въ 1568 году Ясинскій продаетъ „велебному въ Христусѣ отцу его милости князю Валеріану, з ласки Божьи бискупу Виленскому каменицу, домъ свой власный мурованый, в месте Виленскомъ, на улицы и противко двора его милости бискупьего, на кгрунтѣ и подъ присудомъ его же милости бискупьимъ, з одное стороны межи домомъ Войтеха Стралковского, а з другое стороны Станислава Борыховского Кравца мѣщанъ подданныхъ его милости бискупьихъ, лежачий, со всякимъ будованьемъ мурованымъ и деревенымъ, надольнымъ, земленымъ, середнимъ и верхнимъ, и со всеми склепы. . . и со всими пляцами. . .Одножъ таковымъ обычаемъ и подъ тымъ способомъ, говоритъ Ясинскій въ продажной записи, тотъ домъ мой князю бискупу . . есми продалъ и его милости воля на томъ зостала, же князь бискупъ Валеріанъ и по его милости

---

[1]) Ibid. 162.

[2]) Акты Виленск. капитула—см. Balinski—Dawna Akademija Wileńska—25. А вотъ какое письмо якобы писалъ кардиналъ Гозій къ Протасевичу: Przyjemne wieści do nas dochodzą, że Wasza Pasterska mość mężnie postanowiłъ ten szatanizm (протестантство) wyplenić z dyecezij swojej i nikogo się nie lęka. O! gdybyśmy więcej podobnych mieli biskupów, nie chwiała by się religia nasza! Gdym był w Warszawie, słyszałem jak nuncyusz apostolski, wspomniawszy o Waszej Pasterskiej mości, takie pochwały oddawał, że ledwo któremu z biskupów podobne przyznaje... Przyałgowski—t. I, str. 181. Всѣ эти похвалы сыпались на епископа Валеріана за его вызовъ въ Вильну іезуитовъ. Ср. Balinski—Wilno—t. 2, str. 104.

[3]) Balinski—Dawna Akad. Wil. 25.

[4]) Онъ былъ сынъ Виленскаго городничаго и строителя Ульриха Гозія.

[5]) Balinski—Dawna Akad. Wil.—31 str. прим.

будучие князи бискупове... за живота и по животехъ своихъ на жадную иную речь, ани потребу свою властную, ани кровныхъ и приятелей своихъ близкихъ, ани обчихъ не маютъ, ани будутъ мочи того дому отъ мене проданого отдати, продати, записати и заменити и якимъ кольвекъ обычаемъ въ иншие руки завести и отдалити, одно тотъ домъ со всимъ на все держанъ завжды быти маетъ вечне и на веки непорушно ку святобливой а пожитечной потребе речи посполитое того славного панства великого князьства литовского, т. е. для наукъ въ немъ и цвиченья сыновъ земскихъ и иныхъ вшелякихъ обчихъ людей, а меновите на колеюмъ мужовъ закону, або братьи и товаришства, што се называютъ езуиты, котырыхъ его милость князь бискупъ Виленский до того панства з ыныхъ сторонъ приводити и в месте Виленскомъ въ томъ дому отъ мене проданомъ ку мешканью ихъ осадити и уфундовати умыслилъ"... Поставлялось еще для покупщика и то въ обязательство, что если бы іезуиты не захотѣли притти въ Литву и поселиться въ ней, названный домъ могъ быть обращенъ исключительно на устройство въ немъ товарищества докторовъ (учителей) и людей ученыхъ и въ немъ должны были воспитываться дѣти въ христіанской вѣрѣ и въ послушаніи римской столицѣ [1])... Домъ Ясинскаго — это бывшій потомъ *папскій алюмнатъ* [2]), — рядомъ съ нынѣшнею канцеляріею Генералъ-Губернатора.

Кромѣ дома Ясинскаго, Валеріанъ Протасевичъ купилъ еще для іезуитовъ сосѣдніе дома съ плацами у Альберта Стралковскаго и у Матѳея Бржозовскаго [3]). Рядомъ съ домомъ и плацомъ Бржозовскаго подданная епископа Екатерина Ѳоминишна тоже уступила ему свой домъ для іезуитовъ [4]), которымъ епископъ готовилъ новый подарокъ изъ нѣсколькихъ имѣній [5]). Такимъ образомъ, вся правая отъ дворца сторона Бискупской улицы съ громадными постройками сразу отдавалась іезуитамъ. На вновь пріобрѣтенныхъ плацахъ думали поставить костелъ и устроить школы [6]).

Прибывшіе въ 1569 году по приглашенію епископа Протасевича въ Вильну іезуиты не только нашли вполнѣ возможнымъ остаться въ столицѣ Литвы, но сейчасъ же поспѣшили увеличить свои владѣнія, чтобы окончательно здѣсь укрѣ-

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 20, 21.
[2]) И теперь въ просторѣчіи онъ извѣстенъ подъ именемъ *дома иллюминатовъ*.
[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, 15, 17, 20. Ср. Przyałgowski—t. I, str. 178.
[4]) Акты Вил. Ком. т. XX. 22.
[5]) Baliński—Dawna Akad. Wil. 33—34.
[6]) Ibid. Ср. Przyałgowski—T. I, str. 179.

питься. Быстро переходятъ къ нимъ одинъ за другимъ сосѣдніе дома и плацы. Въ 1572 году Божимовскій продаетъ іезуитамъ свой домъ съ плацомъ [1]). Далѣе къ нимъ переходятъ дома Софьи Краевской [2]) и Ѳомы Потоцкаго [3]). Всѣ они, по указанію актовъ, расположены были по близости двора епископскаго, по сосѣдству съ іезуитской коллегіей и ихъ бурсацкимъ домомъ [4]). Нѣкоторое время іезуиты задумывались какъ бы надъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ собственнаго костела. Въ своемъ помѣщеніи они устроили было временно часовню, въ которой принимали даже Валеріана Протасевича; но осмотрѣвшись, они нашли для себя очень выгоднымъ завладѣть костеломъ св. Іоанна.

Основанный въ 1387 году, костелъ св. Іоанна окончательно устроенъ и освященъ едва въ 1426 году при Витовтѣ. У него были значительные фундуши: обширный плацъ, прилегающій къ самому костелу и кладбищу; на немъ помѣщались дома священо-церковно-служителей; былъ здѣсь большой огородъ, а со стороны Ивановской улицы—четыре почти подъ рядъ дома, на костельной землѣ, отдававшіеся въ аренду. За Антоколемъ настоятелю костела св. Іоанна принадлежали обширные луга. Въ уѣздѣ онъ владѣлъ нѣсколькими имѣніями и озерами. Въ содержаніи костела значительною долею участвовалъ городъ, а мѣстное костельное братство содѣйствовало его украшенію и заботилось о доходности костельной кассы. Такой костелъ съ его фундушами и доходами представлялся іезуитамъ очень ужь заманчивымъ [5]).

Откладывая все дальше и дальше постройку собственнаго костела, жалуясь при этомъ на недостатокъ матеріальныхъ средствъ, іезуиты испросили разрѣшеніе—въ костелѣ св. Іоанна совершать обѣдни, исповѣдывать, проповѣдывать, вести ученые, религіозные диспуты. На дверяхъ костела появилось объявленіе съ вызовомъ изъ противнаго лагеря желающихъ диспутировать. Когда не оказалось дѣйствительныхъ противниковъ, сами іезуиты, переодѣтые, принимали роль послѣднихъ и умышленно-неудачною постановкою вопросовъ, а тѣмъ болѣе несостоятельными разсужденіями содѣйствовали полному торжеству своихъ собратій [6]). Слава іезуитовъ росла и тѣмъ необходимѣе становился для нихъ костелъ св. Іо-

---

1) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 23, 24.
2) Ibid. 42.
3) Ibid.
4) Ibid. 42.
5) Przyałgowski—t. I, str. 184—188.
6) Ibid. 189.

анна. Гордый святоянскій настоятель-испанецъ, ученый Роизій, думалъ уже было совершенно запереть передъ іезуитами двери своего костела. Но на ихъ сторонѣ оказались епископъ и король, и костелъ св. Іоанна со всѣми фундушами въ 1571 году перешелъ къ іезуитамъ. Роизію обѣщали высшее мѣсто, но онъ палъ жертвою обмана и внезапно скончался [1]).

Теперь Валеріанъ Протасевичъ поспѣшилъ оповѣстить актъ окончательнаго учрежденія и устройства въ Вильнѣ іезуитской коллегіи, съ приглашеніемъ помѣщать въ нее дѣтей, гдѣ они будутъ получать приличное воспитаніе. Такой общественной школы, по заявленію Протасевича, еще не было въ Вильнѣ; нужда ея ощущалась и многіе, имѣвшіе состояніе, уѣзжали для изученія наукъ за границу. Теперь, съ открытіемъ іезуитской коллегіи, и бѣднымъ но способнымъ, дана будетъ возможность образовать себя и съ пользою послужить костелу и республикѣ [2]).

Чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, Протасевичъ вновь записываетъ іезуитамъ домъ на Бернардинской улицѣ, въ которомъ могли бы имѣть помѣщеніе и все необходимое для жизни дѣти несостоятельныхъ родителей, желающихъ въ то же время посѣщать іезуитскую коллегію. Новому учрежденію онъ даетъ названіе Валеріановской бурсы и на будущихъ ея питомцевъ возлагалась одна обязанность — помолиться объ упокоеніи души фундатора четыре раза въ годъ, въ извѣстные дни, въ каѳедральномъ латинскомъ костелѣ. На содержаніе бурсы Протасевичъ пожертвовалъ два дома на Епископской улицѣ, прилегающіе къ коллегіи. Верховный надзоръ за веденіемъ дѣла въ учебно-воспитательномъ и хозяйственномъ отношеніи поручался главнымъ образомъ іезуитамъ [3]).

Въ 1582 году въ Вильнѣ появляются два новыя учрежденія: папскій алюмнатъ и епархіальная семинарія. Алюмнатъ учреждался преимущественно на средства Рима для дѣтей уніатовъ, готовящихся къ духовному званію. Посредствомъ ихъ Римъ хотѣлъ пропагандировать свое ученіе между православными въ предѣлахъ

---

[1]) Przyałgowski—t. I, str. 190, 191. Balinski—Dawna Akademia Wileńska, 44. Zgon rychły Roiziusza iezuici poczytali przed ludem za karę Bożą nad nim, za upor i nieżyczliwość ku nim... Cp. Historyczno-krytyczne wiadomości—Ossolinskiego—t. 2, w życiu Roiziusza и „Herbarz Niesieckiego"— t. 4, str. 400.

[2]) Balinski—Dawna Akad. Wileńska—59—66.

[3]) Грамота объ учрежденіи бурсы—см. Balinski—Wilno—t. II, str. 254—264 и его же Dawna Akad. Wileńska, str. 71—72. Przyałgowski—t. I, str. 198.

нынѣшней Западной Россіи. Помѣщеніе алюмната—рядомъ съ помѣщеніемъ канцеляріи генералъ-губернатора,—отличалось особою архитектурою. Здѣсь кругомъ обширнаго двора, съ котораго открывается очень интересный видъ на сосѣднюю часть города, устроены арки и на стѣнахъ, въ углубленіи, написаны были портреты папъ, въ назиданіе учащагося юношества. Алюмнатъ состоялъ въ завѣдываніи іезуитовъ, а съ конца XVIII вѣка имъ управляли базиліаны. Епархіальная семинарія устроилась въ помѣщеніи нынѣшней канцеляріи генералъ-губернатора. Основатель ея Виленскій епископъ Юрій Радивиллъ записалъ на содержаніе и устройство семинаріи различныя имѣнія и фольварки, при чемъ приглашаетъ и каждаго изъ прелатовъ и канониковъ Виленской епархіи нести соотвѣтственную часть расходовъ по этому предмету, такъ какъ въ процвѣтаніи семинаріи лежитъ залогъ будущаго процвѣтанія костела [1]). Семинарія получила еще часть дохода отъ отдачи въ аренду дома, на Ивановской улицѣ, извѣстнаго подъ названіемъ Штемплевскаго или Штефлевскаго [2]). Домъ очень древній, и есть указаніе, что его получилъ въ даръ епископъ Павелъ Ольшанскій отъ воеводы Трокскаго Ивана Забржезинскаго. Доходы съ него постоянно назначались въ пользу того или другаго костела или часовни и потомъ, частію, семинаріи, пока наконецъ епископъ Массальскій не отдалъ его въ награду на пятьдесятъ лѣтъ архитектору Гуцевичу, который между прочимъ устроялъ для него имѣніе Верки [3]).

Утвердившись въ Вильнѣ на такихъ широкихъ основаніяхъ, іезуиты рѣшительно стали задумываться о преобразованіи своей коллегіи въ академію, со всѣми правами и преимуществами академіи Краковской. Фундуши у нихъ были очень достаточные; въ самомъ городѣ владѣли громадными плацами и многими домами; было у нихъ уже нѣсколько учебныхъ заведеній. Король Стефанъ Баторій вполнѣ сочувствовалъ затѣѣ іезуитовъ и 1579 года подписалъ грамоту объ учрежденіи іезуитской въ Вильнѣ академіи, со всѣми правами и привиллегіями, которыми пользуются другіе университеты и особенно Краковская академія, съ правомъ преподавать различныя науки и возводить достойныхъ въ соотвѣтствующія ученыя степени.

---

[1]) Актъ учрежденія семинаріи—см. Balinski—Wilno—t. II, str. 270—278. Ср. Przyałgowski—t. II, str. 12—13.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 162, 237. Domus acialis-murata, dicta lapidea Szteflowiana seu Sztemplowiana in platea a s. Joanne ad pp. Dominicanos tendenta. Wizerunki—t. 14, str. пр. 1. Положеніе его можно назначить на мѣстѣ нынѣшняго дома Палтова.

[3]) Wizerunki—ibid. Ср. Przyałgowski—t. III, str. 175, 178 и далѣе.

Протекторатъ надъ академіей возлагался на епископа. Литовцы во главѣ съ нѣкоторыми магнатами думали было воспрепятствовать учрежденію академіи и канцлеръ Радивиллъ отказался приложить печать великаго княжества Литовскаго къ королевской грамотѣ. Тогда Стефанъ Баторій послалъ къ подканцлеру Евстафію Волловичу съ приказаніемъ приложить печать, или же послѣднюю прислать ему: онъ и самъ-де съумѣетъ опечатать грамоту. Но пусть знаетъ, прибавилъ при этомъ король для передачи Волловичу, „что печати больше онъ не увидитъ: она къ нему не воротится". Послѣ такого предложенія, грамота, конечно, была опечатана и на ней, кромѣ подписи епископа Валеріана, явились имена Радивилла, Ходкевича, князя Збаражскаго, Волловича, Остыка, Монивида, Кишки, Горностая, Тальвоша, Глѣбовича и друг. Въ результатѣ торжествовали опять іезуиты [1]).

На старинныхъ планахъ іезуитскихъ академическихъ зданій [2]) значится, что ими было занято все пространство отъ колокольни костела св. Ивана по прямой линіи по Ивановской улицѣ до помѣщенія Императорскаго Медицинскаго Общества на Бискупской улицѣ [3]); отсюда тоже по прямой линіи до капитульнаго дома—нынѣшняго Цивинскаго; площадка передъ Публичною Библіотекою по линіи была застроена домами и показанъ маленькій дворикъ, отдѣляющій ихъ отъ зданія нынѣшней Публичной Библіотеки; отъ капитульнаго дома—нынѣшній Цивинскаго - іезуитскія владѣнія по прямой линіи къ Замковой улицѣ занимали часть помѣщенія нынѣшней второй гимназіи, рисовальную школу и съ домами костельными упирались въ костелъ, захватывая прилегающій къ костелу домъ на Замковой улицѣ. Въ этомъ большомъ четырехугольникѣ іезуиты устроили академію съ другими школами (алюмнатъ и епархіальная семинарія оставались въ ихъ завѣдываніи), съ обширными для прогулки дворами, съ рекреаціонными залами, съ различными житейскими удобствами, имѣли здѣсь садъ и огородъ, аптеку, театръ. Академія внутреннимъ ходомъ изъ втораго этажа соединялась съ хорами костела и съ самымъ костеломъ [4]). Скоро завели іузуиты и типографію.

Типографія іезуитовъ помѣщалась въ XVII ст. въ домѣ по сосѣдству съ нынѣшнею булочною Вебера. Здѣсь былъ обширный плацъ, который въ началѣ XVI столѣтія принадлежалъ Гозію; отъ него перешелъ къ нѣкоему Витынскому. Въ

[1]) Balinski—Dawna Akademija Wileńska—68—71.
[2]) Имѣются въ Вилен. Публ. Библ.
[3]) Отъ домовъ по Ивановской улицѣ іезуитскія владѣнія отдѣлялись садомъ.
[4]) См. названные планы и Balinski—Wilno—T. I. str. 201, 203, 208, 211.

1552 году Гозіушовскимъ плацомъ, вмѣстѣ съ домомъ, владѣлъ Виленскій воевода Николай Радивиллъ, подарившій его своему придворному доктору Цимерману; отъ послѣдняго онъ перешелъ къ Савицкимъ[1]). Послѣ Савицкихъ названнымъ домомъ последовательно владѣли Заливскіе[2]), Нелюбовичъ[3]), каноникъ Вильчипольскій[4]). Послѣдній записываетъ его въ 1610 году братству при костелѣ св. Іоанна. Смежными домами по прежнему значатся домъ госпитальный, названный почему-то Павловскимъ, и домъ шорника Радзиковскаго (вмѣсто прежняго владѣльца Антонія портнаго)[5]). Въ 1631 году онъ совершенно переходитъ въ распоряженіе іезуитовъ[6]), которые, по заявленію Балинскаго, открыли здѣсь славившуюся потомъ академическую типографію[7]), хотя еще значительно ранѣе имъ передалъ свою типографію Радивиллъ[8]).

Въ госпитальномъ домѣ, о которомъ нѣсколько разъ только что упоминали, помѣщалась потомъ славная аптека іезуитовъ[9]), ютившаяся первоначально, какъ значится на старомъ планѣ академическихъ зданій, въ помѣщеніи Медицинскаго Общества. Госпитальный домъ находился на мѣстѣ нынѣшней булочной Вебера на углу Епископской и Ивановской улицъ. Въ началѣ XVI столѣтія имъ владѣлъ Виленскій бурмистръ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Эразмъ Бретнеръ. Въ 1547 году Бретнеръ свой домъ съ обширнымъ плацемъ, занятымъ многими другими строеніями[10]), записалъ въ пользу госпиталя св. Троицы. Когда домъ Бретнера перешелъ въ XVII столѣтіи къ іезуитамъ, они перевели сюда свою аптеку. Киркоръ

---

[1]) Balinski—Wilno—T. I, str. 209.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 45. Домъ показанъ „на улицы Светоянской, подле дому шпитального, з одное стороны, и каменицы небожчика Антонего кравца з другое, . . .

[3]) Ibid. 152.

[4]) Въ 1607 году. Ibid. 202.

[5]) Ibid. 218, 219.

[6]) Ibid. 301.

[7]) Kraszewski—Wilno—t. 4, str. 106, прим. 13.

[8]) Nuper etiam, говоритъ Скарга въ 1576 году о Николаѣ Христофорѣ Радивиллѣ, novo beneficio et promovendae divinae gloriae studio typographiam, ut usibus colegii serviat, concessit, magnisque suis sumptibus restitutam sustentat., ut quae quondam seminandis servivit haeresibus ad eas extirpendas et catholicam veritatem promovendam converteretur... У Крашевскаго—Ibid.

[9]) Balinski—Wilno—T. I, str. 211.

[10]) Въ дарственной записи значится: Domum suam ligneam propriam, cum omnibus domunculis habitationibus, cameris et censibus, in platea S. Ioannis, in acie eundo versus curiam reverendissimi Episcopi Vilnensis, penes domum Domini Ioannis Hosii ex una et versus plateam episcopalem ex altera partibus... dominus Erasmus.. extendit ad hospitale S. Spiritus pro sustentatione et victu pauperum... Dubinski—81—88.

говоритъ[1]), что здѣсь у іезуитовъ производилась до того бойкая торговля ликерами и табакомъ, что на вырученныя громадныя суммы они могли построить роскошный въ Закретѣ дворецъ. Такъ или иначе, только въ 1758 году король Августъ III, принимая во вниманіе значительную пользу, которую приносила свято-Янская аптека не только жителямъ г. Вильны, но и всѣхъ окрестныхъ мѣстностей, какъ въ оказаніи медицинской помощи, такъ и приготовленіи аптекарскихъ помощниковъ, дарованною іезуитамъ особою привиллегіею обезпечивалъ на вѣчныя времена всѣ права и преимущества ихъ аптеки[2]).

Укрѣпившись и утвердившись, іезуиты со всею фанатичною религіозною страстностію бросились на своихъ главныхъ противниковъ протестантовъ. Въ настоящее время трудно себѣ предстивить до какой степени ожесточенія доходила эта борьба. Литературная полемика, самая неприличная, грубая, площадная, распространяющая выдуманные нарочно нелѣпые слухи, взаимно приписывающая противникамъ самыя невѣроятныя цѣли и намѣренія, постоянно сопровождалась бранью, драками, нападеніями, разбоями и нерѣдко, смертію[3]). Въ ней принимали участіе люди различныхъ званій, положеній и возрастовъ. Въ уличныхъ безпорядкахъ главная роль всегда впрочемъ принадлежала іезуитскимъ школьникамъ. Въ 1579 году два пастора, возвращаясь съ похоронъ, проходили мимо костела св. Іоанна. Осмѣянные, поруганные, преслѣдуемые со стороны іезуитовъ камнями, они едва спаслись отъ смерти. Іезуитская молодежь, которую вызывали на подобныя безчинія, поспѣшила заявить угрозы на жизнь кальвинистовъ и уничтожить ихъ сборъ. Какъ бы въ доказательство возможности исполненія своихъ обѣщаній,

---

[5]) Kirkor—Przechadzki po Wilnie—74.

[6]) Акты Вил. Ком. т. XIII, 206, 207. Въ королевской привиллегіи сказано, что аптека основана *болѣе полуторааста лѣтъ тому назадъ.*

[7]) Акты Вил. Ком. т. VIII, 505. 506. Bluznierczy postępek pod czas processyi Bożego Ciała w roku 1611 w Wilnie pewnego młodego Włocha, zwanego Francus di Franco, który z katolika przetworzył na zapalonego reformatora i okrutna kara nad nim spełniona w samem że Wilnie, stały się powodem do nowego rozruchu w stolicy Litewskiey. Ale i w nim uczniowie iezuiccy głuwną rolą grali. Drugiego bowiem Lipca roku 1611, powracaiąc razem z ludem z pobożney pielgrzymki do Trok, pobudzeni okropnym wypadkiem z owym Franco do większey zawziętości przeciw kalwinom rzucili się na dom pewnego ewangelika i całą godzinę go dobywali. Nie przestaiąc zaś na tem, napadli z kolei na zbór reformowany i wybiwszy otwór w murze otaczającym go, dopuścili się gwałtów. Trzej pastorowie stali się ofiarą tej swawoli. Jeden z nich... zrzucony został z piętra na dół, inni dwaj okrutnie zbici, a ieden aż do śmierci. Zniszczono potem bibliotekę zborową i prywatne księgi ministrów, a nakoniec z wyłamanych skrzyń, wybrawszy odzienia i różne sprzęty, podłożono ogień, który prędko strawił nie tylko sam zbór, ale szkołę, mieszkania księży i nauczycieli... Balinski—Dawna Akad. Wil. 115, 116.

она поспѣшила поразрывать на Виленскихъ горахъ (около Бекешовой горы) гробы венгерцевъ [1]). Въ 1581 году іезуитскіе школьники напали на сборъ кальвинскій, много произвели въ немъ поврежденій, ворвались по сосѣдству въ типографію Ленчицкаго, печатавшую въ это время еще протестантскія сочиненія [2]), совершенно перепортили шрифтъ, а частію растащили [3]). Въ свою очередь, по наущенію кальвинистовъ, былъ подожженъ домъ того золотыхъ дѣлъ мастера, который устроялъ для іезуитовъ монстранцію (дарохранительницу). Какъ бы въ отвѣтъ на это послѣдовалъ пожаръ въ сборѣ, совершенно его уничтожившій и потребовавшій отъ кальвинистовъ большаго напряженія матеріальныхъ средствъ для его возстановленія. Кальвинисты обвиняли въ своемъ бѣдствіи іезуитовъ; Скарга, въ свою очередь, пламенными рѣчами защищалъ невинность собратій и взывалъ къ небу и человѣчеству о достойномъ наказаніи противниковъ за преслѣдованіе іезуитовъ [4]). Борьба, драки на улицахъ, вооруженныя нападенія на дома противниковъ совершались почти ежедневно. Въ 1639 году случилось новое обстоятельство, которое очень много повредило кальвинистамъ и послужило основаніемъ полнаго торжества іезуитовъ.

Находящаяся теперь передъ конвиктомъ площадка образовалась въ началѣ нынѣшняго столѣтія [5]). Въ XVI—XVIII вѣкахъ отъ Покровской улицы къ Бернардинскому костелу здѣсь проходилъ небольшой тѣсный переулокъ „улочка", застроенный со стороны конвикта небольшими домиками и окруженный каменною стѣною [6]). Напротивъ, черезъ „улочку", гдѣ былъ костелъ св. Михаила, съ женскимъ при немъ монастыремъ, обширными дворами и пристройками вплоть до зданій настоятельства Пречистенскаго собора и р. Вильны [7]) находился дворецъ и плацъ, принадлежавшій Воловичамъ. Въ 1593 году „слуга и урядникъ Воловичовъ,

---

[1]) Balinski—Pisma historyczne—t. 3, str. 73.

[2]) Около 1590—1594 года сынъ Даніила Ленчицкаго Николай перешелъ въ латинство, склонивши къ тому же и отца; съ этихъ поръ они работали для іезуитовъ, Kraszewski—Wilno—t. 4, str. 66, 67.

[3]) Baliński—Dawna Akad. Wil. 77—78.

[4]) Kraszewski—Wilno—t. 4, str. 118, 119. Подробное и обстоятельное изслѣдованіе борьбы іезуитовъ съ протестантами можно найти въ сочиненіи Łukaszewicza: Dzieje kościołów Helweckiego wyznania w Litwie—Poznań—1842 г. Dwa tomy.

[5]) Balinski—Statystyczne opisanie Wilna—20.

[6]) Акты Вил. Ком. т. XX. 30, 31.

[7]) Между Пречистенскимъ соборомъ и Бернардинскою улицею; небольшой скверикъ около Бернардинскаго костеля устроенъ недавно; прежде тутъ до моста пролегала улица, застроенная съ обѣихъ сторонъ домами.

Федоръ Михайловичъ, подаючы менованый дворъ (Льву Сапѣгѣ, канцлеру великаго княжества Литовскаго) въ тыхъ границахъ завелъ, то есть, однымъ бокомъ отъ брамы, которая идетъ с предместья Зарецкаго мимо цминтаръ костела Барнадынского ку улицы кгродской (Замковой) ажъ по домки два мещанъ капитульныхъ, тыломъ до того двора мешкаючихъ, з другое стороны заулкомъ мимо дворъ Горностаевскій, где теперь (1593 г.) сборъ еванелицкій есть збудованъ до улицы, которая идетъ отъ улицы Замковое мимо зборъ до пляцовъ церковныхъ заложеня светое Пречистое, заулкомъ Глухимъ, ажъ до муру местского, надъ рѣкою Вильнею лежачого, и зась подле муру местского ажъ до тоежъ брамы Зарѣцкое подле Барнадыновъ“ [1]).

Въ слѣдующемъ 1594 году Левъ Сапѣга, сжалившись надъ бѣдственнымъ положеніемъ монахинь Бернардинокъ на Зарѣчьѣ, у которыхъ не было своего костела, подарилъ имъ полученный отъ Воловича плацъ и дворецъ со всѣми постройками и основалъ для нихъ тутъ же костелъ св. Михаила и при немъ женскій монастырь. Черезъ два года Зарѣчныя монахини перешли во вновь приготовленное для нихъ роскошное помѣщеніе и принималъ ихъ самъ фундаторъ— канцлеръ Левъ Сапѣга. Въ фундушевой записи Сапѣга заявляетъ, что это онъ дѣлаетъ изъ благодарности Богу, возвратившему его ослѣпленнаго было реформой и ересями на лоно латинской церкви. Тогда же приняла законное посвященіе и племянница фундатора [2]). Громадныя Сапѣжинскія имѣнія: Старый и Новый Лепель, Стаи, Бѣлая, Боровни, Залѣсье, Слободы Старыя и Новыя, Зорница Зежлинъ, Польсвежъ и Керже приписаны были къ монастырю Бернардинокъ. Новоустроенный костелъ украшали различные драгоцѣнные предметы, въ томъ числѣ два большихъ мѣдныхъ позолоченныхъ подсвѣчника, которые Сапѣга вывезъ изъ Москвы, будучи тамъ посломъ отъ Сигизмунда III, и подарилъ монастырю. Костелъ св. Михаила канцлеръ предназначилъ мѣстомъ фамильной усыпальницы и здѣсь, между прочимъ, погребенъ какъ онъ самъ, такъ двѣ жены его, дѣти и другіе потомки [3]).

И вотъ на этотъ костелъ 4 октября 1639 года сдѣлано было нападеніе со стороны евангелическаго сбора. Назначенное слѣдствіе не выяснило окончательно, дѣйствительно ли виноваты кальвинисты на столько и въ томъ, на сколько и въ

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 92, 97.
[2]) Kraszewski—Wilno—T. II, str. 332—335.
[3]) Ibid. 335, 338.

чемъ обвиняла ихъ іезуитская часть города. Во всякомъ случаѣ въ рѣшеніи короля Владислава IV по жалобѣ Виленскаго женскаго Бернардинскаго монастыря на оскорбленія и нападенія со стороны Кальвинистовъ сказано, что они, если оставить даже въ сторонѣ различные проступки, совершенные ими прежде въ различное время, съ цѣлію оскорбленія и униженія святаго костела, въ послѣднее время съ очевиднымъ презрѣніемъ величія Божія и святой вѣры, сдѣлались наглыми нарушителями общественнаго спокойствія и дерзнули стрѣлять изъ луковъ въ костелъ св. Михаила, въ которомъ едва не поубивали на смерть находящихся тамъ сестеръ, такъ какъ бросаемыя стрѣлы частію влетали туда и вонзались въ святыя иконы, другія застряли въ щитѣ церковномъ; иные соучастники преступленія стрѣляли изъ мушкетовъ и другаго рода оружія, поранили людей, которые находились на монастырскомъ кладбищѣ, и совершили вообще многіе страшные безпорядки, неприличія и безчинія [4]. Преступленіе было слишкомъ серьезное и представленныя противною стороною оправданія нисколько не могли смягчить дѣло. Назначивши каждому изъ преступниковъ соотвѣтственное наказаніе, королевское рѣшеніе затронуло самый принципъ существованія сбора. Такъ какъ, сказано въ рѣшеніи, изъ дѣла выяснилось, что положеніе сбора между костелами (Бернардинскимъ и свято-Михальскимъ) служитъ причиною и прежнихъ и новѣйшихъ безпорядковъ, а мы, въ силу нашей королевской присяги обязаны пресѣкать всѣ поводы къ возмущенію и нарушенію мира между диссидентами, то нашимъ королевскимъ рѣшеніемъ воспрещаемъ на всегда на этомъ мѣстѣ совершеніе дессидентами обрядовъ вѣры, какого бы рода оно ни было, общественное или частное, уничтожаемъ на этомъ мѣстѣ самое имя сбора, также его школы и госпиталь и обращаемъ какъ самое зданіе, такъ и плацъ сборовый въ частную собственность, присуждая все это тому, или тѣмъ, кому будетъ принадлежать по праву... Кальвинистамъ предписывалось вынестись за городъ и совершать свое богослуженіе тамъ, гдѣ было у нихъ кладбище. Въ предѣлахъ городской черты (intra muros) нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ на будущее время не позвалялось кальвинистамъ устрояться, заводить школы, открывать госпитали [5]. Въ силу королевскаго декрета они пріютились за Трокскою брамою, гдѣ у нихъ было кладбище и гдѣ они поспѣшили устроить новый сборъ: это нынѣшнее помѣщеніе реформатской коллегіи.

---

[4]) См. подробный процесъ этого дѣла: Акты Вил. Ком. XX, 141, 329, 336.

[5]) Ibid. 335.

Не долго и здѣсь наслаждались покоемъ кальвинисты. Въ 1682 году, 2-го мая съ восьми часовъ утра ихъ новое помѣщеніе стала осаждать многочисленная толпа горожанъ съ іезуитскими школьниками во главѣ. Цѣлыхъ два дня продолжались грабежи и разбои. Толпа, вооруженная молотами, сѣкирами, дубьемъ и таранами, взявши штурмомъ сборъ (кругомъ его была каменная ограда, которую бунтовщики разрушили до основанія), рѣшительно почти все сравняла съ землею. На этотъ разъ, по замѣченію Балинскаго, произошло дѣйствительно полное разрушеніе цѣлаго института; не только сборъ и часовня на кладбищѣ, но всѣ постройки, деревянныя и каменныя, также госпиталь совершенно были разрушены и уничтожены; движимое имущество костельное и частное и архивъ оказались вполнѣ разграбленными; не пощажены гробы умершихъ, ихъ разрывали; трупы съ презрѣніемъ разбрасывали, а гробы разбивали; ту же участь испытали и всѣ фамильные каменные склепы[1]. Много было несчастій и смертныхъ случаевъ. Зрѣлище даже для современниковъ представлялось ужасающимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ.

Когда обо всемъ произведено было слѣдствіе и доведено до свѣдѣнія короля, онъ утвердилъ въ 1688 году (только!) постановленіе слѣдственной коммиссіи, присудившее къ смерти четырехъ главныхъ виновниковъ разгрома (въ томъ числѣ двоихъ учениковъ іезуитской академіи); ректору академіи сдѣлано замѣчаніе, городу, вмѣнено въ обязанность охранять кальвинистовъ и помогать въ возстановленіи разрушенныхъ построекъ; потерпѣвшимъ предоставлялось право взыскивать съ виновныхъ на законномъ основаніи свои потери и убытки[2]. Лукашевичъ прибавляетъ, что кальвинистамъ во всякомъ случаѣ запрещено было теперь, при возстановленіи сбора, придавать ему видъ храма и украшать крестомъ, по обычаю другихъ христіанскихъ храмовъ[3]. Выигрывали опять іезуиты, воспитанники которыхъ, приговоренные къ смерти, давно успѣли скрыться, при ихъ содѣйствіи. Протестантство, въ лицѣ кальвинистовъ, было совер-

---

[1]) Balinski—Dawna Akad. Wil. 161. Ср. у A. Łukaszewicza—w Dziejach kosciołów helweckiego wyznania—t. I, str. 277—279, описаніе современника.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XII, 529, 531.

[2]) Объ этой негласной прибавкѣ въ королевскомъ эдиктѣ свидѣтельствуетъ современникъ Требицкій; онъ говоритъ: „libertas restaurandi templi et aliorum aedificiorum concessa; atque insuper inspirantibus iesuitis, in praejudicium nostrum additum: ut novum aedificium formam templi consvetam non habeat, cruce (usitato ibi templi christianorum signo) careat.. Dzieje kościołów wyznania helwetskiego w Litwie—t. I, str. 283, пр. 1.

шенно обезсилено, сдѣлалось не опаснымъ и іезуиты могли его теперь оставить въ покоѣ.

Между тѣмъ матеріальныя средства іезуитовъ росли непомѣрно быстро, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вліяніе ихъ повсюду становилось безграничнымъ. Мы видѣли уже, что имъ принадлежали лучшіе дома на Замковой улицѣ (Константиновская, Солтановская и Рупертовская каменицы); они хозяйничали въ „кардиналіи"; въ ихъ обладаніи былъ домъ Эліашевичовскій (на углу Большой улицы и Шварцоваго переулка) и часть дворца Паца. Они почти совершенно завладѣли улицами Епископскою и Ивановскою. Остававшіеся здѣсь частные дома они то скупали, то промѣнивали на что нибудь другое. Такъ они откупили въ 1647 году у нѣкоей Рудовичовой плацъ съ постройками около костела св. Іоанна [1]); и въ 1661 году съ викарнымъ этого же костела обмѣняли свой огородъ за Виленскоско брамою [2]) на два плаца съ постройками на улицѣ Ивановской. Только домъ Виленскаго воеводы, гдѣ теперь Губернское Правленіе [3]), до конца оставался неподлежащимъ іезуитамъ. Здѣсь жили одно время Радивиллы, потомъ Сапѣги, а сначала нынѣшняго столѣтія Виленскіе гражданскіе губернаторы до перехода ихъ въ домъ Абрамовича ни Виленской улицѣ [4]). Другіе дома на этой же улицѣ іезуиты просто заграбили, безъ всякаго на нихъ права [5]).

Въ концѣ XVI вѣка іезуитамъ принадлежало и одно изъ лучшихъ около Вильны загородныхъ мѣстъ. Мы понимаемъ Закретъ, который, впрочемъ, еще до половины XVII вѣка извѣстенъ былъ въ актахъ подъ именемъ іезуитскихъ Лукишекъ [6]). Эту мѣстность подарилъ іезуитамъ Станиславъ Радивиллъ, послѣ отреченія отъ кальвинизма. Здѣсь, по Балинскому [7]), былъ у него лѣтній рос-

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX. 313.

[2]) Ogród nasz z murowanemi i inszemi drewnianemi budynkami, tak iako się z dawna ma w swoim ograniczeniu za Wileńską bramą, po lewey ręce pod górę (въ предѣлахъ нынѣшняго Гористаго переулка) z iedney strony drogi do Łukiszek mieskich do mostu murowanego, z przodu, bokiem prawym do placów mieskich pustych sławetnego pana Stroczyńskiego i pana Gierkiewicza, bokiem lewym do domku i ogrodu Symona Mikołaia Miloniewicza—garbarza. tyłem do góry y pola pustego piasczystego i do mogił leżący. Акты Вил. Ком. т. XX, 483.

[3]) См. планъ Вильны Брауна—подъ цифрою 15. Wyeweten haus; это выраженіе нѣкоторые писатели перевели—Вдовій домъ.

[4]) Balinski—Stat. opis. Wilny, str.—41.

[5]) См. Акты Вил. Ком. т. XX, 570, 571. Процесъ Кевличей съ іезуитими о присвоеніи ими движимаго и недввжимаго имущсства истцовъ, поддѣлкѣ и утайкѣ документовъ.

[6]) Wizerunki—t. 24, str. 84, пр.

[7]) Balinski—Dawna Akad. Wil.—str. 82.

кошный деревянный дворецъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вилія круто поворачиваетъ отъ запада къ сѣверу. Дворецъ окружали дѣвственные лѣса. Іезуиты вмѣсто деревянныхъ возвели новыя, каменныя постройки, создали цѣлый монастырь съ обширными хозяйственными приспособленіями и проводилили здѣсь лѣтнее время въ отдыхѣ и наслажденіи чудною природою. Іезуитъ Пошаковскій, описывая іезуитскія Лукишки, не находитъ словъ для передачи всей очаровательной ихъ прелести и упоенія. Одинъ Версаль или Фонтенебло могли сравниться съ ними [1]). Рядомъ съ Лукишками іезуитскими [2]) были Лукишки татарскіе, гдѣ между прочимъ погребали умершихъ татаръ [3]), Лукишки городскіе съ различными складами около Виліи [4]), Лукишки Виленскаго свято-Троицкаго монастыря съ домами и огородами [5]) и Лукишки многихъ частныхъ лицъ [6]).

Въ началѣ XVII столѣтія іезуиты сдѣлали новое важное для себя пріобрѣтеніе. Желая угодить королю Сигизмунду III, они особенно старались пропагандировать святость и славу королевича Казиміра и пустили въ ходъ мысль о необходимости создать храмъ его имени. Виленскій епископъ Бенедиктъ Война, канцлеръ Левъ Сапѣга, Николай Радивиллъ и другіе охотно взялись за дѣло и въ 1604 году положено основаніе костела. Іезуиты сейчасъ выпросили у короля разрѣшеніе передать въ ихъ распоряженіе строящійся костелъ. Согласіе послѣдовало. Немедленно іезуиты начали строить около костела громадное помѣщеніе для монастыря или для своихъ клириковъ. Литовскіе магнаты не отказали имъ въ деньгахъ, а Виленскій капитулъ разрѣшилъ для построекъ пользоваться даромъ лѣснымъ матеріаломъ изъ Понарскихъ дачъ и копать на капитульныхъ земляхъ глину и известь. Черезъ два года были окончены постройки и іезуиты свободно засѣли въ новомъ гнѣздѣ, существованіе котораго обезпечивалось многими домами и имѣніями. Здѣсь они учредили новую коллегію и домъ профессовъ [7]).

Послѣ уничтоженія іезуитовъ, обширныя Казиміровскія постройки съ костеломъ перешли въ распоряженіе эдукаціонной коммиссіи и въ нихъ предпола-

---

[1]) Wizerunki—t. 24, str. 84, пр.
[2]) Ихъ называли еще „панежскими". Арх. Сборн. X, 92.
[3]) Акты Вил. Ком. т. VIII. 519.
[4]) Dubinski—229.
[5]) Археогр. Сборн.—X, 91—92. Акты Вил. Ком., т. IX, стр. 178.
[6]) Акты Вил. Ком. т. XX. 349, 351, 385 и др. Przyałgowski—t. III, str. 159.
[7]) Balinski—Dawna Akad. Wilen. 110. Przyałgowski—t. II, str. 55. Kraszewski—Wilno—t. 2, str. 455—447.

галось помѣстить епархіальную латинскую семинарію, образовавъ при костелѣ отдѣльный самостоятельный приходъ для практики будущимъ ксендзамъ. Но этотъ проектъ не получилъ осуществленія; а вмѣсто того въ поіезуитскихъ казиміровскихъ зданіяхъ поселились эмериты—заслуженные престарѣлые или больные латинскіе священники. Съ тѣмъ вмѣстѣ назначено было помѣщать сюда и тѣхъ изъ священно-служителей, которые совершили какіе нибудь проступки, подлежали запрещенію и наказанію. Эмериты переведены были въ новое помѣщеніе изъ стараго эмеритальнаго дома возлѣ каѳедральной латинской колокольни, который со временъ Ягайлы до 1530 года былъ мѣстопребываніемъ латинскаго епископа [1]). Когда польская войсковая коммиссія потребовала передачи на войсковые магазины и канцелярію поіезуитскихъ казиміровскихъ зданій, эмериты были возвращены, не надолго впрочемъ, на старое пепелище [2]). Въ запустѣвшемъ и заброшенномъ костелѣ съ 1845 года помѣщается православный каѳедральный соборъ; зданіе значительно передѣлано и украшено.

Въ 1622 году епископъ Евстафій Воловичъ заложилъ для іезуитовъ новый костелъ въ честь Игнатія Лойолы. И здѣсь была учреждена коллегія съ монастыремъ. По закрытіи ордена іезуитовъ, въ игнатьевскія поіезуитскія зданія временно переведена была латинская семинарія до перехода ея въ нынѣшнее помѣщеніе [3]). Іезуитамъ принадлежалъ еще одинъ костелъ съ домомъ профессоровъ—это

---

[1]) Оставленный послѣ пожара въ этомъ году въ запустѣніи (епископы перешли на жительство въ новое помѣщеніе на Дворцовой улицѣ), домъ этотъ только въ XVIII столѣтіи былъ отремонтированъ прелатомъ Жебровскимъ и въ немъ, съ согласія епископа Зенковича, поселился онъ самъ и принялъ на жительство на собственное его—Жебровскаго—иждивеніе нѣсколькихъ престарѣлыхъ ксендзовъ. Названный домъ съ этихъ поръ (1730 г.) сталъ называться „домомъ Эмеритальнымъ“ или „епархіальною коллегіею инвалидовъ“. Его фундуши, кромѣ прелата Жебровскаго, увеличилъ епископъ Зенковичъ какъ личными пожертвованіями, такъ равно приношеніями другихъ лицъ. Третій этажъ дома долженъ былъ служить мѣстомъ заключенія для преступныхъ ксендзовъ. Въ 1775 году епископъ Массальскій перевелъ отсюда эмеритовъ въ зданія казиміровскія, а ихъ коллегію обратилъ на склады всякихъ орудій и матеріаловъ и на жительство мастеровыхъ при начавшейся перестройкѣ латинской каѳедры. Съ 1800 года въ немъ опять стали проживать эмериты—священники, когда наконецъ въ 1805 году епископъ Коссаковскій, распустивши всѣхъ эмеритовъ съ выдачею имъ на руки небольшаго денежнаго вспомоществованія, помѣстилъ въ немъ епархіальную Консисторію съ канцеляріею, съ назначеніемъ тамъ квартиръ для секретаря и другихъ консисторскихъ чиновниковъ. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія домъ былъ снесенъ для образованія площади.—Wizerunki t. 24, str. 16. 17. въ примѣч.

[2]) См. рукопись: Objasnienie i odpowiedz na objasnienie względem domu sw. Kazimierza z kosciołem w Wilnie, żądanego od kommissij Ciwilno—woyskowey Wilenskiey na magazyn i kancelaryą.—Рукоп. Огд. Вилен. Публ. Библ. Залъ Б. шк. 3, папки № 132, л. л. 95, 96.

[3]) Kraszewski—Wilno—t. 2. str. 448. Przyałgowski t. 3. 186. 222.

костелъ св. Рафаила на Снипишкахъ; но основаніе его относится уже къ XVIII вѣку [1]).

У латинянъ въ XVII в. были и многіе другіе костелы. Черезъ улицу отъ женскаго Бернардинскаго монастыря находился мужской Бернардинскій [2]). Въ началѣ онъ былъ деревянный, но послѣ 1500 года Бернардины задумали устроить его изъ камня. Король Александръ и особенно нѣкоторые изъ Радивилловъ и Ходкевичей много жертвовали на устройство монастыря. Послѣдній даже уступилъ подъ монастырь свой сосѣдній плацъ съ дворцомъ, а Николай Радивиллъ возвелъ на свой счетъ большую часть каменныхъ монастырскихъ построекъ. Графъ Тенчинскій записалъ имъ домъ съ плацемъ на противоположной сторонѣ, на Зарѣчьѣ, надъ рѣкою Вильною, а Михаилъ Пацъ на этой же рѣкѣ поставилъ для нихъ сукновальню [3]).

Еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ той части Бернардинскаго огорода, которая отдѣлена была для воскобойни, съ сѣверной стороны костела, справа, замѣчалась какая-то старинная постройка изъ дикаго камня и очень широкаго кирпича, носившая на себѣ видъ вообще святыни; въ длину она имѣла 28½ локтей, въ ширину 12 и столько же почти отъ основанія до карнизовъ и состояла какъ бы изъ двухъ этажей верхняго на два локтя отъ земли, и нижняго—подвальнаго, глубиною въ нѣсколько локтей. Послѣдній раздѣлялся на двѣ далеко неравныя части и въ передней—меньшей съ правой стороны въ стѣнѣ виднѣлся какъ бы очагъ съ дымовою трубою, очень давнею. Верхній этажъ, тоже съ двумя отдѣленіями, состоялъ изъ меньшей передней, и другой части болѣе обширной, полукруглой, сводчатой, устланной кирпичемъ. По сохранившимся преданіямъ здѣсь якобы существовала языческая святыня, и названный очагъ въ нижнемъ этажѣ долженъ былъ служить для сожиганія жертвъ. Wizerunki [4]), отвергая ходившіе слухи, которые, по ихъ мнѣнію, не обосновываются на достовѣрныхъ данныхъ, склоняются къ тому мнѣнію, что описанная постройка можетъ служить остаткомъ какого нибудь костела, или скорѣе часовни, поставленной въ давнее время на обширномъ кладбищѣ Бернардинскаго костела. Уже впослѣдствіи крыша ея передѣлана и само зданіе обращено на хозяйственные склады. Въ дополненіе

---

1) Kraszewski—Wilno. t. 2. str. 449.
2) Акты Вил. Ком. XX, 43, 77, 252 и др. О его основаніи мы уже говорили.
3) Kraszewski—Wilno t. 2, str. 315, 317.
4) t. 24. str. 54. въ примѣч.

къ сказанному можно привести догадку Жеготы о томъ, что именно въ этомъ мѣстѣ находилась старинная православная церковь во имя святой Анны, далеко ранѣе постройки по близости костела тогоже имени. Кѣмъ основана церковь, не извѣстно; но существованіе свое она должна была прекратить послѣ 1581 года, когда ее окружили костелъ св. Анны, домъ іезуитовъ, костелъ и монастырь Бернардинскій, а съ противоположной стороны—р. Вильна съ лежащими зе нею горами [1]).

Костелъ св. Анны во всей своей великолѣпной красотѣ появился только въ 1581 году. Нѣкоторые основаніе его относятъ ко временамъ Витовта, называя жену его Анну основательницею Аннинскаго костела. Но тогда онъ могъ быть деревянный и его уничтожилъ пожаръ 1530 года. Сигизмундъ-Августъ въ Аннинскомъ костелѣ хотѣлъ устроить вѣчную усыпальницу для себя, для своихъ женъ и родныхъ и приступилъ къ постройкѣ каменнаго костела. Умирая до окончанія постройки, онъ усиленно просилъ своихъ сестеръ, особенно королевну Анну довести до конца начатое. Набожная жена короля Стефана Баторія, тоже Анна особенно сочувствовала этому дѣлу и много ему содѣйствовала. Примѣру королевы слѣдовали литовскіе вельможи и высшее духовенство Литвы и Польши. Аннинскій костелъ, кромѣ своей выдающейся архитектуры, имѣлъ замѣчательное собраніе драгоцѣнностей и различныхъ церковныхъ украшеній изъ золота и серебра. Въ костелѣ св. Анны впервые раздалась протестантская прововѣдь нѣкоего Виклефа [2]).

На Шерейкишкахъ и у Мокрой брамы были костелы съ госпиталами Рохитовъ и Маріи-Магдалины. Рохиты вызваны въ Вильну Бржостовскимъ въ началѣ XVIII вѣка (около 1710 года) и занимали своими постройками все мѣсто нынѣшняго Телятника отъ Ботанической улицы почти до Замковой горы. Не имѣли богатыхъ фундушей; дѣла благотворительности и особенно погребеніе бѣдныхъ и уходъ за больными составляли главное ихъ занятіе. Послѣ пожара въ 1749 году Рохиты сильно пострадали и къ концу XVIII в. ихъ дѣятельность почти прекращается [3]).

---

[1]) Нѣсколько словъ о древнихъ православныхъ церквахъ гор. Вильны—Жегота—стр. 2, 3.

[2]) Przyałgowski—t. 2, str. 34. Kraszewski—Wilno—t. 2, str. 325—329. Cp. Narbutt—Dzieje nar. Litew.—t. 7. Dodatki—164—167.

[3]) Przyałgowski—T. II, str. 122, 158. Wizerunki—t. 24, str. 35. Kraszewski—Wilno—t. II. str. 492. Dzieje dobroczynności—Rok 1821, str. 277—280.

Костелъ Маріи-Магдалины основанъ въ началѣ XVI столѣтія. Онъ находился при соединеніи съ Каѳедральною площадью нынѣшней Семеновской улицы, гдѣ была и Мокрая брама. Въ 1571 году костелъ уже существовалъ и требовалъ ремонта [1]). Въ XVII столѣтіи, за недостаткомъ фундушей, костелъ и госпиталь, послѣ пожаровъ, должны были прекратить свое существованіе.

Костелъ св. Креста, извѣстный до настоящаго времени подъ именемъ Бонифратровъ, основанъ на мѣстѣ убіенія францисканскихъ проповѣдниковъ христіанства при Ольгердѣ. Все это пространство вмѣстѣ со скверомъ около дворца генералъ-губернатора покрыто было въ XVI столѣтіи однимъ сплошнымъ роскошнѣйшимъ садомъ, который, по богатству растительности и своему устройству превосходилъ даже восхитительные сады Радивилла. Протекавшій черезъ садъ богатый ключь Вингеръ оживлялъ мѣстность и доставлялъ освѣженіе растительности. Среди сада во дворцѣ началъ жить послѣ пожара 1530 года епископъ Виленскій Павелъ, князь Ольшанскій, окруженный многочисленною, совершенно велико-княжескою свитою. Въ память мученической кончины францисканъ, въ саду въ 1543 году оставался только одинъ крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Спасителя. Епископъ Павелъ на мѣсто креста поставилъ часовню. Здѣсь передъ образомъ страданій Спасителя совершали иногда литургіи [2]). Въ концѣ XVI вѣка явился и костелъ съ необходимыми постройками, а въ первой половинѣ XVII вѣка выписаны были сюда и братья милосердія. Епископъ Виленскій Авраамъ Война особенно имъ покровительствовалъ и заботился обезпечить ихъ матеріальное положеніе. Братья милосердія исключительно занимались дѣлами благотворительности [3]). Костелъ существуетъ по настоящее время съ родникомъ внутри прекрасной воды.

Выше мы упоминали о костелахъ св. Духа и св. Тройцы съ госпиталемъ, построеннымъ Ульрихомъ Гозіемъ. Въ 1501 году великій князв Александръ согласился передать костелъ св. Духа изъ вѣдѣнія приходскаго священника вновь выписанному ордену доминиканъ. Къ нимъ переходили всѣ дома, плацы и различное недвижимое имущество, принадлежавшее костелу св. Духа. Имъ переданъ былъ въ собственность и Виленскій источникъ Вингеръ [4]). Костелъ и

---

[1]) Wizerunki — t. 23, str. 179. Примѣч. 1.
[2]) Przyałgowski — t. I, str. 117, 118. Wizerunki — t. 13, str. 117, 118. Примѣч. 2 и 3.
[3]) Przyałgowski — t. 2. Dzieje dobroczynności — 1820 r., str. 214, 570.
[4]) Teka Wileńska — № 3. 1850 r., str. 76—79.

монастырь съ этого времени назывались доминиканскими, хотя нерѣдко удерживалось для нихъ и прежнее наименованіе св. Духа [1]). Въ завѣдываніи доминиканъ находился и костелъ св. Троицы съ госпиталемъ, который занималъ весь уголъ нынѣшней Благовѣщенской улицы и Игнатьевскаго переулка [2]). На содержаніе госпиталя, какъ мы говорили, назначалась часть доходовъ, выручаемыхъ отъ платы за проѣздъ по Зеленому мосту. Весь надзоръ за правильностію доходовъ и ихъ употребленіемъ возлагался на доминиканъ, Виленскій капитулъ и епископа. Съ 1545 года великій литовскій князь устранилъ духовную власть отъ надзора за хозяйственною частію госписаля св. Троицы и поручилъ его Виленскому магистрату. Осмотрѣвшись въ новомъ дѣлѣ, магистратъ нашелъ, что доминиканы, которые исполняли въ госпиталѣ духовныя требы, не отвѣчаютъ своему назначенію и постановилъ образовать при костелѣ св. Троицы съ госпиталемъ особое настоятельство. Литовско-польскіе короли подтвердили такое постановленіе магистрата и поддерживали его. Но госпитальные фундуши оказывались недостаточными, особенно когда сгорѣлъ Зеленый мостъ и его приходилось сроить вновь. Прекрасные въ началѣ госпитальные дома, съ теченіемъ времени, безъ досмотра и ремонта, ветшали и разрушались, а постороннія пожертвованія уменьшались. Недостаточность фундуша возбуждала частыя рѣзкія препирательства между магистратомъ и настоятельствомъ костела св. Троицы. Убожество дошло до того, что пришлось занимать для костела деньги подъ залогъ костельныхъ вещей—серебряннаго креста и серебрянной лампадки [3]). Въ 1799 году госпитали св. Троицы и Рохитовъ были закрыты, а принадлежавшее имъ недвижимое имущество переведено въ пользу вновь устроеннаго тогда госпиталя при костелѣ св. Іакова на Лукишкахъ [4]). Съ этихъ поръ прекратилось въ костелѣ

---

[1]) См. Акты Вил. Ком. т. XX, 158, 219, 220, 265, 325 и др.

[2]) Границы госпиталя обозначены такъ: incipiendo ab introitu sive porta ad cuviam hospitalis, quae est in vico ex opposito valvae cemeterii ecclesiae S. Spiritus, a qua porta porriguntur limites longitudinis area hospitalis undevis usqne ad finem domorum Petri Pusdrowicz et Pawl Piestowicz civium subditorum reverendi domini episcopi Vilnensis, centum ulnis sive triginta quatuor cubitis; latitudinis vero ab area ecclesiae hospitalis in loco superiori ejusdem areae viginti ulnis sive septem cubitis, area vero inferior penes domum et hortum Petri Pusdrowicz usque ad finem domns Pauli Piestowicz, habens ulnas sexaginta sive cubitos viginti, ejus vero longitudo a fine horti Pusdrowicz penes hortum conventualem Stephani Tubicinis nostri sursum habens triginta sex ulnas sive cubitos duodecim... Dubinski—51.

[3]) Kraszewski—Wilno—t. 2., str. 250—253. Очень обстоятельную записку о госпиталѣ св. Троицы можно читать въ Dziejach dobroczynności—r. 1823, t. I, str. 161—160.

[4]) Dzieje dobroczynności—r. 1822, str. 734.

св. Тройцы и богослуженіе. Въ 1821 году онъ переданъ православному духовенству, принятъ имъ и освященъ во имя св. Николая [1]); это нынѣшняя Благовѣщенская церковь.

При костелѣ Доминиканскомъ мужскомъ, существующемъ до нынѣ, былъ и женскій, основанный около 1678 года. Послѣ пожара въ 1748 году онъ болѣе не возобновлялся [2]).

Въ одно почти время—въ первой половинѣ XVIII столѣтія возникли костелы съ монастырями—мужской и женскій Кармелитскій и Всѣхъ Святыхъ. Костелъ св. Терезіи (кармелитскій) на улицѣ Остробрамской основанъ въ 1626 г. литовскимъ референдаріемъ Стефаномъ Пацомъ. Костелъ и монастырь построены на земляхъ, которыя принадлежали Виленскому св.-Духовскому братству. Черезъ двѣнадцать лѣтъ тотъ же Пацъ, уже литовскій подканцлеръ, основалъ и костелъ св. Іосифа (женскій кармелитскій) въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ *Босачекъ*, сзади зданій литовской духовной семинаріи, въ началѣ нынѣшней базарной площади. Костелъ св Терезіи существуетъ до сихъ поръ, а женскій кармелитскій разобранъ во второй половинѣ текущаго столѣтія. Костелъ Всѣхъ Святыхъ основанъ около 1620 года. Онъ извѣстенъ особенно тѣмъ, что въ послѣднее время служилъ мѣстомъ заключенія для недостойныхъ священно-служителей. Кладбище для этого костела отведено было за городомъ, при костелѣ св. Стефана [3]).

Костелъ св. Стефана находился уже за чертою города, на предмѣстьѣ Рудникскомъ; онъ до сихъ поръ существуетъ на прежнемъ мѣстѣ. Основаніе его относится къ первой четверти XVII столѣтія [4]). При немъ былъ госпиталь св. Лазаря. Обширное кладбище при костелѣ не только служило нуждамъ прихожанъ костела Всѣхъ Святыхъ, но іезуиты очень много воспользовались имъ, когда вздумали очистить костелъ св. Іоанна отъ наваленныхъ въ его склепахъ гробовъ и множества труповъ [5]).

Около костела св. Стефана съ давнѣйшихъ поръ до настоящаго времени существовалъ базаръ, гдѣ по преимуществу продавали скотъ. Уже въ одной

---

[1]) Ibid. R. 1823, t. I, str. 165, пр. 2. Statystyczne opisanie Wilna—Balinski—str. 39.
[2]) Kraszewski—Wilno—t. 2, str. 354.
[3]) Kraszewski--Wilno—t. 2, str. 400, 406, 407. Przyałgowski—t. 3, str. 26.
[4]) Balinski—Starożytna Polska—t. 3. str. 178.
[5]) Объ этой продѣлкѣ іезуитовъ см. Balinski—Dawna Akademija Wileńska—100, 101 и Kraszewski—Wilno—t. 2, str. 442,

грамотѣ 1557 года упоминается о „жывотынскомъ торгѣ за вежою Рудницкою“ [1]), Въ утвердительной грамотѣ Сигизмунда III цеха рѣзниковъ 1596 года сказано, что никто изъ членовъ цеха не имѣетъ права покупать скотъ на убой раньше десяти часовъ утра и то *на установленномъ базарѣ за Рудникскою брамою*, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ штрафа камня воска въ пользу цеха. Требовалось, чтобы покупаемый на убой разнаго рода скотъ, какъ то: волы, коровы, телята, бараны, овцы, ягнята, козлы, козлята, борова, свиньи и другое, былъ совершенно здоровъ. Запрещалось цеху рѣзниковъ покупать у евреевъ или татаръ мясо отъ скота, который они убивали или рѣзали, а также и продавать такое мясо. Въ посты, особенно великій, никто не имѣлъ права торговать говядиною въ мясныхъ рядахъ [2]).

На Зарѣчьѣ костелъ св. Варѳоломея основанъ былъ въ 1644 году почти на самомъ берегу р. Вильны. Черезъ двадцать лѣтъ онъ сгорѣлъ и новый его фундаторъ поставилъ его на новомъ мѣстѣ, на горѣ (гдѣ и теперь онъ находится), называвшейся Раемъ, или Райскою, отъ имени основателя Ивана Райскаго. (Эта мѣстность очень высокая въ городѣ и оттуда открываются прекрасные кругомъ виды). Настоятельствовали въ немъ ксендзы ордена св. Августина, отчего и костелъ иногда назывался Августинскимъ [3]). Послѣ вторичнаго пожара, костелъ св. Варѳоломея былъ снова возобновленъ только въ 1823 году; до этого времени на мѣстѣ сгорѣвшаго костела была часовня [4]).

Нѣтъ точныхъ указаній, когда основанъ костелъ св. Іосифа и Никодима за Острыми воротами. Прыялговскій въ жизнеописаніяхъ Виленскихъ епископовъ говоритъ [5]), что при епископѣ Авраамѣ Войнѣ (1616—1630 г.) за Острыми воротами явился новый госпиталь свв. Іосифа и Никодима *съ каменнымъ при немъ костеломъ*; но въ другомъ мѣстѣ [6]) тотъ же авторъ заявляетъ, что послѣ пожара (около 1748 г.) вмѣсто стараго *деревяннаго* воздвигнутъ новый *каменный* костелъ. Извѣстно только то, что госпиталь св. Никодима пользовался большимъ уваженіемъ среди мѣстныхъ жителей; многіе изъ православныхъ записывали для него значительныя суммы [7]).

---

[1]) Грамота помѣщена у Крашевскаго—Wilno—4, str. 398.
[2]) Собраніе древнихъ грамотъ. Семенова, ч. 1, стр. 170.
[3]) Kraszewski—Wilno—t. 2, str. 372. Wizerunki—t. 24, str. 90, пр. 2.
[4]) Dzieie dobroczynności—r. 1823, t. 3, str. 94.
[5]) Przyałgowski—t. 2, str. 83.
[6]) Ibid., t. 3, str. 148.
[7]) Акты Вилен. Ком. т. XX, 352, т- IX, 478.

Костелъ св. Петра и Павла на Антоколѣ принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ святынь города. Съ распространеніемъ въ Литвѣ латинства явился и названный костелъ, вначалѣ деревянный. При великомъ литовскомъ князѣ Александрѣ епископъ Войтѣхъ Таборъ, а послѣ него и другіе принимали мѣры къ поддержкѣ разрушавшагося костельнаго зданія. Только въ 1666 году гетманъ литовскій Михаилъ Пацъ воздвигнулъ вмѣсто деревяннаго каменное зданіе, на подобіе по внѣшности костелу Петра и Павла въ Римѣ. Здѣсь онъ и погребенъ [1]).

Неподалеку, тоже на Антоколѣ, находился костелъ Спасителя, основаніе которому положилъ Иванъ—Казиміръ Сапѣга въ концѣ XVII столѣтія. Освященіе костела послѣдовало въ 1716 году. Костелъ пользовался извѣстностію по своей статуѣ Спасителя, которая освящена была въ Римѣ папою Иннокентіемъ XII и привезена въ Вильну въ XVIII столѣтіи. При недостаткѣ фундушей, костелъ всегда со времени своего основанія находился въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи и существовалъ на доброхотныя пожертвованія. Во второй половинѣ текущаго столѣтія онъ переданъ православному вѣдомству [2]).

Антоколь по своему здоровому, красивому положенію всегда считался лучшимъ изъ предмѣстій города. Въ XVII столѣтіи здѣсь находилось нѣсколько дворцовъ литовскихъ магнатовъ: Сапѣги, основанный въ 1691 году Виленскимъ воеводою Казиміромъ Сапѣгою, который велъ упорную борьбу съ Виленскимъ епископомъ Бржостовскимъ (теперь военный госпиталь); Паца, вблизи зданій Петропавловскаго костела и Слушковъ, основанный въ 1690 году воеводою Полоцкимъ Доминикомъ Слушкою. Далѣе за Сапѣжинскимъ дворцомъ находилась Вершупа, звѣринецъ съ лѣтнимъ дворцомъ литовскихъ великихъ князей въ XVI столѣтіи [3]). Антоколь, потому, называли magnorum ab antiquo heroum quies. . . Императоръ Петръ I, во время пребываія въ Вильнѣ, останавливался въ Слушковскомъ дворцѣ. За долги этотъ дворецъ перешелъ къ кредиторамъ, а потомъ въ немъ былъ устроенъ пивоваренный заводъ Зайковскихъ; теперь въ немъ помѣщается тюрьма. Вершупа перешла въ частныя руки [4]).

---

[1]) Kraszewski—Wilno—t. 2, str. 362—377.

[2]) Wizerunki—t. 20, str. 82—84. Евстафій Тышкевичъ въ „Tece Wilenskiey“ (№ 4, str. 129) говоритъ, что костелу Тринитаровъ или Спасителя на Антоколѣ положено основаніе въ 1693 г., по Wizerunkam—въ 1696 г., а освященъ въ 1756 г., по Wizerunkam—въ 1716 г. Статуя Спасителя доставлена въ Вильну въ 1767 г., по Wizerunkam—въ 1700 г. Отвѣтственность оставляемъ на авторахъ.

[3]) См. планъ Вильны Брауна—Акты Вил. Ком. XX.

[4]) Wizerunki—t. 14, str. 28, 29; t. 23, str. 182. 183, 184, 185; t. 24, str. 211, 212. Kirkor—145—154.

Въ концѣ XVII вѣка, около 1687 года явился въ Вильнѣ и костелъ ксендзовъ миссіонеровъ. Это общество было очень модно во Франціи того времени и супруга короля Ивана Собѣскаго, увлекаясь французскимъ направленіемъ, сильно старалась популяризовать его въ Литвѣ и Польшѣ. Епископъ Виленскій Котовичъ, близкій ко двору[1]), поспѣшилъ раздѣлить взгляды королевы и на одномъ изъ первыхъ при немъ засѣданій Виленскаго капитула заявилъ, что онъ думаетъ пригласить въ Вильну ксендзовъ миссіонеровъ и уже пріобрѣлъ для нихъ имѣніе Ячменишки. Капитулъ съ сочувствіемъ отнесся къ заявленію епископа Котовича, и стали придумывать, гдѣ бы поселить въ Вильнѣ новое общество. Первоначально для него назначалось мѣсто около Зеленаго моста, былъ купленъ плацъ съ большимъ домомъ и огородомъ и собрана сумма для присобленія купленныхъ зданій къ новому ихъ назначенію. Но явившіеся первые представители миссіонеровъ нашли мѣстныя предположенія объ ихъ помѣщеніи очень неудобными, мѣстность некрасивою, а зданія старыми, не стоющими передѣлки. Тутъ же они по совѣту своихъ доброхотовъ, людей знающихъ, обратились съ покорнѣйшею просьбою ко вдовѣ княгинѣ Радивиллъ, сестрѣ короля, подарить обществу миссіонеровъ дворецъ Сангушковъ, который лежалъ въ прелестнѣйшей тогда части города Вильны (въ мѣстности, гдѣ и теперь костелъ миссіонеровъ и учебныя мастерскія съ домомъ Милосердія) среди обширныхъ огородовъ и источниковъ чистѣйшей воды. Дворецъ былъ построенъ княземъ Іеронимомъ Сангушко, который записалъ его бернардинамъ, а тѣ продали гетману Радивиллу. Княгиня охотно согласилась на просьбу миссіонеровъ и сдѣлала даже для нихъ больше, записавъ имъ, сверхъ просимаго и имѣніе Бурбишки (возлѣ города; теперь принадлежатъ женскому духовному училищу). Противъ такого дара Сангушки возбудили потомъ искъ и миссіонеры должны были заплатить противной сторонѣ 15000 злотыхъ. Особенно много пожертвовалъ на устройство костела и монастыря при немъ войскій Инфлянтскій Иванъ—Ѳеофилъ Плятеръ, котораго изъ лютеранства миссіонеры обратили въ латинство, и Огинскіе. Миссіонеры устроили громадныя помѣщенія для семинаріи (былъ интернатъ и экстернатъ), завели отличное хозяйство, постоянно разъѣзжая по миссіямъ, имѣли вездѣ очень большія связи и собрали громадные фундуши[2]).

Находившійся черезъ улицу женскій монастырь Визитокъ, нынѣ женскій православный монастырь, получилъ свое основаніе уже въ XVIII вѣкѣ.

---

[1]) Polityk i dworak, więcej obywatel i pan, jak biskup i kapłan—Przyałgowski—t. 3, 65.
[2]) Przyałgowski—t. 3, str. 68—71. Teka Wilenska—1857 r. № 2, str. 248, 249.

Между костеломъ Миссіонеровъ—и Субачей улицею находится мѣстность, извѣстная подъ именемъ Рая, откуда открывается прекрасный видъ на городъ. Она принадлежала екс—іезуиту Гребницкому, который въ 1785 году пожертвовалъ ее въ пользу благотворительнаго учрежденія. Воспользовалась этимъ добрымъ началомъ Ядвига Огинская, скупила сосѣдніе дома и плацы, присоединила къ нимъ часть земли, пожертвованной миссіонерами, и до двухъ морговъ съ разрушающимися каменными стѣнами уступленной городомъ: на всемъ этомъ пространствѣ она задумала учредить воспитательный домъ для несчастныхъ дѣтей, отъ которыхъ отказались ихъ родители. Такъ возникъ въ 1787 году нынѣшній воспитательный домъ Іисусъ Младенецъ, устроенный, по приглашенію Огинской визитатаромъ миссіонеровъ Андреемъ Полемъ. Несчастныя дѣти до устройства этого пріюта помѣщались въ госпиталѣ Савичъ[1]). Императоръ Александръ I пожертвовалъ въ пользу пріюта староство Зосельское.

Каѳедральный костелъ св. Станислава послѣ пожара 1530 года былъ возобновленъ далеко лучше прежняго. Этому дѣлу посвятилъ себя епископъ Виленскій Іоаннъ, побочный сынъ короля Сигизмунда I. При содѣйствіи отца, онъ дѣйствительно сдѣлалъ очень многое. Для возстановленія костела выписалъ архитектора—итальянца Заноби; спеціально для собственныхъ построекъ поставилъ кирпичный заводъ; сдѣлалъ большой запасъ строительныхъ матеріаловъ; вызвалъ къ пожертвованіямъ общество и духовенство и получилъ отъ короля цѣлый городъ Кременецъ съ обширными его доходами, которые должны были итти на возобновленіе каѳедры. Но по мѣрѣ увеличенія средствъ еще болѣе увеличивались потребности, расширялись затѣи и уже преемникъ епископа Іоанна князь Павелъ Ольшанскій кое-какъ кончилъ начатое дѣло [2]). Но съ теченіемъ времени эта святыня дѣлалась по частямъ какъ бы предметомъ собственности королей, прелатовъ и магнатовъ. Многіе изъ нихъ въ храмѣ Божіемъ ставили особыя для себя часовни, часто разрушая бывшія до нихъ; пристроекъ и надстроекъ въ костелѣ оказалось къ XVIII вѣку очень много; однѣ изъ нихъ бывали роскошны, блестящи, другія, сосѣднія, грозили разрушеніемъ и вообще всѣ портили въ цѣломъ видъ зданія. Дошло до того, что въ 1769 году обрушилась одна костельная башня; своимъ паденіемъ она повредила зданіе и убила шесть человѣкъ ксендзовъ и одного клирика. Принимавшіеся за передѣлку костела и епископы

---

[1]) Dzieje dobroczynnosci—R. 1820, str. 596. R. 1821, str. 398, 399. R. 1822, 731.
[2]) Przyałgowski—t. I, str. 119, 136. Wizerunki—.t 24, str. 43 прим.

(Зенковичъ, Массальскій, Коссаковскій), и архитекторы (Гуцевичъ и Шульцъ) только затягивали дѣло, расчитывая взаимно выиграть что нибудь въ свою пользу (Массальскій, Верки съ Червонымъ дворомъ и Виленскій капитулъ), и все кончилось судебнымъ процессомъ между Виленскимъ капитуломъ и наслѣдниками Масальскаго о захватѣ и растратѣ большихъ костельныхъ суммъ [1]). Уже Императоръ Павелъ I, будучи въ Вильнѣ и увидавши вмѣсто костела безобразную группу развалинъ, которыми запружена была улица, приказалъ генералъ-губернатору Рѣпнину обратить вниманіе на эти безпорядки и привести къ окончанію постройку каѳедральнаго латинскаго костела. Высочайше дарованныя на это средства дали возможность въ 1801 году явиться ему въ настоящемъ видѣ, благообразномъ, украшенномъ; вновь устроенный костелъ тогда же былъ освященъ [2]).

Положеніе православныхъ церквей, о которыхъ мы говорили выше, значительно ухудшилось въ XVI и особенно XVII вѣкѣ. Многія изъ нихъ совершенно разрушились, и представители города въ 1671 году сознательно или безсознательно даже заявляли, что никогда они не слышали о такихъ церквахъ, какъ Екатерининская, Ильинская, Николаевская—Успенская [3]). Положеніе ихъ еще болѣе ухудшилось, когда въ 1609 году православныя церкви переданы были уніатамъ. Съ этой поры о нихъ некому уже было заботиться и на мѣстахъ святыхъ стала появляться мерзость запустѣнія. Въ актахъ находимъ постоянныя указанія, какъ уніатскіе митрополиты, протопопы разрѣшали частнымъ лицамъ занимать подъ постройки церковные плацы и погосты [4]). Построившіеся на церковной землѣ или временно только пущенные на жительство въ церковные дома за арендную плату нерѣдко объявляли все это своею собственностію и болѣе не хотѣли уже уступать законнымъ владѣльцамъ. Возбуждались сложные, длинные процессы, доходившіе часто до высшихъ судебныхъ инстанцій [5]). Въ болѣе счастливомъ положеніи оказались только Пречистенскій соборъ, Николаевская церковь (Перенесенская) и свято-Троицкій монастырь.

Пречистенскій соборъ, поддержанный въ началѣ XVI столѣтія княземъ Константиномъ Острожскимъ, обращалъ на себя вниманіе, какъ митрополичья каѳедра. При немъ въ XVI столѣтіи являются особые новые придѣлы, во имя Рождества

---

[1]) Подробности у Крашевскаго—Wilno—t. 2, str. 190—195. Przyałgowski—t. 3, str. 177—182.

[2]) Przyałgowski—t. 3, str. 214—217.

[3]) Акты Вил. Ком. XX, 427.

[4]) Ibid. 98, 103, 105, 226, 227, 300, 307, 337, 341, 463, 499, 500, 508, 510, 518 и др.

[5]) Ibid. 525.

Пресвятой Богородицы, Благовѣщенія и Введенія во храмъ. Эти придѣлы, называемые нерѣдко въ документахъ различными именами („придѣлъ“, „каплица“, „престолъ“, „храмъ“, „церковь Божія“ — въ записи Ѳеодора Янушевича 1507 г. 29 Марта) могли послужить для нѣкоторыхъ изслѣдователей основаніемъ для показанія въ Вильнѣ большаго количества церквей, чѣмъ было это въ дѣйствительности. Эти придѣлы, впрочемъ, по своей обширности могли равняться маленькимъ церквамъ, жили своею особою жизнію, имѣли отдѣльный причтъ съ особыми фундушами. Придѣлъ Рождества Пресвятой Богородицы, напр. учрежденъ былъ *съ двумя священниками для богомолья и Божественное службы церковное повседневное*“ [1]). Все это разрушилось къ концу XVIII вѣка.

Николаевская церковь и свято-Троицкій монастырь, совершенно возобновленные княземъ Острожскимъ [2]), имѣли возможность просуществовать до нашихъ дней. Много въ ихъ пользу послужило и то обстоятельство, что когда уничтожены были почти всѣ Виленскія церкви, Николаевская оставалась единственною приходскою въ городѣ, гдѣ вѣрующіе греко-униты могли исполнять обряды своей вѣры и получать таинства. Свято-Троицкій монастырь сдѣлался обиталищемъ монаховъ-базиліанъ, которые поспѣшили направить къ себѣ доходы всѣхъ прежнихъ православныхъ церквей, изъ которыхъ позабирали различныя драгоцѣнности и наличныя денежныя суммы. Они были въ это время полными хозяевами уніатской церкви и готовили ей окончательное разрушеніе. Однимъ изъ такихъ дорогихъ памятниковъ западнорусской церкви нужно считать образъ Пресвятой Дѣвы Маріи, до сихъ поръ находящійся на лѣвой сторонѣ иконостаса Троицкой церкви. Этотъ образъ великой Литовской княгини Елены Іоанновны, драгоцѣнный подарокъ своей дочери великаго Московскаго князя Ивана Васильевича, первоначально находился въ Пречистенскомъ соборѣ. Оттуда базиліане забрали его къ себѣ и поставили въ Троицкомъ монастырѣ. Другою святынею Троицкаго монастыря была плащанница, шитая золотомъ и серебромъ, усыпанная драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, устроенная въ одномъ женскомъ Московскомѣ монастырѣ въ 1545 году. Ее захватили въ Москвѣ поляки въ смутное время 1610—1611 года. Король Сигизмундъ III подарилъ эту драгоцѣнность Троицкому монастырю; но съ 1822 года она перешла въ бывшіе Пулавы къ князю Чарторыйскому [3]).

---

[1]) Wizerunki—t. 23, str. 27—29; t. 24, str. 239, 240.

[2]) Собраніе древнихъ грамотъ. Семенова—ч. II, стр. 14, 15.

[3]) Wizerunki—t. 24, str. 112—115; t. 26, 127. Dzieje dobroczynnosci—1822 r., str. 943—952.

При Троицкомъ монастырѣ устроены были часовни св. Луки, св. Креста и Благовѣщенская. Первую основалъ войскій Полоцкаго воеводства Корсакъ-Голубицкій, гдѣ въ 1626 году онъ и погребенъ базиліанами. Часовня находилась въ притворѣ, рядомъ черезъ стѣну съ алтаремъ Честнаго Креста и на нее цехъ сапожниковъ долженъ былъ давать изъ общей кассы третій грошъ; впослѣдствіи этотъ взносъ отошелъ къ костелу св. Іоанна [1]). Часовня Благовѣщенія построена Янушемъ Скуминомъ Тышкевичемъ; въ 1642 году въ ней погребенъ онъ самъ, а потомъ его жена и сынъ [2]).

Рядомъ съ Троицкимъ мужскимъ монастыремъ помѣщался женскій; послѣдній не имѣлъ своей церкви и монахини особымъ ходомъ ходили къ богослуженію въ церковь мужскаго монастыря [3]).

Къ первой половинѣ XVI столѣтія необходимо отнести постройку церкви Св. Петра при Острыхъ воротахъ на правой сторонѣ. Что она существовала, объ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, послѣ прямыхъ документальныхъ о ней упоминаній [4]). Время основанія церкви св. Петра относимъ къ XVI вѣку потому, что только въ 1507 году была окончена постройкою каменная городская стѣна и сдѣлано нѣсколько главныхъ воротъ, въ томъ числѣ и Острыя. До того времени Троицкій монастырь находился за чертою города, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о существованіи церкви св. Петра, при несуществовавшихъ Острыхъ воротахъ [5]).

Въ началѣ XVI столѣтія, когда Троицкій монастырь пользовался патронатствомъ Елены Іоановны [6]), великая княгиня могла указать монастырю расположить хранившуюся у нихъ святыню—икону Богоматери изъ Крыма отъ временъ Ольгерда, — на Острыхъ воротахъ и тутъ же построить небольшой храмъ во имя Московскаго святителя Петра, въ которомъ желающіе могли бы помолиться Богу предъ чудотворнымъ ликомъ Богоматери — заступницы и митрополита Петра. Съ

---

[1]) Археогр. Сборн. т. X, 36, 41.

[2]) Ibid. 42.

[3]) Подробное историческое изслѣдованіе Свято-Троицкаго монастыря—мужскаго и женскаго—находится въ сочиненіи О. В. Щербицкаго: Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Вильна, 1886 г.

[4]) Археогр. Сборн. X, 19, 23.

[5]) Это обстоятельство упускаютъ изъ виду ксендзъ Козловскій и Жегота, когда говорятъ о церкви св. Петра, относя ея основаніе къ XIV вѣку. Жегота: Нѣсколько словъ о православныхъ церквахъ г. Вильны, стр. 7. Козловскій—Объ Остробрамской иконѣ Божіей Матери—5, 7.

[6]) Акты Западн. Россіи—т. 2, стр. 71 и прим.

постройкою въ 1626 году около Острыхъ воротъ кармелитскаго костела и монастыря, кармелиты присвоили себѣ Остробрамскую святую икону и церковь св. Петра должна была придти въ забвеніе и запустѣніе; въ 1701 году виднѣлись уже однѣ ея развалины[1]).

Въ концѣ XVI столѣтія положено основаніе и нынѣшнему свято-Духову монастырю. Нѣкоторые члены Виленскаго братства, недовольные частыми столкновеніями въ Троицкомъ монастырѣ съ священниками, назначаемыми отъ Магистрата, порѣшили основать свою церковь и завести строгіе порядки, какъ въ совершеніи Богослуженія, такъ и въ расходованіи братскихъ суммъ. На помощь братству явились Брестская воеводина Зеновичовая и Смоленская воеводина Абрамовичовая. Въ 1597 году, по ихъ распоряженію строилась уже новая церковь (въ предѣлахъ нынѣшняго свято-Духовскаго монастыря), деревянная, на плацахъ, подаренныхъ братству Воловичами (въ одно и тоже время Воловичи были: одни – православными, другіе – латинянами, третьи—кальвинстами)[2]). Къ новой церкви стали собираться всѣ, оставшіеся вѣрными православію. Такое явленіе не могло нравиться, конечно, ни уніатамъ-базиліанамъ, ни іезуитамъ. По внушенію первыхъ, король писалъ, что братство „къ большому взрушенью покою посполитого, плацъ въ мѣстѣ нашемъ Виленскомъ купивши, снать церковь не такъ для отправованья въ ней хвалы Божее, яко найбольшей для большаго ереси и бунтовъ разширенья въ рѣчи посполитой, збудовати хочутъ... ино тоей церкви будовати имъ не допускать и зборонить конечне, иначей того не чинечи“[3]). Іезуиты съ своими школьниками въ 1598 году прямо сдѣлали нападеніе на свято-Духовскую церковь и произвели тамъ страшныя безчинія[4]). Тяжелое было положеніе Виленскаго братства; но оно продолжало строиться и успѣло возвести каменное зданіе для монастыря, госпиталь, братское училище или коллегію и приступило къ постройкѣ каменной монастырской церкви[5]). Но случившееся въ 1624 году убійство въ Витебскѣ Іосафата Кунцевича навлекло гнѣвъ короля на всѣхъ православныхъ, и Виленскому братству рѣшительно запрещено было продолжать постройку каменной церкви; разрѣшеніе ее докончить послѣдовало въ 1632 году. Но въ такой значительный промежутокъ времени начатая прежде постройка сильно обветшала, какъ равно испор-

---

[1]) Арх. Сборн. X, 19, 21. Wizerunki—t. 24, str. 237.
[2]) Акты Вил. Ком. VIII, 28. Ср. Смирнова—Виленскій Свято-Духовъ монастырь—12.
[3]) Акты Зап. Россіи, IV, № 94. Ср. Собраніе древнихъ грамотъ. Семенова. Ч. II, стр. 26—28.
[4]) Подробное слѣдствіе объ этомъ въ Актахъ Вил. Ком. VIII, стр. 29—39.
[5]) Подробности у Смирнова—Свято-Духовъ монастырь.

тилось многое изъ заготовленнаго строительнаго матеріала. Разрушенію содѣйствовали постоянныя нападенія на свято-Духовъ монастырь враговъ православія. Во всякомъ случаѣ въ 1634 году явился нынѣшній величественный свято-Духовскій храмъ съ двумя придѣлами: св. Константина и Елены и св. Іоанна Богослова. Около 1656 года перенесены въ свято-Духовъ монастырь дорогіе останки мѣстной святыни—Виленскихъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстафія.

При мужскомъ монастырѣ основанъ былъ и женскій—Благовѣщенскій. Возникновеніе его относятъ тоже къ концу XVI вѣка, когда, быть можетъ, и православныя Троицкія монахини, недовольныя порядками своего прежняго монастыря, послѣ введенія тамъ уніи, оставили его и съ Виленскимъ братствомъ заняли новыя мѣста, въ предѣлахъ нынѣшняго свято-Духова монастыря. По правой его сторонѣ, гдѣ трапеза братіи, находилась церковь св. Благовѣщенія, и при ней женскій монастырь, частію деревянный, частію каменный. Отъ мужскаго монастыря его отдѣлялъ деревянный заборъ[1]). Упадку Благовѣщенскаго монастыря много содѣйствовало то обстоятельство, что возникшій по сосѣдству кармелитскій костелъ съ монастыремъ стѣснилъ его и закрылъ отъ улицы. Съ половины XVIII вѣка монастырь женскій перестаетъ существовать, а на мѣстѣ Благовѣщенской церкви до послѣдняго времени находилась часовня того же имени. Мужской монастырь существуетъ и въ настоящее время.

Семнадцатый вѣкъ явился для Вильны въ высшей степени несчастнымъ, разорительнымъ. Все, что создали для его благоденствія Сигизмунды, отецъ и сынъ, было уничтожено. Прекрасныя строенія сдѣлались жертвою пламени; собранныя и сбереженныя богатства уничтожены и расхищены; славная Вильна, прекрасная столица всей Литвы, какъ будто изчезаетъ съ лица земли и современники оставили намъ грустныя пѣсни о своемъ безконечномъ горѣ, что Вильны нѣтъ, что ея не стало[2]), что въ самой Вильнѣ трудно найти Вильну...[3]).

Пожаръ 1610 года уничтожилъ почти всю Трокскую улицу, Доминиканскую съ костелами св. Духа, св. Тройцы и госпиталемъ, Ивановскую улицу съ коллегіею іезуитовъ, Замковую; нижній замокъ, каѳедральный костелъ сдѣлались жертвою пламени. Другая полоса огня уничтожила Нѣмецкую улицу, сосѣдній еврейскій кварталъ и пожаръ уже приближался къ костелу св. Казимира; но разразив-

[1]) Wizerunki—t. 23, str. 23, 24.
[2]) Trenodia, albo żałosne pienie o zgorzeniu Wilna. R. 1610.
[3]) Памятники Батюшкова, вып. 6, стр. 52.

шійся сильный ливень остановилъ его, хотя лучшая, срединная часть города болѣе не существовала. Оказалось нѣсколько человѣческихъ жертвъ [1]).

Трудно было городу оправиться послѣ пожара. Эта трудность еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что внутренняя религіозная борба партій сильнѣе пожара подрывала и губила благосостояніе города. Мы видѣли взаимную борьбу протестантовъ съ латинянами. Эта ненависть увеличилась до того, что умиравшіе особыми завѣщаніями обязывали своихъ дѣтей или родственниковъ—выкопать ихъ тѣло изъ земли и перенести его куда нибудь въ пустой глухой пунктъ, если бы случилось, что въ мѣстѣ ихъ прежняго погребенія послѣдовала перемѣна религіи: „пусть прахъ и кости наши, говорилось въ завѣщаніи, не осквернятся новымъ идолослуженіемъ [2]). Іезуиты вели борьбу съ протестантами, нападали на православныхъ, уніатовъ, громили евреевъ, преслѣдовали францисканъ, доминиканъ, піаровъ, миссіонеровъ, базиліанъ. Православные въ свою очередь должны были выдерживать нападенія на нихъ іезуитовъ, базиліанъ, по временамъ и протестантовъ. Базиліане, ученики іезуитовъ, до того возненавидѣли своихъ учителей, что въ совершаемыя купчія вносили особое обязательство для покупщика—не продавать іезуитамъ движимаго имущества, пріобрѣтаемаго отъ уніатовъ. Само протестантство раздробилось въ Вильнѣ на множество сектъ новыхъ и старыхъ: здѣсь были новокрещенцы, послѣдователи Павла Самосатскаго, аріане, новоаріане, фотиніане, благочестивые, молчальники, искренніе, безгрѣшные, биндерліане, субботники, обрѣзаные и многіе другіе. Одинъ изслѣдователь насчитываетъ въ Литвѣ того времени семьдесятъ двѣ секты, и всѣ онѣ взаимно ненавидѣли одна другую и преслѣдовали [3]).

Имущественное положеніе служило новою причиною раздора между обывателями города [4]). Слишкомъ быстро увеличивающееся богатство латинскаго духо-

---

[1]) Baliński—Dawna Akad. Wil. 112—115. Отдѣльныя брошюры: Pożar Wileński R. 1610—J. Krajewskiego“ и „Trenodia abo żałosne pienie o zgorzeniu Wilna 1610 г. Обѣ брошюры приведены у Балинскаго цѣликомъ—ibid. str. 447—458. Окончательно опять сгорѣла Вильна въ 1748 и 1749 г. Въ эти два года подъ рядъ пожаръ уничтожилъ въ городѣ 781 каменицу, 148 магазиновъ съ товарами, 12 костеловъ и церквей, 15 дворцовъ, 3 аптеки... Поименное перечисленіе погорѣвшихъ зданій находится тоже у Балинскаго—ibid. 465—499.

[2]) Krupowicz—Собраніе госуд. и частн. грамотъ, ч. I, стр. 51.

[3]) Ср. Kraszewski—Wilno—T. III, str. 119, 120.

[4]) Różne sekty religijne scierały się z sobą; w miarę powiększaiącey się ludnosci w miescie wzrastały niezgody religijne; katolicy, rusini, grecy i uniaci, wraz lutrny i kalvini, tudzież żydzi kłócili się między sobą równie o kawał placu, jako o dogmata wiary... Przyałgowski—t. I, str. 117.

венства и переходъ къ нему множества дворянскихъ имѣній заставляли серьезно призадуматься надъ положеніемъ такого дѣла [1]). Блестящая великосвѣтская обстановка, среди которой могли жить высшіе духовные сановники, неотразимо привлекала въ духовное званіе лучшія польскія и литовскія фамиліи: Пацовъ, Тышкевичей, Гурковъ, Сапѣгъ, Радивилловъ и другихъ [2]). Нѣкоторые изъ нихъ отказывались отъ высшихъ гражданскихъ постовъ, предлагали своимъ женамъ разводъ, только бы занять епископскую каѳедру [3]). Радивиллъ и тотъ не могъ устоять противъ 200000 талеровъ годоваго дохода и родную Виленскую каѳедру, гдѣ его уважали и любили, промѣнялъ на Краковскую съ большимъ доходомъ [4]), гдѣ ему неоднократно даже на сеймахъ приходилось выслушивать горькіе упреки и нареканія со стороны поляковъ въ томъ, что онъ—литвинъ—не имѣлъ права занять польскую каѳедру польскаго епископа [5]). Громадныя матеріальныя богатства давали возможность латинскимъ прелатамъ создавать свои политическія партіи, а въ случаѣ нужды, для проведенія своихъ взглядовъ, или поддержки кандидатовъ выставлять цѣлыя войска [6]). Чтобы остановить имущественное развитіе латинскаго клира и переходъ къ нему дворянскихъ имѣній, въ 1635 году состоялась конституція, въ силу которой съ этихъ поръ отъ шляхетскаго сословія никакимъ образомъ не могли быть отчуждаемы наслѣдственныя имѣнія и въ судахъ по этому поводу не должны были принимать никакихъ записей для внесенія въ актовыя

---

[1]) Уже въ XII и XIII вѣкѣ стало проявляться неудовольствіе противъ матеріальнаго преобладанія латинскаго духовенства. Въ Германіи ему принадлежала четвертая, а въ Испаніи шестая часть всей государственной земли. Вслѣдствіе этого гордость, напыщенность, мотовство, непотизмъ, всевозможныя интриги дѣлали это сословіе очень вреднымъ въ государственномъ отношеніи. Реформація вызвала секуляризацію духовныхъ имѣній... Encyklopedia powszechna. T. VI, str. 398

[2]) Даже племянникъ короля Баторія серьезно вздыхалъ о епископской митрѣ Краковской каѳедры.—Przyałgowski—t. II, str. 24.

[3]) Żonatym był (Николай Пацъ) z Teodorą Tryznianką, podobno bezdzietny; blizko 50 lat wieku maiąc, powziął chęć zostać biskupem. Żonie swoiej, gdy za iego przykładem do klasztoru wstąpić się zgodziła, 20000 dukatow przeznaczył. Lecz pózniej, nie wiadomo dla czego ta pani, odmieniwszy swoj zamiar, długo się upierała pobożnej iego woli, i połowę tey summy, to iest 10000 dukatow dawała prawnikom, żeby go nie dopuscili do swiąceń kapłanskich... См. всю подробную исторію епископства Николая Стефана Паца. Przyałgowski—t. III, str. 25, 27, 28, 30—40 и далѣе. Dzieje panowani aZygmunta III—Niemcewicza—T. I, str. 13, 18.

[4]) Въ Вильнѣ епископъ Авраамъ Война отъ однихъ столовыхъ епископскихъ имѣній получалъ до 75000 руб.—Przyałgowski—T. II, str. 120.

[5]) Ibid, str. 23, 24.

[6]) Niemcewicz—Dzieje panowania Zygmunta III. T. I, str. 14.

книги [1]). Въ одномъ только случаѣ допускалось закономъ записывать и жертвовать клиру недвижимое имущество, если вновь (de nova radice) основывался монастырь, костелъ или госпиталь. Это обстоятельство требовалось оговаривать въ записи подъ присягою, при свидѣтеляхъ, что оно нисколько не противно конституціи 1635 года и не нарушаетъ ея. Пожертвованіе, предполагалось, дѣлалось ex puro zelo et propria mera liberalitate, безъ всякихъ матеріальныхъ вознагражденій или какихъ нибудь условій въ этомъ родѣ на будущее время. Такое постановленіе особенно іезуитамъ показалось непріятнымъ и вотъ съ этого времени является у нихъ очень много фальшивыхъ, поддѣльныхъ документовъ и просто захваты по имущественнымъ пріобрѣтеніямъ. Они выкрадывали изъ архивовъ нужные имъ акты [2]), въ процессахъ, для выигрыша дѣла, вмѣсто подлинныхъ протестовъ и заявленій противной стороны, представляли сфабрикованные ими самими, давали имъ превратное толкованіе, прибѣгали къ подкупу и лжесвидѣтельству [3]), сосѣдямъ по домовладѣнію дѣлали различныя притѣсненія, непріятности, совершенно преграждая доступъ свѣта и воздуха, чтобы только захватить желаемое [4]) съ нарушеніемъ всѣхъ правъ и рѣшеній судовъ реляційныхъ, ассесорскихъ, коммиссарскихъ, подкоморскихъ и другихъ, прибѣгая при этомъ нерѣдко къ насиліямъ и жестокимъ побоямъ [5]). А то дѣло происходило и гораздо проще. По смерти какого нибудь домовладѣльца, они утаивали его завѣщаніе, силою захватывали движимое и недвижимое имущество покойнаго, перепродавали все это на основаніи подложныхъ документовъ въ другія руки и всѣми мѣрами старались затереть слѣды хищенія. Возбуждались, конечно, процессы, возстановлялись на судахъ

---

[1]) Volumina legum—изд. 1859 г. Т. III, str. 405, 406.

[2]) Kraszewski—Wilno. t. 4, str. 86.

[3]) Борьба съ піарами. Balinski—Dawna Akademija Wileńska—186—191. Wizerunki. T. II, str. 128, 129, 136, 137, 140. Cum enim notum certumque nobis sit, слова Виленскаго капитула, за подписью троихъ епископовъ и прелатовъ, qualiter religiosi pp. Societatis Jesu, quaedam instrumenta Religiosis R. Pp. scholarum piarum, eorumque praedictae fundationi contraria, per se ipsos combinata et conscripta, certis personis ad subscribendum obtulerint ac subscriptionem eorum obtinuerint, id etiam pro certo ac documentaliter, tam ab ipsis subscriptis, quam aliis dignis personis comperimus quod praefata instrumenta sive litterae, ad importunas partis instantias sinistrasque relationes ab aliis etiam per minas, nec via ac solemnitate debita, imo non animo contrariandi tam laudabilis instituti et in hoc ducatu apprime necessarii fundationi, verum memoratas importunitates declinandi gratia subscriptae fuerint... ibid. 129.

[4]) Противъ аокон и дверей сосѣда-домовладѣльца выводили большія, каменныя стѣны, часто на его землѣ, na zatamowanie swiatła y żywey aery... a to dla ohydzenia rezidentiy w takiey kamienicy... Акты Вил. Ком. т. XX, 528, 529.

[5]) Ibid. 566.

права обиженныхъ, но такія дѣла тянулись цѣлыя десятки лѣтъ [1]); оспариваемое продолжало оставаться у іезуитовъ, замѣнялось, перепродавалось, ветшало, а потомъ оказывалось, что и отыскивать то нечего и не у кого [2]).

Православные должны были переживать захваты у нихъ имущества іезуитами, протестантами и особенно уніатами. Мы видѣли уже захваты плацовъ около Покровской, Ивановской и другихъ церквей. Уніаты, въ своихъ дѣйствіяхъ были тѣмъ настойчивѣе и наглѣе, что выхлопотали у короля польскаго постановленіе, по которому, подъ именемъ православныхъ, нужно понимать уніатовъ и что, стало быть, къ нимъ относятся всѣ записи, фундуши, пожертвованія, которые дѣлались и дѣлаются въ пользу православныхъ. На этомъ основаніи уніатамъ отдавались всѣ православныя Виленскія церкви, съ ихъ домами, госпиталями, плацами съ различными угодіями и со всѣми на нихъ правами. Жаловались на это православные, бывали минуты, когда и въ ихъ пользу говорили на сеймахъ, когда короли дѣлали постановленія для ихъ защиты [3]); но проходили эти свѣтлыя минуты, политическій горизонтъ снова заволакивался грозныmя тучами и надъ головами православныхъ сверкали молніи, слышались громы. Уніаты, въ свою очередь, часто страдали отъ захватовъ ихъ имущества протестантами, іезуитами, кармелитами и другими латинскими орденами [4]).

Понятно, что при взаимныхъ постоянныхъ спорахъ за обладаніе тѣми или другими предметами, благосостояніе города должно было сильно страдать; а неопредѣленность владѣнія многое обрекала на расхищеніе и разрушеніе [5]).

Многочисленные юрисдики въ Вильнѣ служили однимъ изъ величайшихъ золъ города и быстро влекли его къ погибели. Старинныя пожертвованія королей и князей епископамъ, каѳедральному капитулу, а также монастырямъ и орденамъ различныхъ участковъ земли съ правомъ независимаго управленія, раздѣлили городъ, говоритъ Васильевскій въ описаніи Вильны, на безконечное число участковъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свои особыя права и признавалъ только свою власть. Въ одномъ городѣ находилось какъ бы нѣсколько городовъ, управляемыхъ особыми законами [6]).

---

[1]) Процессъ Кевличей съ іезуитами съ 1725 г. получилъ рѣшеніе въ 1771 году.

[2]) См. Процессъ Кевличей съ іезуитами. Акты Вил. Ком. т. XX, 570, 571.

[3]) См. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи—Бантышъ Каменскаго.

[4]) См. споры о домахъ и плацахъ въ Актахъ Вил. Ком. XX, стр. 388, 436, 450, 452, 455, 467, 468, 499, 501, 506, 524, 530, 539, 551—555, 558, 565 и др. Археогр. Сборн.—X, 123, 124.

[5]) Ср. Археогр. Сборн. X, 123.

[6]) Памятн. Старины—Батюшкова, вып. 6, стр. 7.

До XVI вѣка было три главныхъ юрисдики или управленія: епископская магдебургская или городовая и замковая или гродская. Во главѣ первой находился епископъ (латинскій); второю—завѣлывалъ Виленскій войтъ съ бурмистрами, гродская принадлежала замку во главѣ съ Виленскимъ подвоеводимъ [1]). Съ теченіемъ времени число ихъ стало увеличиваться. Митрополитъ (православный) требовалъ сначала отъ Виленскихъ горожанъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла церковныя, что такія дѣла подлежатъ духовному суду [2]). Въ 1569 году Сигизмундъ-Августъ писалъ Виленскому войту Ротундусу, что митрополитъ Іовъ жаловался ему, „ижъ дей которые люди въ томъ мѣстѣ нашемъ Виленскомъ на власномъ кгрунтѣ церковномъ митропольемъ з давныхъ часовъ осажоны и подъ власною справою и присудомъ первшихъ архиепископовъ, митрополитовъ, продковъ его и намѣстниковъ ихъ тамошнихъ завжды были, ино дей вы, нѣтъ ведома, въ который обычай, въ тые люди его мещане митрополіе уступуете се и ихъ на ратуши судите, радите и подачки з нихъ на себе берете и многіе кривды и обтежливости имъ чините... А про то... розсказуемъ вамъ, ижъ бы есте и теперь въ оные люди въ месте Виленскомъ, на кгрунте его митрополемъ осажоные, ничимъ се не вступовали, въ послушенство и присудъ свой местскій не приворачивали, платовъ и подачекъ жадныхъ з нихъ собѣ и на ратушъ не брали и не привлащали и дали ему и тымъ мещаномъ его въ томъ покой. Нехай онъ, або намѣстникъ его тамошніи митрополіи... тыхъ мещанъ своихъ во владности и въ присудѣ своемъ маетъ... [3]).

Со введеніемъ уніи, митрополиты уніатскіе, подобно іезуитамъ, широко развернули свою власть и объявили Виленскому магистрату упорную продолжительную борьбу, отстаивая полную независимость собственной юрисдикціи [4]). Напрасно магистратъ доказывалъ, что только съ половины XVII вѣка уніатскіе митрополиты стали вводить собственное управленіе во многихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ до того времени была юрисдикція городовая; что съ этой поры изъ канцеляріи митрополита, гдѣ появился и войтъ митрополичій, начали выходить такія постановленія,

---

1) Kraszewski—Wilno t. 3, str. 189.

2) Археогр. Сборн. IV, 18, 19—21, 29.

3) Археогр. Сборн. VI, 36, 37.

4) Акты Вил. Ком. XX, 389, 398—433, 441, 453, 499, 508, 521 и др. XI, 179, 196. XII, 350—355. XIII. 83.

которыя противны и уніи, и римской церкви[1]), что эта юрисдикція уничтожается конституціею 1661 года, которою установлены окончательно и утверждены три только юрисдикціи, замковая, епископская и магдебурская; что, наконецъ, митрополитъ захватываетъ подъ свою власть цѣлую третюю часть города, что это сильно подрываетъ доходность городской кассы и ставитъ городъ въ невозможное положеніе, при отведеніи квартиръ, во время пріѣзда въ Вильну королевскаго двора со свитою и во время трибунальныхъ судовъ (дома, не подлежащіе городской юрисдикѣ, освобождались отъ постойной повинности[2]). Уніатскія власти не только не думали соглашаться съ доводами противниковъ, но предъявляли все большія и большія требованія[3]).

Латинскіе ордена: францисканы[4]), кармелиты[5]) и даже частныя лица[6]) стали заводить у себя особое управленіе въ предѣлахъ собственныхъ владѣній. Крашевскій говоритъ, что къ восемнадцатому вѣку юрисдикцій было уже нѣсколько десятковъ; всѣ онѣ составляли особыя управленія, взаимно противодѣйствовали, боролись между собою и вели безконечные споры[7]).

Подобное разъединеніе власти было очень выгодно для людей негодныхъ. Бродяга, преступникъ, опасаясь суда, прибѣгалъ, по замѣчанію Васильевскаго, подъ защиту какой нибудь юрисдикціи и получалъ покровительство, котораго искалъ; оно иногда оказывалось ради одного невиннаго удовольствія причинить досаду непріязненной сторонѣ. Вытребовать на судъ человѣка, вписавшагося въ другую юрисдикцію, было трудно и даже невозможно[8]). Вслѣдствіе возможности легко избѣгнуть за проступокъ наказанія, въ Вильнѣ, среди бѣла дня, на улицахъ

---

[1]) По словамъ магистрата, митрополитъ запрещалъ записывать дома и вообще дѣлать пожертвованія на костелы и госпитали тѣмъ изъ сидѣвшихъ на его землѣ чиншевикамъ, которые не состояли у него въ подчиненіи и обязаны были только аккуратно вносить чиншъ.

[2]) Акты Вил. Ком. т. XX, 446, 447, 448.

[3]) Ibid. 392, 393.

[4]) Акты Вил. Ком. т. XX, 447. Ср. Balinski—Wilno—T. II, str. 109, пр. 50.

[5]) Dubinski—200, 201. Kraszewski—Wilno—t. 2, str. 396.

[6]) Акты Вил. Ком. т. XX, стр. 294, 296.

[7]) Wilno. T. 3, str. 189.

[8]) Памятники Старины—Батюшкова, вып. 6, стр. 7.

и въ домахъ, совершались очень частые побои[1]) драки[2]), вооруженныя нападенія[3]), грабежи[4]), убійства[5]) и другіе проступки[6]).

Съ начала XVII столѣтія польскіе короли очень часто издаютъ постановленія, опредѣляющія предѣлы той или другой юрисдики[7]), напоминаютъ воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ и другимъ урядникамъ, чтобы они не вызывали къ себѣ на судъ Виленскихъ мѣщанъ, подсудныхъ исключительно Виленскому магистрату, равно какъ отъ послѣднихъ требуютъ, чтобы они „послушенство всякое и повинность ураду мескому полнили и давали, жадными вольностями не засланяючисе“[8]). Но споры продолжались[9]) и къ концу XVII столѣтія достигли широкаго развитія[10]). Современники, видно, очень хорошо понимали возможность легко избѣгнуть наказанія при множествѣ юрисдикцій, за подлогъ, обманъ, и потому въ купчихъ крѣпостяхъ семнадцатаго столѣтія мы постоянно встрѣчаемъ оговорки, что продавецъ „вси шкоды и наклады, кромъ жаднаго доводу и присеги, только на голое слово реченье (покупщика) заплатити и нагородити повиненъ будетъ .. и што все вольно будетъ каждому держачому сего листу моего (продажнаго) позвать мене до суду и права будь земского, гродского, або и до суду головного трибунального, въ который хотячи поветъ, воеводство и терминъ на рокъ завитый, бы и накоротшый, даючи мне позвы очевисто, або и заочне, кладучи на всякій маетности моей, гдѣ кольвекъ будучой, а я, будучи позваный, не вымовляючысе хоробою обложною, поветреемъ моровымъ, соймомъ вальнымъ, послугою господарскою и речи посполитое и никоторыми иными причынами правными и неправными, не черезъ умоцованого, але самъ особою своею передъ тымъ судомъ, где позванъ буду, маю стати, а ставши, позву и року ничымъ не буречы, и противко сему листу своему ничого не мовячи, только заразъ, яко на року завитомъ, усправедли-

---

[1]) Акты Вилен. Ком. т. XX, 35, 50, 69, 70, 75, 114, 122, 125—127, 132—134, 268, 270 и далѣе...).

[2]) Ibid. 186.

[3]) Ibid. 58, 157, 186, 188, 189, 225, 244, 245, 357 и др.

[4]) Ibid. 50, 75, 76, 83, 132, 133, 143, 166, 173, 174, 178, 196, 253, 256 и далѣе.

[5]) Ibid. 135, 168, 190, 253, 313.

[6]) Непотребство, воровство, потравы, умышленная порча имущества, поддѣлка завѣщаній, колдовство.—ibid. 59, 80, 162, 170, 362, 118, 169, 293, 360, 362.

[7]) Dubinski—155, 170, 181.

[8]) Ibid. 160, 161, 162.

[9]) Ibid. 170, 181.

[10]) Акты Вил. Ком. XX, 294, 398—433 и др.

витисе маю и повиненъ буду“ [1]). Изъ приведеннаго актоваго обязательства видно, сколько было всевозможныхъ ходовъ и лазеекъ, слѣдуя которыми. волокита до безконечности могла затягивать и запутывать дѣло.

Всѣ указанныя обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, самымъ разрушительнымъ образомъ вліяли на благосостояніе города и вели его къ неминуемому разоренію.

Окончательно пострадалъ онъ во время войны съ великимъ Московскимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ, а потомъ вслѣдствіе мороваго повѣтрія. Современники свидѣтельствують, что Вильна такъ сильно была разорена войною, что столица Литвы была сравнена почти съ землею и не безъ труда въ самой Вильнѣ можно было найти Вильну. Каковъ былъ видъ истребленнаго города, не говоря о числѣ убійствъ, можно судить по продолжительности пожара: его могли потушить только на восемнадцатый день. Это свидѣтельство современниковъ нѣсколько преувеличено и оно по достоинству оцѣнено Васильевскимъ въ описаніи Вильны. [2]). Во всякомъ случаѣ, послѣ войны остались большіе слѣды разрушенія, особенно въ нижнемъ замкѣ. Съ той поры мало по малу, изчезли великокняжескій дворецъ, зданіе замка, конюшни, лѣвое трибунальное крыло и многія постройки. Въ инвентарномъ описаніи Виленскаго замка конца XVII и начала XVIII вѣка мы встрѣчаемъ указаніе на полнѣйшее его запустѣніе [3]). И городъ, послѣ этихъ бѣдствій, не могъ уже отправиться, при существовавшихъ порядкахъ: старая Вильна рушилась.

Требовались новыя зиждительныя благотворныя начала, новая строительная мощная сила, которая изъ пепла могла бы возсоздать фениксъ... А тамъ на сѣверѣ уже загоралось великое, чудное свѣтило, неотразимо привликавшее къ себѣ взоры современниковъ и на всѣхъ распространявшее свое благодатное живительное дѣйствіе... И лучшіе западноруссы, солнечнику цвѣту подобясь, очи и сердца свои стали устремлять къ нему и направляться въ ту сторону, гдѣ было его теченіе...

---

[1]) Акты Вил. Ком. т. XX, 203 и др. купч.

[2]) Памятники Старины—Батюшкова—вып. 6, стр. 52.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XX, 280—283.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	
27	8 сверху.	Послѣ слова: университетѣ, сдѣланъ пропускъ: такъ думаютъ Wizerunki (t. 22, str. 44 вм. 41), Семеновъ (Сбор. древнихъ гр. LXII, пр. 10) и другіе. Но это не вѣрно. Указанный фактъ нужно относить къ великой княгинѣ Еленѣ Іоанновнѣ, которую Пречистенскій соборъ встрѣчалъ, когда и проч.
29	12 сверху	напечатано XIV нужно XVI.
41	10 —	— 1432 — 1532.
61	16 —	— въ городѣ нужно въ городъ.

План части г. Вильны съ подлинника составленнаго въ 1672 году, находящагося въ архивѣ Троицкаго Виленскаго Православнаго Монастыря.

VILNA LITVANIAE *Metropolis.*

КОПИРОВАЛЪ и ЛИТОГРАФИРОВАЛЪ Н. МАЦЪ, ВИЛЬНА.

ПЛАНЪ ГОРОДА ВИЛЬНЫ.

въ 1840 году.

1 Дворецъ
2 Медиц. Академія и Обсерваторія
3 Главная гауптвахта
4 Гауптвахты на заставахъ
5 Казармы Св. Казиміра
6 Казармы Св. Игнатія
7 Гарнизон. казармы въ д. Зайковскаго
8 Арсеналъ
9 Казармы въ цитадели
10 Кордегарда на Антокольск. дорогѣ
11 Воен. Госпиталь въ Сапѣжин. дворцѣ
12 Пороховые магазины
13 Коммиссаріатъ
14 Городская тюрма
15 Пересыльная тюрма

Монастыри и Церкви Православные:

16 Монастырь Св. Духа
17 Монастырь Св. Троицы
18 Соборъ Св. Николая
19 Церковь Св. Николая
20 Церковь Св. Троицы

Монастыри и Костелы Католическіе:

21 Бернардинскій приходскій
22 Бывш. Піаровъ (Дворян. Институтъ)
23 Доминиканскій Св. Духа
24 Доминик. на Лукишк. Св. Якова прих.
25 Францисканскій
26 Августиніанскій и Духов. Академія
27 Августин. бѣлыхъ прих. Св. Варфоломея
28 Кармелитовъ босыхъ
29 Кармелитовъ прих. всѣхъ Святыхъ
30 Миссіонарскій прих. Гора Искупителя
31 Бонифратровъ
32 Каноников регулярн. прих. Св. Петра
33 Тринитаріевъ Господа Іисуса
34 Бернардинокъ Зарѣчныхъ
35 Бернардинокъ Св. Михайловскихъ
36 Бенедиктинокъ Св. Екатерины
37 Базиліанокъ
38 Кармелитокъ босыхъ
39 Маріавитокъ Св. Стефана
40 Св. Георгія Семинарія епархіальная
41 Визитокъ Сердца Іисуса
42 Каѳедральн. костелъ Св. Станислава
43 Костелъ Св. Рафаила приходскій
44 Костелъ Св. Іоанна приходскій
45 Костелъ Св. Анны, прих. нѣмец. катол.
46 Костелъ Св. Николая въ Францискан.
47 Лютеранскій на кладбищѣ
48 Кирха Лютеранская
49 Кирха Реформатская
50 Костелъ Св. Терезіи, развалины
51 Острая Брама
52 Синагога
53 Мечеть и кладбище при ней

Кладбища:

54 Православное
55 Католическія: а) Миссіонерское б) Св. Стефана, с) Бернардинское, д) Св. Петра, е) Холерное 1831 г.
56 Лютеранское и Кальвинское
57 Еврейское съ 1832 г.
58 Казначейство
59 Домъ Паца
60 Гостинный дворъ
61 Полиція
62 Анатомическій и зоолог. кабинетъ
63 Клиника
64 Домъ гражд. губернат. (Сапѣжинскій)
65 Почтовая контора
66 Госпиталь Св. Якова
67 Госпит. Сестеръ милосердія и костелъ
68 Госпиталь Бонифратровъ
69 Пріютъ Младенца Іисуса
70 Казармы инвалидной команды
71 Домъ Человѣколюбиваго Общества
72 Театръ
73 Ратуша
74 Зданіе Виленск. присутственныхъ мѣстъ
75 Мѣсто для хлѣбныхъ магазиновъ

Мельницы на Вилейкѣ:

76 Мельница Тышкевичей
77 Мельница Огинскихъ
78 Мельница Епископская
79 Мельница Королевская

Главнѣйшія улицы:

I	Замковая	VIII	Большая
II	Остробрамская	IX	Нѣмецкая
III	Виленская	X	Татарская
IV	Дворцовая	XI	Ивановская
V	Доминиканская	XII	Трокская
VI	Рудницкая	XIII	Субочь
VII	Савичъ	XIV	Зарѣчная

Главнѣйшіе Сады:

A Ботаническій садъ
B Садъ Струмилы
C Садъ Ренне
D Садъ Корвеля
E Садъ Сапѣжинскій
F Садъ Тиволи Корвеля
G Садъ Дворцовый
H Садъ Малиновскаго на Погулянкѣ

ПЛАНЪ
ГОРОДА ВИЛЬНЫ

Изданіе Ф. Добрянскаго.

1890 г.

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 50 саженъ

50 100 150 200

Церкви
Костелы
1 Участокъ
2 ———
3 ———
4 ———
5 ———
6 ———
7 ———

Лит. Н. Маца, Вильна

МОГИЗ
АНТИКВАРНО-БУКИНИСТ.
МАГАЗИН № 14
№
Ц. 40 р.

2011109921